СЕВЕРОВЕДЕНИЕ В ЛИЦАХ: К 100-ЛЕТИЮ И.С. ГУРВИЧА

УДК
DOI

© Е.А. Пивнева

И.С. ГУРВИЧ: НАУКИ СВЯЗУЮЩАЯ НИТЬ

Сквозь призму научной деятельности д.и.н. Ильи Самуиловича Гурвича, 100-летнему юбилею которого была посвящена всероссийская научная конференция «Тебе одной мои напевы, стране холодной, но живой…» (г. Москва, ИЭА РАН, 24–25 октября 2019 г.), рассматривается североведение советской эпохи (1960–1980-е гг.) в сравнении с его сегодняшним состоянием. Освещается начальный этап научного пути Гурвича, связанный с его пребыванием в Якутии. Анализируется деятельность ученого в роли заведующего сектором Севера московского Института этнографии. Особо подчеркивается роль Северной экспедиции этого института в развитии отечественного североведения, роль личностного фактора в его становлении. Обсуждается актуальная проблема связи научных исследований с политическим контекстом.

Делается вывод о том, что некоторые направления и принципы научной работы, у истоков которых стоял И.С. Гурвич, сохраняют свое значение в деятельности современных исследователей Севера. В то же время показано, что под влиянием общественно-политических трансформаций и новых научных

Пивнева Елена Анатольевна – к.и.н., ведущий научный сотрудник, зав. отделом Севера и Сибири, Институт этнологии и антропологии РАН (119991 Москва, Ленинский просп., 32а). Эл. почта: pivnel@mail.ru. **Pivneva, Elena A**. – PhD in Hist., Institute of Ethnology and Anthropology RAS (Moscow, Russia). E-mail: pivnel@mail.ru

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 18-05-60040 «Новые технологии и социальные институты коренного населения Российской Арктики: возможности и риски»)

теорий в постсоветском североведении происходят существенные изменения. Идет процесс смены научной парадигмы, расширяется предметная область и арсенал применяемых методов. Изменившийся контекст полевой работы, включение в научный дискурс мнения самих народов, заставляют по-новому концептуализировать идею «поля». Сегодняшняя жизнь ставит перед учеными множество новых задач, для решения которых непреходящее значение имеют опыт и творческое наследие И.С. Гурвича и сотрудников отдела Севера и Сибири прошлых поколений.

Ключевые слова: *И.С. Гурвич, Якутия, североведение, Институт этнографии, этнические процессы, преемственность, трансформации*

24–25 октября 2019 г. в Институте этнологии и антропологии РАН прошла всероссийская научная конференция «Тебе одной мои напевы, стране холодной, но живой…», посвященная 100-летию со дня рождения д.и.н. Ильи Самуиловича Гурвича (1919–1992), одного из ярких представителей отечественной школы советского североведения. Тематика исследований Гурвича включала широчайший круг проблем: этническая история, общественный строй и социальная организация, современные этнические процессы, религия, материальная и духовная культура, фольклор и мифология, история североведения и другие предметные области этнографии и смежных с ней дисциплин. В настоящем выпуске журнала вниманию читателей предлагаются лишь некоторые статьи, подготовленные по следам выступлений на московской конференции, которые в общем виде отражают основные направления научной деятельности Ильи Самуиловича[1].

Поскольку внимание к вопросам научной преемственности остается одним из важнейших принципов научной деятельности современных этнологов и антропологов (*Тишков* 2008), юбилей И.С. Гурвича стал хорошим поводом вспомнить о советском этапе отечественного североведения, задуматься о преемственности и разрывах в его развитии. Актуальность подобного рода рефлексиям придает и замечание самого Гурвича о том, что «важно не только пополнять наши знания новыми данными, но и осмыслить накопленные материалы» (*Гурвич* 1990). Не случайно одной из важных составляющих его научного наследия стали интереснейшие исследования по истории этнографической науки, которые являются данью глубокого уважения ученого к своим предшественникам и учителям. Это статьи, посвященные научной деятельности Э.С. Пекарского, В.И. Иохельсона, С. Пяльси, А.В. Ефимова, М.Г. Левина, С.А. Токарева. В то же время его собственная творческая личность стала своеобразной связующей нитью, соединившей разные поколения ученых-североведов, а также представителей многих научных и образовательных центров. Именно поэтому в данной статье предпринята попытка рассмотреть некоторые особенности североведения советской эпохи (1960–1980-е гг.) в сравнении с его сегодняшним состоянием сквозь призму научной деятельности И.С. Гурвича.

Начать, вероятно, следует с Севера (в широком понимании этого слова), который сыграл огромную роль в становлении И.С. Гурвича как ученого и человека. Ког-

[1] По инициативе сотрудников Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН запланированные в разных городах юбилейные мероприятия были объединены в едином академическом пространстве под названием «Москва–Якутск–Оленёк» (см: http://igi.ysn.ru/gurvich.php).

да-то Сибирь, якутская тайга вдохновила поэта-геолога П.Л. Драверта[1] на создание строк «Тебе одной мои напевы, стране холодной, но живой…», а юношеский интерес к таинственным загадкам природы привел Гурвича в эту «страну», которая в дальнейшем во многом определила его судьбу. На то, что уникальные знания о Севере и Сибири имели огромное влияние на личную жизнь Ильи Самуиловича, обратила внимание в своем докладе на московской конференции дочь Ильи Самуиловича Мария: «Северу свойственно специфическое восприятие коллективного и индивидуального начал. Условия Севера веками формировали кодекс этических норм, в которых выживание зависело порой от помощи со стороны незнакомых людей, где было необходимо проявлять внимание к окружающим, самообладание, контроль над эмоциями. Во многом благодаря именно этому опыту работы на Севере и пониманию Севера Илья Самуилович находил понимание с самыми разными людьми, из всех уголков жизни, видя везде проявление уникальности, самобытной культуры, и с живым интересом вникал во все, чем они хотели поделиться. Илья Самуилович не только объяснял этику Севера, взаимопомощь и особое доверие в разных культурах Севера и Сибири, но активно применял в жизни»[2]. К слову, Мария Ильинична пошла по стопам отца и в настоящее время работает в корпорациях Microsoft, Google, FactSet как UX исследователь и корпоративный антрополог. В своей статье в этом выпуске кроме воспоминаний об отце она рассказывает об антропологии и этнологии как социальных технологиях в современных корпорациях, что представляет для нас большой интерес в сравнительном плане.

Но вернемся к Илье Самуиловичу. Сам он так вспоминал о зарождении своего интереса к Северу: «Еще в студенческие годы мое внимание привлекли легенды о диких людях крайнего севера Якутии. Неужели на просторах Северной Азии могли выжить какие-то неизвестные науке реликтовые антропоиды? ... Мысль о проверке этих сведений тогда казалась мне такой же несбыточной, как участие в этнографической экспедиции на Марс. Однако судьба распорядилась иначе. После окончания Московского государственного университета заполярный Оленёкский район Якутской АССР стал надолго моим родным краем[3]. Работая здесь, в одном из самых отдаленных уголков Якутии, я познакомился с жизнью оленеводов, охотников, рыбаков, стал заниматься сбором этнографического и фольклорного материала. И тогда услышал удивительные легенды о диких людях. Попытки выяснить, насколько эти легенды соответствуют реальной действительности, что явилось первопричиной их возникновения, побудили меня исследовать фольклорное творчество, быт и культуру коренных обитателей бассейна р. Оленёк – северных якутов-оленеводов» (*Гурвич* 1975).

---

[1] Петр Людовикович Драверт (1879–1945) – русский и советский учёный-геолог, краевед, поэт и писатель.

[2] Гурвич (*Bell) М.И.* Илья Самуилович Гурвич – портрет ученого и человека. Доступ: http://sever.iea.ras.ru/conf/gurvich/ (дата посещения: 16.06.2020).

[3] И.С. Гурвич был направлен в Якутию по окончании университета в 1941 году и в течение пяти лет работал там учителем (впоследствии директором средней школы) в заполярном поселке Оленёк, одновременно занимаясь полевой этнографией. По возвращении в Москву в 1946 году И.С. Гурвич поступил в аспирантуру Института этнографии АН СССР, а после защиты кандидатской диссертации в 1950-м году снова вернулся в Якутию, где до 1956 года работал сотрудником НИИ языка, литературы и истории Якутского филиала АН СССР, интенсивно и вдохновенно занимаясь историей и этнографией региона.

Конечно, не только легенды о загадочных людях позвали Гурвича в далекий Ленский край. Ему хотелось «познакомиться с жизнью северных скотоводов, посмотреть на якутскую природу, изучить быт охотников, оленеводов, понять суть их обычаев, обрядов, фольклорного творчества». Молодого исследователя в тот период привлекали места, куда «не ступала нога научного работника», ведь если Сибирь с каждым годом «не перестает удивлять естествоиспытателей совершаемыми в ней находками, то антропологам и этнографам она, быть может, способна также дать что-нибудь весьма замечательное?» (Там же).

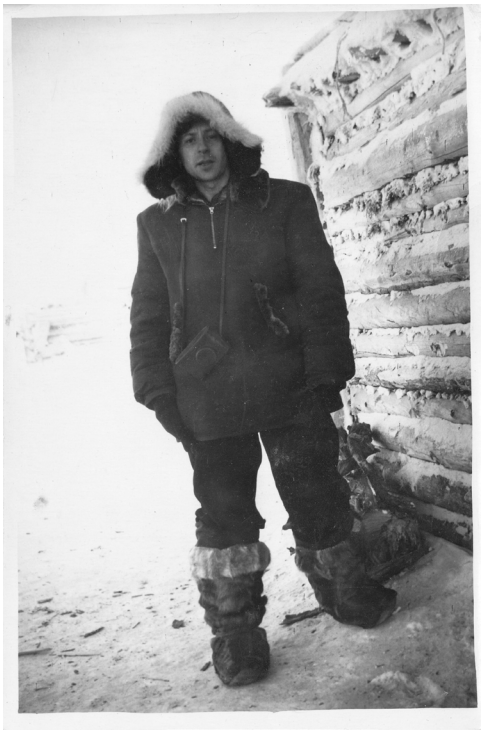

Рис. 1. Одна из первых экспедиций И.С. Гурвичча. Место и год неизвестны (личный архив семьи Гурвич, 2020).

Одна из страниц якутской одиссеи исследователя нашла отражение в этом выпуске журнала в статье М.Ю. Киселева, где представлена информация о хранящемся в Архиве Российской академии наук докладе И.С. Гурвича «Новые данные об этнографии Северной Якутии», прочитанном на заседании сессии Института этнографии АН СССР 26 апреля 1955 г. Там приведены сведения об экспедициях Института языка, литературы и истории Якутского филиала АН СССР 1953–1954 гг. по изучению состава населения, быта и культуры народов, проживавших в бассейнах рек Яны и Нижней Лены. Гурвич отмечал в этом докладе, что исторический процесс на Севере имеет свои специфические особенности, и «дело советских историков и этнографов раскрыть сущность этих процессов, поскольку история народов Севера все еще запущенный участок».

Был еще один момент, определивший научную стратегию ученого. Еще в университетские годы в комплекте журналов «Будущая Сибирь» Илья Гурвич обнаружил статью все того же П.Л. Драверта, в которой содержался призыв «спасти древнейшие человеческие существа Северной Азии, взять их под охрану советского закона, поставить перед научными учреждениями в качестве неотложной задачи поиск и изучение». Позже Илья Самулович писал: «Статья профессора Драверта, его страстный призыв позаботиться о неведомых человеческих существах, затерянных в дебрях студеного края, взволновали меня…» (*Гурвич* 1975). Так идея «спасения» изучаемых народов стала лейтмотивом научной деятельности И.С. Гурвича, впрочем, как и сотрудников возглавляемого им сектора Севера. Но этот сюжет относится уже к московскому этапу научной деятельности Ильи Самуиловича, о чем речь пойдет далее.

И.С. Гурвич работал в Институте этнографии АН СССР[1] с 1956 г. до конца своей жизни, в том числе с 1965 по 1986 гг. – в качестве заведующего сектором

[1] С 1990 г. – Институт этнологии и антропологии РАН (ИЭА РАН).

Крайнего Севера и Сибири. Это научное подразделение было создано в середине 1950-х годов как сектор по изучению социалистического строительства у малых народов Севера[1]. Яркие страницы его истории, если говорить о московской части института, связаны с именами таких выдающихся исследователей, как Б.О. Долгих, В.И. Васильев, И.С. Гурвич, Ю.Б. Симченко, А.В. Смоляк, З.П. Соколова, В.А. Туголуков. Каждый из плеяды этих ученых заслуживает отдельного развернутого рассказа о жизни и творчестве[2]. Что касается Гурвича, его жизненный путь и страницы научной деятельности освещены во многих публикациях, среди которых хотелось бы особо отметить работы Е.П. Батьяновой, сопровождавшей его в многочисленных экспедиционных поездках (*Батьянова, Жорницкая* 1992; *Батьянова* 2013; *Батьянова, Бойчук* 1999; *Батьянова* 2017).

В должности заведующего сектором, сменив на этом посту его первого руководителя Бориса Осиповича Долгих (1956–1965 гг.), Илья Самуилович проявил себя как талантливый организатор науки, сумевший увлечь и сплотить коллектив общей идеей, направить работу сектора в единое русло[3]. Период 1960–1970 гг. пришелся на формирование и закрепление многих принципов, методов и направлений научной работы, значительная часть из которых сохраняет свою актуальность в деятельности североведов и в наши дни.

Прежде всего стоит отметить, что И.С. Гурвич достойно продолжил добрые начинания Б.О. Долгих, который видел в этнографах не только ученых, исследующих культуру народов, но и защитников их интересов, активных просветителей, проводников знаний и прогресса: «Этнографы могут сыграть большую роль в деле дальнейшего подъема хозяйства и культуры народов Севера. Желательно создание в центре и на местах специальных органов по содействию экономическому и культурному развитию малых народов Севера. К работе в этих органах можно широко привлечь этнографов в качестве консультантов, инструкторов и референтов. Практическая работа этнографов в этой области будет содействовать также дальнейшему прогрессу самой советской этнографической науки» (*Долгих* 1958: 12).

Этнографам в те годы предписывалось изучение становления социализма в быту различных народов и расцвета их культуры. В этих целях в различных регионах страны были развернуты масштабные экспедиционные исследования. Возглавляя в течение многих лет Северную экспедицию Института этнографии, Илья Самуилович руководил работой многих полевых отрядов по обследованию социально-экономических условий жизни северных народов (*Батьянова* 2013; *Батьянова* 2017). Полевые и документальные материалы, собираемые ежегодно в различных регионах Сибири, обобщались в специальных научных разработках (т.н. докладных записках) и направлялись затем в директивные органы: Совмин РСФСР, Госплан РСФСР, ЦК КПСС и др. Содержание докладных записок не ограничивалось констатацией фактов. Задолго до «перестройки и гласности» в этих документах поднимались многие наболевшие, жизненно важные для северных народов вопросы: развитие традиционного хозяйства, «обустройство тундры», подготовка национальных кадров, жилищное строительство, борьба с пьянством и

[1] В настоящее время – отдел Севера и Сибири Института этнологии и антропологии РАН.

[2] О вкладе ученых в исследование этнокультурного развития народов Севера в советский период см.: *Антропова* 1971; *Зибарев* 1974; *Гурвич* 1979 и др.

[3] Подробнее см.: *Батьянова, Жорницкая* 1992.

алкоголизмом и пр. Сектор Севера одним из первых выступил против огульного перевода оленеводов на оседлость, против упразднения так называемых неперспективных селений, активно боролся за возобновление преподавания родных языков северных народов. При непосредственном участии И.С. Гурвича[1] и его коллег были приняты известные правительственные постановления, направленные на поддержание традиционного хозяйства и культуры народов Севера[2].

Несмотря на то, что разработки советских ученых долгое время оставались невостребованными, так как в официальной идеологии существовал ложный тезис о «решенности» в СССР национального вопроса, а этнография была низведена до положения вспомогательной дисциплины, их труды – как система знаний об оптимальных способах преобразований, регулирования социальных отношений и процессов жизнедеятельности (по существу – социальные технологии) – весьма актуальны в наше время, когда и ученые, и практические работники, и сами народы Севера ищут пути дальнейшего развития северного хозяйства и культуры[3].

Значительное место в работе Северной экспедиции с первых лет ее существования занимали исследования, связанные с традиционной историко-этнографической тематикой, в частности, со сбором данных по материальной и духовной культуре народов Севера (*Гурвич* 1990: 200). Стоит заметить, что традиционная культура коренных обитателей тайги и тундры была предметом изучения разных поколений ученых еще задолго до начала деятельности экспедиции и в целом была довольно хорошо описана. Новый подход советских североведов состоял в том, что эти данные рассматривались не только как «сведения для характеристики специфики культуры того или иного народа, но и ценнейший источник для освещения этногенетических и культурологических проблем» (Там же). В своей работе они большое внимание уделяли систематизации этих материалов, что нашло отражение во многих статьях и коллективных трудах, вышедших под редакцией И.С. Гурвича (*Гурвич* 1980 и др.).

Участники Северной экспедиции обратили внимание научной общественности на изменения в хозяйстве, культуре, семейных отношениях, бытовой сфере и языковой ситуации народов региона на различных этапах социалистических преобразований (Гурвич 1970 и др.). Работы в этом направлении проводились в русле изучения этнических процессов – тематики, которая с середины 1960-х годов стала доминирующей в отечественной этнографии. Во многом такое внимание к происходящим в стране социокультурным изменениям объяснялось новой доктриной по национальному вопросу,

[1] И.С. Гурвич являлся членом Научного совета по национальным проблемам при секции общественных наук Президиума АН СССР, консультантом в Совете национальностей Верховного Совета СССР, членом Межведомственной комиссии по проблемам Севера ВАСХНИЛ.

[2] О мерах по дальнейшему экономическому и социальному развитию районов проживания народностей Севера. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 7 февраля 1980 г. № 115 // Правда. 1980. 26 февраля; О дополнительных мерах по улучшению культурно-бытового обслуживания народностей Севера в районах их проживания и дальнейшему развитию культуры и искусства этих народностей. Постановление Совета Министров РСФСР от 7 января 1981 г. № 3 // Собрание Постановлений Правительства РСФСР. № 5, 1981. Ст. 23; Об организации комплексного культурно-бытового обслуживания народностей Севера. Постановление Совета Министров РСФСР от 26 мая 1981 г. № 276 // Собрание Постановлений Правительства РСФСР. № 16, 1981. Ст. 109 (Подробнее см.: *Батьянова, Жорницкая* 1992).

[3] Некоторые из них в 2000-х гг. опубликованы нами в 5-ти сборниках под общим названием «Этнологическая экспертиза. Народы Севера России» (1956–1958 годы. – М., 2004; 1959–1962 годы. – М., 2005; 1981–1984 годы. – М., 2007; 1985–1994 годы. – М., 2007).

принятой на XXII съезде КПСС (1961 г.). Положение о том, что национальные отношения в СССР характеризуются дальнейшим сближением наций и народностей, достижением их полного единства побудило ученых к изучению процессов «сближения наций» на практике. Своеобразным итогом работы Института этнографии в этом направлении стала книга «Современные этнические процессы в СССР», вышедшая двумя изданиями (1975, 1977) и в 1981 году получившая Государственную премию СССР. В числе лауреатов этой премии был и И.С. Гурвич как один из авторов и член редколлегии коллективной монографии. Надо сказать, что сбор материалов по различным аспектам этнических процессов входил в программу всех отрядов Северной экспедиции, полученные материалы обобщались в специальных сборниках статей (*Гурвич* 1985; *Гурвич* 1987).

Рис. 2. Камлейка сшита из морживых кишок и олейными жилами. Непромокаемая. Место и год неизвестны (личный архив семьи Гурвич, 2020).

Взгляд на деятельность советских североведов с сегодняшних позиций усматривает некоторое противоречие в подходах к изучаемым проблемам. Очевидно, что их исследования находились в плену официального мифа о том, что советское общество ускоренно приближается к социальной однородности, и национальный вопрос в СССР решен. Главный акцент в публикациях делался на «сближении», «преодолении различий», «выравнивании», «однородности». Например, в предисловии И.С. Гурвича к сборнику, вышедшему в 1985 г. под названием «Этнокультурные процессы у народов Сибири и Севера», говорилось о том, что эти процессы характеризуются «**расцветом** национальных культур, внутренним сплочением каждой нации и народности и неуклонным **сближением** всех этнических образований, выражающимся в укреплении новой интернациональной общности – советского народа» (*Гурвич* 1985: 3).

Исследователь видел будущее этнических культур народов Севера в контексте неизбежных социокультурных трансформаций, а деятельность государства в этом направлении трактовалась им в позитивном ключе (наблюдаемые в ходе экспедиционных исследований проблемы объяснялись в основном ошибками и недочетами местных органов власти). Проводимую советским государством модернизацию культуры коренных народов Севера Гурвич считал надежным средством воплощения в жизнь провозглашенного в стране равноправия всех народов. В то же время он признавал самоценность этнических культур коренных народов, которые в течение веков выработали особые, весьма рациональные формы во всех сферах жизнедеятельности. Например, он писал о том, что замена «старых форм материальной культуры современными» отрицательно воздействует на этническую специфику отдельных явлений культуры каждого

северного народа; «чумы, балки, яранги и теперь еще используются как временное жилье на промысле, так как предлагаемые промышленностью образцы пока не могут заменить то, что выработано веками»; «шкуры, обработанные заводским методом с помощью химикатов и мездрильных машин, непригодны для пошива промысловой одежды» и пр. (*Гурвич* 1967: 75).

Некоторые аспекты этой проблемы, имеющие отношение к политике патернализма, затронуты в этом выпуске в статье Т.Д. Булгаковой. Она справедливо указывает на то, что позиция Гурвича не могла не определяться влиянием современного ему научного и политического дискурса. Но и понимание его взглядов исключительно как ангажированных было бы существенным упрощением. То, что кажется в высказываниях Гурвича противоречивым, исследовательница объясняет «его стремлением соотносить интересы субъекта и объекта управления в сфере патерналистской политики Советского государства». Его аргументы в защиту принципов государственного патернализма советского периода в отношении коренных народов Севера основывались на убежденности в необходимости преодоления «отсталости» и «замкнутости» отдельных этнических групп.

Владивосток, зал отдела этнографии в 1983 или 1984 году (личный архив семьи Гурвич, 2020).

Впрочем, связь научных исследований и политического контекста, проблема объективности научного знания и влияния личностного фактора на его результаты касается не только исследований И.С. Гурвича. «Критикующие политику патернализма современные исследователи также не свободны в своих высказываниях от влияния новой изменившейся языковой и культурной политики». В связи с этим «включение в современный научный дискурс аргументации Гурвича в защиту современной ему культурной и языковой политики в отношении коренных народов Севера может способствовать преодолению предвзятости ряда современных тезисов о характере влияния политики СССР на языки и культуру коренных народов Севера и выработке более объективного взгляда на влияние советского патернализма на современное их состояние»[1].

Что касается настоящего, многие направления и принципы научной работы, у истоков которых стоял И.С. Гурвич, как уже было отмечено выше, сохраняют свою актуальность в деятельности североведов (интерес к изучению современности, прикладная направленность исследований, изучение исторической этнографии и истории науки и др.). Важно также, что идея **«поля»** осталась в центре профессиональной идентичности сегодняшних этнологов и антропологов и базовым элементом их

[1] *Булгакова Т.Д.* И.С. Гурвич о политике патернализма в отношении коренных народов Севера Доступ: http://sever.iea.ras.ru/conf/gurvich/ (дата посещения: 16.06.2020).

профессиональной подготовки. Однако время не стоит на месте, и новые общественно-политические реалии трансформируют идею «поля»[1]. Включение в научный дискурс мнения самих народов накладывает отпечаток на современные подходы к фиксации и интерпретации историко-культурного наследия (см. статью В.И. Сподиной).

Последние десятилетия дали большое число новых работ и интерпретаций, которые обогатили и в чем-то изменили наши прошлые представления[2]. Обновилась теоретико-методологическая база исследований (прежде всего, под влиянием работ В.А. Тишкова, в которых была пересмотрена господствующая в отечественном обществознании теория этноса, выдвинут ряд концептуальных положений и теоретических новаций о природе феномена этничности). В отношении коренных народов Севера вместо длительно господствовавших традиционалистских охранительных установок на основе государственного патернализма предложена стратегия многовариантного саморазвития в рамках так называемой культурно ориентированной модернизации (*Тишков* 2004).

Тематика североведческих исследований в постсоветский период стала более разнообразной и более отзывчивой к актуальным проблемам современности. В связи с активно протекающими в северных регионах политическими и социально-экономическими процессами активизировалось изучение этнических идентификаций, правовых аспектов современной жизни аборигенных народов Севера, их взаимоотношений с государством и бизнесом. Больше внимания стало уделяться исследованиям в области городской антропологии. Ведутся работы по экономической антропологии, которая рассматривает широкий спектр вопросов, связанных с рыночными отношениями и коммерциализацией аборигенных культур (*Пивнева* 2019). Сегодняшняя современность ставит перед исследователями множество новых задач, для решения которых непреходящее значение имеют опыт и творческое наследие И.С. Гурвича и всех бывших сотрудников отдела Севера и Сибири.

Научная литература

Антропова В.В. Проблема некапиталистического пути развития народов Севера в советской историко-этнографической литературе // Осуществление ленинской национальной политики у народов Севера / отв. ред. И.С. Гурвич. М.: Наука, 1971. С. 50–65.

Батьянова Е.П. Северная экспедиция Института этнографии (1956–1991 гг.) // Этнографическое обозрение. 2013. № 4. С. 17–34.

Батьянова Е.П. Северная экспедиция Института этнографии и ее роль в развитии советской школы полевого этнографического североведения // Поле как жизнь: К 60-летию Северной экспедиции ИЭА РАН / отв. ред. и сост. Е.А. Пивнева. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. С. 13–38.

Батьянова Е.П., Бойчук Л.Л. Якутская переписка (к 80-летию И.С. Гурвича) // Этнографическое обозрение. 1999. № 6. С. 104–118.

Батьянова Е.П., Жорницкая М.Я. Илья Самуилович Гурвич (1919–1992) // Этнографическое обозрение. 1992. № 5. С. 167–172.

Гурвич И. Таинственный чучуна (история одного этнографического поиска). М.: Мысль, 1975. 96 с.

Гурвич И.С. (отв. ред.). Семейная обрядность народов Сибири: опыт сравнительного изучения. М.: Наука, 1980. 240 с.

[1] Подробнее см.: *Пивнева* 2017.

[2] Библиографию трудов сотрудников отдела Севера и Сибири см. в ежегодных докладах ИЭА РАН и на сайте института (http://iea-ras.ru/).

Гурвич И.С. (отв. ред.). Этническое развитие народов Севера в советский период. М.: Наука, 1987. 220 с.

Гурвич И.С. (отв. ред.). Этнокультурные процессы у народов Сибири и Севера. М.: Наука, 1985. 206 с.

Гурвич И.С. Некоторые вопросы историографии национального развития народов Крайнего Севера в советский период // Основные направления изучения национальных отношений в СССР / отв. ред. М.И. Куличенко; предисл. Ю.В. Бромлея. М., 1979.

Гурвич И.С. Некоторые проблемы этнического развития народов СССР // Советская этнография, 1967. № 5. С. 62–77.

Гурвич И.С. Северная экспедиция Института этнографии АН СССР (исследование вопросов материальной и духовной культуры) // Проблемы изучения историко-культурной среды Арктики / Ред.-сост. В.Н. Булатов и др.. М.: НИИК, 1990. С. 198–204.

Гурвич И.С., Долгих Б.О. (отв. ред.). Преобразования в хозяйстве, культуре и этнические процессы у народов Севера. М.: Наука, 1970. 280 с.

Долгих Б.О. Вопросы развития хозяйства, культуры и перестройки быта малых народов Севера // Тезисы докладов на сессии Ученого совета Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, посвященные итогам экспедиционных исследований 1957 г. М., 1958. С. 10–12.

Зибарев В.А. (ред.) Переход к социализму народностей Севера: историографический очерк. Томск: Изд. Том. ун-та, 1974. 84 с.

Пивнева Е.А. (отв. ред. и сост.). Поле как жизнь. К 60-летию Северной экспедиции. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. 304 с.

Пивнева Е.А. Североведение в ИЭА РАН: по следам И.С. Гурвича и в ногу со временем // Эхо арктической Одиссеи: судьбы этнических культур в исследованиях ученых–североведов. Сб. материалов Всерос. науч.– практ. конф. с межд. участием 14–16 ноября 2019 г., г. Якутск / отв. ред. Е.Н. Романова. Якутск, 2019. С. 29–39.

Тишков В.А. (под ред.). Современное положение и перспективы развития малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока: Независимый экспертный доклад. Москва; Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2004. 184 с.

Тишков В.А. Наука и жизнь. Разговоры с этнографами. СПб.: Алетейа, 2008. 176 с.

References

Antropova, V.V. 1971. Problema nekapitalisticheskogo puti razvitiia narodov Severa v sovetskoi istoriko-etnograficheskoi literature [The problem of the non-capitalist path of development of the peoples of the North in Soviet historical and ethnographic literature]. In *Osushchestvlenie leninskoi natsional'noi politiki u narodov Severa* [Implementation of the Leninist nationality policy among the peoples of the North], edited by I.S. Gurvich, 50–65. Moscow: Nauka.

Batyanova, E.P. 2013. Severnaia ekspeditsiia Instituta etnografii (1956–1991) [Northern Expedition of the Institute of Ethnography (1956-1991)]. *Etnograficheskoe obozrenie* 4: 17–34.

Batyanova, E.P. 2017. Severnaia ekspeditsiia Instituta etnografii i ee rol' v razvitii sovetskoi shkoly polevogo etnograficheskogo severovedeniia [Northern expedition of the Institute of Ethnography and its role in the development of the Soviet school of field ethnographic northern studies]. In *Pole kak zhizn': K 60-letiiu Severnoi ekspeditsii IEA RAN*, edited by E.A. Pivneva [Field as Life: To the 60th Anniversary of the Northern Expedition of the IEA RAS], 13–38. St. Petersburg: Nestor-Istoriia.

Bat'ianova, E.P. and L.L. Boichuk. 1999. Iakutskaia perepiska (k 80-letiiu I.S. Gurvicha) [Yakut Correspondence (To the 80th Birth Anniversary of I.S. Gourvich)]. *Etnograficheskoe obozrenie* 6: 104–118.

Bat'ianova, E.P. and M.I. Zhornitskaia. 1992. Ilya Samuilovich Gurvich (1919–1992) [Ilya Samuilovich Gurvich (1919-1992)]. *Etnograficheskoe obozrenie* 5: 167–172.

Gurvich, I. 1975. *Tainstvenyi chuchuna (istoriia odnogo etnograficheskogo poiska)* [The mysterious chuchuna (the history of one ethnographic search)]. Moscow: Myssl'. 96 p.

Gurvich, I.S., ed. 1975. *Semeinaia obriadnost' narodov Sibiri: opyt sravnitel'nogo izucheniia* [Family rite of the peoples of Siberia: experience of comparative study]. Moscow: Nauka. 1980. 240 p.

Gurvich, I.S., ed. 1987. *Etnicheskoe razvitie narodov Severa v sovetskii period* [Ethnic development of the peoples of the North in the Soviet period]. Moscow: Nauka. 220 p.

Gurvich, I.S., ed. 1985. *Etnokul'turnye protsessy u narodov Sibiri i Severa* [Ethnocultural processes among the peoples of Siberia and the North]. Moscow: Nauka, 206 p.

Gurvich, I.S. 1979. Nekotorye voprosy istoriografii natsional'nogo razvitiia narodov Krainego Severa v sovetskii period [Some issues of historiography of the national development of the peoples of the Far North in the Soviet period]. In *Osnovnye napravleniia izucheniia natsional'nykh otnoshenii v SSSR* [The main directions of the study of national relations in the USSR], edited by M.I. Kulichenko; foreword Yu.V. Bromley. Moscow.

Gurvich, I.S. 1967. Nekotorye problemy etnicheskogo razvitiia narodov SSSR [Some problems of ethnic development of the peoples of the USSR]. *Sovetskaia etnografiia* 5: 62–77.

Gurvich, I.S. 1990. Severnaia ekspeditsiia Instituta etnografii AN SSSR (issledovanie voprosov material'noi i dukhovnoi kul'tury) [Northern expedition of the Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences (study of issues of material and spiritual culture)]. In *Problemy izucheniia istoriko-kul'turnoi sredy Arktiki* [Problems of Studying the Historical and Cultural Environment of the Arctic], edited by V.N. Bulatov, 198–204. Moscow: NIIK.

Gurvich, I.S., and B.O. Dolgikh, eds. 1970. *Preobrazovaniia v khoziaistve, kul'ture i etnicheskie protsessy u narodov Severa* [Transformations in agriculture, culture and ethnic processes among the peoples of the North]. Moscow: Nauka. 280 p.

Dolgikh, B.O. 1958. Voprosy razvitiia khoziaistva, kul'tury i perestroiki byta malykh narodov Severa [Issues of the development of agriculture, culture and the restructuring of the life of the small peoples of the North]. In *Tezisy dokladov na sessii Uchenogo soveta Instituta etnografii im. N.N. Miklukho-Maklaia, posviashchennye itogam ekspeditsionnykh issledovanii 1957 g.*: 10–12. Moscow.

Zibarev, V.A., ed. 1974. *Perekhod k sotsializmu narodnostei Severa: istoriograficheskii ocherk* [Transition to socialism of the peoples of the North: a historiographic essay]. Tomsk: Publishing house of Tomsk University.

Pivneva, E.A., ed. 2017. Pole kak zhizn'. K 60-letiiu Severnoi ekspeditsii [The field is like life. To the 60th anniversary of the Northern expedition]. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriia.

Pivneva, E.A. 2019. Severovedenie v IEA RAN: po sledam I.S. Gurvicha i v nogu so vremenem [Northern Studies at the IEA RAS: following the footsteps of I.S. Gurvich and keeping up with the times]. In *Ekho arkticheskoi Odissei: sud'by etnicheskikh kul'tur v issledovaniiakh uchenykh–severovedov. Sb. materialov Vseros. nauch.– prakt. konf. s mezhd. uchastiem 14–16 noiabria 2019 g., g. Iakutsk*, edited by E.N. Romanova, 29–39. Iakutsk.

Tishkov, V.A., ed. 2004. *Sovremennoe polozhenie i perspektivy razvitiia malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka: Nezavisimyi ekspertnyi doklad* [Current situation and prospects for the development of small peoples of the North, Siberia and the Far East: Independent expert report]. Moscow; Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography SB RASIAET SO RAN. 184 p.

Tishkov, V.A. 2008. *Nauka i zhizn'. Razgovory s etnografami* [Conversations with ethnographers]. St. Petersburg: Aleteia. 176 p.

Pivneva, Elena A.

I.S. Gurvich: science as a thread connecting eras

Summary. The paper is an overview of the Northern studies during the Soviet era (1960–1980s) in comparison with their current state in Russia through the prism of scientific work of I.S. Gurvich. The all-Russian Scientific Conference dedicated to his 100-th Anniversary was held in IEA RAS, Moscow on October, 24–25 in 2019. The article describes the initial stage of Gurvich's scientific career related to his residence in Yakutia and analyzes his work as the head of the Department of Northern Studies of the Moscow Institute of Ethnography. The article particularly emphasizes the role of the Northern expedition of this Institute in the development of Northern studies in Russia and the role of the personality factor in formation of the discipline. The author discusses problem of the connection of scientific research with the political context.

It is concluded that some areas and principles of scientific work originated by I.S. Gurvich retain their importance for current research. At the same time, post-Soviet Northern studies have been changing significantly under the influence of socio-political transformations and new scientific theories. The scientific paradigm is shifting; the subject area and the toolkit of applied methods are expanding. The new context of fieldwork, the inclusion of the minorities' opinions themselves in the scientific discourse, compel us to re-conceptualize the idea of "field". The current situation makes scientists face many new challenges, for which the experience and scientific heritage of I. S. Gurvich and former employees of the Department of the Northern and Siberian Studies are of great importance.

Keywords: *I.S. Gurvich, Yakutia, North Studies, Institute of Ethnography, ethnic processes, continuity, transformation*

УДК
DOI

© М.И. Белл (Гурвич*)*

ИЛЬЯ САМУИЛОВИЧ ГУРВИЧ: УРОКИ УЧЕНОГО. ОТ ЭТНОГРАФИИ К СОВРЕМЕННОЙ ПРАКТИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

В статье дочь Ильи Самуиловича Гурвича вспоминает о своем восприятии работы отца и рассматривает это в контексте современной деятельности антрополога в корпорации. Исследовательница размышляет о том, как идеи и поведение Ильи Самуиловича повлияли на ее понимание мира еще в детстве, как воспринятое ею этнографическое знание дало представление о мужестве ученого и человека. Она размышляет о наследии советских этнографов и преемственности этики ученого.

По ее мнению, с самого начала оформления этнографии как науки советские и российские антропологи приносили огромную пользу многим сообществам, с которыми соприкасались, но они, тем не менее, скромно оценивали свои достижения, считая их само собой разумеющимися. Прошлый опыт очень важно изучать именно сейчас, когда антропология получает все большее признание как наука, способная решать глобальные проблемы общества, когда антропологи применяют для проведения своих исследований новейшие технологии.

Ключевые слова: *Илья Самуилович Гурвич, научный вклад, научное наследие, антропология, бизнес-антропология, техно-антропология, этнография, российские антропологи, советские этнографы, этика в антропологии, исследования пользовательского опыта*

Белл (Гурвич) Мария Ильинична – старший исследователь пользовательского опыта / антрополог. Корпорация ServiceLab (Нью-Йорк, США). Эл. почта: ethnographux@gmail.com. Bell (Gurvich), Marya I. – Senior UX Researcher/Anthropologist. ServiceLab, Inc. (57 west 57 st., suite 422, New Work, NY, 10019, USA). E-mail: ethnographux@gmail.com

Я и моя семья благодарны
Институту этнологии и антропологии РАН,
Отделу Севера и Сибири и Елене Петровне Батьяновой
за память о моем отце.

Мой отец решил стать этнографом будучи еще студентом, и впоследствии никогда не изменял своему выбору, сохранил к науке горячий интерес и уважение, прекрасно понимая, что этнография связана с самыми разными сторонами человеческой деятельности. Его специализацией были народы Крайнего Севера и Сибири.

Я с детства помнила, как отец общался с людьми, с друзьями и родными, рассказывая им о своей профессии, об экспедициях, о путешествиях и открытиях. Он гордился уникальным характером своей специальности, но был скромен в отношении своей персоны, понимая, что не всем достаётся делать работу такого масштаба. Позже, когда я стала работать сама, пришло понимание, что даже в каждодневном общении, отец был этнографом. Подлинный интеллигент, он был мастером разговора, умел располагать к себе, находил подход к самым разным людям, внимательно и с уважением выслушивал их истории, знал, как поднять им настроение. Все эти качества сейчас являются частью сложной и скрупулезной подготовки антропологов в университетских и профессиональных школах.

Невзгоды и бедствия, на которые была столь щедра прошедшая эпоха, не обошли стороной и семью И.С. Гурвича – его отец был репрессирован. Как и многие люди в то время, он с детства видел и сопереживал жизненным трагедиям родственников, друзей, сотрудников, а позже и тем людям, сообщества которых изучал. Часто в его разговорах я, как и другие дети, чувствовала отражение этих трагедий, но об этом он говорить не любил, да и невозможно было тогда о многом рассказывать. Теперь я понимаю, что отец мог опираться на культуры северных народов, которые знал. Их поведенческие традиции поддерживали его. В разных жизненных ситуациях, на днях рождений, которые мы праздновали с друзьями и родными, он нередко рассказывал об интересных обычаях и поверьях народностей Севера. Тогда это казалось привычным, но позже я поняла как эти рассказы обогащали мою жизнь.

Его отношение к своему ремеслу, к этике выполнения научной работы, были заразительны, и то, чему я училась у отца в детстве, помогло мне в профессиональной деятельности. Он называл антропологию/этнографию наукой, способной быть колесом прогресса, преодолевающим временные идеологические веяния. Я благодарна ему потому, что через призму знакомого мне с ранних лет подхода, у меня развился интерес к другим культурам. Уже в 12–13 лет я научилась определять представителей разных культур, вела с ними беседы. Мне было интересно, как понимают свои культуры их носители. Такое отношение к людям открывает многие двери, помогает найти общий язык и прийти к пониманию собеседника, дает возможность уверенно себя чувствовать в самых разных ситуациях. Отец никогда не подталкивал меня к выбору профессии этнографа, понимая, что это непростое занятие, и, тем более, не подталкивал к занятиям антропологией Севера, понимая насколько сложно там работать. Я просто видела его энтузиазм и внимание к другим людям, обществам и культурам, и стала смотреть глазами этнографа на окружающий меня мир.

В детстве, после поездок с родителями на Кавказ, в Башкирию и Чувашию, я увлеклась изучением других культур. Позже, когда я побывала в Якутии, я поняла, почему мой отец заинтересовался этой республикой и ее культурой. На историческом факультете МГУ, где я училась, было много возможностей для выбора специализации,

как и после окончания, но я уже могла смотреть на мир только глазами этнографа, как и многие, кому посчастливилось соприкоснуться с этой наукой. Я тоже стала антропологом, потому что воспринимала эту науку как всеобъемлющую, связанную со всеми сторонами человеческой деятельности. Позднее, когда я оказалась за пределами России, я во всем видела возможности для этнографических исследований. Сейчас я бы хотела поговорить с отцом о множестве тех ситуаций в современной американской жизни, где нужна экспертиза и трактовка антрополога или этнографа…

Мы часто обсуждали, как этнографы могут поддерживать сообщества, которые они изучают, как они должны работать с правительственными структурами чтобы повлиять на формирование политики, которая могла бы сохранить традиционный образ жизни и традиционные культуры коренных и малочисленных народов Севера. Илья Самуилович считал изучение традиционного образа жизни своей главной задачей. Его всегда интересовало сохранение традиционной культуры и ее адаптация к нормам современной жизни.

Сейчас я смотрю на его научную работу через призму своей работы в корпорации, UX исследователя *(User Experience,* исследователь пользовательского опыта*)* и корпоративного антрополога. Я вижу не только параллели, но нередко сходные задачи и похожие пути их решения.

Для меня отец был и остаётся примером истинного учёного-этнографа. Его гражданская позиция, как и других коллег, в отношении коренных народов Севера, с которыми они работали, и, самое главное, стремление поставить изучаемых людей в центр внимания, выше политических или деловых целей, сейчас так же актуальны, как и его научные подходы. Я помню, как отец собирался в экспедиции и подготавливал все необходимое для работы: фотоаппарат, пленки и диктофон. И, естественно, простые карандаши и полевые дневники – записные книжки формата приблизительно А5, выпускавшиеся специально для академических исследователей. Я рассказала бы ему о том, чем пользуются антропологи сейчас: компьютерами, различными приложениями и программами, цифровым фото, спутниковой связью... И выразила бы ему восхищение – как много он сумел сделать, располагая столь малым набором инструментов!

Обычно, когда мы говорим о деятельности ученого, мы имеем ввиду его труды, публикации, то есть результаты исследований. Любой ученый знает, что есть и другая сторона: подготовка к исследованию, обработка полученных материалов, работа с людьми, чтобы они понимали смысл исследования и воспринимали его результаты. Отец и его коллеги с успехом выполняли все эти задачи без всякой специальной подготовки. Для сравнения, сейчас есть специальная отрасль – *Research Operations*, которая появилась несколько лет назад в ответ на пролиферацию используемых учеными инструментов. Она занимается организацией программных приложений и инструментов для деятельности исследователей.

Из рассказов Елены Петровны Батьяновой я знаю, что отец с вдохновением вёл просветительскую работу в экспедиции, с удовольствием объяснял, что он делает и как можно помочь сохранению местных традиций. Одна из главных проблем для антрополога, а сейчас и UX исследователя – объяснение своей деятельности, тем, кто не работает в UX (*Goldmacher* 2019). Это называется «евангелизм UX». Многое уже написано, созданы форумы и конференции с целью научить ученых рассказывать про свою работу другим. Так как мы имеем дело с населением, с информантами, мы должны добиться взаимопонимания с ними. Мне тоже не сразу удалось

Рис. 1. Русский старожил, информант, из старожилов проживающих в Колыме с XVII века. Татьяна Мастюгина вспоминала что "с ним было очень интересно разговаривать ... он считал себя Русским... своеобразное произношение." Возможно снято в Анадыре, дата неизвестна (из личного архива семьи Гурвич, 2020).

овладеть таким навыком, но часто на помощь приходили воспоминания об объяснениях отца.

Ребенком я часто видела его работающим за письменным столом. Он обрабатывал данные, анализировал материалы, много писал. Отец уважал способность выражать свои мысли на бумаге, часто говорил, что хотел бы писать быстро, живым литературным языком, с юмором, чтобы заинтересовать и даже рассмешить читателя… Он особенно гордился теми из своих учеников и коллег, которые умели писать легко и интересно. Но в то же время основной для него была научная работа, и он выбирал академический стиль в подаче материала. Художественный стиль он использовал в книге «Таинственный чучуна». Написание этой книги, как и сбор материала для нее, были для него приключением (*Гурвич* 1975).

В советский период научные статьи или монографии обычно начинались с благодарственных слов в адрес партийных и советских органов, а соответствующие документы – обращения («отношения») – ученые получали заранее. У UX-исследователей есть подобные практики, иногда как дань традиции, но чаще направленные на то, чтобы руководство компании и разработчики продукта (инженеры и дизайнеры) помогали в процессе сбора информации и подготовки к работе (*Ladner* 2016).

Чтобы исследования состоялись и были результативны, кроме мастерства И.С. Гурвичу, как и другим советским ученым-этнографам, требовалось изучение и понимание политической ситуации в стране в целом, в регионе и на месте полевых исследований с тем, чтобы давать рекомендации властям как сохранять культуру народа и не разрушать его традиционный образ жизни.

К сожалению, я не успела побывать с отцом в экспедиции, или вместе поработать над анализом материала. Я не описываю научный вклад Ильи Самуиловича Гурвича в этнологию и североведение, потому, что это сделано другими (*Батьянова, Бойчук* 1999: 104–118; *Батьянова, Жорницкая* 1992: 167–171) и потому, что, будучи ребенком, я могла только наблюдать и слышать размышления о внутренних сторонах его научной деятельности, которыми он делился с домашними. Эти эмпирически выработанные приемы и методы работы антрополога, которые, будучи само собой разумеющимися для того времени и тех задач, не потеряли своей актуальности в совершенно новой нише и новом времени. Я рада, что он привил мне любовь к профессии, и посредством этнографии открыл для меня особый мир.

О корпоративной антропологии и истории этого явления

В то время как антропологи в США, Европе и других странах, все больше включают изучение т.н. пользовательского опыта – область UX (*User Experience*) в академическую практику и пытаются определить новые возможности взаимодействия с корпорациями, полезно проанализировать значительный опыт этнографов и практических антропологов России и бывшего Советского Союза. Этот оказалось особенно важным в последние 10 лет, когда участие антропологии и других социальных наук стало инструментальной частью корпоративной работы. Спрос на антропологов и социологов в техническом секторе начался полвека назад и рос на протяжении последних двадцати пять лет, за это время быть *онлайн* превратилось в неотъемлемую, если не преобладающую, часть повседневной жизни людей. Спрос подталкивает необходимость оценивать и пересматривать роль практической антропологии и этнографии в американской практике.

Технологические инноваторы начали понимать ценность человеческого подхода и необходимость внимательно изучать потребителей с самого начала Интернет-бума и мобильных технологий. Между 1970-ми и 2000-ми гг. доминирующий подход к представлению новых технологий заключался в том, чтобы всеми возможными средствами научить, заинтересовать и привлечь потребителей. В тот период лишь немногие крупные корпорации, такие как Xerox, нанимали антропологов для участия в исследованиях и разработках новых продуктов. Для корпораций это была редкая практика, а для антрополога довольно экзотическое трудоустройство.

Развитие технического сектора и появление огромного количества программ, инструментов и устройств для потребителей привело к смене подходов: от «просвещения потребителя» к пониманию и удовлетворению его реальных потребностей. Все больше компаний стало работать над созданием программ, которые помогали решать задачи пользователей, и корпорации постепенно осознавали, что гораздо проще выяснить заранее, в процессе разработки, как люди отреагируют на новый продукт, чем тратить усилия на продвижение товара после его создания (*Sharon* 2015).

Антропологам присуще стремление понять, изучить, какие новые реалии и социальные нормы появятся в обществе в результате адаптации людьми инновационных продуктов, программ и устройств. Вскоре корпорации поняли, что этот вопрос для них тоже важен, и оценили антропологический подход. Стало очевидно, что именно антропологи – UX исследователи способны помочь в разработке инновационной, прорывной технологии, потому что они могут найти ответ на вопрос: как люди примут новую технологию, новый способ действия или даже мышления. Последние четверть века, особенно с 2010 гг., все больше компаний обращаются к социологам и антропологам, чтобы изучить возможности адаптации продукта, прогнозировать результаты и предложить способы облегчения перехода к новым способам мышления (*Bezaitis* 2016).

В ответ на спрос от инновационных компаний, корпоративного мира бизнеса, антропологи стали адаптировать свою практику и свои инструменты к сотрудничеству с бизнесом (*Blomberg, Karasti* 2013: 373–423). Эта работа по адаптации стала доминирующей темой в практической антропологии США в последние 25 лет. Важно отметить, что цель этой работы не в том, чтобы понять мир бизнеса и технологий или научиться работать в этих секторах, а в стремлении убедить бизнес в ценности фундаментальных принципов, подходов и методов антропологии для решения стратегических проблем и создания инновационных технологий. В процессе интеграции с бизнесом, научные антропологические сообщества раздвинули границы своей тра-

диционной сферы деятельности, и, преодолев многие препятствия, расширили область применения антропологии (*Amirebrahimi* 2016: 71–103). Они приспособились к деловой стороне бизнеса, и интегрировали количественные методы, использование аналитики и метрик в исследованиях.

Наиболее известным доказательством и результатом этой многогранной работы является процветающая в настоящее время профессия и область знания – пользовательский опыт (*User Experience*), которая стала крупнейшей сферой профессионального взаимодействия антропологов и других ученых из смежных областей социальных наук. «Хорошая новость: все больше компаний осознают потребность в ... UX, поэтому ожидается, что рост рабочих мест для этих специалистов вырастет на 14,9% в течение следующих 10 лет» (UX Magazine Staff 2019). Внутри данной профессии увеличивается количество специализаций: UX дизайнер, UX исследователь, UX стратег, UX разработчик контента, UX архитектор (*UX Designer, UX Reserchеr, UX Strategist, UX Content Writer, UX Architect*), а в последнее время – сервис-дизайнер и дизайн-стратег (*Service Designer и Design Strategist*).

С самого начала своего создания UX Research стала областью знания, наиболее подходящей для антропологов, поскольку она очень близка к основным видам их деятельности. По определению, UX Research – это процесс проведения исследований с людьми – обычно качественными методами, но иногда – в комбинации, переплетении с количественными – с целью понять поведение и мотивацию, чтобы команда и компания могла разработать продукт или сервис, который будет наилучшим образом соответствовать потребностям людей. UX Research целиком опирается на антропологическую методологию.

Этнографические методы одни из первых получили признание в UX Research, что до сих пор не облегчает понимания их особенностей среди UX специалистов. Сущность этнографии все еще осмысливается и переосмысливается применительно к UX Research, все еще идут дискуссии по таким ключевым вопросам как, «тождественна ли этнография наблюдению», «является ли любое наблюдение этнографией»? (*Cefkin* 2010: 1–40). Несмотря на то, что про этнографию говорят очень много, все меньше практиков полагается на этот метод, так как в условиях корпоративного мира часто невозможно провести этнографическое наблюдение.

Важной вехой для этнографии было определение и провозглашение этнографического мышления (*Ethnographic Thinking*) как новой бизнес-концепции и комплекса принципов, а также предсказание, что этнографическое мышление сменит парадигму дизайнерского мышления (*Design Thinking*), которая в настоящее время является теоретическим фундаментом в разработке продукта (*Hasbrouck* 2017). Этнографическое мышление определяется как подход к рассмотрению задач совместно с пользователями в их среде, с учетом полного контекста проблем, восприятий и рассуждений. Исследователь часто функционирует как участник и как наблюдатель (*Participant Observer*) в одном контексте, для понимания ситуации изнутри и развития эмпатии к пользователю.

В работе с корпорациями, антропологи порой функционируют как интерпретаторы внутренней культуры, в дополнение к изучению и интерпретации культуры пользователей, потребителей (*Ladner 2016*: 23–43). Главная задача антрополога в корпорации – найти способы понять реалии пользователей, то чем они руководствуются в работе с продуктами, которые создает корпорация, и объяснить эти реалии созда-

телям продуктов. Для этого антропологи должны вписаться в рамки действительности организации и действовать изнутри, как включенные этнографы-наблюдатели (*Inside Ethnographers*). Опираясь на методы традиционной этнографии, они приходят к пониманию культуры корпорации и объясняют ее тем, кто в нее вовлечен.

Часто антропологи находят и открывают много сопутствующих проблем в жизни и работе пользователей, которые они объясняют корпорациям. Одним из способов такого информирования служат документы, подобные докладным запискам – специальным докладам, предоставлявшимся в руководящие органы в засекреченном виде. Они обычно доступны узкому кругу правления компании, и пишутся в определенном стиле, отличном от остальных текстов (Докладные записки 1950–1990). Эти документы интерпретируют наблюдения, которые по каким-то причинам сложно делать в открытой форме. Со временем ценность такого объяснения и интерпретации настолько возросла, что антропологи стали принимать участие в разработке стратегии корпорации.

В последние годы антропологи пришли к осознанию значимости своей роли в инновационном бизнесе, так как предприятия готовы слушать их и открыты для предоставления им мест в управленческом аппарате. Сообщество практикующих, прикладных или бизнес-антропологов, на форумах и конференциях активно обсуждает как адаптироваться к этой возможности, выявляя и формулируя способы влияния на еще более широкую сферу деятельности, такую как Service Design (*Smith* 2019). Хотя это, безусловно, успех, антропологи справедливо задаются вопросом как интегрировать свои практики в новые реалии. Если антропологи находятся в руководстве компании, формулируя стратегию бизнеса, встает вопрос как они должны одновременно нести ответственность и за пользователей, и за успех прибылей корпоративного бизнеса.

Советские и российские этнографы всегда имели дело с практической реальностью, они работали с государственными и часто – с бизнес-структурами (Ежегодный выпуск отчетов). Они находили возможность не только делать исследования, описывать результаты и публиковать, но строить отношения с властями любого уровня, которые и были, что называется, «gatekeepers» (держащими ключи к населению). Одновременно, они добивались уважения и поддержки местных жителей, включенными в процесс исследования. Существовал и еще один важный аспект деятельности ученых, очень похожий на современную корпоративную практику – предоставление информированного, научного мнения и экспертизы государственным и федеральным властям. Рекомендации этнографов имели нередко судьбоносное значение, оказывая влияние на формирование государственной политики по отношению к коренному населению, сохранению его культуры и традиционного образа жизни (Этнологическая экспертиза 1958–1992). Эта часть деятельности важна и в настоящей корпоративной практике. Именно благодаря антропологическому, целостному, холистическому подходу к пользователям, антропологи сейчас влияют на стратегии корпораций.

В то время как антропологи в США, Европе и других странах, где практика UX связана с академической антропологией, пытаются определить новые возможности науки, им бы очень пригодился значительный опыт практических антропологов России и бывшего Советского Союза. В России сложилась практика работы антропологов с государственными и бизнес структурами, но отношение к этой деятельности неодинаково у ученых России и у ученых мирового научного сообщества (*Василько-*

ва и др. 2011; *Новикова, Функ* 2012). Несмотря на то, что эта практика определялась особыми, часто ограничивающими и иногда сковывающими условиями, опыт формирования продуктивных рабочих отношений сформировался, и после изучения и сравнения с практиками бизнес-антропологии пользовательского опыта, я нашла его актуальным и достойным изучения.

Эта часть коллективного опыта антропологов России мало упоминается в научных публикациях, и не представлена в том ракурсе, как преподнесли бы ее сейчас антропологи мирового научного сообщества. Она была бы описана ими так, чтобы обеспечить видимость достижений исследователей и показать их как героический аспект деятельности (*Mulligan* 2017). За почти столетнюю деятельность, с момента создания этнографии как науки, советские и российские антропологи принесли огромную пользу сообществам, с которыми встречались в ходе своей работы (Полевые исследования). Однако они сдержанно относятся к оценке своих заслуг, отделяя академические исследования и даже исследования практического, прикладного характера, от далеко идущего влияния, которое эти исследования произвели.

* * *

Уроки отца актуальны и универсальны, они помогают мне в каждодневной работе и сейчас. Он жил жизнью этнографа, строил отношения, и добивался продвижения науки, которая приносила пользу коренным народам и боролась за сохранение их культур. Его наследие важно как образец гражданской позиции ученого, позволившей достигнуть не только научных, но и практических результатов, несмотря на противоречия эпохи. Отец соблюдал этические нормы и оставался подлинным интеллигентом в непростых обстоятельствах, в моей работе это называется *make it work* (*Amirebrahimi* 2015). Перечитывая аккуратно подобранные в докладных записках слова отца, тщательные описания состояний и потребностей людей и общин, я понимаю, как он продумывал и формулировал каждое предложение, чтобы призвать других к сопереживанию, вызвать у них эмпатию.

Опыт российских антропологов важно изучать со всех сторон, включая вопрос их влияния на формирование политики партии и правительства по отношению к коренным малочисленным народам. Как этнографы овладели мастерством этого воздействия? Многие аспекты деятельности ученых описаны в виде историй, устных легендах или до сих пор не изучены. Тот пласт работы ученых его времени может быть образцом для современных антропологов.

Еще одна важная тенденция – это соединение интерпретативного и позитивистского подходов, трансформация инструментария антропологов (*Ladner* 2019). В настоящее время в корпоративных исследованиях принято применять подход «mixed method», соединение количественных и качественных методов. Такой подход, демонстрирующий изменение методов исследования, нуждается в анализе, о чем говорят и сами антропологи (*Schensul et al.*2016). Мой отец всегда с интересом изучал новые возможности в науке, например, заинтересовался опросами, которые только стали появляться в его время. Оценивая разные методы, он высказывал те же мысли и приходил к тем же выводам, которым сейчас посвящены многочисленные труды, курсы обучения в университетах и профессиональных школах.

Российские антропологи имеют возможность установить продуктивные отноше-

ния с новейшими технологическими компаниями, которые процветают в России. Эти индустрии в России в настоящее время слепо и формально копируют антропологические методы, не понимая и не учитывая теорию, на которой основаны сами исследования. Антропологам в России стоит обратить внимание на то, что их методы и практика кооптируются и присваиваются без теоретических основополагающих знаний, являющихся ключевыми в практической реализации методов (*Hale* 2018: 163–183). Полагаясь на богатый опыт прошлых лет, российские академические антропологи могут изменить эту тенденцию к лучшему и найти пути к успешному партнерству с бизнесом.

Опыт моего отца, его научное наследие, а также наследие его коллег, как никогда актуально, и является примером соединения науки и практического влияния на улучшение жизни народов, которые они изучали, на сохранение их традиций.

Источники и материалы

Докладные записки – Докладные записки сотрудников ИЭА РАН 1950-е–1990-е годы. Институт этнологии и антропологии РАН, Москва. http://iea-ras.ru/

Ежегодный выпуск отчетов – Ежегодный выпуск отчетов Института этнологии и антропологии РАН, Москва http://iea-ras.ru/

Полевые исследования – Полевые исследования, Институт этнологии и антропологии. 1971–2014. http://iea-ras.ru/index.php?go=Pages&in=view&id=7

Этнологическая экспертиза 1959–1962 – Этнологическая экспертиза: Народы Севера России. 1959–1962 годы / Под ред. З.П. Соколовой, Е.А. Пивневой. М.: ИЭА РАН, 2005.

Этнологическая экспертиза 1956–1958 – Этнологическая экспертиза. Народы Севера России. 1956–1958 годы / Под ред. З.П. Соколовой, Е.А. Пивневой. М.: ИЭА РАН, 2006а.

Этнологическая экспертиза 1963–1980 – Этнологическая экспертиза. Народы Севера России, 1963–1980 годы / Под ред. З.П. Соколовой, Е.А. Пивневой. М.: ИЭА РАН, 2006б.

Научная литература

Батьянова Е.П., Жорницкая М.Я. Илья Самуилович Гурвич (1919–1992) // Этнографическое обозрение. 1992. № 5. С. 167–171.

Батьянова Е.П., Бойчук Л.Л. Якутская переписка (к 80-летию И.С.Гурвича) // Этнографическое обозрение. 1999. № 6. С. 104–118.

Василькова Т.Н., Евай А.В., Мартынова Е.П., Новикова Н.И. Коренные малочисленные народы и промышленное развитие Арктики (Этнологический мониторинг в Ямало-Ненецком автономном округе). Москва; Шадринск, 2011. 268 с.

Гурвич И.С. Таинственный чучуна (история одного этнографического поиска). М.: Мысль, 1975. 96 с.

Гурвич И.С. Культура северных якутов-оленеводов. М.: Наука, 1977. 245 с.

Новикова Н.И., Функ Д.А. (отв. ред). Север и северяне. Современное положение коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России. М.: ИЭА РАН, 2012. 288 с.

Романова Е.Н., Степанова Л.Б. Взгляд наблюдателя: опыт визуализации Севера (экспедиционные исследования ученого-этнографа И.С. Гурвича) // Исторический журнал: научные исследования. 2018. № 6. С. 66–76.

Amirebrahimi S. The Rise of the User and the Fall of People: Ethnographic Cooptation and a New Language of Globalization. EPIC Proceedings, 2016. P. 71–103.

Bezaitis M. Products and the Future of Ethnographic Work. Intel Corporation Practice, 2016. P.151–161.

Blomberg J., Karasti H. Reflections on 25 years of ethnography in CSCW. V. 22. Is. 4–6. 2013. P. 373–423.
Cefkin M. Introduction: Business, Anthropology, and the Growth of Corporate Ethnography / Ethnography and the Corporate Encounter, 2010. NY. P. 1–40.
Flynn D., Lovejoy T. Tracing the Arc of Ethnographic Impact: Success and (In)visibility of Our Work and Identities. EPIC, 2008. P. 238–250.
Goldmacher A. «Do You Do UX Research?»: Articulating User Experience Research and Its Value to Clients, 2019. Para.14
Hale T. 2018. «People are not Users» / Journal of Business Anthropology 7 (2). P. 163–183.
Hasbrouck J. Ethnographic Thinking: From Method to Mindset. London: Routledge, 2017. 140 p.
Ladner S. Applied Mixed Methods Research. 2019. 100 p.
Ladner S. Practical Ethnography: A Guide to Doing Ethnography in the Private Sector, 2016. P. 23–43.
Mulligan J. Unequal Coverage: The Experience of Health Care Reform in the United States. NYU Press, 2017. 336 p.
Schensul S., Schensul J., Lecompte M. Initiating Ethnographic Research: A Mixed Methods Approach. 2016. 268 p.
Sharon T. Validating Product Ideas: Through Lean User Research, 2015. 344 p.
Smith I. Design Anthropologists: An emerging group of Design / Thinkers focused on innovation. June 20, 2019. 14 p.
Tian R. Business Anthropology, September 2018. 378 p.
UX Magazine Staff. Why This UX Role Will Grow Fastest In 2020, December 31, 2019.

References

Bat'ianova, E.P., and M.Y. Zhornitskaia. 1992. Il'ia Samuilovich Gurvich (1919–1992). *Etnograficheskoe obozrenie* 5: 167–171.
Bat'ianova, E.P., and L.L. Boichuk. 1999. Iakutskaia perepiska (k 80-letiiu I.S. Gurvicha) [Yakut correspondence (to the 80th anniversary of I. S. Gurvich)]. *Etnograficheskoe obozrenie* 6: 104–118.
Gurvich, I.S. 1975. *Tainstvennyi chuchuna* [Mysterious Chuchuna]. Moscow: Mysl, 1975. 96 p.
Vasilkova, T.N., A.V. Evay, E.P. Martynova, and N.I. Novikova. 2011. *Korennye malochislennye narody i promyshlennoe razvitie Arktiki (Etnologicheskii monitoring v Iamalo-Nenetskom avtonomnom okruge)*. [Indigenous peoples and industrial development of the Arctic (Ethnological monitoring in the Yamal-Nenets Autonomous district)]. Moscow, Shadrinsk. 268 p.
Gurvich, I.S. 1977. *Kul'tura severnykh iakutov-olenevodov* [Culture of the Northern Yakut reindeer herders]. Moscow: Nauka, 1977. 245 p.
Novikova, N.I., and D.F. Funk (ed.). 2012. *Sever i severiane. Sovremennoe polozhenie korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka Rossii*. Moscow: IEA RAN. 288 p.
Romanova, E.N., and L.B. Stepanova. 2018. Vzgliad nabliudatelia: opyt vizualizatsii Severa (ekspeditsionnye issledovaniia uchenogo-etnografa I.S. Gurvicha) [Observer's view: the experience of visualizing the North (expedition research by the ethnographer I.S. Gurvich)]. *Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniia* 6: 66–76.
Amirebrahimi, S. 2016. *The Rise of the User and the Fall of People: Ethnographic Cooptation and a New Language of Globalization*. EPIC Proceedings, 71–103.
Bezaitis, M. 2016. *Products and the Future of Ethnographic Work*. Intel Corporation Practice, 151–161.
Blomberg, J., and H. Karasti. 2013. *Reflections on 25 years of ethnography in CSCW*, 22 (4–6): 373–423.
Cefkin, M. 2010. Introduction: Business, Anthropology, and the Growth of Corporate Ethnography. *Ethnography and the Corporate Encounter*. New York, 1–40.
Flynn, D., and T. Lovejoy. 2008. *Tracing the Arc of Ethnographic Impact: Success and (In)visibility of Our Work and Identities*. EPIC, 238–250.
Goldmacher, A. 2019. «*Do You Do UX Research?»: Articulating User Experience Research and Its Value to Clients*. Para.14.
Hale, T. 2018. People are not Users. *Journal of Business Anthropology* 7 (2): 163–183.

Hasbrouck, J. 2017. *Ethnographic Thinking: From Method to Mindset*. London: Routledge.
Ladner, S. 2019. *Applied Mixed Methods Research*.
Ladner, S. 2016. *Practical Ethnography: A Guide to Doing Ethnography in the Private Sector*, 23–43.
Mulligan, J. 2017. Unequal Coverage: The Experience of Health Care Reform in the United States. NYU Press.
Schensul, S., J. Schensul, and M. Lecompte. 2016. Initiating Ethnographic Research: A Mixed Methods Approach.
Sharon, T. 2015. Validating Product Ideas: Through Lean User Research.
Smith, I. 2019. Design Anthropologists: An emerging group of Design. In Thinkers focused on innovation. June 20.
Tian, R. 2018. Business Anthropology, September.
Why This UX Role Will Grow Fastest. 2020. UX Magazine Staff. December 31, 2019.

Bell (Gurvich), Marya I.

Ilya Samuilovich Gurvich: Scientist's Lessons (from ethnography to modern practical anthropology)

In this article, the daughter of I.S. Gurvich discusses his legacy as a scientist, his contagious enthusiasm for ethnography, and his impact on her. She describes how his behavior, stories, and reminiscences sparked her initial interest in different cultures and reflects on how his research and work influenced her decision to become an anthropologist and researcher herself. She sees many parallels in her current work as a UX Researcher and corporate anthropologist with that of her father.

This article also offers a short history of anthropology's entry into corporate practice, mirroring her own journey from academia, and discusses the relevance of the experiences of Soviet and Russian ethnographers for the contemporary global community of anthropologists involved in developing technology products and innovations.

Keywords: *Ilia Samuilovich Gurvich, legacy, professional continuity, business anthropology, techno-anthropology, ethnography, user experience, UX research, Russian anthropologists, Soviet ethnographers, anthropology in Russia, ethics in anthropology*

УДК
DOI

© *Т.Д. Булгакова*

ИЛЬЯ САМУИЛОВИЧ ГУРВИЧ О ПОЛИТИКЕ ПАТЕРНАЛИЗМА В ОТНОШЕНИИ КОРЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА

Исследования И.С. Гурвича о политике патернализма в отношении коренных народов Севера в контексте противоречивых высказываний о ней современных авторов становятся в настоящее время весьма актуальными. Гурвич признавал, что советская политика патернализма в первую очередь обеспечивала приоритет государственных интересов. Но при этом он был убежден в том, что современные ему принципы государственного управления одновременно ориентировались на удовлетворение потребностей коренного населения Севера и на гармоничное соотнесение этих потребностей с интересами централизованной власти. Именно согласованность интересов и потребностей субъекта и объекта управления обеспечивала, по его мнению, эффективность политики патернализма и консолидированную поддержку ее со стороны населения. Гурвич считал провидимую советским государством модернизацию культур коренных народов Севера надежным средством воплощения в жизнь провозглашенного в стране равноправия всех народов и верил, что достижение этого равноправия востребовано среди коренных жителей Севера. Исследователь был убежден в том, что будущее не за консервацией традиционных аспектов культуры, но за развитием этнической культуры в контексте неизбежных социокультурных трансформаций. Исследования Гурвича доказывают неизбежность и необходимость приобщения коренных жителей Севера к культурным достижениям других народов, которое, не умаляя их этнического самосознания, способствуют социокультурной интеграции в пределах как отдельных регионов, так и всей страны.

Ключевые слова*: И.С. Гурвич, политика патернализма, культура коренных народов Севера, этническая специфика культуры коренных народов*

Понимание представителем советской науки Ильей Самуиловичем Гурвичем значения политики СССР в отношении коренных народов Севера существенно отличается от сегодняшних взглядов на тот же предмет. Но и современные исследователи оценивают эффективности этой политики по-разному. Одни отмечают положительные ее результаты: формирование института социальной защиты, «оживление основных отраслей северного хозяйства» (*Юдин* 2013: 5–6), обретение народами Севера ряда преимуществ, позволивших им «получить доступ к здравоохранению,

Булгакова Татьяна Диомидовна – д-р культурологии, профессор кафедры этнокультурологии, Институт народов Севера Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (195426 Санкт-Петербург, ул. Ленская, 8–1–10). Эл. почта: tbulgakova@gmail.com.
Bulgakova, Tatyana D. – Dr. of Culturology, Prof., Institute of Peoples of the North, Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint-Petersburg, Russia). E-mail: tbulgakova@gmail.com

образованию и социальному обеспечению, сохранить свои языки и культуру, традиционную экономику наравне с государственной, в конце концов, многим из них избежать биологического исчезновения» (*Гоголев* 2014: 49). Другие авторы считают концептуально ошибочной саму необходимость патерналистских форм поддержки со стороны государства, поскольку это, по их мнению, развило у представителей коренных народов Севера «иждивенческие настроения и чувства зависимости от государства» (*Поворознюк* 2005: 209). Когда в ходе социально-экономических реформ 1990-х гг. «основные советские институты были разрушены», именно политику советского периода в отношении коренных малочисленных народов Севера, основанную на принципах государственного патернализма, стали винить в том, что она стала «одной из причин чрезвычайно низкого уровня жизни коренных народов» (*Виноградова* 2010: 127). По-разному оценивается современными учеными эффективность патерналистского подхода. Одни из них указывают его на концептуальную ошибочность и полагают, что негативные явления постсоветского периода являются следствием политики советского патернализма (*Пика* 1996). Другие исследователи напротив считают эти негативные явления результатом отказа от политики патернализма и деструктивных процессов периода перестройки (*Юдин 2012*: 41). Они выступают за то, чтобы «восстановить политику государственного регулирования через прямую поддержку бедных групп аборигенного населения Севера» (*Донской и др.* 2003: 62), поскольку именно «отказ от государственного патернализма, декларирование протекционистских и партнерских отношений с коренными малочисленными народами Севера во многом подорвали их социально-экономическое положение» (Там же). В контексте такого разнообразия мнений целесообразным было бы проанализировать ту аргументацию, которую использовал советский исследователь И.С. Гурвич, интерпретировавший политику патернализма как эффективное средство преодоления «многовековой отсталости» коренных народов Севера, считавший серьезным достижением совершавшуюся «на социалистической основе» перестройку хозяйства коренных народов, их традиционного быта и культуры.

Рис. 1. И.С. Гурвич на одной из экспедиций в 19?? г. (личный архив семьи Гурвич, 2020).

Интерпретация Гурвичем потребностей объекта управления в контексте политики патернализма

Значительные расхождения в интерпретации сущности политики патернализма могут быть обусловлены воздействием на науку различных политических пред-

почтений и идеологизированных установок исследователей. Риторика же Гурвича определялась идеологией советского периода, приятием советской модели национального развития. По его мнению, насущной потребностью отдельных этнических групп на Севере в раннесоветский период было преодоление «отсталости» и модернизация культуры. Он ратовал за обретение коренными народами письменности, за обеспечение всеобщей доступности школьного образования, предполагающей возможность обучения на родном языке, развитие периодической печати на языках народов Севера, за рост материального благосостояния коренного населения, улучшение его быта. «Укрепление материально-технической базы промыслового хозяйства, – писал Гурвич, – позволило ввести гарантийную оплату труда в колхозах, повысить заработки населения, как в колхозах, так и в совхозах. Денежные доходы в промысловых хозяйствах в северных национальных округах за 1958–1966 гг. выросли в 2,5 раза. Это оказало огромное влияние на быт коренного населения, повышение его культурного уровня» (*Гурвич* 1971: 41–42). Высказывания Гурвича были созвучны тому, что говорили о модернизации и другие исследователи советского времени, писавшие о необходимости ликвидации «исторически сложившегося фактического неравенства» народов России и «разных уровней общественно-экономического и культурного развития», указывавшие на важность «быстрого подъема экономики и культуры отсталых народностей до уровня передовых народов» (*Вдовин* 1967: 79). Гурвич вдохновенно сообщал в своих трудах о «широким фронтом развернувшемся школьном строительстве на Севере», позволившем в некоторых местах даже «осуществить всеобщее начальное образование» (*Гурвич, Таксами* 1985: 56). Он отмечал, что в советское время стали исследоваться языки народов Севера, создаваться письменность для тех языков, которые еще ее не имели, языки стали изучаться в начальных классах школ в северных регионах (*Гурвич, Таксами* 1985: 59), и что именно создание письменности языков народов Севера «сыграло важную роль в ликвидации неграмотности, в становлении начального школьного образования» (*Гурвич, Таксами* 1985: 55). Такую модернизацию он считал надежным средством воплощения в жизнь провозглашенного в стране равноправия всех народов, будучи убежденным в том, что достижение именно этого равноправия прежде всего востребовано среди коренного населения Севера.

Гурвич о приоритете государственных интересов

Говоря о преимуществах, которые получало коренное население в результате политики патернализма, Гурвич одновременно признавал и то, что политика эта обеспечивала приоритет государственных интересов. Модернизировать быт коренных народов Севера нужно было, по Гурвичу, в первую очередь для того, чтобы приобщить их «к сознательному строительству новой жизни» (*Гурвич, Таксами* 1985: 55), чтобы способствовать решению первоочередной задачи того времени: интеграции и консолидации страны как в языковом, так и в культурном отношении. «Языковая обособленность», «диалектальная разобщенность» вызывала неодобрение Гурвича не потому, что казалась ему плохой сама по себе, а потому, что являлась «тормозом на пути социальных преобразований» (Там же). Разобщенность способствовала, по Гурвичу, «замкнутости этнических и этнографических групп», тогда как требовалось «преодоление былой культурной замкнутости этнических, диалектных и территориальных групп в составе

отдельных народностей» и в связи с этим укрепление их этнического единства (*Гурвич, Таксами* 1985: 63). Признавая «искренность добрых намерений» «группы наивных энтузиастов», осуществлявших политику интеграции и стремившихся помочь, например, эвенкам (тунгусам) С.М. Широкогоров, писал, что помощь осуществлялась в первую очередь именно потому, что «тунгусы были нужны определенной политической партии по определенным политическим причинам» (*Shirokogoroff* 1991). Государственная политика тотальной интеграции и ассимиляции описывалась Гурвичем как стремление к тому, чтобы «общенародное самосознание получило преобладание над локальными формами» (*Гурвич* 1972: 27) и оценивалась положительно не в последнюю очередь именно потому, что такая политика отвечала интересам властных структур, способствовала усилению централизованной власти.

Гурвич об этнической специфике культуры коренных народов в контексте интеграционной политики

Противоречивым кажется отношение Гурвича к неизбежному следствию модернизации советского периода, заключавшемуся в снижении уровня культурного разнообразия и в утрате интереса коренных жителей к родным языкам. С одной стороны, он признавал, что замена «старых форм материальной культуры современными» отрицательно воздействует на этническую специфику отдельных явлений культуры каждого северного народа (*Гурвич* 1967: 75). Так, «с ростом культуры, подъемом материального благосостояния» якутов, например, «перестали удовлетворять их традиционные юрты-балаганы», что «после коллективизации эти “особенности” культуры якутов, разумеется, исчезли. Широкое распространение у них получило срубное жилище и городские формы одежды» (*Гурвич* 1967: 74–75). Эти его рассуждения созвучны современной критике политики патернализма, указывающей на необратимые негативные последствия таких «изменений, как утрата навыков ведения традиционного хозяйства», сокращение сферы использования языков коренных народов Севера, «трансформация духовных традиций и народных промыслов» (*Поворознюк* 2005: 119).

С другой стороны, Гурвич не считал необходимой консервацию с помощью языков традиционных аспектов культуры, он верил в неизбежность социокультурных трансформаций, которым должна быть подвержена культура народов Севера так же, как и любая другая культура. Поэтому он позитивно оценивал «приобретение языками народностей Севера и Дальнего Востока новых социальных функций в области просвещения, книгоиздательства, периодической печати (*Гурвич, Таксами* 1985: 63). Этот взгляд соответствовал задачам советского периода, когда государственное управление руководствовалось необходимостью сохранения не только традиционных функций языков народов Севера, но и формированием новых их социальных ролей, складывавшихся, прежде всего, в области просвещения, книгоиздательства и периодической печати (*Вдовин* 1967: 79). С удовлетворением Гурвич писал о том, что «даже на языках народностей, насчитывающих в своем составе всего несколько десятков тысяч человек, издаются учебники, художественная литература и газеты… разработаны алфавиты для таких языков, как ительменский, удэгейский, юкагирский, хотя численность их носителей не превышает нескольких сот человек» (*Гурвич* 1982: 18).

Между тем то, что кажется в высказываниях Гурвича противоречивым, объясняется его стремлением соотносить интересы субъекта и объекта управления в сфере

патерналистской политики Советского государства. Гурвич подчеркивал, что «в целом языковая жизнь в стране характеризуется не вытеснением родных языков русским, не языковой ассимиляцией, а параллельно идущим развитием родных языков и распространением двуязычия» (*Гурвич* 1982: 19). Одновременно он постоянно говорил о необходимости «сохранения и развития родных языков и национальной культуры», а также о необходимости широко использовать родные языки в сфере «сознательного строительства новой жизни», поскольку это «оказывает большое влияние на этническую идентификацию их носителей» (*Гурвич, Таксами* 1985: 63).

Признавая, что с «внедрением в быт техники, новых форм жилища, одежды, обуви, новых видов пищи материальная культура во многом утратила свои этнические признаки» (*Гурвич* 1982: 16), исследователь отмечал, что утрата этнической специфики совершается лишь в отдельных сферах культуры и не касается всей культуры как целого. Он оптимистично оценивал возможности сохранения национальной специфики в процессе модернизации. Социализм, по мнению Гурвича, «не только не ведет к утрате народами своего неповторимого лица, особенностей культуры, традиций, а поднимает это своеобразие на новую высоту и делает его достоянием многих народов» (*Гурвич* 1982: 27). Что касается этнической специфики культуры народов СССР, она, по мнению автора, резко перемещается «из сферы традиционной материальной культуры в сферу духовной, главным образом профессиональной, культуры» (*Гурвич* 1982: 16), в результате чего «разграничительная линия между национальными культурами» стала обнаруживать себя «не в различии форм жилища, одежды, пищи, а более глубоко – прежде всего в области языка, литературы, искусства» (*Гурвич* 1967: 76).

Гурвич о соотнесенности интересов субъекта и объекта управления

Понимание процессов изменения и сохранения этнического самосознания и необходимости поддержания специфики культурного наследия народов Севера обусловливалось у Гурвича таким пониманием сущности политики патернализма, которое основывалось на согласованности интересов субъекта и объекта управления (в той мере, конечно, в какой государственным структурам удавалось разобраться в сущности интересов коренного населения). Упрощая ситуацию, можно было бы предположить, что задача управления заключается в модернизации культуры и в размывании этнической идентичности, а интересы управляемых направлены на консервацию традиций и сохранение этнического самосознания. Но представление Гурвича о сущности патерналистской политики сложнее. Модернизация, согласно его высказываниям, призвана не ослаблять, но, наоборот, усиливать этническое самосознание. Исследователь выступал вовсе не за русификацию. Напротив, он был сторонником поддержки «стойкого бытования и развития языков народов СССР» и «неуклонного подъема национальных культур» (*Гурвич* 1982: 18).

При этом понятию «национальная культура» в его работах далеко не всегда соответствует понятие «культура того или иного конкретного этноса». Гурвич был сторонником сложения «зональных культурных общностей», характеризующихся, как он это объяснял, распространением среди народов, входящих в одну зону, «отдельных приспособленных к самой природно-географической среде и выдержавших испытание временем некоторых форм одежды, обуви, жилища и пищевого режима, производственных навыков». В таких зонах, по его мнению, «часто распространя-

ются также сходные традиции в области фольклора, литературы и изобразительного искусства». Крайний Север должен стать, как считал исследователь, местом «широкого обмена культурным достоянием между соседними народами» (*Гурвич* 1967: 76).

Рис. 2. Экспедиция на Север И.С. Гурвича в 19?? г. (личный архив семьи Гурвич, 2020).

Ярким примером такого, с одной стороны, сохранения, а с другой стороны, преодоления традиций является его отношение к проблеме диалектного и культурного разнообразия, сложившегося на Севере в условиях дисперсности расселения коренных народов и относительной изоляции ряда районов от культурных центров. Ученый принимал как должное то обстоятельство, что при создании и внедрении письменности ряда коренных народов Севера, языки которых отличались наличием множества диалектов, требовалось в первую очередь формирование наддиалектного стандарта. С самого начала выявление такого стандарта столкнулось со множеством трудностей, одной из которых было то обстоятельство, что «письменность, созданная на основе опорных диалектов, в ряде случаев оказалась недоступной носителям других диалектов и не получила у них распространения» (*Гурвич, Таксами* 1985: 56–57). Это случилось оттого, что, как указывал С.М. Широкогоров, в тот краткий период времени, который был отведен для решения государственной задачи по созданию письменности коренных народов «знания о диалектах были слишком недостаточными для того, чтобы строить какие-либо планы их развития» (*Shirokogoroff* 1991). Кроме того, негативные последствия чрезмерного диктата власти проявились в том, что создание «литературных языков» «не было обусловлено культурными потребностями» коренных народов и не осуществлялось ими самими (*Shirokogoroff* 1991).

Но Гурвич в отличие от Широкогорова оценивал эту деятельность исключительно в позитивном ключе. По его мнению, «она проводилась под руководством опытных лингвистов молодыми энтузиастами этнографами, языковедами, фольклористами, направлявшимися на Север по призыву Комитета содействия народностям северных окраин в качестве учителей, фельдшеров, руководителей культбаз, красных яранг и т. д. В 1926 г. эту работу возглавил Северный факультет Ленинградского восточного института, а позднее – Научно-исследовательская ассоциация Института народов Севера» (*Гурвич, Таксами* 1985: 56). Хотя следует признать и следующий факт. Несмотря на то, что «в создании письменности на языках народностей Севера, подготовке учебников и словарей участвовали и представители этих народностей, учителя, студенты, слушатели окружных курсов по подготовке колхозы кадров (нанайцы, коряки, эскимосы, чукчи)» (Там же), это не опровергает того обстоятельства, что роль представителей коренных народов была все же вторична,

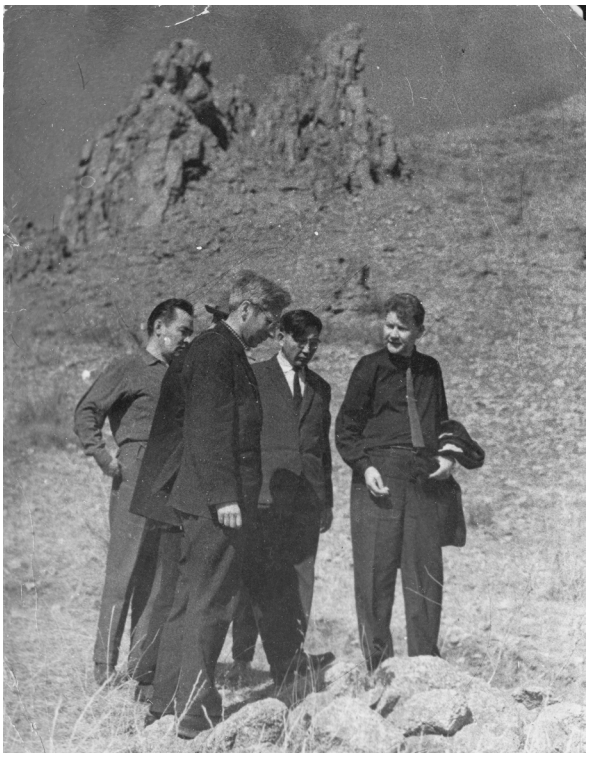

Рис. 3.
(личный архив семьи Гурвич, 2020).

и что в целом инициатива создания письменности определялась патерналистской установкой.

По мнению Гурвича, одним из основных достижений политики патернализма стал «расцвет национальных культур». Сопутствующим этому расцвету достижением и результатом такого расцвета он считал «внутреннее сплочение» наций и народностей, количество которых уменьшилось за счет укрупнения разрозненных ранее групп, многие из которых прежде не обладали сознанием своей этнической идентичности. Гурвич приветствовал то обстоятельство, что «в условиях широкого распространения среднего и высшего образования национальное самосознание становится все более четким и мотивированным» (*Гурвич* 1982: 24), в результате чего «из очень зыбкого, по сути легендарного представления понятие “национальное происхождение” превратилось у многих народов в весьма важный элемент национального самосознания» (*Гурвич* 1982: 24).

Модернизация и реконструкция культуры коренных народов Севера не только не размывала этническую идентичность, но напротив, способствовала формированию и укреплению этнического самосознания «укрупненных» в результате модернизации этнических групп. Таким образом она соответствовала, с одной стороны, интересам коренного населения, понятым (интерпретированным) властью как заинтересованность в этнической консолидации и укреплении этнической идентичности, а с другой стороны, способствовала интеграции общества в соответствии с государственными интересами того времени.

Как на достижение политики патернализма указывал Гурвич на то обстоятельство, что «список национальностей между переписями 1926 и 1939 гг. сократился, объясняя это консолидационными процессами. Ряд групп, осознававших себя самостоятельными этносами, в течение 1920–1930-х годов слились с более крупными народностями» (*Гурвич* 1982: 16). Как об успехе, способствовавшем преодолению дезинтеграции, Гурвич писал о том, что «социалистическое переустройство хозяйства и быта коряков» привело «к сближению двух основных групп этой народности – кочевых оленных и оседлых морских зверобоев, распадавшихся, в свою очередь, на ряд локальных подразделений, не всегда осознававших свое этническое единство» (*Гурвич* 1972: 26–27).

В настоящее время становится понятным, что в силу недостаточной компетентности управления и изоляции субъекта и объекта управления успех всех этих мероприятий был меньшим, чем это виделось Гурвичу. Так, границы национальных округов

определялись без согласования с коренным населением и в спешке. «Главным критерием была значительная доля представителей того или иного северного народа среди проживающих на территории» (*Виноградова* 2010: 131). Особенно болезненной оказалась «проблема перевода на оседлость оленеводов тундры, т. е. изжития производственного кочевания» (*Вдовин* 1967: 86). При этом считалось, что мероприятия по ликвидации бытового кочевания были оправданы, поскольку проводились с целью «улучшения условий труда и быта занятого в оленеводстве населения» (Там же). Гурвич также позитивно оценивал «создание крупных коллективных хозяйств, переход значительной части населения на оседлую жизнь», «изживание былой диалектальной пестроты» и «диалектальных различий», «браки между представителями разных корякских групп», потому что все это, на его взгляд, способствовало упрочению единства этнических общностей и вело к превалированию общенародного самосознания над локальными формами идентичности (*Гурвич* 1982: 27). Таким образом, Гурвич был убежден в том, что современный ему принцип государственного управления не столько обеспечивал вмешательство власти в культуру коренных жителей, сколько находил такие аспекты управления, в которых гармонично соотносились потребности централизованной власти с интересами коренного населения Севера.

Заключение. Современный патернализм в осуществлении антиинтеграционной политики

Различия в отношении исследователей к эффективности политики патернализма обусловлены разным их толкованием интересов объекта управления. Если в советское время, как видно из трудов Гурвича, считалось, что модернизация для коренных жителей Севера – это благо, то в настоящее время принято считать, что благом для них является возвращение к утраченным традициям. В советское время положительным считалось достижение интеграции этнических групп на региональном или на общегосударственном уровне. Напротив, в постсоветский период общим местом стало представление о том, что только усиление существующих этнических и социальных границ, только дифференциация культурных особенностей этнических групп является той целью, к которой стремятся представители коренного населения. Несмотря на расхождения между декларируемыми и действительными нуждами объекта управления, сам принцип патернализма, то есть, стремление власти понять и реализовать интересы объекта управления остается прежним, «политика патернализма по отношению к коренным народам» сохраняется и в настоящее время, наполняясь лишь иным содержанием, содействуя поддержанию этнокультурных различий и способствуя «усилению существующих этнических и социальных границ» (*Куропятник* 2006: 281). В русле протекционизма осуществляется современное «возрождение» культурных традиций коренных народов. Апелляция к архаике оказывается искусственной, а актуализация этнонационального фактора бесперспективной в случае, если местные этнические традиции разрушены настолько, что «возрождение их» в действительности оказывается чуждой этим традициям новацией (*Булгакова* 2015).

Обращение к трудам Гурвича помогает осознать неоднозначность феномена патернализма, способного по-разному проявляться в меняющемся социокультурном контексте. Проводивший полевые исследования Гурвич из первых рук знал о нуждах коренного населения, об его отношении к преобразованиям советского периода, его

поддержке определенных процессов модернизации. Это давало ему возможность избегать крайностей в оценке эффективности и целесообразности политики патернализма. Исследовательский пафос Гурвича вдохновлялся верой в необходимость такого приобщения коренного населения Севера к культурным достижениям других народов, которое не умаляя их этническое самосознание, должно было способствовать их социокультурной интеграции в пределах как региона, так и всей страны.

Научная литература

Булгакова Т.Д. Становление этнической идентичности в Сибири: роль традиций и современных институтов // Humanities and Social Sciences. Журнал Сибирского федерального университета. Journal of Siberian Federal University. Красноярск, 2015. № 8 (Supplement). С. 227–236.

Вдовин И.С. Малые народности Севера на социалистическом пути развития за 50 лет Советской власти // Советская этнография, 1967. № 5. С. 78–91.

Виноградова С.Н. Формирование государственной политики в отношении коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока: ретроспективный анализ // Труды Кольского научного центра РАН, 2010. С. 127–139.

Гоголев П.В. Конституционно-правовые основы патернализма и партнерства в отношении коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России. Дис. на соиск. учен. степ. доктора юридических наук. Москва, 2014. 434 с.

Гурвич И.С. Некоторые проблемы этнического развития народов СССР // Советская этнография. 1967. № 5. С. 62–77.

Гурвич И.С. Особенности современного этапа этнокультурного развития народов Советского Союза // Советская этнография. 1982. № 6. С. 15–27.

Гурвич И.С. Принципы ленинской национальной политики и применение их на Крайнем Севере // Осуществление ленинской национальной политики у народов Крайнего Севера. М.: Наука, 1971. С. 9–49.

Гурвич И.С. Современные направления этнических процессов в СССР // Советская этнография. 1972. № 4. С. 16–33.

Гурвич И.С., Таксами Ч.М. Социальные функции языков народностей Севера и Дальнего Востока СССР в советский период // Советская этнография. 1985. № 2. С. 54–63.

Донской Ф.С., Роббек В.А., Шейнин Ю.А. Интеграция коренных малочисленных народов Сибирского Севера и Дальнего Востока в общероссийскую культуру. Якутск: Издательства СО РАН, 2003. 424 с.

Куропятник М.С. Коренные народы в процессе социокультурных изменений. Санкт-Петербург: СПб гос. университет: Дисс. д-ра социол. наук. 2006. 360 с.

Пика А.И. Неотрадиционализм на Российском Севере: идти в будущее, не забывая прошлого // Социологические исследования. 1996. № 11. С. 47–53.

Поворознюк О.А. Эвенки севера Читинской области: социальные, экономические и культурные трансформации на рубеже XX-XXI веков. Дисс. на соиск. учен. степ. кандидата исторических наук. Москва: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. 2005. 318 с.

Юдин В.И. Государственная политика в отношении коренных малочисленных народов Севера: историко-политологический анализ // Власть и управление на Востоке России. 2013. № 4 (65). С. 1–10.

Юдин В.И. Государственная политика в отношении коренных малочисленных народов Севера: социально-политический анализ // Власть. 2012. № 2. С. 40–44.

Shirokogoroff S.M. Tungus Literary Language // Asian Ethnology, 1991. Vol. 50/1. http://www.shirokogorov.ru/s-m shirokogorov/publications/tungus_literary_language.

References

Bulgakova, T.D. 2015. Stanovlenie etnicheskoi identichnosti v Sibiri: rol' traditsii i sovremennykh institutov [Formation of ethnic identity in Siberia: the role of traditions and modern institutions]. *Humanities and Social Sciences*. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta*. [Journal of Siberian Federal University], 8 (Supplement), 227–236. Krasnoiarsk.

Vdovin, I.S. 1967. Malye narodnosti Severa na sotsialisticheskom puti razvitiia za 50 let Sovetskoi vlasti [Small peoples of the North on the socialist path of development for 50 years of Soviet power]. *Sovetskaia etnografiia* [Soviet Ethnography] 5: 78–91.

Vinogradova, S.N. 2010. Formirovanie gosudarstvennoi politiki v otnoshenii korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka: retrospektivnyi analiz [Formation of state policy in relation to small indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East: a retrospective analysis]. *Trudy Kol'skogo nauchnogo tsentra RAN PAH* [Proceedings of the Kola Research Center of the Russian Academy of Sciences], 127–139.

Gogolev, P.V. 2014. *Konstitutsionno-pravovye osnovy paternalizma i partnerstva v otnoshenii korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka. Rossii.* [Constitutional and legal foundations of paternalism and partnership in relation to the indigenous peoples of the North, Siberia and the Russian Far East]. Dis. na soisk. uchen. step. doktora iuridicheskikh nauk. Moscow.

Gurvich, I.S. 1967. Nekotorye problemy etnicheskogo razvitiia narodov SSSR [Some problems of ethnic development of the peoples of the USSR] *Sovetskaia etnografiia* [Soviet Ethnography] 5: 62–77.

Gurvich, I.S. 1982. Osobennosti sovremennogo etapa etnokul'turnogo razvitiia narodov Sovetskogo Soiuza [Features of the modern stage of ethnocultural development of the peoples of the Soviet Union]. *Sovetskaia etnografiia* [Soviet Ethnography] 6:15–27.

Gurvich, I.S. 1971. Printsipy leninskoi natsional'noi politiki i primenenie ikh na Krainem Severe [Principles of Lenin's national policy and their application in the Far North] In *Osushchestvlenie leninskoi natsional'noi politiki u narodov Krainego Severa* [Implementation of Lenin's national policy among the peoples of the Far North], 9–49. Moscow: Nauka.

Gurvich, I.S. 1972. Sovremennye napravleniia etnicheskikh protsessov v USSR [Modern trends of ethnic processes in the USSR]. *Sovetskaia etnografiia* [Soviet Ethnography] 4: 16–33.

Gurvich, I.S. and Ch.M. Taksami. 1985. Sotsial'nye funktsii iazykov narodnostei Severa i Dal'nego Vostoka SSSR v sovetskii period [Social functions of the languages of the peoples of the North and Far East of the USSR in the Soviet period]. *Sovetskaia etnografiia* [Soviet Ethnography] 2: 54–63.

Donskoi, F.S., V.A. Robbek, and Iu.A. Sheinin. 2003. *Integratsiia korennykh malochislennykh narodov Sibirskogo Severa i Dal'nego Vostoka v obshcherossiiskuiu kul'turu* [Integration of small indigenous peoples of the Siberian North and Far East into Russian culture]. Iakutsk: Izdatel'stva SO RAN.

Kuropiatnik. M.S. 2006. *Korennye narody v protsesse sotsiokul'turnykh izmenenii* [Indigenous peoples in the process of sociocultural change]. Sankt-Peterburg: SPb gos. universitet: Diss. d-ra sotsiol. nauk.

Pika, A.I. 1996. Neotraditsionalizm na Rossiiskom Severe: idti v budushchee, ne zabyvaia proshlogo . [Neotraditionalism in the Russian North: to go to the future without forgetting the past]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*. [Sociological study] 11: 47–53.

Povorozniuk, O.A. 2005. *Evenki severa Chitinskoi oblasti: sotsial'nye, ekonomicheskie i kul'turnye transformatsii na rubezhe XX–XXI vekov* [Evenki of the North of the Chita region: social, economic and cultural transformations at the turn of the XX–XXI centuries]. PhD diss. Moscow: Institut etnologii i antropologii im. N.N. Miklukho-Maklaia RAS.

Iudin, V.I. 2013. Gosudarstvennaia politika v otnoshenii korennykh malochislennykh narodov Severa: istoriko-politologicheskii analiz [State policy towards the small indigenous peoples of the North: historical and political analysis]. *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and management in the East of Russia] 4 (65):1–10.

Iudin, V.I. 2012. Gosudarstvennaia politika v otnoshenii korennykh malochislennykh narodov Severa: sotsial'no-politicheskii analiz [State policy towards the small indigenous peoples of the North: socio-political analysis]. *Vlast'* [Power] 2: 40–44.

Shirokogoroff, S.M. 1991. Tungus Literary Language. *Asian Ethnology*, 50/1. http://www.shirokogorov.ru/s-m-shirokogorov/publications/tungus_literary_language/01.

Bulgakova, Tatyana D.

Ilya Samuilovich Gurvich on the policy of paternalism in relation to the indigenous peoples of the North

I.S. Gurvich's research on the policy of paternalism in relation to the indigenous peoples of the North is now becoming relevant in the context of the contemporary discussion. Gurvich acknowledged that the Soviet policy of paternalism in the first place gave priority to the public interest. Nonetheless, at the same time, he was convinced that the contemporary principles of public administration were at the same time focused on meeting the needs of the indigenous population of the North and on the harmonious matching of these needs with the interests of the centralized power. It was the consistency of interests and needs of the subject and the object of management that, in his opinion, ensured the effectiveness of the Soviet policy and warranted its consolidated support from the population. Gurvich believed that the modernization of the culture of the indigenous peoples of the North was a reliable means of implementing the equality of all peoples, proclaimed in the country, and believed that achieving this equality was in demand among the indigenous population of the North. The researcher was convinced that the future does not lie in the preservation of traditional aspects of culture, but in the development of ethnic culture in the context of inevitable socio-cultural transformations. Gurvich's research proves the inevitability and necessity of introducing the indigenous people of the North to the cultural achievements of other peoples, which, without detracting from their ethnic identity, contributes to their socio-cultural integration within both individual regions and the entire country.

Keywords: *I.S. Gurvich; policy of paternalism; culture of indigenous peoples of the North; ethnic specificity of indigenous culture*

УДК 39(93/94): 930.25
DOI

© М.Ю. Киселев

ДОКЛАД И.С. ГУРВИЧА ПО ЭТНОГРАФИИ ЯКУТИИ В АРХИВЕ АКАДЕМИИ НАУК

В статье представлена информация о хранящемся в Архиве Российской академии наук докладе И.С. Гурвича «Новые данные об этнографии Северной Якутии», прочитанном на заседании сессии Института этнографии АН СССР 26 апреля 1955 г. В докладе приведены сведения об экспедициях Института языка, литературы и истории Якутского филиала АН СССР в 1953–1954 гг. по изучению состава населения, быта и культуры народов, проживавших в бассейнах рек Яны и Нижней Лены (Верхоянский, Усть-Янский, Беризинский, Жиганский районы)[1]. В результате широкого сплошного этнографического обследования удалось не только получить материал для составления этнографической карты северных районов Якутии, уточнить по ряду районов этническую статистику, но и выявить ареалы расселения отдельных этнических групп. Ученый собрал сведения для характеристики процесса национальной консолидации, весьма интенсивно протекавшей на севере Якутии. Он отмечал, что на самом деле исторический процесс на Севере шел и имел свои специфические особенности, и «дело советских историков и этнографов раскрыть сущность этих процессов, поскольку связанной истории народов Севера все еще нет».

Ключевые слова*: Гурвич И.С., Якутия, этнография, история, архив, Российская академия наук*

Архив Российской академии наук (АРАН) остается одним из старейших ведомственных архивохранилищ и информационным центром по истории науки. Среди документов архивных фондов академических учреждений сохранился фонд Института этнографии Академии наук СССР (ИЭ АН СССР), где многие годы работал известный этнограф и исследователь Якутии И.С. Гурвич. Большинство научных работ И.С. Гурвича опубликованы (*Гурвич* 1956, 1960, 1963, 1966, 1970, 1975, 1977), он являлся ответственным редактором ряда фундаментальных трудов института. В архивном фонде Института этнографии АН СССР отложилась стенограмма доклада И.С. Гурвича «Новые данные об этнографии Северной Якутии» на заседании сессии института 26 апреля 1955 г. (АРАН: 23-46). В докладе приведены сведения об экспедициях Института языка, литературы и истории Якутского филиала АН СССР в 1953–1954 гг. по изучению состава населения, быта и культуры народов, проживавших в бассейнах рек Яны и Нижней Лены (Верхоянский, Усть-Янский, Беризинский, Жиганский районы).

Киселев Михаил Юрьевич –руководитель центра учета и обеспечения сохранности документов, Архив Российской академии наук (117218 Москва, ул. Новочеремушкинская, 34). Эл. почта: kiss_ran@mail.ru. **Kiselev, Mikhail Yu.** – Archive of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). E-mail: kiss_ran@mail.ru

[1] В статье сохранена терминология источника (прим. ред.).

Рис. 1. И.С. Гурвич за работой (личный архив семьи Гурвич, 2020).

В своем докладе И.С. Гурвич сообщал, что с 1951 г. Институт языка, литературы и истории Якутского филиала АН СССР начал сплошное этнографическое обследование северных районов Якутской АССР, которые отличались крайне сложным этническим составом. За годы после Октябрьской революции изменились быт, жизнь, расселение этнических групп народов Севера, описанных дореволюционными этнографами, но по их трудам, нередко устаревшим, и в середине 1950-х гг. нередко рисовали современное состояние северных народов. Подробно ученый остановился на материале, характеризующем процесс национальной консолидации, интенсивно протекавший на севере Якутии.

И.С. Гурвич отмечал, что процесс сближения между отдельными этническими группами значительно усилился после 1917 г., что прежде всего было связано с упразднением прежних архаических административных единиц. В результате обрусевшие юкагиры и чуванцы окончательно слились с русскими старожилами. Преодолению замкнутости отдельных этнических групп способствовало проводившееся первичное землеводоустройство и районирование. При проведении этих мероприятий охотничьи и рыболовецкие участки выделялись той или иной группе населения по хозяйственному принципу. В качестве примера ученый приводил районы бассейна реки Индигирки, где водились дикие олени и горные бараны, которые были закреплены за группами хозяйств, занимавшихся промысловой охотой на крупно-копытных. В эти районы р. Мома, Селленнях, Уянды, наиболее подходящих для промысла, стягивались хозяйства из различных ламутских родов и кочевые якуты-оленеводы.

При создании колхозов, переходе на устав сельскохозяйственной артели, товарищества объединялись, в результате этого в них сосредотачивались обычно люди из различных административных и этнических групп. Так на Колыме в колхоз Турваургин вошли чукчи, эвены, юкагиры, якуты. На реке Яне в колхоз им. Сталина вошли эвены Кунгурского, Момольского родов и якуты. Коллективизация перестроила хозяйства в тундре и привела к тому, что мелкие изолированные и обособленные этнические группы стали быстро сближаться. В низовьях рек Колымы и Индигирки, где в прошлом был целый ряд мелких замкнутых этнических групп, получило распространение такое явление, как многоязычие. Собранный И.С. Гурвичем материал показал, что нижне-колымские чукчи, эвены, одулы владели тремя-четырьмя языками – родным (своей группы) языком и языком своих соседей.

При этом выделялся ведущий язык: в низовьях реки Колымы им был русский язык, в низовьях рек Индигирки, Яны, Лены – якутский. В последней экспедиции ученый наблюдал в Саккырырском и Усть-Янском районах любопытное явление пе-

рехода эвенов со своего родного языка на якутский. Он встречался с тем, как протекал разговор на двух языках: молодежь говорила на якутском языке, старики отвечали и подавали реплики на эвенском языке, причем молодежь лучше знала якутский язык, чем эвенский, и зачастую даже не говорила по-эвенски.

Ученый отмечал, что в прошлом у каждой этнической группы был свой выработанный в течение длительного времени уклад хозяйства. После коллективизации эти этнографические типы хозяйства перестали быть характерными для определенной этнической группы. На Индигирке и Колыме оленеводством чукотского типа занялись эвены, так как дикие олени исчезли. К оленеводству, промысловым хозяйствам перешли отдельные группы якутов. Унифицировались по Северу способы выпаса оленей, в известной степени единообразными стали нартовая упряжка, способы рыболовства и охоты.

И.С. Гурвич констатировал, что за последние десятилетия вместе с общей перестройкой быта отдельные этнические группы утеряли внешние культурные признаки, выделявшие их из среды окружающих народностей. Для эвенско-эвенкийского народного костюма характерным считался нагрудник и узкий, облегающий фракообразный покрой дохи. К середине 1950-х гг. почти все группы эвенов и эвенков севера Якутии не носили ни передников-нагрудников, ни доху, исключение составляли нижне-колымские эвены. Чукотский глухой мужской костюм, очень удобный и распространенный на Севере, стал характерным не только для чукчей, но также использовался на западе в тундре якутами, эвенами и русскими старожилами. То же самое ученый говорил о литературе и фольклоре: распространение и популярность по всему северу Якутии получали книги и произведения, которые не являлись достоянием какой-нибудь этнической группы.

Процесс сближения обособленных в прошлом этнических групп с якутами, основной народностью Якутской АССР, не во всех районах протекал одинаково. И.С. Гурвич отмечал, что процесс национальной консолидации в основном завершился в Олекском, Анабарском, Жиганском, Абыйском районах на западе реки Лены. Основное население этих районов – эвены и эвенки – еще в прошлом сблизилось с пришельцами якутами, которых было значительно больше, чем их, усвоило якутские язык и культуру, и, таким образом, образовались своеобразные культурные группы якутского народа. Однако на востоке реки Лены этот процесс не завершился полностью.

Отдельно ученый останавливался на процессе объединения мелких этнических групп в Усть-Янском районе. В прошлом там обитали следующие народности: эвены, хромы, ламунсинцы, юкагиры, омолойцы, якуты, тунгусы. Кроме того, здесь жили русские старожилы Устьянского крестьянского общества (семь хозяйств). Они в XIX в. перешли на якутский язык и не использовали русский язык. Таким образом, еще до советской власти происходило объединение отдельных этнических групп. Юкагиры сблизились с эвенами и перешли на эвенский язык, в дальнейшем низовские эвены и юкагиры в большинстве семей утратили эвенский язык и стали говорить по-якутски. По материальной культуре эти группы очень мало отличались друг от друга. Однако, в каждой из них у стариков сохранилось представление, что они были особым народом, то есть национальное самосознание не утратилось.

Аналогичное положение было в Булунском районе в низовьях реки Лены. Русские старожилы окончательно слились с якутами еще в XIX в., на востоке кочевали юкагиры и эвены, сохранявшие до недавнего времени свой эвенский язык. В этой группе, составлявшей 1/15 часть населения района, помнили о том, что они эвены.

Более интересной, по мнению И.С. Гурвича, была группа эвенков – кюп-эжанцев. Когда-то в низовьях Яны были эжанский и кюпский роды эвенков, которые утеряли свой язык в XIX в. Оба рода объединились, и в рассматриваемый период отличались от эвенков только тем, что старики помнили, что они когда-то считались бродячими тунгусами и платили налог меньше, чем якуты. В тот период имелся Кюп-эжанский наслег, однако, ученый не смог установить, на каком языке там говорили.

И.С. Гурвич отмечал путаницу в определении этнических групп населения. В Булунском районе все население – и эвены, и якуты – были объявлены и числились эвенами и эвенками. Ученому удалось выяснить, что основанием для причисления якутского населения к эвенам послужило в 1930-х гг. то, что они занимались не скотоводством, а оленеводством. Это укрепилось в административной районной практике – население числилось эвенками, хотя сами люди этого не признали. Приезжая обычно на праздники, руководители района просили выступить местных якутов на родном языке, и очень удивлялись, что никто этого сделать не может.

И.С. Гурвич отмечал, что на местах не всегда понимали и отдавали себе отчет о происходивших этнических процессах, которые были прогрессивными. По его мнению, «задача местных организаций – не пытаться законсервировать, гальванизировать мелкие архаические этнические единицы, которые отчасти сохранили местные языки, но являются двуязычными, не устраивать для них школы на эвенском языке, а облегчить этот процесс, к которому стремится местное население, сблизиться с эвенкско-эвенкийским народом». В качестве примера ученый приводил факт указания руководства об открытии школы с преподаванием на эвенском языке. И.С. Гурвич установил, что население двуязычно, а дети знают якутский язык не хуже эвенского. Кроме того диалект, на котором говорили эвены, проживавшие в этом наслеге, отличался от диалектов, на которых созданы учебники. Таким образом, обучение на эвенском языке детей означало задерживание их культурного развития.

Ученый констатировал, что экспедиции 1951–1954 гг. показали процесс глубочайшей перестройки хозяйства, быта и культуры населения северных районов Якутии. Большинство северных колхозов практиковало комплексное промысловое хозяйство, основанное на развитии традиционных для севера отраслей производства (оленеводство, охота, рыболовство). Однако соотношение этих отраслей в комплексе и техника ведения хозяйства резко изменились. В большинстве тундровых и межтундровых колхозов развивалось оленеводство, не только транспортного направления, но и по производству мяса и выделки шкур. Охота на крупно-копытных отошла на второй план, главное же место заняла товарная пушная охота. Рыболовство приобрело промышленное направление только в устьях рек, в большинстве колхозов это была подсобная отрасль хозяйства. Оленеводство получило распространение в тех районах, где оно в прошлом было слабо развито – Абыйском, Верхоянском, Средне-Колымском – якутские колхозы занимались им как отраслью, помогающей развивать пушной промысел.

Ученый отмечал попытки организации летом в лесотундре звероводческих ферм по выращиванию черно-серебристой лисицы; а также развитие коневодства, хорошо зарекомендовавшего себя в сочетании с оленеводством, и свиноводства, последнее, правда, слабо себя оправдало. При освоении огромных промысловых участков охотники и оленеводы использовали переносные традиционные формы жилища – чумы и яранги; палатки в большинстве районов севера оказались непрактичными и были заменены более удобными чумами. Изменилась и обстановка в чумах: появились де-

ревянные полы и двери, окна, железные печи, часы, постели с подзорами, швейные машины. Колхозами был поставлен вопрос о разработке типовых жилищ и их массовом производстве с возможностью доставки и сборки на месте.

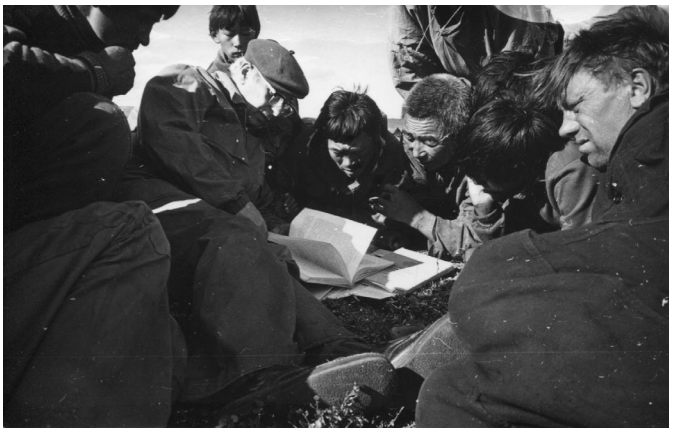

Рис. 2. Работа в "поле" (личный архив семьи Гурвич, 2020).

По мнению ученого, изменился и характер расселения внутри районов: территориально распыленные в прошлом жители стянулись к крупным поселкам и населенным пунктам. В Булунском районе от колхоза до колхоза было 300 км, в настоящее время они объединились; в Жиганском районе было два колхоза, объединившие сразу три села – Тумасское, Батамасское и Юкагирское – в результате три колхоза разместились на площади 400 кв. км. На Севере население стало получать значительные денежные доходы, составлявшие 10-30 руб. на один трудодень. В то же время И.С. Гурвич наблюдал сохранившуюся традицию питания в Верхоянском районе, когда отсутствовал обед, а вечером употреблялось невероятное количество мяса, даже в интернатах. Население от 18 до 45 лет умело писать и читать, бригадиры, заведующие фермами, руководители колхозов имели образование в объеме 6-7 классов. В большинстве северных районов, как показали результаты экспедиций, специалисты со средним специальным образованием (радисты, киномеханики, ветеринарные техники, зоотехники, фельдшера, учителя) были коренными жителями районов.

И.С. Гурвич констатировал, что на Севере не стоял вопрос борьбы с шаманством, причем отход населения от шаманов и знахарей прошел значительно быстрее, чем на Кавказе и в Средней Азии. Он связывал этот факт с тем, что на Севере плотность населения значительно меньше, и традиции не так сохранялись, как в местах большой плотности этнических групп. В экспедициях тщательно фиксировался этнографический материал, воспоминания людей, помнящих приемы охоты с луком и стрелами, массовые поколки оленей на переправах, видевших и исполнявших шаманские мистерии, знакомых с охотничьими обрядами. Обследование каждой этнической группы сопровождалось сбором материалов, раскрывающих ее происхождение и историю. По мнению ученого, «эта работа проводилась не только потому, что современные этнические процессы невозможно понять, если не разобраться в прошлом каждой этнической группы, но и в связи с тем, что история народов Севера все еще запущенный участок».

В русской реакционной литературе прошлого, и, в особенности, за рубежом, утверждали, что истории у народов Севера не существовало, как не было войн и общественных движений, да и сами народы Севера были неспособны к историческому развитию. Полевой материал, данные о родоплеменном составе, описания материальной культуры, легенд и преданий в сочетании с архивными источниками позволили к середине 1950-х гг. внести некоторые коррективы в представления об истории Севера после присоединения Якутии к России.

И.С Гурвич констатировал, что удалось установить пути распространения якутской кочевой культуры: на протяжении XVII–XIX вв. районы скотоводства постепенно расширялись. Во второй половине XVII в. скотоводство интенсивно продвигалось в бассейн реки Вилюй, перед приходом русских людей оно проникло на берега реки Яны. Отсюда, отчасти из центра Якутии в XVIII–XIX вв. группы скотоводов продвинулись в бассейны рек Индигирки и Колымы. Удалось установить, что первоначально этот район был освоен коневодами. Затем, постепенно с обследованием новых территорий, с выжиганием тальника и леса, спуском озер, эти места были приспособлены под скотоводство. За 300 лет ландшафт Якутии был значительно изменен коренным населением – этот факт в литературе не был достаточно отмечен.

Ученому, как участнику экспедиций, удалось проследить и пути формирования отдельных локальных групп якутского народа – вилюйской, колымской, индигирской. Согласно историческим источникам, данным о родоплеменном составе и историческим преданиям, эти группы сложились из отдельных частей родов центральных якутов. Интересным, по мнению И.С. Гурвича, являлся процесс образования своеобразных групп якутов-оленеводов в бассейнах рек Нижней Яны и Нижней Лены. Крайне немногочисленное эвенкийское и эвенское население было поглощено переселившимися сюда якутами. Якуты-переселенцы заимствовали у коренных жителей хозяйственный строй, коренное же население у них культуру: в результате образовалась своеобразная группа якутского народа.

Ученый подметил, что совсем не освещен в литературе вопрос изучения миграций эвенских и эвенкийских племен в XVII–XIX вв. Исследование показало, что в тот период продолжалось продвижение эвенков (после прихода русских) на север, и в результате отдельные юкагирские группы ассимилировались эвенками. Это привело к тому, что к середине 1950-х гг. почти все группы юкагиров утратили свой язык. По словам ученого, в экспедициях были получены интересные данные о миграции эвенков на восток, о том, что Ветельский род перекочевал сначала в бассейн реки Лены, потом в бассейн реки Колымы, и здесь растворился среди якутов.

В результате широкого сплошного этнографического обследования удалось не только собрать материал для составления этнографической карты северных районов Якутии, уточнить по ряду районов этническую статистику, но и выявить ареалы расселения отдельных этнических групп. Ученый писал, что на самом деле исторический процесс на Севере шел и имел свои специфические особенности, и «дело советских историков и этнографов раскрыть сущность этих процессов, поскольку связанной истории народов Севера все еще нет».

Представленная информация показывает высокий профессионализм И.С. Гурвича в вопросах этнографии, его усердие и заинтересованность в освещении быта и культуры этнических групп Якутии, любовь к народам и природе Севера. Материалы доклада позволяют расширить источниковедческую базу по научному наследию ученого и истории этнографии народов Севера России, могут быть использованы в исследовательских и образовательных целях.

Источники

АРАН – Новые данные об этнографии Северной Якутии // АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 652. Л. 23–46.

Научная литература

Гурвич И.С., Токарев С.А. Якуты // Народы Сибири / Под ред. М.Г. Левина, Л.П. Потапова. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1956. С. 267–328.

Гурвич И.С., Степанова М.В. Юкагиры // Народы Сибири / Под ред. М.Г. Левина, Л.П. Потапова. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1956. С. 885–895.

Гурвич И.С. Корякский национальный округ: (Очерки географии, истории, этнографии, экономики) / И.С. Гурвич, К.Г. Кузаков. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. 303 с.

Гурвич И.С. Русские старожилы долины реки Камчатки // Советская этнография. 1963. № 3. С. 31–41.

Гурвич И.С. Русские на Северо-Востоке Сибири в XVII в. // Труды Института этнографии. Научный сборник. Т. 85. М.: Наука, 1963. С. 71–91.

Гурвич И.С. Этническая история Северо-Востока Сибири // Труды Института этнографии. Научный сборник. Т. 89. М: Наука, 1966. 269 с.

Гурвич И.С. Алеуты Командорских островов (историко-этнографический очерк) // Советская этнография. 1970. № 5. С. 112–123.

Гурвич И.С. Юкагирская проблема в свете этнографических данных // Юкагиры. Историко-этнографический очерк. Новосибирск, 1975. С. 12–83.

Гурвич И.С. Юкагиры в советское время // Юкагиры. Историко-этнографический очерк. Новосибирск, 1975. С. 135–153.

Гурвич И.С. Этногенез и этническая история народов Севера. М.: Наука, 1975. 264 с.

Гурвич И.С. Культура северных якутов – оленеводов: К вопросу о поздних этапах формирования якутского народа. М.: Наука, 1977. 247 с.

References

Gurvich, I.S., and S.A. Tokarev. 1956a. Yakuty [Yakuts]. In *Narody Sibiri* [Peoples of Siberia], 267–328Moscow; Leningrad.

Gurvich, I.S., and M.V. Stepanova. 1956b. Yukagiry [Yukagirs]. In *Narody Sibiri* [Peoples of Siberia], 885–895. Moscow; Leningrad.

Gurvich, I.S. 1960. *Koryakskiy natsional'nyy okrug: (Ocherki geografii, istorii, etnografii, ekonomiki)* [Koryak National District: (Essays on Geography, History, Ethnography, Economics)] Moscow: Publishing house of Acad. Sciences of the USSR.

Gurvich, I.S. 1963. Russkiye starozhily doliny reki Kamchatki [Russian old-timers of the Kamchatka river valley]. *Soviet ethnography* 3: 31–41.

Gurvich, I.S.1963. *Russkiye na Severo-Vostoke Sibiri v XVII v.* [Russians in the North-East of Siberia in the 17th century]. Proceedings of the Institute of Ethnography. Scientific collection 85, 71–91. Moscow: Nauka.

Gurvich, I.S. 1966. *Etnicheskaya istoriya Severo-Vostoka Sibiri* [Ethnic history of the North-East of Siberia]. Proceedings of the Institute of Ethnography. Scientific collection 89, Moscow.

Gurvich, I.S. 1970. Aleuty Komandorskikh ostrovov (istoriko-etnograficheskiy ocherk) [Aleuts of the Commander Islands (historical and ethnographic essay)]. *Soviet ethnography* 5: 112–123.

Gurvich, I.S. 1975a. Yukagirskaya problema v svete etnograficheskikh dannykh [The Yukagir problem in the light of ethnographic data]. In *Yukagiry. Istoriko-etnograficheskiy ocherk* [Yukagir. Historical and ethnographic essay], 12–83. Novosibirsk.

Gurvich, I.S. 1975b. Yukagiry v sovetskoye vremya [Yukagirs in Soviet times] In *Yukagiry. Istoriko-etnograficheskiy ocherk* [Yukagir. Historical and ethnographic essay], 135–153. Novosibirsk. Gurvich, I.S. 1975. *Etnogenez i etnicheskaya istoriya narodov Severa* [Ethnogenesis and ethnic history of the peoples of the North]. Moscow: Nauka.

Gurvich, I.S. 1977. *Kul'tura severnykh yakutov – olenevodov: K voprosu o pozdnikh etapakh formirovaniya yakutskogo naroda* [The culture of the northern Yakuts – reindeer herders: On the issue of the late stages of the formation of the Yakut people]. Moscow: Nauka.

Kiselev, Mikhail Yu.

A Report by I.S. Gurvich on the Ethnography of Yakutia (from the Archive of the Russian Academy of Sciences)

The article provides information on the report by I.S. Gurvich "New Data on Ethnography of Northern Yakutia", stored in the Archive of the Russian Academy of Sciences, presented at a meeting of the Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences on April 26, 1955. The report contains information about expeditions of the Institute of Language, Literature and History of the Yakut Branch of the USSR Academy of Sciences in 1953-1954. The expeditions aimed to study the composition of the population, life and culture of the peoples living in the basins of the Yana and Lower Lena rivers (Verkhoyansk, Ust-Yansky, Berizinsky, Zhigansky regions). As a result of a wide continuous ethnographic survey, it was possible not only to collect material for an ethnographic map of the northern regions of Yakutia and to further elaborate ethnic statistics for a number of regions, but also to identify areas of settlement of specific ethnic groups. The scientist managed to collect sufficient material to characterize the process of national consolidation, which was extremely intensive in the north of Yakutia. He noted that in reality the historical process in the North was still going on and had its own specificity, and "the task of Soviet historians and ethnographers is to reveal the essence of these processes, since there is still no connected history of the peoples of the North."

Keywords: *Gurvich I.S., Yakutia, ethnography, history, archive, Russian Academy of Science*

УДК: 930.25; 398
DOI

© *В.И. Сподина*

ФОЛЬКЛОРНОЕ НАСЛЕДИЕ ЮГРЫ: ОПЫТ АРХИВИРОВАНИЯ В XXI ВЕКЕ[1]

В статье нашли отражение история и этапы исследования хантыйского фольклора с первой половины XIX в. по настоящее время. Впервые приводится характеристика современного периода изучения фольклора, сформулированная автором его периодизации Т.В. Волдиной. Отмечены особенности сбора и хранения различных жанров фольклора, учитывающие менталитет исполнителей, а также поставлены задачи, на которые следует обратить внимание учреждениям, ведущим сбор, хранение и изучение нематериального культурного наследия коренных малочисленных народов Севера.

Ключевые слова: *фольклор, былички, ханты, манси, сакральные тексты, адаптация фольклорного сюжета, система электронного архивирования*

Особенности *культурной памяти* как своеобразной символической формы передачи и актуализации культурных смыслов, приход в науку самих носителей традиционной культуры накладывают отпечаток на современные подходы к сбору и хранению фольклора коренных малочисленных народов Севера. Они проявляются в том, что произошёл отход от формализованной фиксации устного народного творчества к доверительному диалогу между «своими» – «своим» исследователем и «своим» информантом-исполнителем. Такая саморефлексия, изучение фольклора изнутри культуры, накладывает отпечаток на специфику методики его сбора и хранения.

Целенаправленно фольклор обских угров начал собираться с середины XIX в. в основном учёными Венгрии и Финляндии. Антал Регули во время своей экспедиции к северным хантам в 1843–1845 гг. в Берёзово записал первую остяцкую песню, текст которой открыл для него «высокую ценность остяцкой поэзии» (Папаи 1993: 26). Сказки южных (иртышских) хантов были собраны финским лингвистом А. Каннисто в период его поездки в Северо-Западную Сибирь в 1845 г. Фольклор был в центре внимания и другого финского исследователя А. Алквиста. Его материалы «стали первыми образцами хантыйского фольклора, появившимися в печати» (*Волдина* 2002: 23). В России первые краткие записи устного народного творчества ханты связаны с именем Н.А. Абрамова, который включил несколько преданий и легенд в этнографическое описание хантов Березовского края, вышедшее в 1858 г. (*Абрамов* 1858: 327–448). Сбор фольклора продолжается и в настоящее время усилиями учёных, работников культуры ХМАО–Югры.

Сподина Виктория Ивановна – д.и.н., главный научный сотрудник, БУ ХМАО–Югры «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок» (628011 Ханты-Мансийск, ул. Мира 14а). Эл. почта: vspodina@mail.ru. **Spodina, Victoria Ivanovna** – Dr. of Hist., Ob-Ugric Institute of Applied Research and Development (Khanty-Mansiysk, Russia). E-mail: vspodina@mail.ru

Обстоятельное исследование Т.В. Волдиной, насчитывающее свыше ста имен собирателей устного народного творчества хантов, содержит авторскую периодизацию истории изучения хантыйского фольклора. Ею выделены следующие шесть этапов:

- первый этап (1840–1850-е годы) – начало изучения хантыйского фольклора, запись фольклорных текстов преимущественно венгерским учёным А. Регули;
- второй этап (1860-е годы – начало XX века) – сбор, расшифровка, публикации первоисточников, анализ фольклора как отечественными, так и зарубежными учёными;
- третий этап (начало XX века – 1920-е годы) – затухание собирательской деятельности, но активизация публикации ранних записей хантыйского фольклора;
- четвёртый этап (1930–1950 годы) – включение в собирательскую деятельность сотрудников Института народов Севера и представителей самого хантыйского народа;
- пятый этап (1960–1980-е годы) – сбор фольклора ведётся на хантыйском языке, главным образом, силами этнической интеллигенции (в основном, любителями) и первым хантыйским учёным Н.И. Терёшкиным, ведутся записи и публикации на русском языке Н.В. Лукиной и В.М. Кулемзиным;
- шестой этап (1991–2000 годы) – бурное развитие собирательской деятельности, исследование фольклора на научном уровне проводится учёными из числа коренных малочисленных народов Севера [Т.А. Молданова, Т.А. Молданов] (*Волдина* 2002: 183–184).

Реалии XXI в. позволили исследователю дополнить периодизацию ещё одним, седьмым (с 2000 г. по настоящее время), этапом. Т.В. Волдина связывает его «с качественным сдвигом в процессе дальнейшего изучения фольклора научными сотрудниками Обско-угорского института прикладных исследований и разработок – носителями хантыйского языка, с системным подходом к изданию материалов фольклора, а также с его представлением в виртуальном пространстве сети Интернет» (Устное сообщение Т.В. Волдиной, Ханты-Мансийск, 2019).

Накопленный массив фольклорных текстов, осознание этническим сообществом и органами государственной власти их огромной духовной ценности, потребности включения в региональный компонент образовательных программ материалов по традиционной культуре, привели к постановке задачи по систематизации собранного материала, созданию в местах компактного проживания хантов, манси и лесных ненцев фольклорных архивов и фондов. В 1991 г. образовался Белоярский архив северных хантов под руководством известного венгерского филолога Е.А. Шмидт. В 1993 г. по инициативе представителей этнической интеллигенции, ассоциации «Спасение Югры» и С.А. Поповой был создан фольклорный архив народа манси в районном центре Берёзово (рук. С.А. Попова), а в 1994 г. – Окружной научный архив (рук. Т.А. Молданова). В 2003 г. открылись ещё два фольклорных научных архива – сургутских хантов (рук. А.С. Сопочина) и Нижневартовский – по сбору фольклора лесных ненцев. Его возглавил Ю.К. Айваседа-Вэлло (*Попова* 2005: 9–10).

В настоящее время фольклор обских угров и самодийцев хранится в Обско-угорском институте прикладных исследований и разработок. В 1991 г. в его структуре был создан архивный отдел, который претерпел ряд преобразований (с 1994 г. –

Научно-фольклорный отдел, с 1997 г. – Научно-фольклорный фонд, с 2009 г. – Фольклорный отдел, с 2014 г. – Фольклорный центр). В его задачи входят: запись фольклорных текстов и образцов речи разных групп хантов, манси и ненцев, фиксация обрядов и праздников, систематизация материалов по культурному наследию коренных народов Югры, создание электронной базы данных по обско-угорскому фольклору. Такой подход позволил «поставить на высокий уровень хранение, учёт, популяризацию памятников устного народного творчества народов ханты и манси, использование архивных материалов в различных мультимедиа проектах» (*Попова* 2005: 16). За более чем четверть века сотрудниками института у 500 исполнителей записан фольклорный материал (около 4000 час. аудиозаписей на родных языках). Бóльшую часть фольклорных текстов составляют личные песни, а также былички.

При записи фольклорных текстов учитываются как особенности традиционного мировоззрения исполнителей, так и их отношение к различным жанрам устного народного творчества. Например, былички про невероятные истории с «участием» НЛО (карты хоп ‘железная лодка’) следует записывать без намёков на вымысел и обязательно в речевой стилистике информанта. При фиксации «страшилок», чтобы настроить информанта «на нужную волну», собиратель вспоминает что-либо из зафиксированных ранее текстов. Рассказывать про пугающие существа информанты-женщины начинают не сразу, а «предпочитают незаметно положить рядом с собой какой-либо оберег (клык медведя), который находился в каком-либо швейном мешочке. При раскрытии образа невидимого существа они прибегают к жестикуляции, для того, чтобы вслух не произносить того, что касается внешних его характеристик. Например, ныне уже покойная Тарлина Дарья Григорьевна некоторые былички рассказывала шёпотом, пугающих существ называла иносказательно, чаще применяла указательное местоимение тумиелан – те» (Устное сообщение Е.Д. Каксиной, Белоярский, 2019).

При записи быличек следует фиксировать так называемые вводные фразы, которые важны для информанта: «чтобы этого никогда ни с кем не случилось», «чтобы никогда не наступило это время», «чтобы таких дней не было», «я никогда про эти случаи никому зря (как попало) не рассказываю», а также с пониманием относиться к пожилым исполнительницам, которые ещё и сейчас натягивают на лицо платок, прикрывая глаза от исследователя. Рассказывая былички исполнитель часто меняет темп рассказа (от быстрого к медленному) и силу звука (от громкого к тихому). Эти нюансы создают глубину ощущений, придают красочность и ритмику рассказу. Кроме того, информант, как правило, просит, чтобы эти рассказы слышал только один человек, что они не для массового слушателя, «как бы должны быть в тайне».

Чтобы сбор фольклорного материала был успешным, следует учитывать время суток, в которое планируется работа с носителем фольклора. «Все пугающие рассказы записываются днем, потому что вечером их рассказывать нельзя, так как информанты верят, что с наступлением сумерек пугающие существа их услышат, и за разглашение информации о них могут рассердиться и показаться на глаза, а это в свою очередь недобрый знак, предсказатель смерти. Иные информанты предпочитают вообще об этом не рассказывать, как бы собиратель не пытался их разговорить. Хотя другие жанры, сказки, личные песни производились ими без ограничений» (Устное сообщение Е.Д. Каксиной, Белоярский, 2019).

Важно соблюдать требования к записи сакральных текстов, к категории которых относятся заговоры. Магические слова, содержащиеся в них, обладают, по поверьям обских угров, волшебной силой. Особо это касается заговоров, связанных с благополучием рода, со здоровьем отдельных членов семьи. Поэтому их слова не передаются, да и собиратели фольклора на этом не настаивают. В противном случае исполнитель лишится магического дара, а исследователь потеряет доверие исполнителя. Исключение составляют заговоры, «связанные с общим воздействием на окружающую среду, например, погоду и т.д.» (*Ерныхова* 2014: 131).

В настоящее время прослеживается тенденция расширения границ изучения фольклора. Публикуются исследования по городскому фольклору, школьному фольклору, семейным рассказам и др. Н.В. Новиков, один из ведущих отечественных сказковедов, считал, что нельзя ограничивать предмет фольклора исключительно наследием, а следует внимательнее изучать процессы рождения новых образцов народного искусства (цит. по ст.: Мельц 1997: 62). К таким «новым» образцам можно отнести современный детский фольклор. При этом важным аспектом записи фольклора является необходимость указания на обстановку, в которой он был записан. «Известно, что исполнение фольклорного произведения сказителем в чуждой социальной обстановке или общественно-исторической среде может стать причиной искажения и разрушения фольклорного текста, а это может привести к неправильной интерпретации, исторической недостоверности реконструкции породившей эпохи» (*Ерныхова* 2017: 72).

В качестве примера приведём сказку, сочинённую Кантеровым Кириллом (ханты, 8 лет) и записанную А.С. Сопочиной в 2016 г. в школе-интернате пос. Лямино Сургутского р-на.

> – «Однажды жена с мужем живут в стареньком домике. У них дочь и сын. Мужчина пошёл на охоту. Дом у них не из брёвен построен, а сложен из старых палок. Мужчина построил дом из брёвен, окошко купил в магазине, люди дали ему деньги, было у него триста (рублей). Купил «Дружбу» (пилу), чтобы дом строить, топор сделал сам. Построил карали (загоны для оленей). А ещё <…> из досок кровать смастерил. Простыней у них не было, они постелили медвежью шкуру, спать очень тепло, вместо одеяла укрылись лисьей шубой. А ещё у них не было подушек. Отец пошел на охоту, добыл уток, их ощипали, перьями набили лисьи шкуры, края сшили, получились тёплые, мягкие подушки.
>
> <…> На следующий день мужчина рано встал и пошёл на охоту. Шёл по болотистой местности и наткнулся на дома. В один из домов зашёл, это был двухэтажный дом. Он хорошенько изнутри осмотрел дом, как сделан, чтобы самому дома также строить. <…> И стоили эти дома очень дорого. Мужчина одному человеку дом построил и ему дали деньги. Одной женщине пекарню построил, также много денег дали. Потом построил два двухэтажных дома и ещё несколько домов, денег много получал и поэтому купил машину» (расшифровка и перевод А.Н. Волковой, 2019).

Этот пример показывает адаптацию фольклорного сюжета и образов к изменившейся социальной действительности. Очень метко по этому поводу заметил А.С. Каргин: «Пьесы Эврипида и Софокла, Шекспира и Мольера,

Чехова и Островского – не более чем канва для многих поколений режиссеров и актеров. Каждый прочитывает и “оживляет” их по-своему; так же обстоит дело и с музыкальными произведениями. В реальном исполнении все они получают многовариантную трактовку, отражая современное этому исполнению понимание их смысла» (*Каргин* 1997: 25).

Важным направлением деятельности Фольклорного центра Обско-угорского института прикладных исследований и разработок является не только сбор, но и хранение фольклорных текстов, особенно содержащих магнитофонные записи. Известно, что срок хранения звука на аудио, видеопленке очень ограничен: со временем происходит слипание пленки, размагничивание, что приводит к исчезновению звука и изображения. Необходимость обеспечения сохранности звуковых фондов поставила задачу перевода звукового и аудиовизуального фонда на цифровые носители, с соблюдением всех международных стандартов, утвержденных Техническим комитетом Международной ассоциации звуковых и аудиовизуальных архивов, функционирующих под эгидой ЮНЕСКО. Звуковой фонд, приведённый в соответствие с едиными стандартами звукового архивирования, открывает возможности для включения фольклорных коллекций коренных малочисленных народов ХМАО–Югры в программу ЮНЕСКО «Память Мира» (Memory of the World).

С этой целью институтом был реализован проект по созданию электронного депозитария на базе музейно-информационной программы КАМИС. На каждую запись заводится учётная карточка, снабжённая научно-справочным аппаратом (данные об исполнителе, фольклорном тексте, авторе перевода и др.), что позволяет вести сквозной учет приема, выдачи материалов для изучения, обеспечивает быстрый поиск и получение различных справок, начиная от любой сказки и заканчивая биографиями информантов (рис. 1).

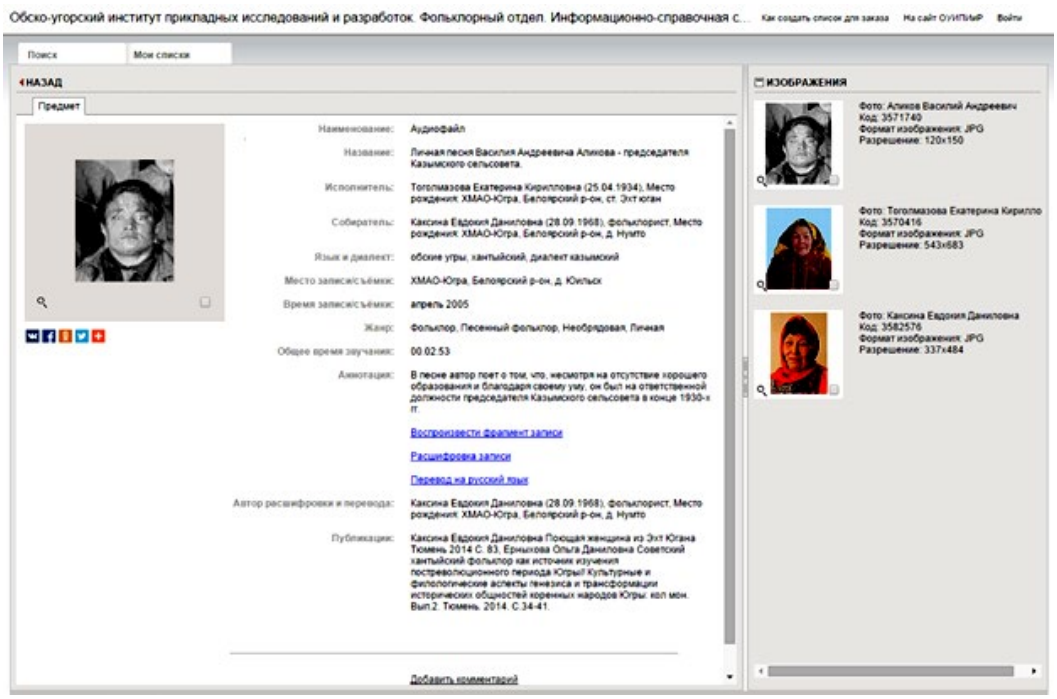

Рис. 1. Учётная карточка на фольклорную запись.

Сотрудники Фольклорного центра эту электронную систему именуют уважительно КАМИС-аки. В хантыйской родственной терминологии слово аки обозначает «дядя». Это все старшие мужчины из рода отца/матери (старший брат отца или матери, сын старшего брата матери, если он старше матери). Ценностный статус дяди в традиционной культуре необычайно высок. Например, дух Вошаң ики называет себя «дядей всех юильских хантов» (*Молданов* 1999: 25). К богу грома и молнии Пăлəң акєм «Гроза-дядя» ханты обращались с просьбой изменить погоду: «Дядя, твой водяной живот пусть в другом месте лопнет» (Акєм ики*,* йиңк хунэн па тăхийн пєлки ат похан) (*Пятникова* 2008: 66). На уровне бытовых отношений среди хантов и ненцев зачастую можно услышать достаточно устойчивый фразеологизм, означающий выбор будущего дерева для изготовления обласа: «Вот растёт моя лодка, а рядом – лодка моего дяди» (*Перевалова, Карачаров* 2006: 24).

При обработке и хранении записей мы учитываем пожелания исполнителей, связанные с их символическим мышлением (запрет на размещение сакральных текстов, отдельное их хранение от записей других жанров и др.). Так, например, ссылаясь на волю исполнителей, некоторые тексты нами закрыты для использования на 20 лет (записи обрядов жертвоприношений, материал о людях, «которые делали гадости другим людям и что с ними затем происходит»). При обработке аудиокассеты исследователь делает лишь тезисное её описание, внося помету «далее кассету не прослушивала» и ставит свою подпись. «В этом случае, – отмечает О.Д. Ерныхова, – можно говорить о том, что видеокассета или диск со священным материалом наделяется носителем фольклорной традиции сакральным смыслом и требует особого почитания и бережного хранения. По словам информантов, достаточно хранить подобные материалы выше уровня хранения остальных записей, а ещё лучше, если для них будет использован специальный шкаф, который также должен располагаться выше других шкафов» (Ерныхова 2014: 130). С таким же отношением к сакральным текстам столкнулся и автор настоящей статьи. При расшифровке ненецкой песни-обращения к Богу Солнца (Тяля-ңеңе) Ю.К. Айваседа-Вэлла сделал следующее замечание: «Такие песни нельзя “беспокоить” зря» (Песни реки Аган 2003: 45), в смысле прослушивать или исполнять.

Хотелось бы отметить, что проект «Электронный депозитарий по фольклору обских угров и самодийцев» (КАМИС) стал лауреатом премии за сохранение языкового многообразия «Ключевое слово» (2017), учреждённой Федеральным агентством по делам национальностей.

Таким образом, учёт особенностей этнического мировоззрения выдвигает перед фольклорной архивистикой задачу бережного подхода к информантам, актуализации методики сбора, обработки, перевода, хранения образцов фольклора, выработке стандартов фольклорного архивирования, правил доступа к материалам, находящимся в учреждениях, хранящих нематериальное культурное наследие коренных малочисленных народов Севера.

В марте 2019 г., на открытии Международного форума «Год языков коренных народов в России», Губернатор ХМАО–Югры Н.В. Комарова выступила с инициативой создания на основе депозитария по фольклору Обско-угорского института прикладных исследований и разработок Этнокультурного банка как международной площадки для широкого взаимодействия финно-угорских народов. В условиях перехода на цифровой способ связи, записи и передачи данных с

помощью цифровых устройств, развития глобальной сети Интернет важно не потерять мировоззренческий аспект культурной памяти, сохраняемый традицией в XXI веке.

Источники

Абрамов 1858 – *Абрамов Н.А.* Описание березовского края // Тобольские губернские ведомости. 1858. № 19–25. С. 327–448.

Песни реки Аган 2003 – Песни реки Аган / запись текстов и примечания В.И. Сподина. Мегион-Варьёган: Инфорес Принт, 2003. 88 с.

Устное сообщение Е.Д. Каксиной, Белоярский, 2019.

Устное сообщение Т.В. Волдиной, Ханты-Мансийск, 2019.

Научная литература

Волдина Т.В. Хантыйский фольклор: история изучения. Томск: изд-во Том. ун-та, 2002. 258 с.

Ерныхова О.Д. К вопросу о проблемах сбора и обработки фольклора коренных малочисленных народов Югры (на материалах фольклорного архива Обско-угорского института прикладных исследований и разработок // Филологические исследования обско-угорских языков: традиции, новации, итоги, перспективы: Материалы Всероссийской заочной научно-практической конференции XII Югорские чтения (20 декабря 2013 г., Ханты-Мансийск). Тюмень: ФОРМАТ, 2014. С. 128–133.

Ерныхова О.Д. К вопросу о создании справочника носителей и исполнителей фольклора обских угров и лесных ненцев // Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока: традиции и инновации. Материалы дистанционной научно-практической конференции XV Югорские чтения (20 дек. 2016 г. Ханты-Мансийск). Тюмень: ФОРМАТ, 2017. С. 70–79.

Каргин А.С. О фольклоре и фольклористике (полемические заметки) // Живая старина. 1997. № 4. С. 24–26.

Мельц М.Я. Николай Владимирович Новиков // Живая старина. 1997. № 3. С. 62.

Молданов Т.А. Картина мира в песнопениях медвежьих северных хантов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. 141 с.

Папаи Й. Памяти Антала Регули. Сургут: АИИК «Северный дом», 1993. 55 с.

Перевалова Е.В., Карачаров К.Г. Река Аган и её обитатели. Екатеринбург; Нижневартовск: УрО РАН; Студия «ГРАФО», 2006. 352 с.

Попова С.А. Деятельность Обско-угорского института прикладных исследований и разработок за 15 лет // Обские угры: научные исследования и практические разработки / сост. С.А. Герасимова. Ханты–Мансийск: Полиграфист, 2005. С. 8–19.

Пятникова Т.Р. Мифологическое представление о «верхнем мире» // Мифология хантов: материалы научно-практического семинара / сост. С.Н. Нестерова. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2008. С. 63–68.

References

Voldina, T.V. 2002. *Khantyiskii fol'klor: istoriia izucheniia* [Khanty Folklore: History of Study]. Tomsk: izdatel'stvo Tomskogo universiteta.

Ernykhova, O.D. 2014. K voprosu o problemakh sbora i obrabotki fol'klora korennykh malochislennykh narodov Iugry (na materialakh fol'klornogo arkhiva Obsko-ugorskogo instituta prikladnykh issledovanii i razrabotok [On the Problems of Collecting and Processing Folklore of the Indigenous Peoples of Ugra (based on the materials of the folklore archive of the Ob-Ugric Institute of applied research and development]. In *Filologicheskie issledovaniia obsko-ugorskikh iazykov: traditsii, novatsii, itogi, perspektivy: Materialy Vserossiiskoi*

zaochnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii XII Iugorskie chteniia (20 dekabria 2013 g., Khanty-Mansiisk) [Philological research of the Ob-Ugric languages: traditions, innovations, results, prospects: Materials of the All-Russian correspondence scientific-practical conference XII Yugorsk readings], 128–133Tiumen: FORMAT.

Ernykhova, O.D. 2017. K voprosu o sozdanii spravochnika nositelei i ispolnitelei fol'klora obskikh ugrov i lesnykh nentsev [On the Issue of Creating a Directory of Speakers and Performers of Folklore of the Ob Ugric and Forest Nenets]. In *Korennye malochislennye narody Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka: traditsii i innovatsii. Materialy distantsionnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii XV Iugorskie chteniia* (20 dekabria 2016 g. Khanty-Mansiisk) [ndigenous small peoples of the North, Siberia and the Far East: traditions and innovations. Materials of the distance scientific-practical conference XV Yugorsk readings (December 20, 2016, Khanty-Mansiysk)], 70–79. Tiumen': FORMAT.

Kargin, A.S. 1997. O fol'klore i fol'kloristike [About Folklore and Folklore Studies]. *Zhivaia starina* 4: 24–26.

Mel'ts, M.Ia. 1997. Nikolai Vladimirovich Novikov [Nikolay Vladimirovich Novikov]. *Zhivaia starina* 3: 62.

Moldanov, T.A. 1999. *Kartina mira v pesnopeniiakh medvezh'ikh severnykh khantov* [Picture of the World in the Chants of the Bear Northern Hunts]. Tomsk: izdatel'stvo Tomskogo universiteta.

Papai, I. 1993. *Pamiati Antala Reguli* [Memory Of Antal Reguli]. Surgut: AIIK "Severnyi dom".

Perevalova, E.V., and K.G. Karacharov. 2006. *Reka Agan i ee obitateli* [Agan River and its Inhabitants]. Ekaterinburg; Nizhnevartovsk: UrO RAN; Studiia "GRAFO.

Popova, S.A. 2005. Deiatel'nost' Obsko-ugorskogo instituta prikladnykh issledovanii i razrabotok za 15 let [Activities of the Ob-Ugric Institute of Applied Research and Development for 15 Years]. In *Obskie ugry: nauchnye issledovaniia i prakticheskie razrabotki* [Ob Ugrians: scientific research and practical development], edited by S.A. Gerasimova, 8–19. Khanty-Mansiisk: Poligrafist.

Piatnikova, T.R. 2008. Mifologicheskoe predstavlenie o "verkhnem mire'" [Mythological Representation of the "Upper World"]. In *Mifologiia khantov: materialy nauchno-prakticheskogo seminara* [Mythology of the Khanty: materials of the scientific and practical seminar], edited by S.N. Nesterova, 63–68. Khanty-Mansiisk: Poligrafist.

Spodina, Victoria Ivanovna

Folklore Heritage of Yugra: the experience of archiving in the XXI century

The article reflects the history and stages of the study of Khanty folklore from the first half of the XIX century until now. The characteristic of the modern period of studying folklore, formulated by the author of its periodization T.V. Voldina, is published for the first time. The article discusses details of collecting and storing various folklore genres taking into account the mentality of performers, and highlights tasks for institutions that collect, store and study the intangible cultural heritage of indigenous peoples of the North.

Keywords: *folklore, bailichkas, Khanty, Mansi, sacred texts, adaptation of the folk plot, the system of digital archiving*

МЕДИЦИНСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

УДК
DOI

© О.Д. Фаис-Леутская

COVID-19 В СИЦИЛИИ: ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ «МЕДИЦИНА» И ПРАКТИКИ – ОБРАЩЕНИЕ К ТРАДИЦИИ*

В статье на основе полевого материала автора анализируется эмпирика ментальных и поведенческих моделей сицилийцев в экзистенциальных условиях существования, а именно в феврале – мае 2020 г. в контексте эпидемии коронавируса и карантинных мер в Италии. В ходе исследования автор обращается к таким аспектам традиционной культуры, как народная медицина, локальная кухня, обрядность. При этом анализ исследуемых реалий убедительно демонстрирует обращенность большой части сицилийского социума к древним пластам культуры, имеющим особую коннотацию: речь идет о древних средствах защиты, рациональных и магических, о профилактике заболеваний и дьявольских наваждений, а также о терапевтических практиках, направленных на излечение различных недугов, но преимущественно чумы и дизентерии, многократно «поражавших» Сицилию. Такую же «нацеленность» имеют и диетические изменения алиментарных привычек сицилийцев и обращенность к определенным «оздоровительным» и очистительным обрядам. Исследование эмпирического материала убедительно раскрывает средневековые корни поверий и рецептуры, к которым апеллируют сицилийцы, важную роль исторической памяти, служащей гарантом сохранения архаичной культуры, преимущественно народный характер культурного субстрата, к которому проявляют интерес представители локального социума и устный характер передачи информации. Обращение к теории и концептам антропологии страха и антропологии катастроф позволяют объяснить механизм такого поведения и понять причины ревитализации столь специфической области культуры в экзистенциальных для сицилийцев условиях, а также заостряет внимание на других аспектах бытия социума (утверждение его идентичности и проблем взаимоотношений с другими общностями населения).

Ключевые слова: *коронавирус, эпидемия, карантинные меры, народная медицина, средневековые практики, противочумная терапия, «лечебная» диета магические действия, обрядность*

Фаис-Леутская Оксана Давидовна – к.и.н., старший научный сотрудник центра европейских исследований, Институт этнологии и антропологии РАН (119991 Москва, Ленинский пр. 32а). Эл. почта: oxana-fais@yandex.ru. **Fais-Leutskaya, Oksana D.** – PhD in History, Institute of Ethnology and Anthropology RAS (Moscow, Russia). E-mail: oxana-fais@ yandex.ru. ORCID https://orcid.org/0000-0002-2757-2434

* Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН

Италия первой в Европе приняла на себя удар нового вируса COVID-19, и, по оценке ВОЗ, она относятся к числу стран, сильнее всего пострадавших от коронавируса. На 30 мая 2020 г. применительно к Италии мы имеем дело со следующими официальными цифрами: с начала эпидемии 232 664 человек заразились, из них 43691 человек до сих пор больны, 33 340 человек умерло, 155 633 выздоровело (Covid-19 30.05.2020).

Наиболее затронутыми вирусом областями страны, с которых, собственно, и началась эпидемия в масштабах Италии и которые преимущественно и оказались эпицентром заболеваемости и смертности, являются Ломбардия – 50,1% зараженных; Эмилия-Романья – 12,8%; Пьемонт – 8,5%; Фриули-Венеция-Джулия – 7,3%; Венето – 6% (Ibid). Т.е. речь идет о тех регионах Италии, которые в глазах всего итальянского сообщества еще недавно представали оплотом богатства, промышленной и финансовой мощи, «надежности», грамотного администрирования, высокого качества жизни, в том числе и уровня медицинского обслуживания. Такое впечатление возникало не в последнюю очередь благодаря пропагандистским усилиям Ломбардской Лиги, или Лиги Севера, правой итальянской партии, отражающей интересы северян.

Что же происходило во время эпидемии в других частях страны, в частности, как разворачивались события на Юге Италии и конкретно – в Сицилии? Этот вопрос более чем уместен, учитывая не только объективную принадлежность всех 20 итальянских областей к единому государственному образованию и их «затронутость» общими проблемами, но и другие обстоятельства.

Так, например, интерес к Сицилии обусловлен тем, что она – единственная область Италии, все случаи заражения в которой были исключительно «домашнего», внутриитальянского происхождения. Дело в том, что после анонсирования вечером 9 марта 2020 г. премьер-министром Италии Дж. Конте «введения со следующего утра карантина с ограничением на передвижение внутри страны и запретом на выезд из нее», в ночь, последовавшую за этим сообщением, используя все возможные формы передвижения, не менее 40 тысяч южан, работавших на Севере страны, совершили «бросок» на Юг, каждый в свой регион, «домой», причем превалирующую их часть, 30 тысяч чел., составляли сицилийцы (*Ricciardi* 11.03.2020; *Ronchetti* 10.03.2020). Последствия этой стремительной передислокации не заставили себя ждать: островная область в лице «репатриантов» получила массовые рассадники заражения. Это подтверждают и врачи: все сицилийские «случаи» коронавируса – а по статистике на 30.05.2020. речь идет о 999 подтвержденных случаях заболевания, из которых 67 чел. находились в больнице, 7 – в отделении интенсивной терапии; всего в Сицилии за время эпидемии было отмечено 3442 случая болезни, из которых 273 чел. умерло (Covid-19: Situazione 30.05.2020) – суть «наследники» этих приехавших носителей вирусной инфекции, не соблюдавших по прибытии нормы изоляции и самоизоляции (Coronavirus Sicilia 25.04.2020). Именно поэтому для подавляющего большинства сицилийцев COVID-19 коннотирует отнюдь не с Китаем или каким-либо «далеким» регионом, и даже не с локальной китайской диаспорой (Coronavirus 12.02.2020; *Lo Cicero* 8.03), но продолжает оставаться и сегодня «болезнью, пришедшей с Севера» (ПМА 1), усугубляя и без того непростое взаимовидение и взаимовосприятие южан и северян в контексте Италии.

Возвращаясь к эпидемической ситуации в Сицилии, следует отметить, что первые единичные случаи заражения и заболевания были зафиксированы в Сицилии

еще в конце февраля, т.е. до анонсирования в Италии эпидемии, объявления в стране чрезвычайного положения и введения карантина. Речь идет о 4-х приехавших в Сицилию в составе туристической группы уроженцах Бергамо, у которых 26.02.2020 г. был выявлен новый вирус. Этот факт вызвал сильнейший резонанс: были задействованы силы правопорядка и медики, Л. Орландо, мэр Палермо, обратился к жителям города (Coronavirus 26.02.2020), а население впервые осознало, что имеет дело с некой конкретной угрозой, могущей коснуться непосредственно Сицилии и затрагивающей каждого проживающего на острове. Волнение постепенно нарастало. Тревогу усугубляла «непрозрачность» подачи информации в отношении коронавируса в СМИ. Панические настроения людей подогревали сведения, исходившие от остававшихся «на Севере», а потом и приехавших оттуда жителей, циркуляция непроверенных данных, многочисленные домыслы и пересуды. Ответом была массовая паника, подпитывавшаяся слухами и начавшаяся еще в феврале. Она вызвала штурм продуктовых и хозяйственных магазинов и аптек, возникновение дефицита продовольственных и ряда непродовольственных товаров (например, средств дезинфекции, чистящих средств, медицинских масок), а как следствие – поиск замены и переход к альтернативным, парамедицинским и внемедицинским, в том числе и магическим, практикам профилактики и защиты от заболевания.

Именно обращению к этому сегменту древней традиционной культуры, его витальности и востребованности в экзистенциальных условиях бытия локального социума, а также актуализации роли исторической памяти в экстремальных условиях существования сообщества хотелось бы уделить внимание в настоящем микроисследовании в парадигме антропологии. Изложенное нами ниже несет, несомненно, отчасти субъективный характер, представляя собой краткую эмпирическую зарисовку повседневности Сицилии в условиях эпидемии и карантина, во многом увиденной сквозь призму автоэтнографии. Освещение ревитализированной традиционности проводится на основе «живых» данных, полученных нами в ходе полевых исследований, проводившихся в течение февраля 2020 г. в регионе, а также материалов, почерпнутых из последующего общения с членами семьи, друзьями и коллегами в Сицилии, а главное – работы с сицилийскими респондентами и ресурсами посредством интернета.

Почему в подобной ситуации сицилийцы в своем большинстве отдали предпочтение не обращению к медикам и медицине, а к опыту, по преимуществу *fai da te* (итал. буквально «сделай сам»), – народной терапии и профилактическим мерам, применению домашних кустарных рецептов? Чем обусловлено массовое внимание местного населения Сицилии к многочисленным традиционным немедицинским, в том числе и магическим практикам защиты от заболевания и укрепления здоровья, ложномедицинским и внемедицинским приемам? Для этого есть несколько причин разного характера, связанных с локальной спецификой, ментальностью и поведением жителей.

Во-первых, устойчивость позиций традиционной народной культуры и народной медицинской культуры, в частности, детерминирована прежде всего тем, что в сицилийском социуме ее носители, социо-демографический элемент, именуемый *‘u popolu* (сиц. *народ*), т.е. крестьянство и социальные низы города, в численном и социальном, а в последние годы – и в культурном отношении преобладают (*Cusumano* 1992: 68).

Во-вторых, обращение широких народных масс к «своей» культуре при первых же признаках нестабильности или экстремальности есть инстинктивная и бессознательная защитная коллективная реакция на опасные, тревожные, непонятные «раз-

дражители» и экзистенциальность ситуации со стороны социальной страты, исторически привыкшей с недоверием относиться к представителям государства и любых официальных структур – будь то чиновники, врачи, полицейские или даже, например, производители вина (*Alvarez Garcia* 1997: 13). Эту характерную особенность психологии сицилийцев отмечают многие исследователи.

В-третьих, конкретизируя сказанное выше, можно отметить, что лишь в последние десятилетия в Сицилии в среде социальных низов очень медленными темпами стал ломаться широко распространенный древний негативный стереотип видения медиков», кстати, присущий народной культуре отнюдь не только Сицилии (*Bartalotta* 20.09.2014; *Pitrè* 2016: 12; *Anfossi* 1959: 58; *Anfossi* 2008: 163). По поверьям, «от врача живым не уйдешь», «врачи найдут то, чего и нет», «врачи залечат» (ПМА 1). Достаточно вспомнить старую сицилийскую поговорку: «Diu nni scanzdi quattro pirsuni: medici, nutara, spiziali e mali patroni» («Господь, от четверых меня избавь – от врача, казенного человека (нотариуса), аптекаря и злого хозяина!»). Именно поэтому предпочтение чаще отдавалось обращению к народной традиции и народным же источникам информации, даже в целях «медико-санитарного» просвещения и профилактики заражения, нежели к врачам. Забегая вперед, отметим, что на излете карантинного периода вновь усилившийся в народных слоях Сицилии страх перед врачами и медициной, усугубившийся связанными с коронавирусом фобиями, привел к резкому подъему смертей «на дому», спровоцированных инфарктами и инсультами больных, побоявшихся вызывать «Скорую помощь» ввиду возможной зараженности машин и экипажей «короной» (Emergenza 16.04.2020).

Вследствие таких «установок» в народном мировидении, детерминирующих определенные стандарты поведения, очевидной была апелляция к «собственным» ресурсам и апробированным веками средствам и практикам защиты от болезней.

Так, например, мгновенно исчезнувшее из продажи на гребне паники средство «Amucchina» (жавелевая вода – раствор солей калия хлорноватистой и соляной кислот), применявшееся повсеместно в Италии для отбеливания белья и для обеззараживания поверхностей, а также любые чистящие и дезинфицирующие средства, гели для рук на спиртовой основе были заменены продуктами самогоноварения. Надо отметить, что в Сицилии, где отсутствует как традиция массового употребления крепкого алкоголя в «чистом виде», так и особое разнообразие высокоградусных спиртных напитков, единственным «родным» крепким продуктом является *acquavite*, виноградный самогон разной степени очистки и, следовательно, разной степени приближенности к чистому спирту. Исторически его производили не для питья, а для домашнего приготовления разнообразных и поныне популярных в Сицилии ликеров, наливок и настоек, для чего в наши дни также используют «винный спирт», продающийся в продуктовых магазинах. Поскольку спирт «стоит больших денег», он так и оставался стоять на торговых полках. Значительно же более дешевый виноградный самогон, продаваемый частным образом или производимый для собственного потребления, с марта 2020 г. приобрел огромную популярность в Сицилии, причем не как напиток, но как «техническое средство».

Более того, по свидетельству наших респондентов – как тех, кто гнал самогон (ПМА 2), так и выезжавших на «алкогольные» вызовы полицейских и карабинеров (ПМА 3), – представители правоохранительных органов, тщательно отслеживавшие появление фейковой или «левой» санитарно-гигиенической антивирусной продук-

ции в период эпидемии и карантина (Sicilia 25.03.2020) проявляли толерантность и мягкость в отношении нарушителей «алкогольных законов», особенно если речь шла о незначительных объемах произведенного незаконно горячительного.

Остродефицитным товаром уже в феврале 2020 г. стали медицинские маски, большой груз которых в виде гуманитарной помощи Италия опрометчиво отослала Китаю в самом начале «уханьской катастрофы» (Cherici 03.02.2020). Вследствие этого в Палермо и Катании в марте месяце начали продаваться с рук «самосшитые» двойные плотные маски, между тканевые слоями которых в качестве прокладки фигурировали подвяленные листья *Lannaru* (сиц. олеандра) – токсичные и в народной медицине пользующиеся репутацией эффективного наружного бактерицидного средства и одновременно средства «отгона дьявола» (*Erbuario* 1977: 30–31). По свидетельству одной из респонденток в Палермо, врача по профессии (ПМА 4), маски с олеандровыми листьями вызвали множественные случаи интоксикации парами растения, а также аллергические реакции, после чего эти «фаршированные» изделия исчезли из обращения, и их заменили обычные кустарные тряпичные маски.

В период карантина в народных кварталах Палермо, Катании, Трапани вспомнили о «целебности», казалось бы, давно забытой практики кровопусканий, или флеботомии. Напомним, что представление о полезности кровопусканий в качестве терапевтической меры и способе профилактики заболеваний как в христианской, так и в мусульманской медицине достигло расцвета после XI в., когда флеботомией стали врачевать и предупреждать любую хворь, которую, по поверью, вызывала застоявшаяся «дурная кровь». Флеботомия «задержалась» в Европе вплоть до XIX в., а в некоторых европейских регионах, например, в Сицилии, по свидетельству ряда исследователей, и до 60-х годов XX в. (*Basile* 2006: 23). При этом в миру практиковали не хирурги, а цирюльники, которые, наряду со стрижкой, бритьем, удалением зубов и клизмированием клиентов, могли также отворить им кровь. В конце февраля и в течение марта-апреля 2020 г. карабинеры получили ряд вызовов от владельцев старинных, «с историей», цирюлен в старых исторических кварталах вышеотмеченных городов, информировавших, что к ним обратились некоторые из их давних клиентов с просьбой пустить им кровь, чтобы уберечься от коронавируса (ПМА 3). (Обращение к маститым мастерам сопоставимо с лечением у известных врачей с хорошей репутацией).

В период карантина массовым стало применение травной медицины, и без того традиционно популярной в Сицилии в народных кругах: фигура травника всегда была окружена особым почетом, а травы считалась панацеей (традиционная поговорка «C'è tanti erbi all'ortu, ca risurgina l'omu mortu» – «Столько трав в огороде, что умирающему помереть не дадут» – возникла не на пустом месте). Об взлете популярности фитотерапии в феврале-марте и апреле 2020 г. свидетельствуют наши респонденты – продавцы и владельцы травных аптек, или *эрбористерий*, которые, наряду с обычными аптеками, оставались открытыми во время карантина. При этом, по свидетельству персонала этих торговых заведений, вопреки их ожиданиям, даже не приходилось волноваться о спаде продаж – травные аптеки торговали весьма активно. Правда, все чаще речь заходила о дотоле не фигурировавших видах фито-товара – востребованными оказывались новые, неожиданные для продавцов, а порой и откровенно странные артикулы.

Так, по словам Сальваторе Кьяромонте, дипломированного травника из Палермо, в его магазине в период карантина радикально изменился ассортимент выбираемой продукции. Начиная с марта 2020 г. основным приобретаемым товаром оказались не чаи,

как раньше, а травяные сборы, в состав которых входят лавр, чеснок и другие растения с сильным ароматом, преимущественно из семейства яснотковых, включая такие широко используемые травы, как базилик, мята, розмарин, чабер, шалфей, майоран, мелисса, тимьян и душица. Из комбинации этих трав покупатели, по их словам, добавляя в смесь ладан, собирались делать саше – для изгнания болезненных миазмов из дома и обеззараживания атмосферы, а также отвары для принятия внутрь («на всякий случай!»).

Когда, по словам С. Кьяромонте, он полез в гербарии, справочники и специальные труды по фитотерапии, «заинтригованный выбираемыми покупателями растительными препаратами», то обнаружил, что очень часто речь идет о травах и комбинациях трав, имеющих, по средневековым прописям, «противовоспалительное» и даже «противочумное» применение (ПМА 4).

Кроме того, у травника, в целях борьбы с коронавирусом, многократно спрашивали смеси трав для «окуривания», а также соцветия подсолнечника, который, в искрошенном виде служит основой для спиртовых настоек, долженствующих, по поверьям, купировать приступы малярии и могущих, как сказали покупатели, помочь и при «короне» (ПМА 4).

Не в меньшей степени в эпоху карантина оказались востребованными и противодизентерийные средства. Связано это с тем, что дизентерия, многократно терзавшая Сицилию в течение веков и именуемая *malatiuna* («мор», «жестокая хворь»), пользуется у населения репутацией «страшной болезни». Историческая память населения хранит воспоминание о тяжелейшей эпидемии дизентерии, растянувшейся на два года, с 1937 по 1939 гг.: «амебу» привез из Абиссинии (Эфиопии) в Сицилию экспедиционный корпус Муссолини в результате второй итало-эфиопской войны (Prestigiacomo 2012: 71).

Покупатели спрашивали вытяжки чеснока, сухие листья земляники, ежевики, подорожника, щавеля, высушенный корень спаржи, сухие плоды черемухи и черешни, корень ревеня и иссушенные корки арбуза, кору дуба и лавровый лист – все эти фитопрепараты и растительные ингредиенты должны были послужить основой для последующего изготовления на дому противодизентерийных снадобий и все они фигурировали в многочисленных сводах рецептов народной традиционной медицины.

Еще один фитоаптекарь, Энрико Мессина, из Мадзара-дель-Валло (провинция Трапани), сообщил, что в период эпидемии начали часто покупать огуречник, *borrago officinalis*, который клиенты аттестовали как великолепное «очистительное» средство, одновременно диуретик и слабительное, гарантированно могущее помочь и при коронавирусе. Также спрашивали кору ивы, настой которой в народной медицине слывет противомалярийным средством (ПМА 5). По словам Э. Мессина, в период карантина его покупатели, как в других аптеках, все как один начали проявлять интерес к «травам для окуривания», например, к *erba bbianca* (сиц. «седой траве», полыни Artemisia absinthium), листьям *sammucu* (черемухи) и петрушки. Согласно народным верованиям, эти растения обладают свойствами при сожжении изгонять некоторые болезни (рожистое и прочие воспаления, лихорадки, опоясывающий лишай, эпидемические заболевания), которые в народном видении обладают «неизвестной этиологией», объясняемой дьявольским присутствием. Об архаичности верований говорит тот факт, что эти растения в контексте лечения вышеперечисленных болезней упомянуты, например, не только в труде Саломоне Марино (*Salomone Marino* 1897: 289) но и в таком древнем источнике, как *Erbuario siciliano* – датируемом XVI в. своде фиторецептов, применяемых в народной медицине (*Erbuario* 1977).

Не меньшим спросом во всех городах пользовались растения с диуретическим, потогонным и слабительным эффектом, которые покупатели аттестовывали как «средства очищения», могущие помочь и при заражении коронавирусом. Речь идет о таких фито-диуретиках, как петрушка, крапива жгучая, листья олеандра и оливы, пырей, огуречник, розмарин, чеснок, лавр, подорожник, одуванчик, огурец, сельдерей, ботва редиса. В числе потогонных и жаропонижающих средств, в надежде на то, что «болезнь выйдет вместе с потом», помимо уже упомянутых листьев олеандра и оливы, спрашивали также красный жгучий стручковый перец, листья эвкалипта, цветы мальвы, овес, настойки из которого, по поверьям, «чистят кровь». Не обходили внимание и сухой латук, считающийся прекрасным слабительным. В целом интерес к этим фито-товарам был обусловлен тем, что, как мы говорили выше, все они числятся в разделе средств пурификации тела и души в древних гербариях Сицилии (*Mannella* 2018).

Как в Палермо, так и в Мадзара дель Валло и Рагузе (ПМА 4, ПМА 5) травники отмечали, что, наряду с растительным сырьем, у них многократно спрашивали и ладан, превратившийся, в связи с закрытием в период карантина храмов и магазинов церковной продукции, в остродефицитный товар – по уверению многочисленных покупателей, ладан, помещенный в ноздри, отлично помогает от чумы, а значит – и от коронавируса. Распространенность поверья в чудодейственность ладана, а также изделий из серебра и щепоти серы в ладанке на шее в контексте борьбы с чумой в народной культуре подтвердила и Ирэне – помогающая родственникам приходящая прислуга «из народа» (ПМА 1), а также некоторые респонденты из этой же социальной среды (ПМА 6).

Тема борьбы с чумой, последняя вспышка которой в Сицилии была зарегистрирована в XVIII в., прозвучала также в комментариях крестьян (провинция Палермо, Мессина) (ПМА 7), жаловавшихся на то, что, начиная с февраля-марта 2020 г. участились случаи срезания коры со многих оливковых деревьев, отвар которой гонит любые лихорадки и, по народным поверьям, является эффективным противочумным, противомалярийным и в целом жаропонижающим средством.

Еще один травник, на сей раз в Сиракузе, Антонино Греко, также упоминал смеси для окуривания в целях предупреждения коронавируса, в числе желаемых компонентов которых один из клиентов спрашивал также «мышиный помет», и говорил о большом спросе на сушеные зерна граната, который в Сицилии считается средством, изгоняющим дьявола (болезнь, сглаз, порчу), посему эффективным и при профилактике/терапии COVID-19 (ПМА 8). Большую востребованность гранатов и гранатовых зерен подтвердили и в среде зеленщиков и продавцов фруктов (ПМА 9), которые также подчеркнули, что покупателей не смущала и высокая цена фруктов (урожай граната собирают в Сицилии в сентябре-октябре, и до февраля-марта «доживают» немногие плоды, в силу чего стоимость их значительно возрастает).

Все травники отмечали и удивившие их «странные» вопросы покупателей, начавшие звучать как раз в период карантина. Речь шла, например, о пользе «купания в моче» как возможном средстве обеззараживания организма, об ингаляциях парами подогретой мочи – как средстве профилактики болезней и коронавируса, в частности, об окуриваниях тела и жилища горящим кизяком, конским, овечьим, коровьим навозом, даже мышиным пометом для изгнания вредоносных миазмов и вирусов. Несколько покупателей осведомлялось о наличии в продаже, например, сухих пауков или лягушек для «вытяжки зла» из организма, а также о возможности обнаружения таких «препаратов» у местной китайской диаспоры (ПМА 4, ПМА 5, ПМА 8).

Что показательно, все эти вопросы касаются ингредиентов рецептов, перечисленных в старинных медицинских трактатах, и соотносимы с прописями в разделах в первую очередь противочумных средств. В частности, сухие пауки и лягушки указаны как компоненты противочумных снадобий, упомянутых в распространенных в средневековой Европе медицинских справочниках для лекарей (*Santoro* 2013: 279–280; *Castelli* 1980; *Cupani* 1692: 19–21; *Esposito* 1991: 139–182; *Mannella* 2015).

Это подтверждают и суждения фито-аптекарей в отношении запросов покупателей. В целом, оценивая тип приобретаемой продукции (растений и растительных препаратов), а также – со ссылкой на покупателей – цели и способы применения трав, все они, пусть и с большой осторожностью, отмечали «рациональный», хотя и очень архаичный и «устаревший» характер терапевтически-профилактической стратегии своей клиентуры, и явную «подпитку» их действий и запросов сведениями, исходящими из некоего древнего источника информации – письменного или, скорее, – с учетом социальной принадлежности клиентуры и их низкого культурно-образовательного уровня – устного. В этом же их убеждали и сопутствующие вопросы, задаваемые покупателями, и упоминание последними «нетипичных» и «странных» компонентов снадобий и средств терапевтического воздействия или методов профилактики заболеваний, действенных, по мнению клиентуры, в случае коронавируса (ПМА 4, ПМА 5, ПМА 8).

По свидетельству многих респондентов, в период эпидемии и карантина изменилось и повседневное меню. При этом усилилась роль «рациональных» средств защиты организма – например, возросло потребление свежевыжатых соков лимона и апельсина, богатых витамином С (ПМА 10). Также сицилийцы, причем представляющие различные социальные слои, массово стали потреблять в свежем виде чеснок (ПМА 10) – признанное античумное и антидьявольское средство в народной медицине, но не слишком популярный в традиционной сицилийской кухне, в отличие от лука, пищевой продукт (*Lo Jacono* 1990: 26; *Costanzo, Liberto* 2001: 80–81). Связано это с тем, что чеснок появился в алиментарной культуре Сицилии на гребне исламского завоевания, в IX в., вместе с арабами и евреями Магриба. При этом, кому бы ни принадлежало право интродукции его в локальную систему питания, народная традиции связала чеснок в Сицилии именно с евреями. Неслучайно в некоторых местностях его и сегодня именуют *chianta giudia* (сиц. *еврейское растение*). Поэтому широкая популярность, которую чеснок приобрел в феврале-апреле 2020 г., показательна, – общество должно было дойти в своих страхах до крайности, чтобы прибегнуть к потреблению если и не табуированного, то негативно-коннотируемого продукта, апеллируя при этом к рациональным доводам.

В повседневности в период карантина стали чаще готовить куриный бульон (ПМА 7, ПМА 10) – редкое для повседневного меню блюдо для Сицилии, в крестьянской по своему происхождению культуре которой курятина прочно ассоциируется с эксклюзивными событиями в жизни хозяина курицы – либо с родами, либо – чаще – с похоронами в его семье (*Pomar* 1992: 13–14). В первом случае курицу резали и готовили, чтобы сварить укрепляющий бульон для роженицы, во втором – для поминального стола. Не случайно сицилийская поговорка гласит: «Quannu ‘u viddabu ammazza ‘a jaddina o è malatu ‘u viddanu o è malata ‘a jaddina” («Когда крестьянин убивает курицу, болен или он, или она»).

Очень популярными стали семена аниса, анисовые настойки, покупные и домашнего приготовления, а также домашний ликер *Zammu*, на основе семян аниса, сока

лимона и спирта, который, наряду с самими семенами, всегда считался в Сицилии «гарантированным» средством обеззараживания сырой воды и противодизентерийным снадобьем (*Coria* 2006: 25, 611). Наряду с этим ликером выросло потребление напитков, алкогольных и безалкогольных, домашних и изготовленных промышленно, на основе миндаля, известных под общим наименованием *lattata di mennule* (миндальное молочко), поскольку миндаль, по поверьям, «чистит кровь» (ПМА 7, ПМА 10).

И родственники, и коллеги (ПМА 11) часто упоминали факт возросшего потребления, даже в их окружении (речь идет о среднем классе и интеллигенции), но преимущественно – в народных слоях практически всех сицилийских городов, сахарной мелассы (из сахарного тростника), или патоки. Необычно высокий интерес к этому продукту, даже на фоне традиционной для Сицилии любви к сладкому, приобретающей характер страсти «в народе», объясняется, на наш взгляд, тем, что патока занимала в народной медицине в историческом прошлом почетное место среди различных противовоспалительных (противочумных) средств. Внезапно вспыхнувшая популярность патоки в условиях эпидемии и карантина есть ни что иное как результат еще одной апелляции к народной устной традиции в экстремальных условиях существования общества, возникшая как следствие охватившего его страха, что доказывает приобщение к традиции даже и особенно лиц, культурный уровень которых позволяет им оценить иррациональность, а подчас и вредоносность (возрастание уровня сахара в крови) применения подобных мер. В этой связи должно отметить, что в период карантина, по частным наблюдениям респондентов-медиков (ПМА 12), в целом возросло, до угрожающих масштабов, потребление сластей, и без того высокое в Сицилии – как раз в силу поверий, что сахар в состоянии усилить сопротивляемость организма, и в целом полезен при борьбе как с инфекциями, так и в дьявольскими кознями, а следовательно, эффективен и в борьбе с коронавирусом.

Вырос интерес к плодам опунции – сезонному фрукту в Сицилии, созревание которого как раз приходится на февраль-март, т.е. на период эпидемии и карантина (ПМА 9). Как врачи, так и народная медицина, признавая богатство плодов, именуемых в Сицилии *ficudinnia* (сиц. «индийские фиги»), витаминами и микроэлементами, считают, что потребление их способствует улучшению работы сердца, укреплению иммунной системы, заживлению ран, а главное – обладает противовоспалительным действием и способностью выводить из организма токсины. Но наряду с этим, вполне рациональным способом использования опунции, есть и другие, продиктованные древней народной традицией: плоды, разрезав пополам, жарят и затем прикладывают к телу, в области селезенки и печени, с тем, чтобы они «вытянули» из организма «злые соки»: заразу и токсины; такая терапия применялась в XVI–XVII вв. в народной медицине не только Сицилии, но и ряда испанских регионов (*Erbuario* 1977: 76; *Pitrè* 1981: 84–85).

По словам уличных зеленщиков и продавцов фруктов (ПМА 9), покупатели, по их наблюдениям, в период карантина стали намного больше покупать латука и различных видов салата, которые в Сицилии повсеместно пользуются устойчивой репутацией жаропонижающего и в целом «очищающего» кровь и организм растения (*Pitrè* 1976, III: 210).

Большими объемами стали приобретать стручковый жгучий красный перец, по поверьям, выводящий токсины и снижающий температуру, а также яблоки (ПМА 9) – фрукт «нетипичный» для Сицилии и обычно не очень популярный в регионе. Тот факт, что он «потребовался» в условиях карантина, как раз указывает на апелляцию

покупателей к народной древней традиции и рецептуре, согласно которой яблоки «освобождают» от дьявола и от болезней (*Mannella* 2015: 78–79). Также возрос интерес к грушам и сливам (ПМА 9), невзирая на их дороговизну в Сицилии в феврале, марте и апреле – в этот период они не «родятся на месте» и их импортируют, что нисколько не останавливало даже покупателей «из народа». Это также позволяет нам увязывать интерес к товару с фольклорными терапевтическими и профилактическими антивирусными практиками, поскольку, согласно традиции, и груша, и слива обладают жаропонижающим эффектом (Erbuario 1977: 177, 180).

Невзирая на денежные затруднения в условиях карантина, покупатели в апреле-мае 2020 г. массово покупали дорогую раннюю черешню **(**ПМА 9), поскольку настой этой ягоды на вине пользуется репутацией эффективного противодизентерийного средства.

Мы не располагаем полной информацией о том, какие обряды защиты, в том числе и магической, применялись в период карантина. Известно лишь, что после закрытия храмов вследствие решения Папы от 24.02. (De Carolis, Guarasci 24.02.2020) о переносе ряда церковных мероприятий, а главное – советы воздержаться от присутствия «вживую» на службах, весьма востребованной стала деятельность многочисленных и разнообразных *maara* – прорицательниц, гадалок и пророчиц, и ранее очень популярных в Сицилии: они начали обслуживать клиентов по телефону и в режиме он-лайн по интернету. По сведению респондентов (ПМА 1), такого рода действие выливается в гигантские суммы для обратившихся.

Еще до введения карантина, в феврале 2020 г. нами была отмечена практика раскладывания на проезжей части улиц или закрепления в оградах домов (в дальнейшем это подтверждали и респонденты (ПМА 1, ПМА 7, ПМА 9) срезанных листьев *zabbara*, или агавы, в изобилии произрастающей в Сицилии, – растения, считающегося идеальным средством «отведения зла», причем любого рода – от сглаза, порчи, дьявольских наваждений до опасных болезней (*Pitrè* 1976, III: 234–235).

Несколько респондентов из числа крестьян и в целом представителей сельской местности рассказали (мы располагаем свидетельствами, имеющими отношение к провинциям Палермо, Мессины, Трапани и Агридженто), что, по инициативе стариков деревень, в марте и апреле 2020 г., особенно в тех населенных пунктах, где появились приехавшие «с Севера», через селения неоднократно прогонялись лошадиные табуны, коровьи и козьи стада, овечьи отары (ПМА 2, ПМА 7, ПМА 11). Делалось это с обережными целями, поскольку считается, что скот своим дыханием очищает воздух от опасных миазмов, а его навоз, собранный и высушенный, в процессе сожжения выделяет «полезные» пары, способствующие «очищению» пространства от присутствия дьявола, а, следовательно, и опасности заражения.

Респонденты из четырех населенных пунктов в разных, удаленных друг от друга местностях Сицилии (Маринео, Леркара Фридди и Контесса Энтеллина в провинции Палермо, и Лентини – в провинции Сиракуза), рассказали, что, после «репатриации» односельчан из регионов Севера Италии и первых последовавших случаев заражения коронавирусом в их деревнях было решено прибегнуть к древнейшему обряду «удаления зла», который, на памяти стариков, последний раз «применялся» в 1943 г., после тяжелейших бомбардировок Сицилии английской авиации, повлекших за собой массовые разрушения и множество жертв (ПМА 13). Обряд состоит из двух частей: вначале обнаженная женщина перепахивает землю вокруг деревни, за-

тем на деревенской площади сжигается соломенная антропоморфная фигура «зла». Во всех случаях в марте 2020 г. местные жители не допустили до места совершения обряда ни карабинеров, пытавшихся препятствовать нарушению общественного порядка и мер карантина и самоизоляции, ни локальных приходских священников. Обращение к специальной литературе позволяет нам судить, что речь идет о средневековой европейской противочумной обрядности (*Cupani* 1692: 49; *Mannella* 2015:64).

В шести деревнях в различных частях Сицилии, а именно, в Вентимилья, Корлеоне (провинция Палермо), Алкара Ли Фузи, Туза (провинция Мессина), Мотта д'Аффермо и Чентирупе (провинция Энна) в которых сохранились Кальварии (Calvario), или Голгофы, обряды защиты в марте 2020 г. проводились внутри них (ПМА 14). Эти религиозные комплексы под открытым небом представляют собой огражденные территории в виде сердца, построенные преимущественно в XIV–XV вв., как правило, на холмах за чертой города и расположенные на местах старых языческих капищ.

Значительно более освещенными оказались «хлебные» древние обряды защиты. Речь идет о ряде практик, сохраненных генетической культурной памятью сицилийцев и в контексте эпидемии коронавируса апеллирующих к защитным функциям хлеба.

Так, например, еще в феврале 2020 г., на фоне разгоравшейся на Севере Италии эпидемии, но до объявления карантина и до выявления в Сицилии первых случаев заражения, в Палермо, Катании, Трапани, Сиракузе и Агридженто, причем как в народных кварталах, так и в «богатых» районах городов, посередине проезжей части на перекрестках, в начале и в конце улиц, начали появляться ковриги хлеба и в целом хлебобулочные изделия; по уверениям информантов, эта практика раскладывания хлеба на улице продолжает поддерживаться и сегодня. Расспросы хлебников и покупателей хлеба (ПМА 15, ПМА 1, ПМА 10, ПМА 11), показали, что речь идет о древних традициях «выманивания зла», к которым прибегали в случае эпидемий, в частности, при эпидемиях чумы либо других заболеваний. В Сицилии, по свидетельству историков, последний раз эти обычаи были зафиксированы в 1937–1939 гг., в уже упомянутую эпидемию абиссинской дизентерии (*Prestigiacomo* 2012: 71). Наличие аналогичной обережной практики исследователи отмечают и в Румынии, когда кусок хлеба или хлеб, положенный на дороге при въезде или выезде из населенного пункта, призван выманить из него вампиров или отвести от жителей зло, болезнь или прочие «коллективные» беды (*Palmieri* 2007, II, II: 5).

Наряду с выложенным на дороге хлебом, в феврале 2020 г. мы также повсеместно констатировали в регионе факт ношения на шее маленьких круглых хлебцев на шнурках. Речь идет об архаичной локальной практике, апеллирующей к древней традиции, по одной версии, раннехристианской, ассоциирующей хлеб с фигурой Христа, и в силу этого наделяющей хлебцы-подвески обережными и терапевтическими свойствами (*Mento* 2003: 9), по другой – языческой, согласно которой хлеб способен абсорбировать и нейтрализовать любое зло (*Aprile* 1991: 47). Наш респондент в Палермо, потомственный хлебник и владелец семейной булочной в народном районе, сообщил, что они начали выпекать и раздавать бесплатно клиентам такие хлебцы после того как в семье вспомнили, что бабушка прибегала к подобным действиям во время эпидемии холеры в 1966 г. в Палермо (ПМА 16); очевидно, эта былая практика была столь распространена в масштабах острова, что подтолкнула и других его коллег к ее популяризации в наши дни.

Отметим, что, по сведениям смотрителя святилища Св. Розалии, покровительницы Палермо, по преданию, избавившей город от эпидемии чумы в XVII в., там в мар-

те и апреле 2020 г. стали появляться посвященные ей «противочумные» вотивные хлеба, призванные избавить город от риска эпидемии (ПМА 17). Последние случаи их выпечки, по упоминаниям Дж. Питрѐ, относятся к XVIII в., когда вспышки чумы наблюдались не в самой Сицилии, но близко, в Калабрии и Апулии (*Pitrè* 2003: 155).

Подводя итоги микроисследованию, можно отметить, что в критической ситуации, перед лицом угрозы заражения, болезни и смерти, в атмосфере информационной «непрозрачности», связанной с новизной вируса и спецификой подачи сведений в СМИ, на фоне традиционного недоверия сицилийцев к любой форме официальности, включая медийную, большая часть сицилийского социума прибегла к спасительным для себя и привычным формам и способам информирования в отношении текущих событий, осознания происходящего, попыток предотвращения опасности и болезни и спасения от нее.

Подобные закрепившиеся во времени ментальные и поведенческие модели, вошедшие в «культурно-генетический код сицилийцев и передаваемые по каналам устной передачи культурной информации от поколения к поколению» (*Cusumano* 1992: 67), обусловили осознанное и бессознательное обращение этой преобладающей части социума к органичной для нее традиционной культуре, к тому ее «разделу», который ведает защитой от зла. Удивительным образом в начале XXI в. мы наблюдаем ревитализацию древних защитных обрядов и внемедицинских и парамедицинских практик, поверий и рецептов, сохраненных благодаря исторической памяти, играющей огромную и важную роль в Сицилии (*Фаис* 2019), и весьма устойчивых позиций традиционности, в том числе обусловленных тем, что в Сицилии «новое не прогоняет старое, традиции и инновации сосуществуют, прошлое и настоящее продвигаются вперед бок о бок» (*Buttitta* 2006: 11).

Подобное обращение к традиционности как синонимам, во-первых, «своего», и, во-вторых, «уже апробированного», неслучайно – в ракурсе антропологии катастроф и антропологии страха оно вполне уместно и типично в сценарии поведения общности, оказавшейся в экстремальной ситуации (Fabietti, *Matera* 2000:73; *Allovio* 17.05.2019). По меткому замечанию некоторых исследователей, это поведение сравнимо с «рефлекторным уходом улитки в “свой“ домик» (*Oliverio Ferraris* 2013: 17).

Не менее закономерна и оправдана в подобных реконструкциях апелляция к наиболее пугающим историческим эпизодам, сохраненным коллективной памятью, или, вернее, к моментам, зафиксированным как наиболее трагичные в сознании и памяти населения, и проведение параллелей между прошлым и настоящим (*Pandolfi* 1989: 60; *Esposito* 1991: 150). Именно поэтому в контексте эпидемии коронавируса и карантина всплывают старые, давние «страхи», вполне «прочитываемые» локальные истории и реалии, – такие, как бомбардировки Второй мировой войны, чума, дизентерия, вспышки малярии. При этом степень хронологической удаленности того или иного «страха» не играет никакой роли, различия между «далеким» и «близким» прошлым, предстающим как один «недавний» временной период, снимаются (*Billitteri* 2003: 107–109). В современной Сицилии мы сталкиваемся с активнейшим сохранением в народном мировидении реликтов того, что Ж.Ле Гофф определял как средневековую «магическую ментальность», превращающую «прошлое в настоящее, потому что канвой истории служит вечность» (*Ле Гофф* 1992: 165).

Но не в меньшей степени «работает» на уровне социума и более «свежий» негативизм, отрицания «последнего поколения», стоящие в одном ряду с древними

фобиями. И вот пейоративное восприятие сицилийцами Севера Италии, сложные отношения Сицилии с центральной властью страны, с северными регионами, усилившиеся в последнее время (*Caminiti* 2018: 7), экстраполируется даже на реалии современности, на ситуацию с коронавирусом: неизвестный «враг» аппроксимируется, и «неведомый» коронавирус начинает восприниматься как «болезнь с Севера» – абстракция «вгоняется» в систему уже существующих, понятных и привычных понятий и концептов. В силу этого, полагаем, наше исследование, не переставая быть регионоведческим опытом освещения реалий сегодняшнего дня, одновременно затрагивает многие аспекты конфликтологического и культурологического анализа современности одного из европейских регионов и его социума, средств обоснования и защиты последним своей «самости» и идентичности.

Источники и материалы

ПМА 1 – Полевые материалы автора. Сицилия (февраль 2020 г.): Палермо, Агридженто, Катания. Респонденты – Irene Russo (1965 г.р.), Filomena Mancuso (1941 г.р.), Marisa Balistreri (1951 г.р.), Ninni Colajanni (1949 г.р.).

ПМА 2 – Полевые материалы автора. Сицилия (февраль 2020 г., WhatsApp – март-апрель 2020 г.): Палермо, Мессина, Рагуза. Респонденты – Vincenzo Miceli (1970 г.р.), Francesco Di Marco (1953 г.р.), Raimondo Tusa (1964 г.р.), Luigi Mancuso (1949 г.р.).

ПМА 3 – Полевые материалы автора. Сицилия (февраль 2020 г., WhatsApp – март -апрель 2020 г.): Палермо, Мессина, Трапани, Энна. Респонденты – Gaetano Garofalo (1984 г.р.), Giuseppe M. (1980 г.р.), Davide C. (1979 г.р.).

ПМА 4 – Полевые материалы автора. Сицилия (февраль 2020 г., WhatsApp – март -апрель 2020 г.): Палермо. Респондент – Salvatore Chiaromonte (1954 г.р.).

ПМА 5 – Полевые материалы автора. Сицилия (февраль 2020 г., WhatsApp – март -апрель 2020 г.): Мадзара дель Валло (провинция Трапани). Респондент –Enrico Messina (1970 г.р.).

ПМА 6 – Полевые материалы автора. Сицилия (февраль 2020 г., WhatsApp – март -апрель 2020 г.): Палермо, Катания, Рагуза. Респонденты – Nunzia G. (1951 г.р.), Rosaria Rizzo (1952 г.р.), Niella Gambino (1948 г.р.) Marisa Licitra (1974 г.р.), Nunzia Cascone (1980 г.р.), Orietta Grasso (1968 г.р.), Teresa Russo (1988 г.р.).

ПМА 7 – Полевые материалы автора. Сицилия (февраль 2020 г., WhatsApp – март -апрель 2020 г.): Палермо, Мессина. Респонденты – Giacomino Rizzo (1955 г.р.), Vincenzo Onorato (1954 г.р.), Onofrio Bonsignore (1964 г.р.) Pippo Macajone (1957 г.р.).

ПМА 8 - Полевые материалы автора. Сицилия (WhatsApp – март -апрель 2020 г.): Сиракуза. Респондент – Antonino Greco (1965 г.р.).

ПМА 9 – Полевые материалы автора. Сицилия (WhatsApp – март -апрель 2020 г.): Палермо, Трапани. Респонденты – Tommaso Sorgi (1970 г.р.), Antonio Sorgi (1974 г.р.), Ciccio Vitale (1961 г.р.), Onufrio Giacalone (1969 г.р.), Pippo Scalia (1982 г.р.).

ПМА 10 – Полевые материалы автора. Сицилия (WhatsApp – март -апрель 2020 г.). Респонденты – Adelaide Amato (1953 г.р., Палермо), Marisa Garofalo (1952 г.р., Палермо), Nunzia Fosco (1978 г.р., Катания), Elvira Curticchia (1980 г.р., Рагуза), Teresa Greco (1981 г.р., Агридженто), Teresa Cammarata (1970 г.р., Трапани), Graziella Alacqua (1978 г.р., Энна).

ПМА 11 – Полевые материалы автора. Сицилия (WhatsApp – март -апрель 2020 г.): Палермо. Респонденты – Luisa Dusonchet (1949 г.р.), Maria Melfi (1941 г.р.), Maria-Luisa Maxia (1951 г.р.), Adelaide Amato (1952 г.р.), Ignazio Buttitta (1967 г.р.), Daniele Costantino (1971 г.р.), Fabio Di Ganci (1965 г.р.).

ПМА 12 – Полевые материалы автора. Сицилия (WhatsApp – март -апрель 2020 г.): Палермо. Респонденты – Luisa Dusonchet (1949 г.р.), Teresa Lo Monaco (1975 г.р.), Enzo Gianguzza (1964 г.р.).

ПМА 13 – Полевые материалы автора. Сицилия (WhatsApp – март -апрель 2020 г.): провинции Палермо и Сиракуза. Респонденты – Beppe Lo Monaco (1955 г.р.), Toto Scalia (1948 г.р.), Salvatore Lo Presti (1968 г.р.), Antonino Amato (1965 г.р.), Antonio Gatto (1975 г.р.), Giuseppe Bonnomo (1978 г.р.).

ПМА 14 – Полевые материалы автора. Сицилия (WhatsApp – март -апрель 2020 г.): провинции Палермо, Мессина, Энна. Респонденты – Vincenzo Onorato (1954 г.р.), Onofrio Bonsignore (1964 г.р.), Salvatore Spuntato (1968 г.р.), Riccardo Costa (1965 г.р.), Daniele Russo (1946 г.р.), Giuseppe Emma (1957 г.р.), Salvatore Cammarata (1962 г.р.).

ПМА 15 – Полевые материалы автора. Сицилия (февраль 2020 г., WhatsApp – март - апрель 2020 г.): Палермо, Сиракуза, Катания, Мессина, Трапани, Агридженто. Респонденты – Antonino Lo Cascio (1980 г.р.), Antonio Console (1960 г.р.), Vito Amato (19959 г.р.), Salvatore Lo Presti (1958 г.р.), Rosetta Schirò (1970 г.р.), Nunzia Martinez (1964 г.р.), Giaccomino Puccio (1968 г.р.), Giorgio Micconi (1963 г.р.), Enzo Garofalo (1958 г.р.), Adelaide Aloia (1956 г.р.), Nunzio Cordaro (1969 г.р.).

ПМА 16 – Полевые материалы автора. Сицилия (февраль 2020 г., WhatsApp – март -апрель 2020 г.): Палермо. Респондент – Tommaso Presti (1965 г.р.).

ПМА 17 – Полевые материалы автора. Сицилия (февраль 2020 г., WhatsApp – март -апрель 2020 г.): Палермо. Респондент – Raimondo Colajanni (1958 г.р.).

Cherici E. Coronavirus, Monnalisa spedisce mascherine alle colleghe cinesi // ArezzoNotizie. Economia. 03.02.2020. https://www.arezzonotizie.it/economia/coronavirus-monnalisa-mascherine-cinesi.html.

Coronavirus 12.02.2020 – Coronavirus, 28 cinesi in autoisolamento a Palermo//TGR Sicilia. 12.02.2020. https://www.rainews.it/tgr/sicilia/articoli/2020/02/sic-virus-palermo-cinesi-f8ea-fa6b-f5a3-44aa-a642-d50dcddd8cc9.html.

Coronavirus. 26.02.2020. – Coronavirus, turista bergamasca positiva a Palermo. 26.02.2020. https://www.youtube.com/watch?v=LGW3kR7L56c/.

Coronavirus Sicilia 25.04.2020 – Coronavirus Sicilia: dati contagiati, guariti e morti di oggi 25 aprile// SiciliaNews24. 25.04.2020. https://sicilianews24.it/coronavirus-siciliadati-contagiati-guariti-morti-oggi-25-aprile-602573.html.

Covid-19 30.05.2020 – Covid-19: Situazione in Italia. Nuovo coronavirus // L'epidemiologia per la sanità pubblica. Istituto Superiore di Sanità. Ministero della salute RI. 30.05.2020. http://www.salute.gov.it/portale/nuovocoronavirus/dettaglioContenutiNuovoCoronavirus.jsp?lingua=italiano&id=5351&area=nuovoCoronavirus&menu=vuoto.

Covid-19: Situazione 30.05.2020 – Covid-19: Situazione in Italia//Nuovo coronavirus. Ministero della salute. 30.05.2020. http://www.salute.gov.it/portale/nuovocoronavirus/dettaglioContenutiNuovoCoronavirus.jsp?lingua=italiano&id=5351&area=nuovoCoronavirus&menu=vuoto.

Cupani 1692 – *Cupani F.* Catalogus plantarum sicularum noviter adinventarum, Palermo.1692 // in: Proietto P. Francesco Cupani. naturalista contemporaneo. Lulu.com. 2013.

De Carolis, Guarasci 24.02.2020 – De Carolis A., Guarasci A. Coronavirus, rinviati alcuni eventi al chiuso in Vaticano// VaticanNews. 24.02.2020. https://www.vaticannews.va/it/chiesa/news/2020-02/coronavirus-chiesa-italiana-vicina-persone-sole-e-anziani.html.

Emergenza 16.04.2020 – Emergenza infarti in Sicilia per colpa del Coronavirus, dimezzati accessi al pronto soccorso //Cronaca. Palermotoday. l6.04.2020. https://www.palermotoday.it/cronaca/coronavirus-emergenza-infarti-sicilia.htm.

Lo Cicero 08.03.2020. – Lo Cicero A. Coronavirus, la comunità cinese di Palermo distribuisce mascherine gratuitamente//ilSicilia.it. 8.03.2020. https://www.ilsicilia.it/coronavirus-la-comunita-cinese-di-palermo-distribuisce-mascherine-gratuitamente.

Ricciardi 2020 – *Ricciardi W*. Lo spostamento di persone da Nord a Sud farà aumentare i contagi, dice Walter Ricciardi // Post. 11.03.2020. https://www.ilpost.it/2020/03/11/spostamento-nord-sud-aumento-contagi-ricciardi.

Ronchetti 2020 – *Ronchetti N*. La grande fuga dal Nord: il contagio guarda a Sud//. Il Fatto Quotidiano. 10.03.2020. https://www.ilfattoquotidiano.it/in-edicola/articoli/2020/03/10/la-grande-fuga-dal-nord-il-contagio-guarda-a-sud/5731207.

Sicilia 25.03.2020 – Sicilia, Coronavirus: sequestrati 4.500 litri gel sanificante illegale// IlFattoNisseno. 25.03.2020. https://www.ilfattonisseno.it/2020/03/sicilia-coronavirus-sequestrati-4-500-litri-gel-sanificante-illegale.

Научная литература

Ле Гофф Ж. Цивилизация Средневекового Запада. М.: Прогресс. 1992.

Фаис О. Сицилия: историческая память населения и странноприимность региона (взаимоотношения «местных» и «пришлых») // Прошлое: теория и практика (де)конструирования в научных и политических дискурсах. Казань: ИУЭУП. 2019.

Allovio S. Le culture della paura e i cambiamenti sociali // La Porta. Passioni soggettive e virtu civili. 17.05.2019. http://www.laportabergamo.it/iniziative/2019/Passioni_virtu/Passioni%20soggettive%20e%20virtu%60%20civili_Allovio.pdf.

Aprile R. La fiaba di magia in Sicilia. Palermo: Sellerio.1991;

Alvarez Garcia G. Sicilia, Spagna. Due culture a confronto. Palermo: Nuova Ipsa. 1997.

Anfossi A. Ragusa: comunità in transizione. Saggio sociologico. Torino: Taylor. 1959.

Anfossi A. Socialità e organizzazione in Sardegna. Studio sulla zona di Oristano-Bosa-Macomer. Cagliari: CUEC. 2008.

Bartalotta E. Mito, istinto e saggezza nella "Medicina popolare siciliana" di Giuseppe Pitrè// Siciliafan. 20.09.2014. https://www.siciliafan.it/mito-istinto-saggezza-medicina-popolare-siciliana-giuseppe-pitre.

Basile G. Palermo felicissima (o quasi…). Palermo: Flaccovio. 2006.

Buttitta A. Prefazione // Coria G. Profumi di Sicilia. Catania: cavallotto. 2006. P. 9–15.

Castelli R. Credenze e usi popolari siciliani (1878). Bologna: Forni.1980.

Caminiti L. Perché non possiamo non dirci «indipendentisti». Roma: DeriveApprodi. 2018.

Coria G. Profumi di Sicilia.Catania: Cavallotto. 2006.

Costanzo E., Liberto M. I prodotti dell'Isola del Sole. Alcamo (Tp): Regione Siciliana, Assessorato dell'Agricoltura e Foreste. 2001.

Cusumano A. Per una religione del pane. Le tavolate di San Giuseppe in Sicilia // Mythos. Rivista della Storia della Religione.1992. №.4. P. 67–80.

Erbuario siciliano. Palermo: Il Vespro. 1977.

Esposito T. Diagnosi, cura, prevenzione tra empirismo e pratiche magiche//Storia e Medicina Popolare. Roma. 1991. IX. No. 2/3. P. 139–182.

Fabietti U., Matera V. Memoria e identità. Simboli e strategie del ricordo. Roma: Meltemi. 2000.

Lo Jacono T. Judaica Salem. Palermo: Sellerio. 1990.

Mannella P.L.J. Il Sussurro Magico. Scongiuri, malesseri e orizzonti cerimoniali in Sicilia. Palermo: Edizioni Museo Pasqualino. 2015.

Mannella P.L.J. Impieghi fitoterapici in Sicilia. Il Ricettario della zza Pina// Dialoghi mediterranei. N.30. 2018. http://www.istitutoeuroarabo.it/DM/impieghi-fitoterapici-in-sicilia-il-ricettario-della-zza-pina.

Mento G. La cucina della tradizione siciliana. Modica (Rg): Adierre. 2003.

Oliverio Ferraris A. Psicologia della paura Torino: Bollati Borringhieri. 2013.

Palmieri P. La tradizione e l'uso del pane nel Mediterraneo. Spunti per un'indagine antropologica // Narrare i gruppi. Prospettive cliniche e sociali. Anno II. Vol. II. Settembre 2007.

Pandolfi M. Follia e medicina popolare//in: Medicine e Magie (a cura di Seppilli T.). Milano: Electa. 1989. P. 57–62.

Pitrè G. Medicina popolare siciliana. Sala Bolognese (Bo): Arnaldo Forni. 1981.

Pitrè G. Medici, chirurgi, barbieri e speziali antichi in Sicilia. Secoli XIII–XVIII. Curiosità storiche e altri scritti. Palermo: Nuova IPSA. 2016.

Pomar A. L'Isola dei Sapori. Palermo: GOOD. 1992.

Prestigiacomo V. La città si sveglia fascista. Il volto di Palermo tra ventennio e dopoguerra. Palermo, 2012.

Salomone Marino S. Costumi e usanze dei contadini di Sicilia. Palermo: Andò. 1968.

Santoro D. Salute dei Re, salute del Popolo. Mangiare e curarsi nella Sicilia tardomedievale// Anuario de Estudios Medievales.43, 1.01.2013. P. 259–289.

References

Le Goff, Z. 1992. *Tsivilizatsiia Srednevekovogo Zapada* [Civilization Of The Medieval West] Moscow: Progress. 1992.

Fais, O.D. 2019. Sitsiliya: istoricheskaya pamyat' naseleniya i strannopriimnost' regiona (vzaimootnosheniya «mestnykh» i «prishlykh») [Sicily: the historical memory of the population and the reception of the region (the relationship of "local" and "newcomers"]. In *Proshloe: teoriya i praktika (de)konstruirovaniya v nauchnykh i politicheskikh diskursakh*. [Past: theory and practice of (de)construction in scientific and political discourses] Kazan: IUEUP.

Allovio, S. 2019. Le culture della paura e i cambiamenti sociali [Cultures of fear and social changes]. In *La Porta. Passioni soggettive e virtu civili*. 17.05.2019. http://www.laportabergamo.it/iniziative/2019/Passioni_virtu/Passioni%20soggettive%20e%20virtu%60%20civili_Allovio.pdf.

Aprile, R. 1991. *La fiaba di magia in Sicilia* [The fairy tale of magic in Sicily]. Palermo: Sellerio.

Alvarez Garcia, G. 1997. *Sicilia, Spagna. Due culture a confronto* [Sicily, Spain. Two cultures in comparison]. Palermo: Nuova Ipsa.

Anfossi, A. 1959. *Ragusa: comunità in transizione. Saggio sociologico* [Ragusa: community in transition. Sociological essay]. Torino: Taylor.

Anfossi, A. 2008. *Socialità e organizzazione in Sardegna. Studio sulla zona di Oristano-Bosa-Macomer* [Sociality and organization in Sardinia. Study on the Oristano-Bosa-Macomer area]. Cagliari: CUEC.

Bartalotta, E. 2014. Mito, istinto e saggezza nella "Medicina popolare siciliana" di Giuseppe Pitrè [Myth, instinct and wisdom in Giuseppe Pitrè's "Sicilian folk medicine"]. *Siciliafan*. 20.09.2014. https://www.siciliafan.it/mito-istinto-saggezza-medicina-popolare-siciliana-giuseppe-pitre.

Basile, G. 2006. *Palermo felicissima (o quasi…)* [Palermo very happy (or almost ...)]. Palermo: Flaccovio.

Buttitta, A. 2006. Prefazione. In: Coria G. *Profumi di Sicilia* [Preface. In: Coria G. Profumi di Sicilia]. Catania: cavallotto, 9–15.

Castelli, R. 1980. *Credenze e usi popolari siciliani* (1878) [Sicilian folk beliefs and customs]. Bologna: Forni.

Caminiti, L. 2018. *Perché non possiamo non dirci "indipendentisti"* [Why we can not say that we are "independentists"]. Roma: DeriveApprodi.

Coria, G. 2006. *Profumi di Sicilia*.Catania: Cavallotto.

Costanzo E., Liberto M. 2001. I prodotti dell'Isola del Sole. Alcamo (Tp): *Regione Siciliana, Assessorato dell'Agricoltura e Foreste* [The products of the Isola del Sole. Alcamo (Tp): Sicilian Region, Department of Agriculture and Forests].

Cusumano, A. 1992. Per una religione del pane. Le tavolate di San Giuseppe in Sicilia [For a religion of bread. The tables of San Giuseppe in Sicily]. *Mythos. Rivista della Storia della Religione* 4: 67–80.

Erbuario siciliano. 1977. Palermo: Il Vespro.

Esposito T. 1991. Diagnosi, cura, prevenzione tra empirismo e pratiche magiche [Diagnosis, treatment, prevention between empiricism and magical practices]. *Storia e Medicina Popolare* IX (2/3): 139–182. Roma.

Fabietti, U., and V. Matera. 2000. *Memoria e identità. Simboli e strategie del ricordo* [Memory and identity. Symbols and strategies of remembrance]. Roma: Meltemi.

Lo Jacono, T. 1990. *Judaica Salem*. Palermo: Sellerio.

Mannella, P.L.J. 2015. *Il Sussurro Magico. Scongiuri, malesseri e orizzonti cerimoniali in Sicilia*. Palermo: Edizioni Museo Pasqualino.

Mannella, P.L.J. 2018. Impieghi fitoterapici in Sicilia. Il Ricettario della zza Pina. *Dialoghi mediterranei* 30 [Phytotherapeutic uses in Sicily. The recipe book of zza Pina. Mediterranean Dialogues 30].

http://www.istitutoeuroarabo.it/DM/impieghi-fitoterapici-in-sicilia-il-ricettario-della-zza-pina.
Mento, G. 2003. *La cucina della tradizione siciliana* [The cuisine of the Sicilian tradition]. Modica (Rg): Adierre.
Oliverio Ferraris, A. 2013. *Psicologia della paura Torino*: Bollati Borringhieri [Psychology of fear Turin: Bollati Borringhieri].
Palmieri, P. 2007. La tradizione e l'uso del pane nel Mediterraneo. Spunti per un'indagine antropologica [The tradition and use of bread in the Mediterranean. Ideas for an anthropological investigation]. In: *Narrare i gruppi. Prospettive cliniche e sociali*. Anno II. Vol. II. Settembre.
Pandolfi, M. 1989. Follia e medicina popolare [Madness and folk medicine]. In: *Medicine e Magie (a cura di Seppilli T.)*, 57–62Milano: Electa.
Pitrè, G. 1981. *Medicina popolare siciliana*. Sala Bolognese (Bo): Arnaldo Forni.
Pitrè, G. 2016. Medici, chirurgi, barbieri e speziali antichi in Sicilia. Secoli XIII–XVIII [Ancient doctors, surgeons, barbers and apothecaries in Sicily. 13th-18th centuries.]. *Curiosità storiche e altri scritti*. Palermo: Nuova IPSA.
Pomar, A. 1992. *L'Isola dei Sapori* [The Island of Flavors]. Palermo: GOOD.
Prestigiacomo, V. 2012. *La città si sveglia fascista. Il volto di Palermo tra ventennio e dopoguerra* [The city wakes up fascist. The face of Palermo between twenty years and after the war]. Palermo.
Salomone Marino, S. 1968. *Costumi e usanze dei contadini di Sicilia* [Costumes and customs of the Sicilian peasants]. Palermo: Andò.
Santoro, D. 2013. Salute dei Re, salute del Popolo. Mangiare e curarsi nella Sicilia tardomedievale [Health of the Kings, health of the People. Eating and healing in late medieval Sicily]. In *Anuario de Estudios Medievales* 43: 259–289.

Fais-Leutskaya, Oksana D.

Covid 19 in Sicily: the existential "medicine" and practices – an appeal to the tradition

Summary: This article, based on the author's field material, analyzes the empirics of mental and behavioral models of Sicilians in existential conditions of existence, namely in February – may 2020 in the context of the coronavirus epidemic and quarantine measures in Italy. In the course of the research, the author addresses such aspects of traditional culture as folk medicine, local cuisine, and ritual. The analysis of the studied realities convincingly demonstrates the conversion of a large part of Sicilian society to the ancient cultural strata, with a particular connotation: it is about the ancient remedies, rational and magical, and prevention of diseases and demonic apparitions, as well as therapeutic practices aimed at healing various ailments, but primarily plague and dysentery, repeatedly struck Sicily. The same focus has the dietary changes of alimentary habits of the Sicilians, and the appeal to certain "health" and cleansing rites. The study of empirical material convincingly reveals the medieval roots of beliefs and recipes, which appeal to the Sicilians, the important role of historical memory, which serves as a guarantor of the preservation of archaic culture, the predominantly folk nature of the cultural substrate, which is addressed by representatives of local society, and the oral nature of the transmission of information. The appeal to the theory and concepts of anthropology of fear and anthropology of disasters allows to understand the mechanism of this treatment and the reasons for the revitalization of such a specific culture in the existential for the existence of the Sicilians conditions, and also focuses on other aspects of life of society (the assertion of his identity and the problems of relationships with other communities of the population).

Key words: *coronavirus, epidemic, quarantine measures, folk medicine, medieval practices, anti-plague therapy," curative" diet magic actions, rites*

УДК
DOI

© В.Н. Буркова, Ю.Н. Феденок

МЕДИЦИНСКАЯ МАСКА КАК СРЕДСТВО ИНДИВИДУАЛЬНОЙ И КОЛЛЕКТИВНОЙ ЗАЩИТЫ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19 (КРОСС-КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ)*

Носить маску – защищать себя – защищать других!
(выдержка из Руководства по ликвидации эпидемии:
советы для широких масс Китайская народная республика
(рассылается с 03.02.2020 г. смс-сообщениями каждому жителю Китая)

Использование медицинской маски – одна из профилактических мер по ограничению распространения респираторных инфекций, в том числе COVID-19. Частота использования маски в каждой стране зависит от многих факторов, среди них – эпидемиологический опыт, культурные нормы и установки, экономическая и политическая ситуация, степень информированности населения и др. Цель данного исследования – изучение первичной реакции населения разных стран, охваченных пандемией COVID-19, на предписания или рекомендации властей по использованию медицинских масок в качестве индивидуальной и коллективной защиты. Мы применяли методы полуструктурированного глубинного интервью, анкетирование, фотофиксацию элементов поведения. Всего было собрано 366 анкет респондентов (51 муж. и 315 жен.) среди русскоязычных граждан, проживающих или пребывающих в других странах на момент вспышки и распространения COVID-19, а также среди россиян из разных регионов России, за период с 23 марта по 10 апреля 2020 г. Анализ полученных данных показал, что частота использования масок зависит от таких параметров как страна нахождения респондента, пол, социальное дистанцирование и доверие к власти. Результаты исследования демонстрируют эффект транслируемых через государственные источники официальных решений на реальное поведение людей – при более серьезных

Буркова Валентина Николаевна – к.и.н., старший научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН (119991 Москва, Ленинский просп., 32а), преподаватель Международного центра антропологии, НИУ «Высшая школа экономики». Эл. почта: burkovav@gmail.com. **Burkova, Valentina N.** – PhD in History, Senior Research Scientist of the Centre for cross-cultural psychology and human ethology, Institute of ethnology and anthropology RAS, Lecturer in International Centre of Anthropology, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia.). E-mail: burkovav@gmail.com. ORCID: https://orcid.org/0000-0003-4777-0224

Феденок Юлия Николаевна – к.и.н., научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН (119991 Москва, Ленинский просп., 32а). Эл. почта: fedenok.julia@gmail.com. **Fedenok, Yulia N.** – PhD in History, Research Scientist Centre of cross-cultural psychology and human ethology, Institute of ethnology and anthropology RAS (Moscow, Russia). E-mail: fedenok.julia@gmail.com. ORCID: https://orcid.org/0000-0001-6103-6064

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-04-60186 и в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН

мерах со стороны правительства, люди ответственнее относятся к вводимым мерам профилактики и лучше их исполняют. Интерпретация результатов рассмотрена с антропологической точки зрения согласно классификации культур «Индивидуализм-Коллективизм». Данные результаты являются первым срезом исследования в период введения ограничений и отображают первую стадию реакции населения на принятые меры. Знание особенностей восприятия и исполнения населением санитарно-гигиенических предписаний может быть использовано при выборе наиболее оптимальных форм оповещения о санитарно-гигиенических рекомендациях и выработке действенных и эффективных методов побуждения к их исполнению населением.

Ключевые слова: *медицинская маска, коронавирус, COVID-19, социокультурные нормы, индивидуализм, коллективизм; кросс-культурные различия*

Введение

11 марта 2020 г. генеральный директор Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) доктор Т.А. Гебрейесус заявил, что ситуацию с распространением коронавируса COVID-19 можно охарактеризовать как пандемию. ВОЗ информировала, что данное вирусное заболевание передается от человека к человеку респираторно-капельным и контактным путем. Любой человек, находящийся в близком контакте (в пределах 1 м) с лицом, имеющим респираторные симптомы, такие как чихание и кашель, рискует подвергнуться воздействию потенциально инфекционных капель отделяемого из дыхательных путей больного (ВОЗ 2020).

Использование медицинской маски является одной из профилактических мер по ограничению распространения определенных видов респираторных инфекций, в том числе COVID-19 (SARS-CoV-2). Предыдущие эпидемии респираторных заболеваний (грипп, тяжелый острый респираторный синдром ТОРС и др.) показали, что использование масок, мытье рук и другие меры гигиены, закрытие школ и социальное дистанцирование, являются эффективными стратегиями раннего контроля до момента появления вакцин (Anderson, Heesterbeek et al. 2020; Lo, Tsang et al. 2005; MacIntyre, Cauchemez et al. 2009; Syed, Sopwith et al. 2003). Многие страны включили в свои планы борьбы с пандемией рекомендации по использованию масок для лица наряду с другими мерами[1].

Государственная политика в периоды эпидемий чаще всего направлена на то, чтобы искусственно вызывать изменения в поведении людей, в частности стимулировать сокращение межличностных контактов и/или увеличение размера социальной дистанции, как часть поведенческой адаптации к эпидемиям (*Феденок, Буркова* 2020; *Fenichel* 2013). Принимаемые локальными правительствами ограничения имеют разные формы: от полностью контролируемого социального взаимодействия между людьми до небольших ограничений без четкого контроля властей. Результаты

[1] Australian health management plan for pandemic influenza: important information for all Australians. Canberra: Department of Health and Ageing, Commonwealth of Australia; 2006. Department of Health and Human Services. HHS pandemic influenza plan. Washington: The Department 2005. National plan for the prevention and control of influenza pandemic. Paris: General Secretariat for National Defence 2007.

моделирования возможных вариантов распространения эпидемии COVID-19 показали, что реакция каждого человека на советы правительств стран мира по предотвращению распространения заболевания не менее важная составляющая, чем предпринимаемые этими правительствами действия (*Anderson, Heesterbeek et al.* 2020). Поведение выздоровевших и/или невосприимчивых к болезни людей становится крайне важным для благосостояния и здоровья остальных групп населения.

Согласно изначальным предписаниям ВОЗ, рекомендовалось носить медицинские маски двум категориям людей – тем, кто уже болен или имеет симптомы респираторного заболевания, и тем, кто осуществляет уход за больными с коронавирусной инфекцией (Coronavirus 2020). Остальных людей носить маски ВОЗ не обязывала, поскольку они не являются гарантированной защитой от заражения COVID-19, а снятие маски требует особой аккуратности – неосторожными движениями можно занести вирус на руки, кроме того бездумное ношение может создать у человека ложное ощущение безопасности. В июне 2020 г. ВОЗ обновила свои рекомендации, уточнив, что медицинские маски необходимо использовать, когда наблюдается ускоренное «активное массовое распространение» COVID-19 и нет возможности соблюдать дистанцию (ВОЗ пересмотрела 2020).

В настоящее время в кросс-культурной психологии существует множество исследований, указывающих на то, что культура влияет на физическое и психическое здоровье популяции, субъективное ощущение благополучия и счастья, продолжительность жизни (*Лебедева, Чирков и др.* 2007; *Triandis* 1994). Согласно позиции ВОЗ, психосоциальные факторы считаются ключевыми для сохранения здоровья и успешной социальной деятельности людей (Психическое здоровье 2020). В науке используется понятие «социальный капитал» как совокупность социальных связей вместе с набором ценностей, норм и моделей поведения, разделяемых членами группы и облегчающих кооперацию и взаимодействие как между членами группы, так и по отношению к группе как целому (*Triandis* 1994; *Van Kemenade* 2003). Многие исследователи подчеркивают роль этого капитала для сохранения здоровья людей (*Росс, Нисбетт* 1999; *Almedom* 2005). Однако, несмотря на социокультурные факторы, влияющие на отношение индивида к здоровью, в конечном итоге он сам принимает решение, каким моделям поведения в этой связи необходимо следовать (*Лебедева, Чирков и др.* 2007).

С социо-антропологической точки зрения использование масок или их игнорирование в условиях пандемии может служить показателем того, насколько культурные традиции и ценности влияют на применимость данной практики в той или иной популяции. В качестве одного из объяснений можно использовать теорию классификации культур «Индивидуализм–Коллективизм», предложенную Дж. Хофстедом и модифицированную другими исследователями (*Hofstede* 1981; *House, Hanges et al*. 2004). Традиционные подходы к объяснению связи между культурой и личностью утверждают, что такие культурные аспекты смягчают индивидуальную личность. Тем не менее, существует мнение о том, что совокупность личности формирует культурное измерение (Hofstede, McCrae 2004). Задолго до пандемии COVID-19 социальные психологи отмечали, что для усиления предотвращения болезней и сохранения здоровья и благополучия необходимо, чтобы подход к проблеме здоровья был основан на понимании культуры, традиций, верований и моделей межличностного взаимодействия (*Triandis* 1994).

Цель данного исследования – изучение первичной реакции населения разных стран, охваченных пандемией COVID-19, коронавирусом тяжелого острого респираторного синдрома 2 (SARS-CoV-2), в особенности – России, на предписания или рекомендации властей использовать в качестве индивидуальной и коллективной защиты медицинские маски.

Задачи исследования – качественный и количественный анализ частоты использования медицинских масок в качестве средства индивидуальной и коллективной защиты в различных странах (в особенности в России), определение гендерных различий при использовании масок, исследование взаимосвязи использования медицинской маски с такими факторами, как страна происхождения, доверие к власти, возраст, образование, наличие несовершеннолетних детей, социальное дистанцирование, агрессивные и панические настроения, наличие стресса и ситуативная тревожность.

Методы и участники исследования

Данное исследование было проведено среди русскоязычных граждан, проживающих или пребывающих в других странах на момент вспышки и распространения COVID-19, а также россиян из разных регионов России. Мы использовали метод анкетирования, полуструктурированного глубинного интервью, метод «снежного кома» для организации опроса, фотофиксацию элементов поведения людей в условиях пандемии, анализ новостных сюжетов СМИ. Для опроса была использована специально созданная гугл-форма с открытыми, полуоткрытыми и закрытыми типами вопросов. Все использованные в статье фотографии публикуются с разрешения респондентов без указания личных данных.

Всего было собрано 366 анкет (51 мужчин и 316 женщин), возраст варьировал от 19 до 71 года (86% респондентов – в возрасте от 25 до 48 лет). В нашу выборку попали русскоязычные граждане из 33 стран мира (табл. 1). На Россию приходится 65,5% (239 чел.) выборки, остальные 34,5% (127 чел.) – респонденты из других стран. Данные собраны за период с 23 марта по 10 апреля 2020 г. Исследование проводилось на добровольной и анонимной основе.

Таблица 1

Количество опрошенных респондентов по странам

№	Страна	Количество опрошенных (чел.)
1.	Австрия	1
2.	Арабские Эмираты	1
3.	Армения	3
4.	Беларусь	18
5.	Болгария	4
6.	Великобритания	4
7.	Вьетнам	1
8.	Германия	11

Таблица 1 (продолжение)

№	Страна	Количество опрошенных (чел.)
9.	Греция	2
10.	Грузия	3
11.	Дания	2
12.	Израиль	6
13.	Испания	5
14.	Италия	2
15.	Казахстан	10
16.	Кипр	2
17.	Киргизия	2
18.	Китай	4
19.	Латвия	2
20.	Малайзия	1
21.	Нидерланды	2
22.	Польша	4
23.	Россия	239
24.	Сингапур	2
25.	США	3
26.	Танзания	3
27.	Турция	1
28.	Узбекистан	1
29.	Украина	16
30.	Франция	4
31.	Чехия	5
32.	Швеция	1
33.	Эстония	1
	ВСЕГО	366

Все анкеты были внесены в базу данных, при статистической обработке использован пакет программ SPPS-23. Для анализа применялись методы описательной статистики (частоты), сравнение групп по количественным признакам проводили с использованием критерия Стьюдента (Т-тест) для независимых выборок; оценка влияния независимых переменных на искомый признак (зависимую переменную – использование масок) – методом линейной регрессии с оценкой достоверности и адекватности модели на основании однофакторного дисперсионного анализа по кри-

терию Фишера (F≥4,7), коэффициенту детерминации (R^2) и t-критерию Стьюдента (t≥2), оценку зависимостей между признаками – методом корреляционного анализа для количественных переменных с контролем. Уровнем статистической значимости являлась величина p≤0,05.

Результаты

На основании пилотного исследования и персональных интервью вопрос «Носят ли в стране, где Вы в данный момент находитесь, медицинские маски?» был разбит на четыре наиболее употребляемые категории: не носят, носит 1-2 человека из толпы, носит каждый второй человек, носят все люди повсеместно. Был проведен линейный регрессионный анализ для общей выборки, чтобы понять, какие именно факторы влияют на использование маски в условиях пандемии коронавируса (табл. 2).

Таблица 2

Линейный регрессионный анализ со шкалой «использование маски» как зависимой переменной для общей выборки (N=366)

Зависимая переменная	Независимые переменные	R^2	B-коэф.	Стандартная ошибка	Beta-коэф.	t-коэф.	P
Использование медицинской маски	**Страна**	0,013	0,011	0,005	0,114	2,184	**0,030**
	Пол	0,032	-0,366	0,106	-0,178	-3,444	**0,001**
	Возраст	0,000	0,000	0,004	-0,003	-0,055	NS
	Образование	0,000	0,005	0,047	0,005	0,097	NS
	Наличие несовершеннолетних детей	0,004	0,091	0,080	0,060	1,138	NS
	Социальное дистанцирование	0,071	0,305	0,094	0,226	3,260	**0,001**
	Агрессивные настроения	0,001	-0,043	0,102	-0,023	-0,426	NS
	Панические настроения	0,008	0,121	0,093	0,087	1,298	NS
	Доверие к власти	0,069	0,363	0,096	0,262	3,802	**0,000**
	Наличие стресса	0,001	-0,015	0,031	-0,024	-0,463	NS
	Ситуативная тревожность	0,009	-0,006	0,003	-0,095	-1,821	0,069

* Условные обозначения: R^2 – коэффициент детерминации (объясняет процент изменчивости по каждому из тестируемых признаков); P – значимость; NS – не значимо.

Линейная регрессия для целой выборки показала значимый положительный эффект страны нахождения респондента и значимый отрицательный эффект пола респондента на использование масок (табл. 2). Кроме того, значимыми предикторами

использования масок в условиях пандемии были социальное дистанцирование (знание людей о наличии конкретного указания властей государства на необходимую дистанцию общения между людьми) и доверие к власти (наличие или отсутствие). Остальные показатели не показали значимых эффектов (табл. 2).

Поскольку данные по другим странам слишком малы, чтобы проводить отдельный количественный анализ по каждой стране, мы представляем частоту использования масок только по России (рис. 1). Эти данные отражают ответы людей на момент введения и первых двух недель режима самоизоляции и ограничительных мер. Большая часть опрошенных (61,1%) указала, что используют маски 1-2 человека из толпы, 26,8% респондентов отметили, что маски носит каждый второй человек из толпы, ответы «не носят маски совсем» и «носят повсеместно» отметили, соответственно, 5,9% и 6,3% участников опроса (рис. 1).

Поскольку линейный регрессионный анализ показал значимый эффект фактора

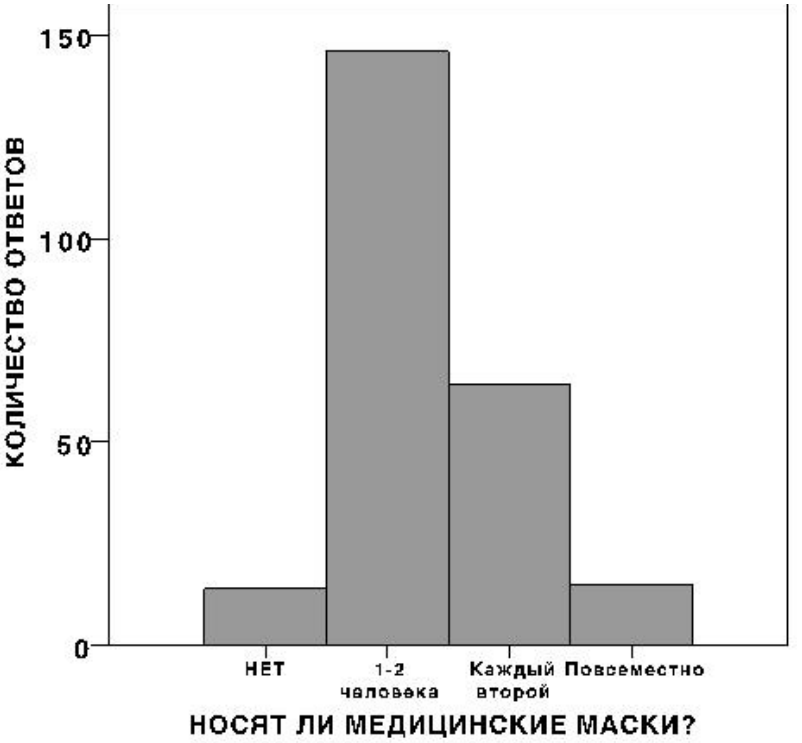

Рис. 1. Частота использования масок как средства защиты от коронавируса в России

пола на использование масок, нами был проведен Т-тест для независимых выборок, который подтвердил наличие значимых гендерных различий по данному признаку (t=3,444; df=362; p=0,001). С использованием методов описательной статистики (частоты) были получены следующие результаты (рис. 2): мужчины из всех стран отмечали примерно поровну, что маски в общественных местах носят 1-2 человека из толпы (41,67%) или каждый второй (47,92%), тогда как гораздо больше женщин указали на то, что носят маски 1-2 человека (61,8%), чем каждый второй (24,84%) (рис. 2). Женщины также указали гораздо больше случаев, когда маски не носят совсем (7,76%) по сравнению с мужчинами (2,08%). На наш взгляд эти различия связаны с гендерными особенностями восприятия людей в целом и восприятия лиц людей,

в частности. Известно, что женщины лучше распознают чужие эмоции и более эмпатичны, такие гендерные различия прослеживаются на кросс-культурном уровне (*Буркова, Бутовская и др.* 2019; *Буркова, Феденок и др*. 2019; *Baron-Cohen*, *Wheelwright* 2004; *Zahn-Waxler, Robinson et al.* 1992). Вероятно, опрошенные женщины более внимательно рассматривали окружающих их людей и дали более реальную картину ношения медицинских масок среди населения разных стран.

Далее мы проверили взаимосвязь между использованием медицинских масок и социальной дистанцией, применив корреляционный анализ с контролем по стране

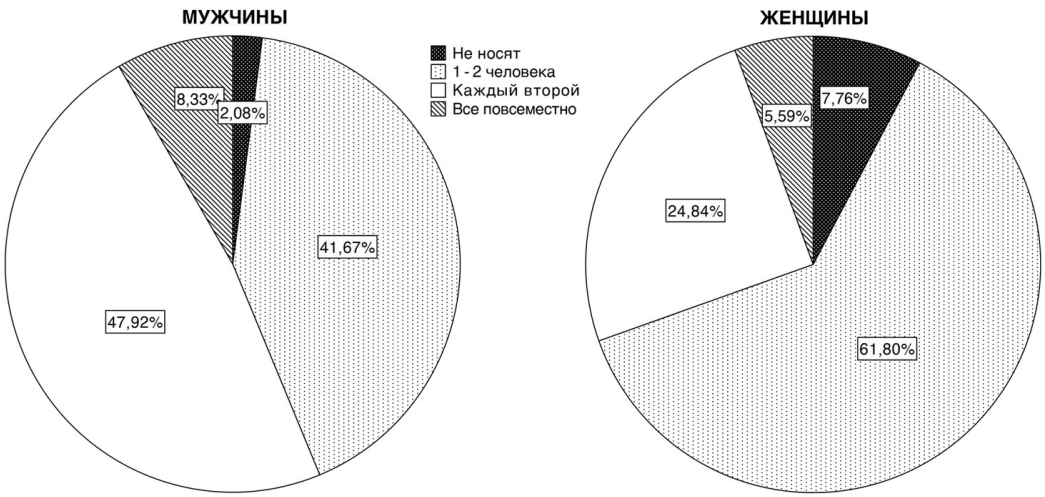

Рис. 2. Ответы мужчин и женщин об использовании масок в общественных местах (общая выборка).

пребывания респондента – была обнаружена значимая положительная связь между данными параметрами (r=0,260, df=139, p=0,002). Под социальной дистанцией мы подразумевали четкое указание властей государства на необходимое расстояние общения между людьми, то есть респондент, ссылаясь на какие-либо официальные источники, назвал конкретную дистанцию в метрах, на которой дано предписание общаться между людьми (Феденок, Буркова 2020). Данный результат показывает, что по мере увеличения дистанции общения (от 1 до 3 м), о которой информирован человек, увеличивается и частота использования масок (ответы от «не используют» до «используют повсеместно»). По-видимому, оценка ситуации респондентами через призму информированности о социальной дистанции, указавшими бóльшую дистанцию и при этом бóльшую частоту ношения масок, может отражать более серьезное отношение властей к принимаемым на государственном уровне ограничительным мерам и бóльшие затраты на информирование о принимаемых мерах и профилактике. Как следствие, бóльшую осторожность проявляет и население – они носят медицинские маски чаще. По-видимому, мы видим эффект транслируемых через государственные источники официальных решений на реальное поведение людей – при более серьезных мерах со стороны правительства люди ответственнее относятся к вводимым мерам профилактики и лучше их исполняют.

Принимая во внимание данный результат, не вызывает удивления и наличие взаимосвязи между использованием масок и доверием к власти. Мы задали респон-

дентам вопрос о доверии местных жителей той информации, которая исходит из официальных источников (федеральный каналы, заявления правительства и нормативно-правовые акты). Корреляционный анализ с контролем по стране пребывания респондента показал наличие значимой положительной связи между использованием маски (от «не носят» до «носят повсеместно») в условиях пандемии и доверием к власти (от «не доверяю» к «доверяю») (r=0,260, df=195, p=0,000).

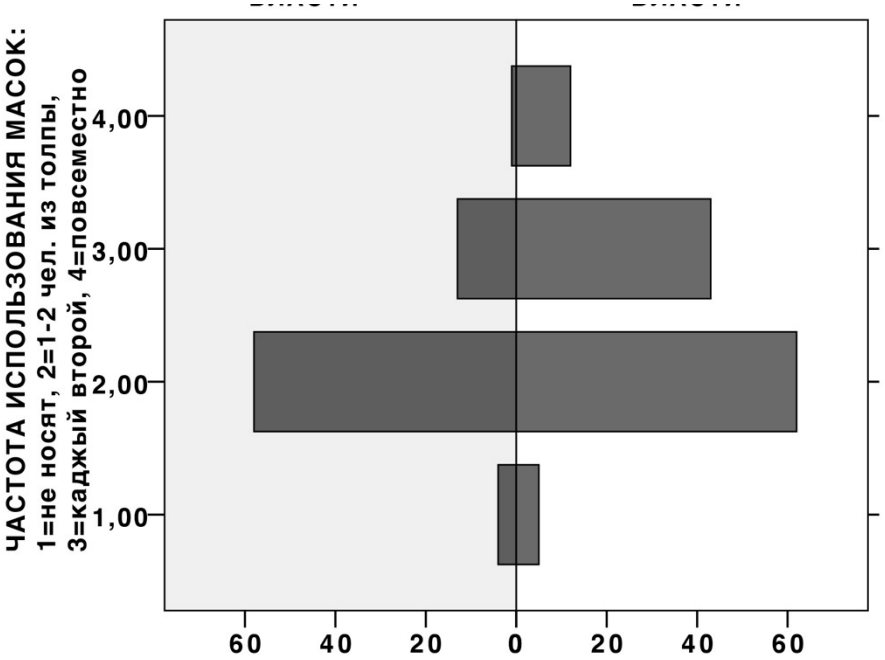

Рис. 3. Ответы респондентов об использовании масок в общественных местахв зависимости от доверия к власти (общая выборка)

На рис. 3 показано, как распределились ответы респондентов: в сером левом столбце приведены ответы тех, кто не доверяет власти, с градацией ответов от «не носят» до «носят повсеместно». Правый белый столбец демонстрирует ответы тех людей, которые отметили, что доверяют власти. Все из представленных нами стран давали в официальной информации рекомендации по профилактике коронавируса, в частности, о необходимости использования медицинских масок в общественных местах. Особого внимания заслуживают ответы тех, кто указал категорию «носит каждый второй» и «повсеместно» – их гораздо больше среди тех респондентов, которые доверяют решениям правительств стран, где находятся, и стараются их исполнять. Регрессионный анализ отдельно по российской выборке также показал значимый положительный эффект показателя «доверие к власти» на вопрос об использовании масок (B=0,335; SE=0,101; t=3,332; p=0,001; R^2=0,062). Профиль ответов соответствует рис. 3 по общей выборке, поэтому мы не приводим отдельный рисунок.

С начала вспышки COVID-19 жители некоторых стран начали носить маски как должное, в том числе боясь общественного осуждения, например, в Китае (в том числе Гонконге), Таиланде, Японии, Тайвани, Южной Корее. В других странах – России, Великобритании, США, многих европейских странах, Австралии – осталось вполне приемлемым ходить с открытым лицом, несмотря на увеличивающиеся с каждым днем

цифры зараженных людей. Отдельно мы хотим остановиться на отношении к использованию масок в различных странах, исходя из глубинных интервью с респондентами, поскольку имеющихся данных по каждой отдельной стране на текущем этапе недостаточно для проведения статистического анализа. Каждый регион выработал в период ухудшения эпидемиологической обстановки свое отношение к использованию медицинских масок как средства индивидуальной и коллективной защиты от заражения COVID-19. Так, например, в Италии, одном из регионов с самой тяжелой эпидемиологической ситуацией – Ломбардии, был установлен абсолютный запрет входа без маски в общественные места (Рис. 4).

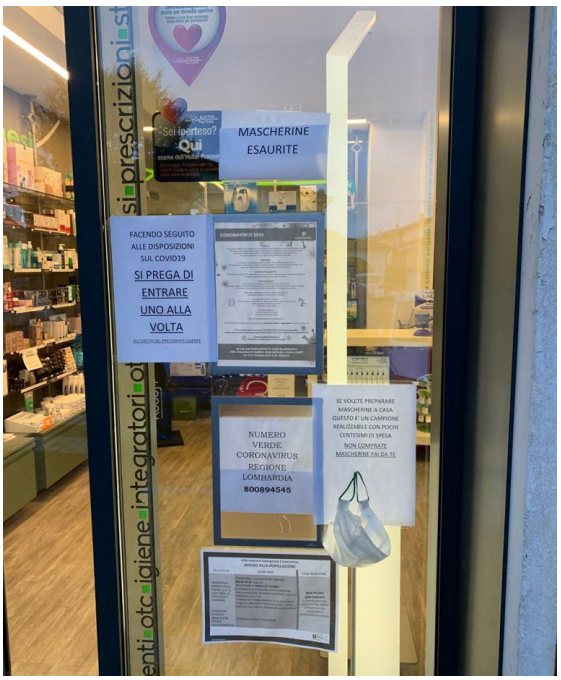

Рис. 4. Дверь аптеки в Ломбардии (Италия) с указаниями о запрете входа без маски, объявлением об отсутствии масок в продаже и инструкцией о том, как сделать маску из салфеток с образцом (фото респондента, мужчина, 52 года, Италия, 23.03.2020г.)

В Китае с распространением вируса было введено тотальное ношение масок: «Китайцы очень послушные. Если пришло распоряжение сверху надеть маски, то на следующий день 99% людей вышли в масках. Нет вопроса хочу – не хочу. Я единственная вышла без маски в первый день эпидемии. Сосед на лестничной клетке меня увидел и вынес мне 2 респиратора, подарил. Эффект от масок будет только в том случае, если все поголовно будут в масках» (женщина, 38 лет, г. Пекин, КНР).

Помимо беспрекословного выполнения китайцами указов правительства и возможные санкции со стороны государственной власти, важными факторами применимости практики ношения маски являются личные установки граждан, выработанные благодаря имеющемуся опыту. Вспышка вируса SARS в юго-восточной Азии в 2002-03 гг. показала важность данного вида профилактики при респираторных эпидемиях. Местные жители выработали привычку носить медицинские маски не только в случае эпидемии, но и во время своей болезни для того, чтобы не заражать других членов общества (Рис. 5). Данные установки были отмечены нашими респондентами из Сингапура, Китая, Вьетнама. Местные жители исполняют на 90-100% рекомендации правительства, даже если они не даны в виде нормативных актов. «Основное, что заставляет людей выполнять рекомендации – самосознание общества, и лишь немного полиция…» (женщина, 39 лет, г. Хошимин, Вьетнам, 25.03.2020 г.). Интересно, что респонденты отмечают культурные привычки местных жителей, которые могут влиять на распространение вируса: «В данном случае маски просто необходимы китайцам, потому что они в принципе не прикрываются, когда чихают или кашляют, или рыгают» (женщина, 38 лет, г. Пекин, КНР).

Рис. 5. Повсеместное использование масок в КНР (фото респондентки, 38 лет, г. Пекин, КНР, 20.03.2020г.).

В европейских странах ношение маски изначально не является принятой нормой поведения в периоды респираторных заболеваний, и те, кто ходит в маске, часто сталкиваются с насмешками, недоверием и даже агрессией со стороны окружающих. Нами был проинтервьюирован 51 респондент, находящийся в странах Европы на момент проведения опроса. Большинство опрошенных (69,23%) отметили, что маски носят 1-2 человека из толпы, 15,38% – каждый второй на улице, 9,62% – вообще не носят, а 5,77% – носят повсеместно. Однако, в каждой из стран Европы сложилась своя уникальная ситуация, зависимая от многих факторов, среди которых – количество заболевших, информированность населения государственными структурами, доверие к власти, доступность средств защиты, этнокультурные особенности людей и особенности социо-культурных норм поведения в каждой из стран.

С нарастанием количества заболевших во многих странах восприятие масок поменялось, особенно в Италии и Испании. Все респонденты отмечают тот факт, что к ношению масок «сначала все относились легкомысленно, но потом резко все изменилось» (мужчина, 52 года, Ломбардия, Италия, 25.03.2020г.). «Изначально легкомысленное отношение было – у нас 30% студентов – китайцы, которые на каждые каникулы ездят к себе в Китай. Им просто рекомендовали после приезда посидеть две недели дома. Никто не занимался никаким контролем. Мы две недели подряд с интервалом в пару дней получали письма от университета – не паникуйте, все нормально, мы следим за обстановкой. Все хорошо! А в понедельник приходит уже письмо в стиле паники: универ закрыт, мы переходим на дистанционное обучение! И резко все поменялась ситуация – за одну ночь! Вдруг на ТВ уже обсуждают как ввести военное положение (даже не ЧС) и полностью изолировать остров» (мужчина, 21 год, Лондон, Англия (14.03.2020г.). С распространением COVID-19 по всей Италии был введен категорический запрет на вход в продуктовые магазины и аптеки без масок. За неимением масок в продаже, люди стали использовать самодельные маски и даже строительные респираторы (Рис. 6). В Германии информанты сообщили, что маски у них не носят или носят только больные люди, однако это связано с введением комендантского часа и отсутствием самого факта перемещения без уважительной причины (женщина, 44 года, г. Берлин, Германия, 24.03.2020г). В Испании, напротив, указывают на повсеместное использование масок: «когда мы ходили в магазин, мы видели людей, едущих в своих закрытых машинах в масках, мы видели такси-

стов в масках без клиентов в машине» (женщина, 39 лет, Испания, 28.03.2020г.).

В Болгарии отмечают, что «местные очень осторожные и боязливые, власти довольно рано стали вводить ограничительные мероприятия... Как результат местное население практически повсеместно носит маски и перчатки, соблюдает дистанцию, минимизирует контакты. В итоге мы видим, что количество заболевших не растет с такой скоростью как, например, в Италии или Испании. Люди это видят и, в целом, доверяют своему правительству» (женщина, 38 лет, г. София, Болгария). Однако, стоит заметить, что реальность использования масок зависит и от их наличия в прямом доступе. Маски носят «все повсеместно, но масок нет в продаже, и многие носят маски повторно, не соблюдая правила использования» (женщина, 42 года, г. Банско, Болгария). «Масок нет в продаже. Даже при желании носить – это невозможно, нет в аптеках» (женщина, 38 лет, г. Хайдерберг, Германия).

Рис. 6. Использование строительных респираторов в разгар эпидемии в Испании (фото респондентов, 39 лет, 25.03.2020г.)

В России строгого предписания правительства носить маски не было до середины мая. В общественном транспорте, включая пригородные электрички и метро, на улицах, в поликлиниках, магазинах, по нашим наблюдениям в конце марта и в апреле 2020 г. в масках ходило около 15-30% населения (Рис. 7). При этом окружающие воспринимали людей в масках как что-то чуждое и странное, приписывая им высокую степень чудачества. В начале развития эпидемии зачастую и медицинские работники принимали пациентов без масок или надевали маски только на рот. По мере роста числа инфицированных и ужесточения эпидемиологических мер, все большее число людей стало носить маски как в столице, так и в регионах. К середине апреля в Московском регионе медицинские маски стали носить около 60% жителей. Исключением являлись подростки, а также пожилые люди в общественных местах с симптомами респираторных заболеваний и без медицинских масок. Носят «большинство, но некоторые не надевают их на нос. Снимают маски, когда говорят по телефону, не уверена, что все знают, что телефон нужно дезинфицировать» (женщина 28 лет, г. Раменское, МО, Россия).

В Танзании в начале эпидемии отмечалось, что «люди стали носить медицинские маски, но при встрече со знакомым снимали их, так как неудобно (невежливо) разговаривать в маске» (женщина 33 года, г. Дар-эс-Салам, Танзания). Имеется в виду не только физическое неудобство, но и принятые нормы общения, что в свою очередь указывает на необходимость учета культурных особенностей при рекомендациях населению и проведению санпросвещения в каждом конкретном регионе.

Рис. 7. Ношение масок в пригородной электричке направления г. Москва – г. Лобня в начале эпидемии в России (фото респондентки, 41 г., г. Лобня 05.04.2020г.)

Обсуждение

Полученные нами данные показали, что значимыми предикторами использования медицинских масок населением в условиях пандемии COVID-19 является страна проживания, социальное дистанцирование (наличие конкретного указания властей государства на необходимую дистанцию общения между людьми) и доверие к власти (наличие или отсутствие).

Опыт Китая показывает, что карантин, социальное дистанцирование и меры профилактики, в том числе повсеместное использование медицинских масок как определенный акт альтруизма по отношению к своим соотечественникам, помогают сдерживать распространение эпидемии. Из данных ежедневно обновляемой официальной статистики, очевидно, что жесткие меры в азиатских странах приводят к хорошим результатам, в то время как в странах Европы вирусом заражается все больше людей (*Worldometers* 2020). Приверженность профилактическим мерам варьирует в зависимости от восприятия риска (*Cava, Fay et al.* 2005) и возрастает во время эпидемий (*MacIntyre, Cauchemez et al.* 2009). Важным фактором применимости практики ношения маски является наличие эпидемиологического опыта. Сингапур и Гонконг в 2002–2003 г. перенесли тяжелые эпидемии острого респираторного синдрома (ТОРС) и смогли справиться с распространением болезни благодаря ранним действиям правительства и мерам социального дистанцирования, принятыми отдельными лицами (*Anderson, Heesterbeek et al.* 2020). Местные жители выработали привычку носить медицинские маски не только в случае эпидемии, но и при любой респираторной болезни для того, чтобы не заражать других членов общества. В разгар эпидемии атипичной пневмонии в апреле и мае 2003 г. в Гонконге соблюдение мер инфекционного контроля было высоким: 76% населения носили лицевую маску, 65% мыли руки после соответствующего контакта и 78% прикрывали рот при чихании или кашле (*Lo, Tsang et al.* 2005). Предыдущие исследования показывали, что культурный контекст сильно влияет на приверженность мерам профилактики – азиатские культуры более склонны использовать маски (*Syed, Sopwith et al.* 2003). Потенциальная эффективность масок увеличивается в тех случаях, когда можно ожидать большей приверженности этой «традиции», например, во время тяжелой пандемии гриппа или других вирусов (MacIntyre, Cauchemez et al. 2009). Не стоит забывать и о том факте, что наличие маски на лице уменьшает передачу вируса или инфекции, поскольку минимизирует тактильные самоконтакты индивида

(уменьшается количество прикосновений к рту, носу, лицу) (ibid.). Эти результаты согласуются и с нашими данными, полученными от информантов из стран Азии – Сингапура, Китая, Кореи, Вьетнама. В Южной Корее важной составляющей борьбы с COVID-19 стал высокий уровень гражданской ответственности и коллективизма. Корейцы очень исполнительны в отношении требований и рекомендаций национального министерства здравоохранения в период эпидемии: все соблюдают правила гигиены, носят маски, и в целом более ответственны к своему здоровью. Кроме того, правительство последовательно придерживается принципа прозрачности в части информирования населения об эпидемии, повышая тем самым взаимное доверие между властью и обществом (*Ким* 2020). Согласно результаты нашего исследования, как по российской выборке, так и по общей выборке, наличие доверия к правительству во всех странах, а, следовательно, и информации, получаемой из официальных источников, является важным фактором для успешной борьбы с эпидемиями. Такую же тенденцию мы наблюдали при анализе взаимосвязи вопроса о доверии к власти и социальной дистанции: при наличии доверия к власти люди демонстрируют лучшую осведомленность о предписанной дистанции общения в ситуации пандемии COVID-19 и указывают на более длинную дистанцию общения (*Феденок, Буркова* 2020).

Согласно классификации культур «Индивидуализм-Коллективизм» в исследовании, проведенном ранее в 78 странах, на западе (прежде всего, Европа и США) преобладает индивидуализм, в то время азиатские страны относятся к коллективистским. Япония в этом измерении занимает средние позиции (*Hofstede, Hofstede et al.* 2010). В индивидуалистических культурах связи между индивидами нежесткие: каждый отвечает сам за себя и свою нуклеарную семью, тогда как в коллективистских культурах люди с рождения интегрированы в сильные, прочные группы, которые оберегают их, взамен получая беспрекословную преданность, и противостоят другим группам (*Хофстеде* 2014). Данная классификация может служить одним из объяснений как степени распространения COVID-19, так и успешности борьбы с ним. На сегодняшний день, в коллективистских странах наблюдаются более успешные тенденции в борьбе с пандемией.

Личные действия или бездействия в западных демократиях могут быть более важной проблемой, чем действия их правительств (*Anderson, Heesterbeek et al.* 2010). В странах Европы и США имеются очевидные проблемы в этом направлении. Жители Франции долгое время посещали общественные места без перчаток или масок, подвергая себя и окружающих повышенной опасности и увеличивая риск заражения инфекцией (*Фабергас* 2020). Многие респонденты из Италии, Англии, Испании отмечали легкомысленное отношение местных жителей к пандемии, причем связано это было не только с действиями правительства, но и с менталитетом жителей. Хотя научные исследования, проведенные в этих странах, показывают, что у приверженцев использования масок значительно снижается риск развития клинических инфекций (*MacIntyre, Cauchemez* 2020).

Согласно имеющимся исследованиям, Россия представляет собой синкретизм ценностей коллективизма, а также русского и западного типов индивидуализма (*Войтенко, Соколов и др.* 2019). Она входит в число стран с одним из самых высоких показателей в рейтинге «дистанцированность власти» (степень, с которой облечённые меньшей властью члены организаций и институционализированных групп при-

нимают неравное распределение власти и ожидают этого неравенства) (*Хофстеде* 2014; *Javidan, Dastmalchian* 2009). Важность этого фактора, применительно к сфере здравоохранения, показывает ряд других исследований. Анализ кросс-культурных различий показал, что такие культурные измерения как высокая дистанция власти и ценности иерархии (вертикальное устройство общества и моделей взаимодействия) оказывают негативное воздействие на отношение россиян к своему здоровью (*Лебедева, Чирков и др.* 2007). Согласно результатам зарубежных исследований, россияне отличаются более низкой самодетерминацией поведения в целом и в отношении сохранения здоровья, в частности (*Chirkov, Ryan et al.* 2003). Эти факторы могут оказывать негативное влияние на распространение пандемии в России.

Заключение

Знание социокультурных и этнических особенностей восприятия и исполнения населением разных стран санитарно-гигиенических предписаний может иметь прикладное значение и способствовать выбору наиболее оптимальных форм оповещения людей о необходимых мерах профилактики, а также использоваться при выработке действенных и эффективных методов побуждения к их исполнению среди широких масс. При оповещениях населения необходимо учитывать культурные установки на индивидуализм или коллективизм, а также индекс доверия власти у населения разных стран. Формами оповещения населения могут быть как повелительные, так и рекомендательные предписания, а средствами информирования могут выступать смс-рассылка, телевизионные ролики, радиосообщения, интернет-публикации, трансляция посредством уличных рупорных громкоговорителей, объявления в магазинах и аптеках и др.

Источники

ВОЗ 2020 – ВОЗ объявила о начале пандемии COVID-19 (http://www.euro.who.int/ru/health-topics/health-emergencies/coronavirus-covid-19/news/news/2020/3/who-announces-covid-19-outbreak-a-pandemic) (23.03.2020)

Воз пересмотрела 2020 – ВОЗ пересмотрела взгляды на маски и советует носить их всем (https://www.interfax.ru/world/712063) (10.06.2020)

Психическое здоровье 2020 – Психическое здоровье. Основные факторы. ВОЗ. (https://www.medlit.ru/journalsview/gigsan/author_rules/) (16.04.2020)

Coronavirus 2020 – Coronavirus disease (COVID-19) advice for the public: When and how to use masks (https://www.who.int/emergencies/diseases/novel-coronavirus-2019/advice-for-public/when-and-how-to-use-masks) (03.04.2020)

Worldometers 2020 – https://www.worldometers.info/coronavirus/ (20.04.2020)

Научная литература

Буркова В.Н., Феденок Ю.Н., Бутовская М.Л. Эмпатия и интолерантность российской молодежи в отношении инвалидов: половые и личностные различия // Экспериментальная психология. 2019. Том 12. № 1. С. 53–69.

Буркова В.Н., Бутовская М.Л., Дронова Д.А., Апалькова Ю.И. Эмпатия, тревожность и агрессия у московских студентов // Этнографическое обозрение. 2019. № 5. С. 169–188.

Войтенко В.П., Соколов В.А., Лубский Р.А. Коллективизм и индивидуализм в России как предмет теоретической рефлексии // Философия права. 2019. Т. 3. № 90. С. 71–77.

Ким Н. Уличные тесты и СМС-рассылки: как Южная Корея взяла под контроль эпидемию коронавируса // Forbes. https://www.forbes.ru/tehnologii/395939-ulichnye-testy-i-sms-rassylki-kak-yuzhnaya-koreya-vzyala-pod-kontrol-epidemiyu (дата обращения 25.03.2020).

Лебедева Н.М., Чирков В.И., Татарко А.Н. Культура и отношение к здоровью: Россия, Канада, Китай. М.: Изд-во РУДН, 2007. 314 с.

Росс Л., Нисбетт Р. Человек и ситуация. Уроки социальной психологии. М.: Аспект Пресс, 1999.

Феденок Ю.Н., Буркова В.Н. Социальное дистанцирование как альтруизм в условиях пандемии коронавируса: кросс-культурное исследование // Сибирские исторические исследования. 2020. № 2. С. 6–40.

Хофстеде Г. Модель Хофстеде в контексте: параметры количественной характеристики культур // Язык, коммуникация и социальная среда. 2014. № 12. С. 9–49.

Almedom A.M. Social capital and mental health: An interdisciplinary review of primary evidence // Social science & Medicine. 2005. Vol. 61. P. 943–964. DOI: 10.1016/j.socscimed.2004.12.025

Anderson R.M., Heesterbeek H., Klinkenberg D., Hollingsworth T.D. How will country-based mitigation measures influence the course of the COVID-19 epidemic? // The Lancet. 2020. Vol. 395. No. 10228. P. 931-934. DOI: 10.1016/S0140-6736(20)30567-5

Baron-Cohen S., Wheelwright S. The Empathy Quotient: An Investigation of Adults with Asperger Syndrome or High Functioning Autism, and Normal Sex Differences // Journal of Autism and Developmental Disorders. 2004. Vol. 34. No. 2. P. 163–175. DOI: 10.1023/B:JADD.0000022607.19833.00

Cava M.A., Fay K.E., Beanlands H.J., McCay E.A., Wignall R. Risk perception and compliance with quarantine during the SARS outbreak. // J Nurs Scholarsh. 2005. Vol. 37. P. 343–347. DOI: 10.1111/j.1547-5069.2005.00059.x

Chirkov V.I., Ryan R.M., Kim Y., Kaplan U. Differentiating autonomy from individualism and independence: A self-determination theory perspective on internalization of cultural orientations and well-being // Journal of Personality and Social Psychology. 2003. Vol. 8. No. 1. P. 97–110.

Fenichel E.P. Economic considerations for social distancing and behavioral based policies during an epidemic // Journal of Health Economics. 2013. Vol. 32. P. 440–451. DOI: 10.1016/j.jhealeco.2013.01.002

Hofstede G. Culture and organizations // International Studies of Management and Organizations. 1981. Vol. 10. P. 15-41.

Hofstede G., Hofstede G.J., Minkov M. Cultures and Organizations: Software of the Mind. Revised and expanded third edition. New-York: McGraw-Hill, 2010.

Hofstede G., McCrae R. Personality and culture revisited: Linking traits and dimensions of culture // Cross-Cultural Research. 2004. Vol. 38. No. 1. P. 52–88.

House R.J., Hanges P.J., Javidan M., Dorfman P.W., Gupta V. (Eds.). Culture, leadership, and organizations: The GLOBE study of 62 societies. Sage publications. 2004. 848 p.

Javidan M., Dastmalchian A. Managerial implications of the GLOBE project: A study of 62 societies // Asia Pacific Journal of Human Resources. 2009. Vol. 47. No. 1. P. 41–58.

Lo J.Y.C., Tsang T.H.F., Leung Y.-H., Yeung E.Y.H., Wu T., Lim W.W.L. Respiratory infections during SARS outbreak, Hong Kong, 2003 // Emerg Infect Dis. 2005. Vol. 11. P. 1738–41. DOI: 10.3201/eid1111.050729.

MacIntyre C., Cauchemez S., Dwyer D.E., Seale H., Cheung P., Browne G., et al. Face Mask Use and Control of Respiratory Virus Transmission in Households // Emerg Infect Dis. 2009. Vol. 15. No. P. 233-241. DOI: 10.3201/eid1502.081167.

Syed Q., Sopwith W., Regan M., Bellis M.A. Behind the mask. Journey through an epidemic: some observations of contrasting public health responses to SARS // J Epi Comm Health. 2003. Vol. 57. P. 855–856.

Triandis H C. Culture and Social Behavior. New York: McGraw-Hill. 1994.

Van Kemenade S. Social capital as a health determinant: how is it defined? Ottawa: Minister of Public Works and Government Services Canada, 2003. Working Paper 02-07. http://publications.gc.ca/collections/Collection/H13-5-02-7E.pdf

Zahn-Waxler C., Robinson J.L., Emde R.N. The Development of Empathy in Twins // Developmental Psychology, 1992. Vol. 28. No. 6. P. 1038–1047. DOI: 10.1037/0012-1649.28.6.1038

References

Burkova, V.N., J.N. Fedenok, and M.L. Butovskaya. 2019. Empatija i intolerantnost' rossijskoj molodezhi v otnoshenii invalidov: polovye i lichnostnye razlichija [Empathy and intolerance of Russian youth towards people with disabilities: gender and personality differences]. *Eksperimental'naya psikhologiya* 12(1): 53–69. DOI:10.17759/exppsy.2019120105

Burkova, V.N., M.L. Butovskaya, D.A. Dronova, and J.I. Apal'kova. 2019. Empatija, trevozhnost' i agressija u moskovskih studentov [Empathy, Anxiety, and Aggression among Moscow Students]. *Etnograficheskoe obozrenie* 5: 169–188.

Vojtenko, V.P., V.A. Sokolov, and R.A. Lubskij. 2019. Kollektivizm i individualizm v Rossii kak predmet teoreticheskoj refleksii [Collectivism and individualism in Russia as a subject of theoretical reflection]. *Filosofija prava* 3(90): 71–77.

Kim, N. Ulichnye testy i SMS-rassylki: kak Juzhnaja Koreja vzjala pod kontrol' jepidemiju koronavirusa [Street tests and SMS: how South Korea has taken control of the coronavirus epidemic]. *Forbes*=Forbes. https://www.forbes.ru/tehnologii/395939-ulichnye-testy-i-sms-rassylki-kak-yuzhnaya-koreya-vzyala-pod-kontrol-epidemiyu (Accessed 25.03.2020).

Lebedeva, N.M., V.I. Chirkov, and A.N. Tatarko. 2007. *Kul'tura i otnoshenie k zdorov'ju: Rossija, Kanada, Kitaj* [Culture and attitude to health: Russia, Canada, China]. Moscow.

Ross, L., and Nisbett, R. 1999. *Chelovek i situacija. Uroki social'noj psihologii* [Person and situation: lessons of social psychology]. Moscow: Aspekt Press.

Fedenok, J.N., and V.N. Burkova. 2020. Social'noe distancirovanie kak al'truizm v uslovijah pandemii koronavirusa: kross-kul'turnoe issledovanie [Social distancing as altruism in the context of the coronavirus pandemic: a cross-cultural study]. *Sibirskie istoricheskie issledovanija* 2: 6–40.

Hofstede, G. 2014. Model' Hofstede v kontekste: parametry kolichestvennoj harakteristiki kul'tur [Model' Hofstede in context: parameters of quantity characteristics of cultures]. *Jazyk, kommunikacija i social'naja sreda* 12: 9–49.

Almedom, A.M. 2005. Social capital and mental health: An interdisciplinary review of primary evidence. *Social science & Medicin* 61: 943–964. DOI: 10.1016/j.socscimed.2004.12.025

Anderson, R.M., H. Heesterbeek, D. Klinkenberg, and T.D. Hollingsworth. 2020. How will country-based mitigation measures influence the course of the COVID-19 epidemic? *The Lancet* 395(10228): 931–934. DOI: 10.1016/S0140-6736(20)30567-5

Baron-Cohen, S., and S. Wheelwright. 2004. The Empathy Quotient: An Investigation of Adults with Asperger Syndrome or High Functioning Autism, and Normal Sex Differences. *Journal of Autism and Developmental Disorders* 34(2): 163–175. DOI: 10.1023/B:JADD.0000022607.19833.00

Cava, M.A., K.E. Fay, H.J. Beanlands, E.A. McCay, and R. Wignall. 2005. Risk perception and compliance with quarantine during the SARS outbreak. *J Nurs Scholarsh* 37: 343–347. DOI: 10.1111/j.1547-5069.2005.00059.x

Chirkov, V.I., R.M. Ryan, Y. Kim, and U. Kaplan. 2003. Differentiating autonomy from individualism and independence: A self-determination theory perspective on internalization of cultural orientations and well-being. *Journal of Personality and Social Psychology* 8(1): 97–110.

Fenichel, E.P. 2013. Economic considerations for social distancing and behavioral based policies during an epidemic. *Journal of Health Economics* 32: 440–451. DOI: 10.1016/j.jhealeco.2013.01.002

Hofstede, G. 1981. Culture and organizations. *International Studies of Management and Organizations* 10: 15–41.

Hofstede, G., Hofstede, G.J., and Minkov, M. 2010. *Cultures and Organizations: Software of the Mind*. Revised and expanded third edition. New-York: McGraw-Hill.

Hofstede, G. and R. McCrae. 2004. Personality and culture revisited: Linking traits and dimensions of culture. *Cross-Cultural Research* 38 (1): 52–88.

House, R. J., P.J. Hanges, M. Javidan, P.W. Dorfman, and V. Gupta. (Eds.). 2004. *Culture, leadership, and organizations: The GLOBE study of 62 societies*. Sage publications.

Javidan, M. and A. Dastmalchian. 2009. Managerial implications of the GLOBE project: A study of 62 societies. *Asia Pacific Journal of Human Resources* 47(1): 41–58.

Lo, J.Y.C., T.H.F. Tsang, Y.-H. Leung, E.Y.H. Yeung, T. Wu, and W.W.L. Lim. 2005. Respiratory infections during SARS outbreak, Hong Kong, 2003. *Emerg Infect Dis* 11: 1738–41. DOI: 10.3201/eid1111.050729

MacIntyre, C., S. Cauchemez, D.E. Dwyer, H. Seale, P. Cheung, and G. Browne. 2009. Face Mask Use and Control of Respiratory Virus Transmission in Households. *Emerg Infect Dis* 15 (2): 233–241. DOI: 10.3201/eid1502.081167

Syed, Q., W. Sopwith, M. Regan, and M.A. Bellis. 2003. Behind the mask. Journey through an epidemic: some observations of contrasting public health responses to SARS. *J Epi Comm Health* 57: 855–856.

Triandis, H.C. 1994. *Culture and Social Behavior*. New York: McGraw-Hill.

Van Kemenade, S. 2003. Social capital as a health determinant: how is it defined? *Ottawa: Minister of Public Works and Government Services Canada. Working Paper* 02-07. http://publications.gc.ca/collections/Collection/H13-5-02-7E.pdf

Zahn-Waxler, C., J.L. Robinson, and R.N. Emde. 1992. The Development of Empathy in Twins. *Developmental Psychology* 28(6): 1038–1047. DOI:10.1037/0012-1649.28.6.1038.

Burkova, Valentina N., Fedenok, Yulia N.

Medical mask as a means of personal and collective protection in the context of the COVID-19 pandemic (cross-cultural aspects)

Using a medical mask is one of the ways to prevent the spread of respiratory infections, including COVID-19. The willingness to use the mask in different countries depends on a number of factors – epidemiological experience, cultural norms and attitudes, economic and political conditions, public awareness, etc. The purpose of this study is to analyze the first reaction of the population to prescriptions or recommendations of authorities to use medical masks as a means of personal protection during COVID-19 in different countries. We used methods of semi-structured in-depth interviews, questionnaires, photo-fixation of elements of people's behavior during the pandemic, content analysis of the media. In total, 366 questionnaires were collected (51 males and 315 females) among Russian-speaking people who were living or staying abroad at the time of the outbreak and spreading of COVID-19, as well as among Russians from different regions of Russia since March 23 to April 10, 2020. An analysis of the data showed that the willingness to use a mask depends on the country of residence of the respondent, gender, social distance and trust in the authorities. The results of the study demonstrate the effect of official decisions on the real behavior of people - the more serious are measures on the part of the government, the more responsible are people about preventive measures and the better they implement them. The results were interpreted from the point of view of "Individualism-Collectivism" dichotomous classification of cultures. These results are the first step of the study and reveal the first stage of people's response to the restrictions. Understanding of socio-cultural and ethnic circumstances of population's perception and implementation of sanitary-hygienic prescriptions can be used in choosing the most optimal ways of warning and developing efficient methods to encourage the population to adhere to restrictions.

Keywords: *medical mask, coronavirus, COVID-19, sociocultural norms, individualism, collectivism, cross-cultural differences*

УДК
DOI

© Н.А. Маничкин

ДУХОВНОЕ ЦЕЛИТЕЛЬСТВО В АФРО-КУБИНСКИХ РЕЛИГИОЗНЫХ ТРАДИЦИЯХ[1]

Статья посвящена духовному целительству и терапевтическим церемониям афро-кубинских религиозных традиций. Особое внимание уделено сложным отношениям последователей культа с духами. В связи с этим рассматриваются обстоятельства и признаки духовного избранничества, связь инициаций и исцеления, а также общие представления об устройстве бытия, которые выступают основой афро-кубинского целительства. Материалом для статьи служат полевые исследования автора и научная литература, касающаяся затронутых вопросов.

Ключевые слова: *Куба, спиритизм, сантерия, пало монте, йоруба, целительство, народная медицина, ритуалы, духи*

Введение

Афрогенные религиозные традиции Кубы успешно пережили несколько эпох: рабовладельческую, когда существовала единственная официальная религия – римский католицизм, республиканскую, когда темнокожее население острова вместе с его традициями воспринималось как “отсталое”, “варварское”, “безграмотное”, и революционную эпоху, открытую Фиделем Кастро в 1959 году – эпоху, которая боролась с расизмом, но также и с религией (*Лаврецкий* 1967: 27–84). Хотя социализм продолжает существовать на Кубе, в конце XX – начале XXI вв. кубинское общество серьезно преобразилось, отчасти под воздействием тяжелой экономической ситуации, в которую Куба попала с распадом СССР и социалистического лагеря, отчасти под воздействием внутренних факторов. Одним из итогов так называемого *специального периода в мирное время* (*el período especial en tiempos de paz*, 1991–1995 гг.) стало официальное признание народной медицины и легитимация профессии травника (*йерберо*). Параллельная экономическим и медицинским реформам либерализация в сфере религиозной жизни привела к социальной эмансипации афрогенных культов: из музыкально-танцевального, фольклорного наследия они превратились в одну из движущих сил общества. Со временем афрогенные культы с их яркими ритуалами и образами стали важной составляющей туризма, бюджетообразующей отрасли государства. Общественный статус *сантерии* сильно вырос в начале XXI в.,

Маничкин Нестор Александрович – к. и. н., научный сотрудник центра медицинской антропологии, Институт этнологии и антропологии РАН (119991 Москва, Ленинский пр., 32а). Эл. почта: nes.pilawa@gmail.com. **Manichkin, Nestor A.** – PhD researcher of Center of medical anthropology, Institute of Ethnology and Anthropology RAS (Moscow, Russia). E-mail: nes.pilawa@gmail.com. ORCID https://orcid.org/0000-0001-9308-0094

* Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН

и посещение жрецов этого культа перестало считаться антисоциальным явлением (*Gold* 2014). Власти больше не препятствуют религиозной жизни кубинцев, а таковая включает в себя самого разного рода практики, в том числе и целительские.

Религиозная картина Кубы – довольно сложная. Помимо католицизма и мировых религий на острове распространено несколько религиозно–магических традиций африканского происхождения. В данной статье речь пойдет преимущественно о двух таких наиболее значимых традициях, имеющих этнические корни (*сантерия* и *пало*), а также о кубинском спиритизме, внутри которого вместе с европейским спиритическим учением и оккультизмом соседствуют африканские элементы, причем в некоторых случаях последние явно доминируют. Следует иметь в виду, что, помимо *сантерии* (также известной как *регла де оча*) и *пало* (*пало монте*, *регла де пало*), на Кубе действуют другие афрогенные культы: *муэртера бембе де сао* (сильно африканизированный спиритизм), *арара* (традиция, берущая происхождение от народов группы *фон*) и родственное этой традиции *вуду,* практикуемое преимущественно представителями обширной гаитянской диаспоры. Отдельно можно упомянуть *абакуа,* мужское тайное общество, деятельность которого включает осуществление обрядов, пришедших из культуры ряда африканских народностей: *эфик*, *игбо*, *ибибо* и других. За последние двести лет все эти культы в значительной степени сплелись друг с другом, причем в роли религиозного лингва франка для них выступил народный католицизм с его пантеоном святых: святые были отождествлены (или синкретизированы, как принято говорить) с духами афрогенных культов, которые составили таким образом большой сводный пантеон сакральных сил различного происхождения. К этим силам за исцелением и укреплением здоровья и обращаются приверженцы культов.

Терапевтические церемонии афрогенных культов Кубы

Сантерия остается наиболее известным и репрезентативным афро–кубинским культом. К ней примыкает культ божества Ифа, одного из *оришей* – сущностей, которых традиционно почитают среди *йоруба* в Нигерии и ряде сопредельных стран. Культ всеведущего Ифа осуществляют жрецы *бабалао*, а в *сантерии* жреческую роль исполняют *бабалоча* (жрецы-мужчины) и *ийялоча* (жрицы). При этом религиозный статус *бабалао* выше, чем статус жрецов *сантерии*. И *бабалао*, и *сантеро* (адепты *сантерии*) могут общаться с любыми *оришами*, но один из их пантеона является *оришей*-родителем (или «головным» *оришей*) человека, ангелом-хранителем, как говорят сами верующие, используя христианский вокабулярий. *Сантерия* хранит значительный объем знаний в области травничества: лес для *сантеро* священен и представляет живой храм, населенный различными духами (*Cabrera* 2018; *Bolívar Aróstegui* 2017). Тоже можно сказать о *пало*, последователи которого (*палеро*) развивают практики, уходящие корнями в культуру народов *банту*. *Палеро* взаимодействуют с сущностями *нкиси* и *мпунгу*, которые соотносятся с теми или иными *ориша*. Кубинцы различают специфику в духах *пало* и *сантерии*, но обычно наделяют тех и других соответствующими католическими атрибутами наряду с атрибутами африканского или местного происхождения. Для *пало* и *сантерии* характерен особый акцент на общении с умершими (*нфумбе, бакула* в *пало*, *эггуны* в *сантерии*), причем если *сантеро* обращаются преимущественно к предкам, то в *пало* широко развито использование “опасных”, неупокоенных духов.

Господствует мнение, согласно которому в *сантерии* больше религиозного, а в *пало* больше колдовского. Обе традиции активно занимаются целительством. Очень часто диагностирование происходит в состоянии *одержимости* (*posesión*), когда духи устами своих служителей рассказывают о том, чем болен или чем может заболеть человек, что ему предпринять, какие лекарства использовать. *Сантеро* применяют также гадательную систему, известную как *дилоггун*, а *бабалаво* – оракул Ифа (*Bolívar Arostegui* 2018). Более простые системы (*оби* в *сантерии* и *чамалонго* в *пало*) в свою очередь сопровождают сами обряды, через эти оракулы выясняется, принято ли жертвоприношение, совершено ли очищение, довольны ли духи.

Существует большое количество терапевтических церемоний. Одна из наиболее распространенных – *kawori eleda* или *rogación de cabeza*, что можно примерно перевести как "очищение головы" или "освящение головы": действо преследует своей целью сбалансировать трансцендентную силу *ори* (*ori*), которая содержится в голове каждого человека. *Ори* необходима защита и подпитка со стороны *эледы* (*eleda*), того *ориша*, который индивидуально связан с субъектом обряда. Этот ритуал, который мне удалось неоднократно наблюдать и проходить, может выполняться для разных целей: в качестве очищения перед инициациями, для отведения порчи или беды, удовлетворения духов, изгнания болезней и предотвращения несчастья. В нем используются кокосы, свечи, белая повязка или платок для головы (иногда белая кепка), хлопок (или вата), масло какао, две белые тарелки, вода (чаще освещенная из церкви или речная), ритуальный мел *каскарийя* (*cascarilla*), сделанный из скорлупы куриных яиц, и другие вещи. Существуют особые разновидности обряда с использованием рыбы, называемой *pargo rojo* (Lutjanus campechanus или Кампечинский луциан, рыба из отряда окунеобразных), которую определенным образом разделывают: голова рыбы и хвостовой плавник помещаются на голову человека, очищаемого во время *kawori eleda*, а другие части используются в соответствии с указанием оракула. Если обычные церемонии *rogación de cabeza* может проводить *бабалоча*, то те, в которых используется тушка рыбы, проводит *бабалао*. Обряд совершается вечером, обычно перед сном. Человек, на голову которого с песнопениями и бросанием оракула *оби* помещается смесь веществ, спит с ней, а рядом с ним на белых тарелках горят свечи. Он также должен искупаться в специальных жидкостях.

Различные омовения и купания чрезвычайно распространены в *сантерии* и *пало*. Это могут быть как обрядовые купания в реке, так и купания в ванной, куда выливаются мёд, алкоголь, настои растений, сыпятся лепестки цветов. Рецепты этих составов весьма разнообразны и могут определяться также посредством оракула. По словам информанта Я., молодого спирита и *палеро*, живущего в Гаване, ванные с горькими травами обычно готовят для отторжения отрицательных воздействий или злонамеренных духов, а ванные со сладкими травами для привлечения удачи и исцеления. Такие ванные могут чередоваться, а курсы омовений включать определенное количество дней, соотносящееся с числом того духа, силы которого привлекаются. С числом духа могут увязываться и дозировки ингредиентов. К примеру, один из рецептов очистительной ванны, призванной защитить человека силой *ориши* Бабалу Айе, включает кокосовое молоко, речную воду, сухое вино, мелассу и 17 капель одеколона (ПМА 2019).

Часто для омовений используется специальная, ритуально приготовленная смесь растений, воды и других веществ, известная как *омиеро*. *Омиеро* применяется во всех значимых обрядах *сантерии*, и, хотя это часть традиции *йоруба*, оно исполь-

зуется также многими *палеро*. Впрочем, в *пало* жидкость, изготавливаемую похожим образом, называют не только *омиеро*, но и *kimbanza*, *mbumba*/ *mumba*, *lango de Ngurunfinda* (*вода Нгурунфинды*) – терминами из *киконго*. Об *омиеро* на Кубе ходят легенды. Искусно сделанное *омиеро* якобы может спасти здоровье и жизнь в самых трудных ситуациях. Такие случаи описывает последователь и исследователь *сантерии* Р. Канисарес (*Canizares* 1999: 98–100).

Свежесобранные растения применяются также в процедурах *деспохо* (*despojo*, изъятие, отбрасывание). Жрец бьет и обмахивает человека пучком таких растений, сгоняя с него отрицательных сущностей, отметая болезни и неудачи. В *деспохо* могут быть задействованы растения одного вида, либо нескольких. В чистках такого рода часто используют цветы белого цвета. Через пучок растений на человека могут пускать струи табачного дыма, орошать его алкоголем. В конце обряда цветы скручиваются, ломаются и бросаются на землю. Похожим образом происходит и чистка с помощью кокоса перед *нгангой*, главным алтарным объектом в *пало*, который обычно представляет собой котел, заполненный множеством специфических ингредиентов. Кокос натирают *каскарийей*, проводят им по телу человека с песнопениями, затем распыляют на кокос алкоголь, окуривают его сигарой и оставляют на некоторое время перед *нгангой*. После этого кокос уносят в место, которое указал оракул *чамалонго* (перекресток, кусты, кладбище и др.) (ПМА 2019). Не менее распространены и чистки с помощью свертков, в которые входят самые разные ингредиенты (связанные с теми или иным духом). Этими свертками также обмахивают человека, затем держат их в алтарном пространстве, а потом относят в определенные места.

Совершая перед теми или иными святынями жертвоприношения животных (церемонии кормления духов кровью), участники также прикасаются к ним, проводят птицами по телу, прежде чем их убить. Такие прикосновения могут, как считается, убрать от человека нечто негативное, придать ему силы и здоровья. Существуют и специальные практики заместительных жертвоприношений (*el cambio de vida, подмена жизни*), когда духам вместо жизни больного человека предлагают жизнь животных (в некоторых колдовских практиках смертельную болезнь «перемещают» не на животное, а на другого человека). После очистительных церемоний мясо пожертвованных животных никогда не едят. Части жертвенных животных, иногда специальным образом приготовленные, вместе с другими ингредиентами могут входить в так называемые *эббо (ebbó)* – подношения духам, которые делаются с разными целями, в том числе и с целью избавления от болезней. Одно из самых распространенных

Рис.1. Подношение духам предков, свиная голова на перекрестке, Гавана (фото автора, июнь 2019 г.).

эббо – поднесение *эггунам* свиной головы. Такие головы можно регулярно видеть на гаванских перекрестках, причем часто они лежат на терракотовой посуде вместе с приготовленным без соли супом *ахиако* (*ajiaco*).

Что касается спиритизма, то его практики редко включают в себя использование животных, зато очень часто в обрядах задействуются растения. Спиритизм, прошедший ряд трансформаций, принял на Кубе весьма своеобразные формы. Это неоднородное явление: часть спиритов тяготеют к так называемому *научному спиритизму* (*espiritismo científico*), а другая часть осуществляют свои практики в рамках креолизированного *спиритизма крусадо*, то есть перекрестного, смешанного (*espiritismo cruzado*). Представители первого направления используют такие термины как «метаболизм», «соматизация», «духовная система» и часто рассматривают африканские магические практики как небезопасные, излишне «материализованные», не обладающие интеллектуальной подготовкой и слабые в этическом отношении (*Espírito Santo* 2015: 152). Среди практиков *espiritismo científico* попадаются представители интеллигенции, инженеры и врачи. Те же спириты, которых можно отнести к *espiritismo cruzado*, зачастую одновременно являются приверженцами афрогенных культов, спокойно относятся к колдовским обрядам и животным жертвоприношениям и даже могут осуществлять таковые непосредственно в рамках спиритических практик, например, при создании спиритических кукол (*Маничкин* 2020).

Спириты разных направлений используют разработанные французским мыслителем и духовным деятелем Аланом Кардеком (1804–1869) молитвы и проводят церемонии, называемые *духовными мессами* (*misa espiritual*), на которых медиумы в измененных состояниях сознания передают людям вести от духов, устанавливают свою версию происходящего в жизни человека, проводят целительские манипуляции, дают советы. *Духовные мессы* включают в себя множество молитв, песнопений, зажжение свечей и окуривание алтаря (так называемой *спиритической боведы, bóveda espiritual*), омовения и очищения, танцы, но главным на них остается общение с духами через медиумов. Эти *мессы* в понимании спиритов могут менять не только жизнь людей, участвующих в церемониях, но и положение духов в загробном мире: по выражению одного из моих информантов, духов можно «приближать, отдалять, возвышать, помогать им найти свой путь и новое перерождение, отпускать» или, наоборот, «сгущать», т.е. приближать их к «физическому плану», плотнее связывать их с живыми людьми и земными, посюсторонними объектами (ПМА 2013).

Ориши, грозные и милосердные

К *оришам*, связанным со сферой здоровья, тяжелыми заболеваниями и смертью, относятся Ойя (покровительница ветров и хозяйка кладбищ), Обба (гордая *ориша*, олицетворяющая честь и преданность), Йева (покровительница нравственной чистоты, *ориша*-девственница, хозяйка могил), Нана Буруку (*ориша*-старуха, колдунья и покровительница болот), Айе Чалуга (*ориша* прибыли и здоровья), Инле (андрогинный *ориша*-змей, владеющий секретами целительства и магии) и в особенности Бабалу Айе или Асохано (*ориша*, заведующий инфекционными и иными тяжелыми заболеваниями, покровитель страждущих и скитающихся).

Культ Бабалу Айе имеет истоки в Западной Африке, где данное божество известно, прежде всего, как хозяин оспы. Ужасающий характер Бабалу Айе несколько смяг-

чился на Кубе, в особенности благодаря его синкретизации с католическим Святым Лазарем, а точнее с двумя библейскими Лазарями – больным бедняком в струпьях из притчи Иисуса и Лазарем из Вифании, который был воскрешен и впоследствии стал епископом. Несмотря на тесную связь с христианскими образами, верующие обычно робеют перед *ориша* Бабалу Айе, а с медиумами, в которых он вселяется, никогда не шутят, опасаясь навлечь гнев властителя болезней. Жрецы *сантерии* во время одержимости Бабалу Айе могут вылизывать раны страждущих, и такая процедура считается исцеляющей (*Cabrera* 2018: 46). Интересно, что именно этому *орише* последователи *сантерии* в США (в основном, это – этнические кубинцы) устроили моления во время пандемии covid-2019, прибегнув к такому инструменту как флешмоб (Instagram 2020).

Культ Бабалу Айе – важная часть *сантерии* и *арара*, а в *вуду* его аналогом считают Легбу Пье или Сабату. В *пало* с Бабалу Айе и католическим Святым Лазарем синкретизирован Кубайенде (Мабиалана, Тата Лулено, Пунгун Футила, Тата Нфумбе), во власти которого находятся не только ужасающие болезни, но и мертвецы (*Bolívar Aróstegui* 2017: 314–320). Кубайенде сопровождает души умерших из нашего мира в загробное царство. Подобно тому, как Лазарь – единственный воскрешенный в Библии человек, Кубайенде – «единственный, кому удалось вернуться после смерти» (*Ochoa* 2010: 282–283). Именно эта пограничность наделяет его возможностью исцелять людей, пораженных смертельными заболеваниями.

В образе Кубайенде угадывается также родство со святыми подвижниками, веру которых Бог испытывал различными страданиями. По одной из легенд, распространенных на Кубе, Нсамби (Всевышний) и Луканкаси (дьявол) однажды поспорили о том, что на земле нет никого, кто сохранил бы верность Богу в тяжелых условиях. После этого Луканкаси (а по другой версии сам Нсамби) наслал на Кубайенде множество болезней, которые сделали его плоть заживо гниющей. Луканкаси предлагал исцеление Кубайенде взамен на отступничество от Нсамби, но тот трижды отказался, после чего Нсамби исцелил своего преданного последователя и наделил его властью врачевать людей. Поскольку Кубайенде синкретизирован с Бабалу Айе и Асохано, о нем также говорят как о короле из Дагомеи, который в своей жизни подвергался изгнанию и унижениям. Распространена легенда, согласно которой Бабалу Айе был убит Обаталой за нарушение одного из многочисленных табу, но потом был воскрешен по многочисленным просьбам женщин: дело в том, что Бабалу Айе в своем первом воплощении был очень красивым. После смерти Бабалу Айе предстал совсем другим: его тело было изуродовано струпьями и гниющими язвами, он хромал. Люди с отвращением и страхом прогнали Бабалу Айе, и он проклял их, наслав различные заразные болезни. Этот сюжет заканчивается тем, что люди каются перед *оришей* и получают его прощение, а вместе с таковым и исцеление (ПМА 2019).

Главным центром культа Бабалу Айе является город Ринкон, в котором располагается церковь Святого Лазаря. Верующие регулярно осуществляют паломничества в это место, приносят там обеты, проводят обряды (*Zamora* 2000). Мои полевые наблюдения в Ринконе и Гаване (в 2013 и 2019 гг.) позволяют говорить о чрезвычайной популярности синкретического культа Бабалу Айе в народе. Информанты, совершающие регулярные паломничества в Ринкон, сообщают, что неисполнение обетов, данных Бабалу Айе, грозит не только возвращением болезни, от которой они избавились, но и куда более страшными карами. Особым образом связанные с Бабалу Айе паломники заходят в церковь босиком, а расположившимся неподалеку

Рис. 2. Церковь Святого Лазаря, г. Ринкон, Куба (фото автора, июнь 2019 г.).

от нее нищим (эта категория граждан находится под покровительством Бабалу Айе – Святого Лазаря) раздают милостыню. Один из моих информантов, кубинец по происхождению, *бабалао*, живущий в России, всегда посещает Церковь Святого Лазаря в Ринконе, когда отправляется на родину, причем, иногда он едет туда сразу по прилету, прямо из аэропорта, перед тем как поехать в свой гаванский дом (ПМА 2019).

Гнев *ориш* может выражаться в том числе в насылании болезней на своих проштрафившихся поклонников. Хотя *ориши* властны насылать любые болезни, есть те, которые наиболее характерны для каждого из них. Бабалу Айе поражает гангреной, проказой, различными инфекционными заболеваниями, включая венерические. *Ориша* мудрости и социальной справедливости Обатала, обычно мягкий по характеру, если его все-таки прогневать, может привести к параличу и слепоте. Психические болезни насылают Йева, Обба и Инле. Так называемые *ориша*-воины, Огун, Очоси и Элеггуа, устраивают кровотечения и бросают своих жертв умирать в одиночестве. Болезни, насылаемые громовержцем и божественным танцором *Чанго*, включают в себя жар или ожоги. Ойя поражает, если не молнией, то электрическим током, но может вызывать и болезни, связанные с органами дыхания и нервной системой. Водные *ориши* Очун и Йемайя разят в органы желудочно-кишечного тракта и мочеполовую систему (*Cabrera* 2018: 60–61).

Разумеется, *ориши* не только наказывают, но и лечат. Обращения к ним, очищения перед их святынями и в местах, которые ассоциируются с их властью (одни *ориши* предпочитают лес, другие водоемы, третьи кладбища), способны, как полагают последователи *сантерии*, отвести беду, избавить от тех или иных проблем. Зачастую назначая терапию в виде различных церемоний, жрецы объясняют своим клиентам, какой именно *ориша* гневается, какой в настоящее время покровительствует, и почему это происходит. Колдовские порчи – далеко не единственная причина болезней. Куда чаще в немилость *ориш* люди попадают из-за собственных промахов: нарушения табу, неправильного образа жизни, кощунства, долгов перед высшими силами, асоциального поведения.

Спиритуальная феноменология здоровья: духи, свет и энергия *аче*

Последователи *сантерии* верят в пронизывающую мироздание силу под названием *аче*. Это своеобразная энергия, дающая всему сущему движение. Хотя эта энергия безлична, у нее есть высшая квинтэссенция – верховное небесное божество Олорун. Согласно религиозной традиции *йоруба*, на заре творения сила *аче* спустилась в мир в виде королевского питона, габонской гадюки, дождевого червя, белой улитки и дятла. *Аче* мыслится как нейтральная жизненная сила, вибрация, приводящая в движение весь

мир (*Thompson* 1984: 5–9). *Аче* можно сравнить с полинезийской *маной*, китайской *ци*, ведической *праной* и т.п. Недостаток энергии *аче* или неправильное ее течение нарушает гармонию и может вызывать болезни. В ритуальных текстах *сантерии* и культа Ифа фигурируют пожелания *аче* всем живым жрецам и жрицам общины (ПМА 2013).

Дисгармония в отношениях людей друг с другом, миром, духами предков и *оришами* ведет к тому, что благие силы, называемые *ире* (*iré*), слабеют, а негативные силы, называемые *осорбо* (*osorbo*), берут верх. Бытие состоит из динамически меняющихся соотношений *ире* и *осорбо*, и важно правильно поддерживать равновесие, чтобы власть над человеком не взяли негативные силы. Одна из этих сил – болезни, нездоровье. Для обозначения этой разновидности *осорбо* используется ряд терминов африканского происхождения: *arun, aro, oigu, yari-yari* (*Cabrera* 2018: 29). Другие глобальные силы *осорбо*: *eyo* (зависть), *ofo* (потери), *fitibo* (препятствия) и т. д. Над негативными силами возвышается смерть Ику (Ikú), прожорливое, всегда враждебное людям существо, которое нападает на всех подряд, когда ему вздумается, но не трогает до соответствующего срока тех, кто имеет начальную инициацию в культ Ифа, поскольку Ифа (Орунмила), как считается, это – единственный *ориша*, которому удалось договориться со свирепым Ику и ограничить приносимые им разрушения. В отличие от «погребальных *ориш*», таких как Ойя, Йева, Бабалу Айе, Ику – не *ориша*, в нем нет ничего благого, у него нет своего культа или воплощающих его сакральных объектов. Сыновьями Ику иногда называют Tau, персонифицирующего головную боль, Avuvo, персонифицирующего лихорадки, и Arun, в образе которого собраны остальные хвори. Arun как болезнь может иметь различную специфику, быть врожденным заболеванием (*arun anodi*), не поддающейся определению болезнью (*arun intikusara*), болезнью, нанесенной при помощи колдовства (*arun ogguo*) и т. д. Во время регулярных религиозных церемоний последователи *сантерии* просят избавить их от eyo, ofo, arun и других неприятностей (*bogbo osorbo – всех видов осорбо*) и ниспослать различные виды *ире*.

Во время прорицания *сантеро* и *бабалао* устанавливают актуальную для клиента разновидность *осорбо* и предписывают ему те или иные действия, церемонии, табу и манипуляции, призванные сообщить ему силу *аче* и привлечь различные виде *ире*, включая *iré ariku*, хорошее здоровье и долгие годы жизни. Обычно прорицание устанавливает, чего от страждущего человека хотят *ориши* и *эггуны*: подношений (*аддиму*), жертвоприношений (*эббо*), соблюдения запретов и ритуально обусловленного поведения или чего-то еще. *Бабалао* толкует ответы оракула, в которых могут содержаться самые разные рекомендации, включая рекомендацию обратить внимание на те или иные органы, обратиться к врачу, сдать анализы.

В дополнение к *аче* важен также *свет*, который, впрочем, многими считается разновидностью *аче*. *Свет* последователями *сантерии, пало* и особенно спиритами мыслится как особого рода сущее, благодаря которому можно налаживать гармоничные отношения между духами и людьми. Когда на алтарях зажигают свечи, то дают этим самым своим святыням силу – *ориши, эггуны* или *нфумбе*, обитающие в святынях, получают *свет* как подношение. Если речь идет о мертвых, то им *свет* нужен для того, чтобы эволюционировать в своей загробной жизни, обретая тем самым просвещенность, мудрость и новые силы. Силы духов, таким образом, находятся в интерсубъектной связи с действиями их поклонников. *Свет* особенно нужен «темным духам» (души колдунов, жертв убийств, преступников, самоубийц и т. д.), но, если в спиритиз-

ме духов принципиально стараются просвещать и возводить на более высокие уровни бытия, то в *пало* духи *нфумбе* получают *свет* как бы дозированно, в первую очередь в обмен на их услуги в колдовстве. Многие *палеро* держат свои *нганги* в темных местах. Тем не менее, идея постмортального развития *нфумбе* существует и в *пало*.

Свет, который содержится в мощных и благих духах, может быть направлен в обратную сторону – на человека. Многие спириты, особенно те из них, что интересуются эзотерикой, формулируют свой опыт лечения как лечение «космическим светом». Души людей, с которыми сталкиваются медиумы-спириты, не только лечат. Ряд спиритов поддерживает идею о возможности не намеренной передачи со стороны духов своих болезней и травм людям. Кроме гнева *ориш* или злых козней темных духов человек может быть подвергнут нечаянному негативному влиянию нейтральных или доброжелательно настроенных сущностей. Считается, что непроработанные травмы «прописываются» в духовной части человеческого существа и остаются с ним после смерти. Такие духи могут «заразить» человека, с которым они вошли в общение, своими негативными состояниями. Обычно говорится о психических травмах, маниакальных или депрессивных состояниях, однако это влияние «больных духов» может привести и к физическим болезням и даже к смерти. Особенно опасными считаются духи, которые не осознают своей смерти, поскольку такие духи интенсивно стремятся к близости с живым человеком. Среди травм духов могут быть и коллективные травмы, вызванные войнами, насилием, депортациями. Работая со страждущим человеком, медиум может объяснить некоторые его состояния влиянием коллективных травм, которое исходит от душ покойников. Тогда процесс духовного исцеления и успокоения приобретает своеобразные психоаналитические черты. Спирит проводит работу для исцеления не только людей, которым духи передали свою травматичность, но и самих духов. Эти духи получают *свет*, находят свое место или принимают себя и свою травму в мире ином, а человек, на которого они влияют, посредством подобной имагинации избавляется от каких-то своих проблем либо осмысляет их в свете спиритической картины мира и учится с ними жить (*Espírito Santo* 2015: 146). В таком процессе нетрудно обнаружить символические способы выстраивания экзистенциально значимой реальности.

Л., женщина среднего возраста, рассказывает, что несколько лет мучилась бессонницей. Успокоительные средства, прописанные врачами, а также народные средства (травяные сборы) ей не особенно помогали. Однажды Л. пришла с подругой на *спиритическую мессу,* и к ней неожиданно устами спиритки обратились духи. Выяснилось, что в спиритическом окружении Л. находится беспокойный дух человека, умершего во время войны за независимость Кубы. Этот человек был убит на боевом посту, когда уснул. Дух мужчины до сих пор не осознавал своей смерти, однако испытывал вину за то, что спал на службе и пропустил вражеский отряд. Л. вспомнила, что часто, когда ей удается уснуть, она видит военные сцены и массовое насилие. В то же время сама Л. мучилась чувством вины за ряд совершенных ею поступков. Еще одним духом, «прицепившимся» к Л. был дух юноши, пытавшегося нелегально эмигрировать из Кубы в США, через Флоридский пролив. Этот юноша якобы утонул. Работа спиритов с выявленными «травмированными» духами длилась почти год, и постепенно режим сна у Л. выровнялся. Через включенность в спиритуальную реальность травмированных сущностей она смогла расширить и укрепить свою самость, свое эго. Кроме того, Л. увлеклась спиритизмом и афро-карибскими культами (ПМА 2019).

Если *спиритические мессы*, благодаря которым люди получают знания и благословения добрых духов, а страдающие или непросвещенные духи получают «свет» и «возвышаются», строятся вокруг травм, имеющих социально-историческую подоплеку, то эти церемонии можно считать своеобразной работой с исторической памятью и коллективными идентичностями. Таким образом, можно говорить о социальной медицине спиритизма, которая исходит из того, что тело человека является субстратом–инструментом в метаболизме глобального мира, где сосуществуют множество взаимопроникающих агентностей: человеческих, животных, спиритуальных. Болезнь при этом воспринимается в контексте широких социально-политических – а параллельно тому вселенских, мифопоэтически конструируемых – процессов (*Espírito Santo* 2015: 152–154). Отмечается, что афро–кубинские спириты своими духовными практиками успешно укрепляют веру людей в свои силы, оказывают положительное психотерапевтическое влияние, способны примирить человека с самим собой, помочь ему конвертировать свои проблемы в живой духовный формат, с которым производится работа, направленная на обретение новых смыслов и стимулов (*Espírito Santo* 2019).

Медиумы и жрецы под грузом духовного избранничества

Человек, имеющий способности к общению с духами усопших, на Кубе называется *муэртера* (тот, кто связан с мертвыми). В ходу для обозначения таких людей также понятия медиум и спирит (*espiritista*). Их способности именуются *медиумичностью* (*mediumidad*). Обретение *mediumidad* обычно сопровождается болезнями или экстраординарными событиями в жизни человека. Особенно распространены истории-воспоминания, когда обретший свою самость, нашедший себя медиум вспоминает, что впервые о своих способностях он заподозрил давно, например, еще в детстве, но не принял их по тем или иным причинам. Вариант нарратива: человек рассказывает, что только теперь осознал истинную подоплеку различных явлений и событий в своей жизни, а раньше не понимал, что происходит. Это «повторное открытие» *медиумичности* происходит, как правило, в сложных условиях, когда под угрозой находится физическое и эмоциональное благополучие человека, а боль и растерянность угрожают его личностной целостности.

Видения, ощущения и нежелательные переживания *одержимости* вызывают тревожную реакцию, провоцируют поиск объяснений происходящего и путей облегчения. Здесь на помощь обычно приходят опытные спириты и *сантеро*, которые через включение страждущего человека в духовные практики останавливают распад его эго на «непрочные миры» и производят пересборку самоидентификации. Элементами этой пересборки выступают все те же духи. Потому исследовательница кубинского спиритизма Д. Эспирито Санто подчеркивает, что самость человека в спиритической перспективе парадоксальным образом одновременно едина и множественна (*Espírito Santo* 2015: 160).

Не только духи мертвых (*эггуны*), но и *ориши* с помощью различных недугов могут указывать на то, что выбрали того или иного человека для духовного служения (*Moret* 2008: 345). Известность получила история кубинца Энрике, у которого были парализованы ноги. Он передвигался в инвалидной коляске, и врачи не оставляли ему больших надежд на восстановление. Однако *ориша* Элеггуа предложил Энрике

сделку: возвращение ему способности передвигаться в обмен на то, чтобы тот стал его медиумом. Энрике выздоровел, стал известным духовным практиком и работал не только на Кубе, но и в других странах. До самой его смерти в 2009 году ему помогали Элеггуа и еще 121 дух-помощник (*Espírito Santo* 2015: 161). Интересно, что передвижение, перемещение, способность миновать препятствия и переходить границы (в том числе путешествия в зарубежные страны, которые долгое время оставались недоступными большинству кубинцев) находятся в компетенции неусидчивого и вездесущего трикстера Элеггуа.

Х., двадцатилетний юноша, родившийся в г. Ольгин и живущий в Гаване, рассказывает, что его тётя долгое время страдала болезнью, в которой врачи видели эпилепсию. Жрецы посоветовали ей совершить инициацию *кариоча*, усаживание святого (или *ориша*) в голову человека, и стать *сантерой*. Предсказание показало, что болезнь женщины – это знак ее избранничества, а ее припадки происходят из-за неправильных попыток духов войти в ее тело. Став практиковать, она излечилась. Другая знакомая того же информанта долгое время не могла найти себе мужа, а те парни, с которыми она пыталась построить отношения, бросали ее, либо с ними происходили какие-то несчастья. Справиться с возникшей на фоне личных неурядиц депрессией и примириться с участью одинокой женщины ей удалось, опознав в своей судьбе вмешательство *ориши* Йевы, которая требует от некоторых своих последовательниц соблюдения безбрачия и целомудрия. Взамен женщина обрела способности к предсказанию (ПМА 2019).

Феномен вхождения духовных сил в жизнь будущего адепта называется *acercamiento* (*приближение*). В период *приближения* духи дают знать о своей воле порой преувеличенными и болезненными проявлениями физического порядка. Считается, что так они привлекают внимание избранника к его миссии и медиумическим способностям. Частые симптомы подобного духовного избранничества: тошнота, судороги, бессонница, двигательные, идеаторные и сенсорные автоматизмы. Кубинские медиумы порой описывают своих духов как сильных, грубых и неконтролируемых во время *acercamiento*. Первоначальные попытки этих духов «взять» тело могут быть неуклюжи и жестоки, особенно если дух “не образован”, например, был рабом при жизни, претерпел много жестокостей и страданий. Кроме того, сущности иногда передают своим референтам ощущение болезней, которыми страдали при жизни. Медиумы могут спутать такие симптомы с физическими болезнями, а это, по мнению практиков, приведет к бесполезному медицинскому вмешательству. В качестве примера можно привести историю медиума, которая чувствовала боль в груди из-за общения с духом своей бабушки, болевшей раком легких (*Espírito Santo* 2015: 162). Два моих информанта сообщали, что духи людей, бывших при жизни алкоголиками, требуют во время своих появлений выпивать большое количество алкоголя. Однако к алкоголизму самих медиумов это пока не привело (ПМА 2019).

Интересна история Леонеля, описанная Д. Эспирито Санто. Леонель в детстве страдал внезапными судорогами, постоянно проявлял беспокойство и не мог спать. Он родился и рос в семье приверженцев социалистических идей, считавших афрогенные культы проявлением безграмотности и отсталости. Врачи поставили Леонелю диагноз эпилепсия, однако прием лекарств не привел к заметному облегчению. Однажды пожилая женщина разъяснила отчаявшейся матери Леонеля, что ребенок выбран духами и должен обучатся спиритизму. Его было трудно заставить вклю-

читься в спиритические практики, но по мере вовлечения в них Леонель стал выздоравливать. В дальнейшем он развивал свои спиритические навыки, а в 1979 году прошел посвящение в *сантерию*. По словам спиритов, наблюдавших Леонеля, одним из духов, который одержал его в детстве, был чернокожий раб Франсиско, много пострадавший в своей жизни и имевший не самый мягкий нрав. После инициации Франсиско и другие духи стали сопровождать Леонеля в его духовных практиках (*Espírito Santo* 2015: 163–165).

Инициации улучшают самочувствие не только у людей, призванных духами к ритуальному служению. Считается, что любой посвященный приобретает дополнительную защиту, возможности здоровья и процветания. Часто при этом говорится об иммунной системе, которая должна нормализовываться или активизироваться благодаря вхождению в жизнь человека *эледы*, головного *ориши*. Если человек болен или беден, и не может обеспечить затратную и долгую инициацию *кариоча*, требующую участия целого коллектива духовных лиц, работы барабанщиков, а также множества животных жертвоприношений, то он может «получить своего святого» и без присоединения *ориши* к *ори* (сознанию) человека, с помощью достаточно простой церемонии *santo lavado* (*омовение святого*). Такой человек не становится *бабалоча* или *ийялоча*, но он все же имеет особый «канал связи» с теми или иными *оришами* и может обслуживать их святыни. Какие именно *ориши* и каким именно образом должны войти в жизнь человека, устанавливают авторитетные жрецы при помощи прорицания.

Невидимые доктора: диагностика и терапия духов

Духи могут советовать своим медиумам, как и чем лечить те или иные заболевания. К примеру, Палоянсан, дух раба-гаитянина, ставший главным духом в спиритическом окружении медиума Марселины, излечил ее от болезни печени, сообщив рецепт целебного травяного отвара (*Espírito Santo* 2015: 285). Все “потусторонние врачи” в кубинском спиритизме объединяются в группу духов известную под названием *Comisíon Médica divina* (*Божественная медицинская комиссия*). Ее также называют *Comisíon Médica divina de los espacios* (*Божественная медицинская комиссия космических пространств*), подразумевая под *espacio* космос, обитель духов, которых нередко именуют *космическими собратьями* (*hermanos del espacio*) (*Cabrera* 2018: 76). Для объединения врачующих духов существует также название *Comisión Médica de San Rafael* (*Медицинская комиссия Святого Рафаэля*) (*Alpizar* 2019: 18). Главой сообщества духов-медиков называют либо Архангела Рафаэля, либо врача и героя войны за независимость Кубы, генерала Хуана Бруно Сайяса Альфонсо (1867–1896). О популярности личности последнего среди спиритов писала еще Л. Кабрера: ее информанты через запятую перечисляли африканских божеств, «апостола Марти» (Хосе Марти) и «бестелесного доктора» Сайяса (*Cabrera* 2018: 39).

В этом отношении показательна деятельность знаменитой гаванской спиритки и целительницы Пахиты ла Милагроса, с разрешения государства проводившей целительские приемы, на которых основная деятельность велась при помощи духа сестры Пахиты, женщины, при жизни работавшей врачом. Выступая перед общественностью, Пахита подчеркивала, что признает доказательную медицину и ни в коем случае не оспаривает действенность «официальных» фармакологических средств. Духи вообще нередко направляют обратившихся к целителям людей в больницу, а

сами кубинцы зачастую предпочитают сочетать в своем лечении доказательную медицину с народной медициной и магией или духовным целительством (*Espírito Santo* 2015: 133–136). Иногда жители Гаваны обращаются к *бабалао* и спиритическим медиумам, чтобы перепроверить назначенный им курс лечения или усилить его. Даже купленные в аптеках лекарства могут стать объектом духовно-магической работы по их «усилению». *Сантеро* нередко обращаются к *оришам* с просьбой, чтобы они усилили эффект того или иного препарата. Если же член семьи *сантеро* попадает в больницу с острым течением болезни, его родственники стараются провести все необходимые обряды, направленные на помощь больному.

Рис. 3. Поливитамины для женщин «Multicentrum» получают дополнительную целебную силу на домашнем алтаре, рядом со святынями Элеггуа и Очун, Гавана (фото автора, июнь 2019 г.).

Существует и обратная связь, когда сами врачи ищут духовно–магических практик для себя либо неофициально направляют к знакомым медиумам и целителем своих пациентов (*Potterf* 2006: 87–88). Как показывают исследования, в настоящее время ни *йерберо* (травники), ни *сантеро* на Кубе не конкурируют с государственной медициной. Чаще всего серьезно болеющим они рекомендуют направиться к врачу (*Wedel* 2005: 50). Параллелизм в лечении порой обусловлен высоким доверием к тем или иным целителям, их умением, по меньшей мере, успокоить пациента и настроить его на излечение. «Я не знаю, что мне помогло, духи моей тети-спиритки или доктора из больницы. Я долго лечилась в больнице, но пока мы не получили благословения духов, это лечение не давало результата», – признается восемнадцатилетняя А., жительница Гаваны. По ее словам, только «отбросив вредных духов», она приободрилась, почувствовала себя увереннее и дала врачам возможность применить их арсенал. По словам А., иногда, «чтобы таблетки начали действовать, нужно получить разрешение предков или убрать то зло, которое мешает тебе, очистить свое духовное окружение» (ПМА 2019).

Связи между сообществами духовных практиков и медиков на Кубе не слишком сильны, и все же они есть. Особенно это касается так называемого *научного спиритизма*, который в большей степени, чем колдовской *спиритизм крусадо,* понятен и близок представителям врачебного сообщества. Существуют неофициальные терапевтические группы, в которые входят не только представители афро-кубинских традиций и спириты, но также психологи и психиатры. Такие коллективы действуют без одобрения властей, не имеют официальной регистрации, привлекают к своей работе представителей оккультных направлений, к примеру, астрологов (*Espírito Santo* 2015: 137–138). Несомненно, наблюдается влияние глобальных факторов на развитие целительских практик спиритизма и афрогенных культов Кубы. Их представители, имеющие доступ к литературе и СМИ, а теперь и к мировой паутине, все чаще пользуются понятиями из арсенала биоэнергетики, восточной эзотерики, йоги.

* * *

Целительство при помощи духов занимает важную нишу в деятельности афро-кубинских религиозных традиций, таких как *сантерия*, культ нигерийскго божества мудрости Ифа, *пало монте*, *спиритизм крусадо* и других. Благодаря социальной эмансипации афрогенных культов, последовавшей после так называемого *специального периода*, верующие открыто проводят свои обряды. Довольно часто духовно-магические и религиозные практики сопутствуют биомедицинской терапии. Информанты отмечают, что сочетание биомедицинского и духовного лечения более эффективно и надежно. На Кубе нет конкуренции между доказательной медициной и религиозным целительством, но в то же время в народной среде считается, что специфические патоморфные состояния, означающие *приближение* того или иного духа (избранничество адепта, проявление медиумического дара), находятся в компетенции духовных лиц, а не врачей. В случаях, когда человек проходит через период болезненных испытаний и явлений и становится медиумом или жрецом, он обычно испытывает облегчение. К исключительной области духовного целительства также относятся случаи негативного влияния травмированных духов, своеобразные спиритуальные "заражения". Они могут ограничиваться одной лишь симптоматикой без органических поражений, а могут, как полагают приверженцы культов, иметь и более серьезные последствия.

Инициации, в том числе главная инициация *сантерии*, известная под названием *кариоча*, по представлениям верующих, приносят оздоровительный и усиливающий эффект не только для тех, кого духи принудили следовать особому пути, но и вообще для всех, кто ищет защиты у высших сил. Такое представление обосновывается идеей о соединении индивидуального *ориша*-покровителя (*эледы*) с *ори* (сознанием, ментальностью) человека. Часто применяемый обряд *чистки головы* исходит из той же идеи, и нередко его проводят для оздоровления человека. Помимо этого обряда афро-кубинские традиции знают большое количество других, обычно включающих подношения (*аддиму, эббо*) тем или иным сущностям. Духовное целительство на Кубе тесно переплетено с травничеством, поскольку в растениях также присутствуют духовные силы и универсальная энергия *аче*. Различные растения и препараты на растительной основе широко применяются во всех афро-кубинских религиозных традициях.

Аче – основа спиритуальной феноменологии здоровья. Эта сила может быть приведена в нужное состояние путем определенных обрядовых манипуляций и коррекции поведения человека. Могущественными агентностями *аче* выступают различные духовные существа: *ориши* и *эггуны сантерии*, *нкиси* и *нфумбе пало*, различные духи спиритизма, *арара*, *вуду* и других традиций. Афро-кубинские традиции рассматривают живого человека в контексте его сложных связей внутри огромного, проницаемого мира сущностей, включая духов мертвых. Последние, как считается, могут вольно или невольно влиять на здоровье и самочувствие человека, причем травмы, которые остались у духов от их земной жизни, часто дают о себе знать при медиумической работе с этими духами. Идея о посмертном развитии духов, которая существует как в спиритизме, так и в африканской космогонии, делает возможной духовно-ориентированную терапию: человек способствует возвышению духов, "дает свет" им, а они посредством работы своих медиумов исцеляют человека. Подобные образы обмена можно обнаружить и в практиках *одержимости*, когда медиумы временно предоставляют свои тела духам, а духи, в свою очередь, делятся с людьми своими знаниями и целительской силой.

Источники

ПМА 2013 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Гавану и Ринкон, Республика Куба; декабрь 2013 г.

ПМА 2019 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Гавану и Ринкон, Республика Куба; июнь 2019 г.

Instagram 2020 – Babalú ayé es un orisha especialmente temido y poderoso… https://www.instagram.com/p/B-uZTXjD-OR/ (дата обращения: 09.02.2020).

Научная литература

Лаврецкий И.Р. Боги в тропиках. М.: Наука, 1967.

Маничкин Н.А. Мама Франсиска: этнокультурная память в кубинском культе спиритических кукол // Этнографическое обозрение. 2020. № 1. С. 132–152.

Alpizar R. Diccionario Razonado del Léxico Congo en Cuba. Maiombe, 2019.

Bolívar Arostegui N. La sabiduría de los oráculos: ifa, los caracoles y el coco. La Habana: Editorial Jose Marti, 2018

Bolívar Aróstegui N. Los Orishas en Cuba. La Habana: Institutio cubano del libro editorial José Martí, 2017.

Bolívar Arosteguí N. Plantas medicinales y aromáticas // Revista Bimestre Cubana de la Sociedad Económica de Amigos del País. 2001. № 15. Pp. 47–63.

Cabrera L. El monte. La Habana: Editorial Letras Cubanas, 2018.

Cabrera L. La medicina popular de Cuba: Médicos de antaño, curanderos, santeros y paleros de hogaño. Miami: Colección del Chicherekú, 1984.

Canizares R. Cuban Santeria. Walking With In The Night. Vermont: Destiny Books, Rochester, VT, 1999.

Gold M. Healing Practices and Revolution in Socialist Cuba // Social Analysis. 2014. № 58 (2). Pp. 42–59.

Espírito Santo D. Developing the Dead. Miami: University Press of Florida, 2015.

Espírito Santo D. The making of spirit bodies and death–perspectives in Afro–Cuban religion // Articulate Necrographies: Comparative Perspectives on the Voices and Silences of the Dead / Ed. by A. Panagiotopoulos and D. Espírito Santo. 2019. Bloomington: Indiana University Press Indiana University Press, 2019. Pp. 85-105.

Moret E.S. Afro–Cuban Religion, Ethnobotany and Healthcare in the Context of Global Political and Economic Change // Bulletin of Latin American Research. 2008. № 27 (3). Pp. 333 – 350.

Ochoa T.R. Society of the Dead: Quita Manaquita and Palo Praise in Cuba. Berkely, Los Angeles, London: University of California Press, 2010.

Potterf T. The Future of Health in Cuba // Cuba: In Transition? Pathways to Renewal, Long–Term Development and Global Reintegration / Ed. by A. Mauricio. 2006. New York: Bildner Center for Western Hemisphere Studies, The Graduate Center, City University of New York, 2006. Pp. 83–94.

Thompson R.F. Flash of the Spirit: African & Afro-American Art & Philosophy. New York: Vintage Books, 1984.

Zamora L. El culto de San Lázaro en Cuba. La Habana: Fundacion Fernando Ortiz, 2000.

References

Alpizar, R. 2019. *Diccionario Razonado del Léxico Congo en Cuba* [Reasoned Dictionary of the Congo Lexicon in Cuba]. Maiombe.

Bolívar Arostegui, N. 2001. Plantas medicinales y aromáticas [Medicinal and aromatic plants]. *Revista Bimestre Cubana de la Sociedad Económica de Amigos del País* [Bimonthly Cuban Magazine of the Economic Society of Friends of the Country] 15: 47–63.

Bolívar Arostegui, N. 2017. *Los Orishas en Cuba* [The Orishas in Cuba]. La Habana: Institutio cubano del libro editorial José Martí.

Bolívar Arostegui, N. 2018. *La sabiduría de los oráculos: ifa, los caracoles y el coco* [Wisdom Of

The Oracle: Ifa, Snails and Coconut]. La Habana: Editorial Jose Marti.

Cabrera, L. 1984. *La medicina popular de Cuba: Médicos de antaño, curanderos, santeros y paleros de hogaño* [Cuban Indigenous Medicine: Doctors of the Past, Curanderos, Santeros and Paleros of the Present]. Miami: Colección del Chicherekú.

Cabrera, L. 2018. *El monte* [Weald]. La Habana: Editorial Letras Cubanas, 2018.

Canizares, R. 1999. *Cuban Santeria. Walking With In The Night*. Vermont: Destiny Books, Rochester, VT.

Espírito Santo, D. 2015. *Developing the Dead*. Miami: University Press of Florida.

Espírito Santo, D. 2019. The making of spirit bodies and death–perspectives in Afro–Cuban religion. In: *Articulate Necrographies: Comparative Perspectives on the Voices and Silences of the Dead*, edited by A. Panagiotopoulos and D. Espírito Santo, 85-105. Bloomington: Indiana University Press Indiana University Press.

Gold, M. 2014. Healing Practices and Revolution in Socialist Cuba. *Social Analysis* 58 (2): 42–59.

Lavretskii, I.R. 1967. *Bogi v tropikakh* [Gods in the Tropics]. Moscow: Nauka.

Manichkin, N.A. 2020. Mama Fransiska: etnokul'turnaia pamiat' v kubinskom kul'te spiriticheskikh kukol [Mama Francisca: Ethnic-Cultural Memory in the Cuban Cult of Spiritual Dolls]. *Etnograficheskoe obozrenie* 1: 132–152.

Moret, E.S. 2008. Afro–Cuban Religion, Ethnobotany and Healthcare in the Context of Global Political and Economic Change. *Bulletin of Latin American Research* 27 (3): 333 – 350.

Ochoa, T.R. 2010. *Society of the Dead: Quita Manaquita and Palo Praise in Cuba*. Berkely, Los Angeles, London: University of California Press.

Potterf, T. 2006. The Future of Health in Cuba. In: *Cuba: In Transition? Pathways to Renewal, Long–Term Development and Global Reintegration,* edited by A. Mauricio, 83–94. New York: Bildner Center for Western Hemisphere Studies, The Graduate Center, City University of New York.

Thompson, R.F. 1984. *Flash of the Spirit: African & Afro-American Art & Philosophy*. New York: Vintage Books.

Zamora, L. 2000. *El culto de San Lázaro en Cuba* [The cult of Saint Lazarus in Cuba]. La Habana: Fundacion Fernando Ortiz.

УДК 364.65:614
DOI

© С.Д. Колдман

ЭТИЧЕСКИЕ ПРЕПЯТСТВИЯ ПРИМЕНЕНИЯ КУКЛОТЕРАПИИ ПРИ ДЕМЕНЦИИ И БОЛЕЗНИ АЛЬЦГЕЙМЕРА*

В статье поднимается вопрос об эффективности и этичности метода куклотерапии для пожилых людей, страдающих снижением когнитивных функций. Результаты исследований социологов и медицинских антропологов, отзывы ухаживающего персонала и родственников людей, страдающих деменцией и болезнью Альцгеймера, подтверждают, что куклы облегчают прием ими лекарств, улучшают настроение и помогают повседневному взаимодействию. В поле дискуссий – вопрос об этичности метода куклотерапии в виду возможного унижения и дегуманизации пожилых людей. Данное исследование выявляет особенности восприятия куклотерапии как метода нефармакологического воздействия в уходе за пожилыми людьми.

Ключевые слова: *куклотерапия, деменция, болезнь Альцгеймера, медицинская антропология, биоэтика*

Согласно текущим исследованиям, в мире проживают около 50 млн чел. с деменцией (*Деменция* 2019). В условиях сохранности жизней, благодаря медицине и обеспечению безопасной среды, количество пожилых людей в обществе неуклонно растет. Ожидается, что к 2030 г. число лиц, подверженных дегенеративным состояниям, увеличится до 66 млн чел., а к 2050 году может достичь 115 млн (*Batsch, Mittelman* 2012).

Для проявлений деменции характерна потеря памяти, снижение коммуникативных навыков, агрессия, повышенная тревожность. Эти негативные проявления, кроме лечения медикаментозно, требуют дополнительных способов повышения комфорта жизни пациента в домашних условиях и во время пребывания в пансионате или доме престарелых. Среди нефармакологических видов лечения есть зарекомендовавшие себя арт-терапия, звуко-терапия, канистерапия и др., а также новые, малоизученные, например, куклотерапия. Данный метод существует около двадцати лет и уже введен в практику ухода. Различные виды терапии изучаются медицинскими антропологами с целью выявления наиболее успешных принципов здоровьесбережения, в т.ч. для улучшения состояния людей, находящихся в бессознательном или полусознательном состоянии. Работа с пожилыми людьми и фокус на болезнях, характерных для стар-

Колдман Северина Дановна – к.и.н., старший научный сотрудник центра медицинской антропологии, Институт этнологии и антропологии РАН (119991 Москва, Ленинский просп., 32а). Эл.почта: sev.koldman@yahoo.com **Koldman, Severina Danovna** – PhD, senior researcher of Center of medical anthropology, Institute of Ethnology and Anthropology RAS (Moscow, Russia). E-mail: sev.koldman@yahoo.com

* Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН

шего возраста, позволяют разрабатывать новые методы превентивной медицины, и, тем самым, способствовать продлению активной жизни человека.

В целом, научные исследования антропологии игры и игрушек проводили многие антропологи и этнографы. В контексте данной темы следует упомянуть И.А. Морозова, написавшего целый ряд трудов об играх в сравнении с ритуалами (*Морозов* 2001), о роли куклы в игровом пространстве человека (*Морозов* 2011), он также выразил свой взгляд на современные виды игр, трансформацию личности в ходе игрового процесса и интерпретировал их. Кроме И.А. Морозова темой кукол и игры занимаются антропологи и этнографы М.Л. Бутовская, Н.Л. Пушкарева, И.С. Слепцова (Кызласова), А.П. Липатова, Ю.Н. Феденок, и другие. Однако в их исследованиях нет упоминаний взаимодействия с куклами людей пожилых, переживающих дегенеративные процессы в области когнитивных функций.

Целью данной статьи является постановка проблемы, касающейся этической приемлемости куклотерапии для пожилых людей, страдающих снижением когнитивных функций, и экономических препятствий ее применения. В работе использованы сравнительный и опросный методы. Привлечены материалы экспериментов, проводимых в Великобритании, Австралии, США и Корее, о результатах применения куклотерапии в пансионатах и в домашней обстановке, и об этичности метода. Кроме того, использованы сведения двух интервью: с президентом одного из российских фондов, задачей которого является информирование заинтересованных лиц о болезни Альцгеймера, а также о разработке рекомендаций по уходу за пожилыми людьми (декабрь 2019 г.), и с дочерью пожилой женщины, которая на протяжении не менее 15 лет страдала от снижения когнитивных функций (официальный диагноз «деменция») (январь 2020 г.).

Куклотерапия в исследованиях

Из книг, новостных лент, специализированных форумов и видеороликов на Youtube известно о глубокой привязанности некоторых долгожителей (около ста лет, и больше) к куклам. На сайте «Клуб 101-летних» рассказана история Мари Энн Дрезден, умершей в возрасте 109 лет и 213 дней (дата смерти: 6 июня 2011 г.), которая являлась коллекционером кукол (*Marie Ann Demuth*… 2015). Мари была самой старшей из восьмерых детей у своих родителей и позже стала матерью одного сына, бабушкой троих внуков и дважды прабабушкой. Верификация сведений о возрасте была подтверждена переписью населения 1910 и 1920 гг. В штате Вашингтон умерла вторая в списке долгожителей штата 114-летняя Эмма Оттис. В данном случае в новостях подчеркивалось, что Эмму нашли обнимающей любимую куклу-скаута (*In memory of Emma Otis*… 2015). Близкие описывают, что Эмма стояла у истоков создания и развития движения девочек-скаутов, которому она посвятила всю свою жизнь.

Интересно, что долгожительницы интересовались именно куклами, предметами антропоморфной формы, а не мягкими игрушками, хотя заинтересованность ими не исключение. Эксперимент в Великобритании (Ньюкасл) показал, что 93% людей, принявших участие в игре, предпочли кукол плюшевым мишкам (*James, Mackenzie, Mukaetova-Ladinska* 2006). Такой интерес к куклам, проявивший себя на практике, стал предметом изучения. В зарубежных научных трудах опубликованы данные экспериментов с куклами в домах для престарелых, или в домашней обстановке

(*Ellingford* и др. 2007; *Juh Hyun Shin* 2015; *Bisiani, Angus* 2013). Эксперимент заключался в том, чтобы изучить состояние пансионеров, принимавших нейролептические препараты на протяжении трех месяцев до начала эксперимента с куклами и трех месяцев после введения кукол в повседневную жизнь пожилых людей. В фокусе исследователей находились пансионеры, добровольно выбравшие кукол, а также те, кто не проявил к ним никакого интереса (контрольная группа), или же у которых заинтересованность куклами была кратковременной. По договоренности с авторами эксперимента ухаживающий персонал ежедневно фиксировал поведение пожилых людей, что позволяло соотносить эти данные с дозировкой препаратов. В результате эксперимента коллектив ученых пришел к выводу, что у пожилых людей, использующих кукол, улучшилось настроение и снизились случаи агрессивного поведения, повысилась опрятность пациентов и увеличилась их физическая активность. На медикаментозное лечение данная терапия оказала малый эффект – дозировки нейролетиков снизились на 1% (*Fernandez, Arthur, Fleming, Perrin* 2014: 12), однако улучшение касалось только тех, кто выбрал кукол.

Похожий эксперимент был проведен в Австралии с участием 35 человек, с которыми кто-нибудь приходил играть в куклы на протяжении 30 минут в течение трех недель (индивидуальные сессии интенсивностью 1 раз в неделю). Результат эксперимента не выявил высокой эффективности куклотерапии по сравнению с обычным уходом (*Moyle, Murfield, Jones, Beattie, Draper, Ownsworth* 2019). Однако у принимавших участие в игре с куклой отмечалось улучшение настроения (ощущение удовольствия). Персонал подтвердил появление эмоционального комфорта у пациентов. В данном исследовании отсутствует опыт самостоятельного взаимодействия респондента с куклой, естественного и закрытого от посторонних, что, возможно, и стало причиной низкой эффективности метода. Часть экспериментов, посвященных куклотерапии в уходе за пожилыми людьми с деменцией или болезнью Альцгеймера, была подвержена критике (*Mitchell, McCormack, McCance* 2016).

Вопрос этики

Куклотерапия попала в категорию «этически спорных» методов нефармакологической коррекции возбужденных состояний у пожилых людей (*Andrew*, 2006). Высказывается мнение, что данный метод способствует развитию «ложных иллюзий» (*Bisiani, Angus*, 2013: 449). В дискуссиях о куклотерапии употребляется словосочетание «белая ложь», подразумевающее осознанный обман людей, страдающих деменцией с целью облегчения процессов лечения и взаимодействия с ними (*Schermer* 2007; *Tuckett* 2010). У исследователей возникает вопрос, является ли куклотерапия терапевтической привилегией, и имеют ли пациенты «право на правду» (*Richard, Lajeunesse, Lussier* 2010)? Кроме того, прозвучали такие определения как «дегуманизация» в контексте представлений о впадении пациента во второе детство, что противникам метода представляется оскорблением личности (*Hughes, Louw, Sabat* 2006).

На одном из российских форумов, посвященных обсуждению проблем пожилых и рекомендаций по уходу за престарелыми родителями с деменцией, одна из участниц привела положительный опыт своей мамы от взаимодействия с куклами. Ответный комментарий одного из администраторов сайта был следующим: «Недавно разговаривал с психологом, который говорит, что нельзя относиться к больному как к

ребенку. Это одна из самых распространенных ошибок. Люди рассуждают так: “Раз он разум теряет и превращается в несмышленого, как ребенок, человека, то надо с ним соответственно общаться”. И это ошибка. Вспомнил об этом, когда прочитал про кукол (*Чем занять больную…* 2013).

Участница дискуссии рассказала о собственном опыте, в котором она наблюдала самостоятельную смену статуса пожилым человеком со взрослого на ребенка: «Даже не дементный отец ближе к смерти очень любил эдак “впасть в детство”, чтобы с ним как с маленьким повозились, и самоумилялся этому, хотя при активной жизни был человек грубый и черствый. А мать – так та вообще говорила, что, мол, раньше она была старшая, а теперь она младшая, и с ней надо как с младшей, и с удовольствием перебирала всякие детские предметы» (Там же).

Для подтверждения или опровержения предположения о сознательном или бессознательном «впадении в детство» следовало бы провести качественный эксперимент с людьми, проживающими в российских условиях. Рынок игрушек предлагает множество изделий, имеющих распространение в странах мира, однако лишь в России существует такая категория игрушек как «советская кукла». На данный момент пожилыми людьми являются те, чье детство приходилось на ранний советский период и промышленную революцию в куклопроизводстве. А именно: переход от интерьерной «буржуазной» куклы к куклам – представителям профессий, куклам – персонажам сказок, широко распространенным благодаря массовому производству по Советскому Союзу. Несмотря на критику качества изделий: хрупкого и выцветающего пластика, плохой детализации конечностей, частому отсутствию белков глаз и других издержек массового производства, данные куклы являлись партнерами по играм у советских детей. При повторении исследования о влиянии куклотерапии на поведенческие расстройства и когнитивные способности пожилых людей, страдающих деменцией и болезнью Альцгеймера, следовало бы ввести в обиход советских кукол. Данные куклы не обладают яркой мимикой и правильными человеческими пропорциями, не имеют четкой идентификации и не отличаются высоким качеством пластика, что могло бы способствовать тактильному удовольствию играющего. И в случае проявления интереса участниками эксперимента к такой кукле, можно было бы предположить мысленное возвращение человека, подверженного дегенеративным состояниям, в его собственное детство.

Данное предложение о повторении эксперимента зарубежных исследователей куклотерапии в каком-либо российском пансионате, или доме для престарелых, было высказано президенту фонда (его имя, а также название фонда не указываются), занимающегося распространением информации о болезни Альцгеймера и способах ухода за больными; с ее стороны выявилось остро негативное отношение к куклам и, следовательно, к куклотерапии. В ходе беседы президент фонда перешла к таким опровергающим метод куклотерапии аргументам как: 1) кукла для старика, страдающего деменцией или болезнью Альцгеймера, является предметом небезопасным (например, существует возможность откусить глаза у игрушки и подавиться ими, или ударить куклой соседа по палате); 2) чтобы провести исследование, аналогичное зарубежным, и предложить кукол в дом престарелых, или родственникам пожилого человека, необходимо разработать проект с указанием взаимной выгоды этого для исследователей и для фонда, подготовить информативные раздаточные материалы, из которых станет понятно, что представляет собой «куклотерапия» как продукт, и каким образом его

продвигать (ПМА 1). По мнению руководителя фонда, в идее повторить эксперимент есть ряд трудноразрешимых вопросов. Например, каким образом будет происходить информирование об услуге, где брать контакты, действительно ли следует подписывать с родственниками и/или опекунами документ о согласии на проведение куклотерапии (рекомендовано в аналогичных исследованиях – *прим. автора*), а также уведомление о том, что куклотерапия не является фармакологическим лечением. Также было высказано замечание, что организация подобного исследования может повлечь за собой проблемы и споры о собственности: кто станет приобретателем кукол, и кто впоследствии окажется их владельцем (пансионат, пожилой человек, благотворитель, исследователь)? В случае размещения кукол на территории пансионата или дома престарелых игрушкой может заинтересоваться тот, чьи родственники высказались против использования куклотерапии. Каким образом следует поступать в таком случае, следует ли отбирать куклу у пациента? В результате руководитель фонда признал проведение куклотерапии для российских пациентов нецелесообразным: «Раскраски – это мне понятно, ну еще мягкие игрушки, куда ни шло… Но куклы!.. Не знаю» (ПМА 1).

В книге, посвященной опыту применения куклотерапии, Дж. Корриган-Чарльзворт отмечает, основываясь на его 27-летней практике работы с людьми с деменцией: «Лично я никогда не сталкивался с терапией, которая вызвала бы такой широкий резонанс обсуждений» (*Baker, Corrigan-Charlesworth* 2007: 90). При этом, как нам кажется, данная терапия не отличается принципиально от просьб к пожилому человеку раскрасить детские раскраски, или собрать цветные кубики.

Остро негативное отношение наблюдается как со стороны родных, часто людей среднего возраста, так и со стороны пожилых. По заявлению 95-летней москвички, данный метод терапии представляется пугающим: «Это ужасно! Это неестественно! Люди сошли с ума!» (из материалов автора). Действительно, в большинстве устных отзывов о куклотерапии и куклах, высказанных людьми разного возраста, образования и опыта, прозвучали такие слова: «звучит пугающе», «страшно», «я их боюсь». Некоторые родственники пожилых людей считают, что пользование куклами «унижает» их родителей. В одном видео в социальных сетях, отражающем общение 94-летней Джесси Болл с любимой куклой-младенцем, комментарии были разнообразными, в том числе негативными: «А пожилым женщинам бы это понравилось, что вы делаете с ними? Надо сохранить их достоинство!» (*Пожилая британка*... 2017). Однако сама автор видео, дочь пожилой Джесси, считает, что этот сюжет о ее маме вдохновит других людей отдавать даром куклы в дома престарелых.

Исследование куклотерапии как метода коррекции агрессивного поведения и стимулирования когнитивных функций у пожилых людей, страдающих деменцией и болезнью Альцгеймера, наравне с арт-терапией, аромо-терапией и другими, не предполагает создание какого-либо «продукта» и дальнейшего его продвижения. Автор статьи отдает себе отчет, что одной из приоритетных задач фонда является привлечение средств благотворителей и поиск различных способов заработка, в том числе путем продажи оригинальных идей, связанных с уходом за пожилыми людьми. Однако именно куклотерапия не показалась привлекательной с точки зрения выгоды, несмотря на ее практическую состоятельность и научную обоснованность.

Куклы для данного вида терапии уже были разработаны заинтересованными лицами, и их продвижение строится на отзывах потребителей (*Joy For All*… 2015). Так, сообщество Dementia Society of America, являющееся активным распространителем

обучающей информации о деменции и болезни Альцгеймера, объявило золотым призером в номинации Dementia SMART компанию «Joy For All Companion Pets» по производству специальных игрушек для пожилых людей. Однако производимые компанией интерактивные игрушки в виде домашних питомцев (кошка и щенок) на вид и по функционалу не отличаются от игрушек аналогичной категории, предназначенных для детей, что позволяет в куклотерапии использовать любые игровые предметы.

Дж. Корриган-Чарльзворт обратил внимание, что к наиболее распространенным выявленным потребностям человека, страдающего деменцией, относятся потребности в комфорте, в привязанностях, вовлеченности (включенности), занятиях и идентичности (*Baker, Corrigan-Charlesworth* 2007: 91). Анализ результатов экспериментов куклотерапии выявляет отмеченное исследователями и ухаживающим персоналом смягчение чувства одиночества у тех респондентов, кто выбрал куклу, а также снижение у них уровня тревожности, возникновение занятости, появление цели, что соответствует представлениям об эффективности практики.

Следует отметить, что введение кукол в повседневный обиход пожилого человека строго добровольно. Кукол рассаживают в различных местах в доме или пансионате, на диванах и скамейках, где они могут привлечь внимание. Однако за привлечением внимания (или его отсутствием) стоит самостоятельное решение человека взять куклу, потрогать и вернуть обратно, или унести к себе и проводить с ней время. Дискуссии вокруг куклотерапии привели к тому, что Комиссия по этике обратила внимание на данный вопрос и вынесла заключение, что заказчиком услуг в этих случаях являет сам пациент (*Mitchell, Templeton* 2014: 727–728). Авторы книги, имеющие длительный опыт работы с дементными людьми, комментируют практику куклотерапии: «Человек наслаждается, и кто мы такие, чтобы усомниться в целесообразности этого?» (*Baker, Corrigan-Charlesworth* 2007: 90).

Частная практика

В ходе исследования удалось получить сведения от человека, который на протяжении длительного времени наблюдал взаимодействие своей мамы с куклой и иными антропоморфными изображениями. Мама респондента Н.Н. (инициалы имени изменены по просьбе респондента) 1930 года рождения, из интеллигентной среды, страдала снижением когнитивных функций на протяжении многих лет (с начала 2000-х). Развитие деменции семья заметила не сразу, и одним из маркеров заболевания стал повышенный интерес мамы к игрушкам своей внучки, а именно к куклам.

Поначалу мама стала их доставать из места, где куклы хранились, и усаживать на диван, затем у кукол появились одежда и украшения. Родные сочли данное увлечение скучанием по внукам, но постепенно комната мамы наполнилась куклами, и попытки спрятать их вызывали протест с ее стороны. При этом мама не разрешала Н.Н. наблюдать за ее общением с куклой, выгоняла из комнаты и даже иногда кричала. Н.Н. пыталась подслушивать, но мама проявляла невероятную хитрость: «Это были ее отношения… Она относилась к куклам очень серьезно» (ПМА 2). Сначала у кукол были имена, но постепенно в процессе деперсонификации, имена переставали иметь значение: «Она говорила “Ее звали Кукла” – это имя». Для Н.Н. был очевиден процесс размытия семантических границ, и так как домашние называли куклу «куклой», мама Н.Н. стала использовать это слово в качестве имени.

В своих рассуждениях о возможной причине такой заинтересованности куклами, Н.Н. предположила несколько версий: а) кукла стала симулякром образа дочери, б) кукла позволяла маме восполнять чувство утраты своей матери, 3) таким образом выразилась потребность избегать того количества информации, какая исходит от живых людей. По мнению Н.Н., взаимодействие с антропоморфным предметом – своего рода самопомощь, интуитивное отсекание лишнего, что пожилому человеку, страдающему угасанием когнитивных функций, возможно, было сложно обрабатывать. «Она создала для себя какие-то референтные точки, которые стали для нее зоной комфорта… Возможно, она боялась совершить какой-то ошибочный шаг. <…> И вот в эту зону комфорта попали куклы» (ПМА 2).

По наблюдениям родственников, взаимодействие с куклами не является неосознаваемым постоянно. Кроме того, имеет место улучшение речи и возникает разнообразие интонаций в периоды общения с куклами, а также создание особой приватной, доверительной обстановки, которой по какой-то причине не хватает больному.

Травма потери матери никогда не отпускала маму Н.Н., что проявлялось в моменты конфликтов, когда мама заявляла: «Ты не понимаешь, как это, когда у тебя *мать* есть». Для нее наличие матери было наивысшей ценностью. Однако была ли иерархичность в отношении с куклой, Н.Н. не удалось выяснить. Надо отметить, что убежденность пожилых людей в том, что их родители все еще живы, рассматривается в науке в контексте травмы потери, которая в том числе способствует ощущению небезопасности. Также высказывается предположение, что заболевание деменцией – это результат такого опыта потери, основанный на глубокой привязанности к умершим (*Miesen* 1993; *Osborne, Stokes, Simpson* 2010), представлявшим авторитет. Теория привязанности Дж. Боулби также рассматривается в науке, как возможное объяснение эффективности куклотерапии (*Minshull* 2009).

В ходе интервью Н.Н. вспоминала, что мама играла с ней очень мало ввиду своей занятости и занимаемой высокой должности, но те несколько раз, когда она играла, она говорила: «Запомни, что я с тобой играла».

Тяжелым опытом для Н.Н. стала смена ролей мать – ребенок, во время болезни мамы она испытывала стыд за ее увлечение куклами, однако со временем, по ее словам, наносные общественные стереотипы отпали сами собой, и осталась только проблема заболевания и любовь к матери. Сейчас Н.Н. считает, что необходимо распространить информацию о куклотерапии как методе, способствовать изменению отношения взрослых людей к куклам, как предмету, дающему чувство защищенности и комфорта их пожилым родителям. Что касается личного отношения Н.Н. к самому предмету – кукле, она призналась: «Это было непросто принять, учитывая, что мама была человеком высокоинтеллектуальным… И такое ее внимание к куклам воспринималось с каким-то таким чувством почти стыда». Постепенно, в процессе болезни мама, по оценке Н.Н., стала вести себя как пятилетний ребенок. Н.Н. предполагает, что это стало определяющим в выборе кукол. Так, мама полностью потеряла интерес к куклам, изображающим взрослых и подростков, и предпочла «пупсоподобных» кукол.

Аналогичную точку зрения высказали специалисты: «Использование кукол иногда трудно понять или принять родственникам человека, живущего с деменцией. Однако это может быть связано с недостаточным информированием со стороны (ухаживающего, медицинского – С.К.) персонала» (*Baker, Corrigan-Charlesworth* 2007: 90). Имеющий многолетний стаж в уходе за людьми, страдающими снижением ког-

нитивных функций, Г. Миттчел также отмечает недостаточное информирование о куклотерапии со стороны государства и благотворительных организаций, а также слабое распространение практических рекомендаций (*Mitchell* 2006: 14).

Н.Н. обратилась к изучению профессиональной литературы о болезни, из которой узнала, что человек перестает различать симулякры и оригиналы. Например, мама могла купить пластиковые цветы и поставить их в воду, как живые. Или на прогулке она иногда останавливалась у витрины магазина и говорила с манекеном. В маршрут прогулок по городу входил сквер, где находилась статуя Ленина в человеческий рост, антропоморфное изображение из бронзы. Мама Н.Н. покупала конфеты и пряники, подходила к нему и разговаривала. Нередко она не хотела, чтобы Н.Н. присутствовала при этих разговорах, и тогда Н.Н. наблюдала издалека. Она заметила, что при разговоре со статуей мама держала зрительный контакт, обращалась по имени-отчеству с эпитетами «дорогой мой», рассказывала, как у нее дела. Мама ненадолго отходила от статуи, и за это время вороны успевали расклевать конфеты и пряники, так что по возвращении мама радовалась тому, что В.И. Ленин попробовал ее угощение.

Н.Н. решила сделать кукол мамы своими помощниками и стала использовать их в качестве «товарищей» по еде и приему лекарств: «Она отказывалась принимать лекарства, и вот этот классический способ “у зайчика заболи, у волчка заболи, а у кого-то заживи… ложечку за папу, ложечку за Машу…” В принципе, когда лекарство она отказывалась принимать, и иной раз удавалось ее убедить принимать лекарство именно вот привлекая в сообщники кукол» (ПМА 2).

Аналогичный опыт применения куклы для облегчения приема пищи и лекарств у пожилого человека, страдающего деменцией, описан в книге Г. Миттчела, наблюдавшего за взаимодействием с куклой пожилой женщины по имени Клара (*Mitchell* 2006: 14). На основании своего исследовательского опыта Г. Миттчел заключает, что куклотерапия подходит не всем, а лишь тем, кто выбирает его добровольно. Опыт других исследователей говорит о том же, особенно в случае встречающегося среди пожилых пансионеров негативного родительского опыта (*Baker, Corrigan-Charlesworth* 2007: 91), или же на фоне приема сильнодействующих лекарств, особенно на поздних стадиях заболевания.

По прошествии более чем 15 лет, и в результате прогрессирования болезни (которое, по мнению Н.Н., напоминало инволюцию), дочь была вынуждена уступить рекомендациям врачей и поместить маму в больницу. Сведений о том, искала ли мама свою Куклу, будучи в больнице, Н.Н. не поступало.

В похожей истории с мамой Робин, куклу позволено было взять в госпиталь, где мама продолжала с ней спать по ночам (*Dementia – Baby Doll Therapy*… 2011).

Отношение к куклам меняется в современном обществе, поскольку игра в куклы перестает быть прерогативой детства и становится показателем материального благополучия, и символом активной, наполненной впечатлениями жизни. Куклы Barbie, Blythe и другие, становятся стильным атрибутом современного человека любого пола. Любимым куклам посвящают блоги в популярных социальных сетях, шьют или покупают дорогостоящие наряды и обувь (кожаные ботинки на Blythe стоят около 2000 руб., пальто с ручной вышивкой – около 5000 руб.), размещают фотографии из ресторанов и с туристических мест.

Об изменении отношения к куклам свидетельствуют работы таких кукольных мастеров, как Александра Соцкова (Россия, Москва) – высококачественные шарнир-

ные изделия в виде стариков с тщательной детализацией возрастных изменений тела («брыли» на лице, деформация плеч и позвоночника, артритные суставы на руках и ногах, обвисшая кожа), с соответствующим макияжем (морщины, пигментные пятна). Возможно, использование в терапии куклы, изображающей пожилого человека, дало бы представление о потребностях пожилого человека в компаньоне, тем самым расширив диапазон мнений о причинах выбора кукол среди людей, страдающих дегенеративными заболеваниями.

На Youtube на одном из частных каналов Робин Ван Хайнинг (Robin VanHyning) размещено видео ее мамы, страдающей деменцией, играющей в куклу фирмы «Adora». В своих комментариях к видео Робин делится предположением, что все дело в лицах кукол, а именно в улыбчивом и «счастливом» выражении некоторых молдов (кукольных лиц) (*Dementia – Baby Doll Therapy* 2011). Мама Н.Н. остановила свой выбор на кукле-ребенке лет пяти. Аналогичную куклу предпочитала 114-летняя Эмма Оттис. Куклы-младенцы и барбиобразные куклы такими лицами не обладают, это характерно для кукол-детей, изображающих девочек в возрасте 3-4 лет. Однако имеются видеосюжеты, посвященные куклотерапии, в которых использованы куклы-младенцы (*Morning Pointe* 2014; *Baby Doll Therapy* 2016; *Passion for those affected by Dementia/Alzheimer's* 2018; *Two women give Alzheimer's patients* 2018).

Выводы

Исследование вопроса о куклотерапии в лечении и поддержании пожилых людей, страдающих деменцией или болезнью Альцгеймера, выявляет следующие проблемы. Отсутствуют специальные методики для внедрения данного вида терапии, и не определена терминология. Несмотря на ряд проведенных экспериментов, часть специалистов считает их результаты недостоверными, поверхностными и «анекдотичными». Тем не менее, для изучения взаимодействия с антропоморфными предметами среди пожилых людей, данные «забракованных» исследований также имеют значение с точки зрения медицинской антропологии, поскольку демонстрируют методы работы с респондентом. Недостатком изучения является его непоследовательность и непродолжительность.

Нет рекомендаций относительно видов куклы, наиболее предпочтительных для данного вида терапии, а попытки производить «особенных кукол» приводят к их логистической недоступности и высокой цене. Кроме того, специальные куклы не имеют преимуществ перед обычными куклами, предназначенными для детской игры. В ходе экспериментов выявились особенности применения кукол с пищиками (издающими резкие громкие звуки, или плач), или с подвижным глазным механизмом. Есть вероятность, что страдающий деменцией человек уложит куклу спать и будет ее будить методом касания плечика, или легкой тряски. Кукла с глазным механизмом, будучи в лежачем положении, не откроет глазки, что может быть воспринято человеком как ее заболевание или смерть, это может привести к негативным последствиям.

Препятствием для активного применения куклотерапии является отсутствие достоверных знаний о действительных потребностях человека, страдающего деменцией или болезнью Альцгеймера, которую удовлетворяет кукла. Какие задачи ставит перед собой психика человека в период возрастных изменений? Какие социальные проблемы решает пожилой человек, репрезентирует ли жизненные ситуации, или

же пребывает в настоящем? Какую роль он определяет для самого себя, а какую для куклы? Можно ли считать процесс игры пожилого человека наделенным дидактическим смыслом, как принято думать о детской игре? Данные вопросы требуют дополнительного специального анализа медицинскими антропологами, социальными антропологами, психологами, социологами, и другими специалистами. Результаты, по нашему мнению, будут полезны в изучении заболеваний, связанных со снижением когнитивных функций в любом возрасте, его причинах и способах лечения. Также данные эксперимента позволят понять роль куклы для человека в любом, и каждом конкретном, возрасте. Интересно определить наличие или отсутствие традиционного или мистического отношения к куклам в разных ситуациях, особенно в свете длительной сохранности традиций олицетворения куклами пожилых людей.

Источники и материалы

Деменция 2019 – Деменция. Всемирная организация здравоохранения. 14 мая 2019 г. https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/dementia.

Мемини 2013 – Мемини. Чем занять больную? 15 июня 2013 г. https://memini.ru/discussions/24304#comment-24014.

Medialeaks 2017 – Medialeaks. Пожилая британка с деменцией путает куклу с внучкой. И история за этим видео очень трогательная. 02 ноября 2017 г. https://medialeaks.ru/0211ttp-tak-mozhno-pomoch-bolnyim-dementsiey-trogatelno-pugayushhee-video-babushki-i-kuklyi-kotoruyu-ona-schitaet-vnuchkoy.

ПМА 1 – Полевые материалы автора. Встреча с представителем фонда (название фонда и имя президента не указывается), созданного с целью информирования российского сообщества о болезни Альцгеймера, разработке и проведения лекций по уходу за пожилыми людьми для всех желающих. Декабрь 2019 г. (информант – президент фонда).

ПМА 2 – Полевые материалы автора. Интервью с дочерью пожилой женщины, которая добровольно выбрала взаимодействие с куклами, будучи в состоянии снижения когнитивных функций на протяжении нескольких лет. Январь 2020 г. (информант – Н.Н.)

Joy for all 2019 – Joy for all companion pets. https://joyforall.com/pages/our-story.

Morning Pointe 2014 – Morning Pointe Senior Living (blog). Morning Pointe Alzheimer's Residents Embrace Cuddle Therapy 2014 – Cuddle Therapy. 03 июня 2014 г. https://www.youtube.com/watch?v=ozZHYfhRoPY.

Love What Matters 2018 – Love What Matters (blog). Passion for those affected by Dementia/Alzheimer's. 16 февраля 2018 г. https://www.youtube.com/watch?v=mJHdUhNCn_s&feature=emb_title.

Научная литература

Морозов И.А. «Игра» и «ритуал» в современном научном дискурсе // Традиционная культура. Научный альманах, 2001. № 1. С. 20–28.

Морозов И.А. Феномен куклы в традиционной и современной культуре (Кросскультурное исследование идеологии антропоморфизма). М.: Индрик, 2011.

Andrew A. The ethics of using dolls and soft toys in dementia care // Nursing & Residential Care, 2006. № 8(9). Pp. 419–421.

Baker C., Corrigan-Charlesworth J. Visiting the Memory Café and other Dementia Care Activities: Evidence-based Interventions for Care Homes. London: Jessica Kingsley Publishers, 2007.

Batsch N.L., Mittelman M.S. Alzheimer's Disease International. World Alzheimer Report 2012: overcoming the stigma of dementia. London: Alzheimer's Disease International, 2012.

Bisiani L., Angus J. Doll therapy: A therapeutic means to meet past attachment needs and diminish behaviours of concern in a person living with dementia – a case study approach // Dementia (London), 2013. Vol 12. № 12(4). Pp. 447–62.

Ellingford J., James I., Mackenzie L., Marsland L. Using dolls to alter behaviour in patients with dementia. Nursing Times, 2007. Vol. 103. Janury 30, 5. Pp. 36–37.

Fernandez R., Arthur B., Fleming R., Perrin C. Effect of doll therapy in managing challenging behaviors in people with dementia: a systematic review // The JBI Database of Systematic Reviews and Implementation Reports, 2014. № 12 (8). Pp. 330–363.

James I.A., Mackenzie L., Mukaetova-Ladinska E. Doll use in care homes for people with dementia // Int J Geriatr Psychiatry, 2006. № 21: 1093–1098.

Hughes J., Louw S., Sabat S.R. Dementia: Mind, Meaning, and the Person. Oxford: Oxford University Press, 2006.

Miesen B. Alzheimer's disease, the phenomenon of parent fixation and Bowlby's attachment theory // International Journal of Geriatric Psychiatry, 1993. № 8. Pp. 147–153.

Minshull K. The impact of doll therapy on well-being of people with dementia // Journal of Dementia Car, 2009. № 17 (2). Pp. 35–38.

Mitchell G. Doll Therapy in Dementia Care: Evidence and Practice. London: Jessica Kingsley Publishers, 2006.

Mitchell G., McCormack B., McCance T. Therapeutic use of dolls for people living with dementia: A critical review of the literature // Dementia (London), 2016. Vol. 15. № 15 (5). Pp. 976–1001.

Mitchell G., Templeton M. Ethical considerations of dolltherapy for people with dementia // Nursing Ethics, 2014. № 21 (6). Pp. 720–730.

Moyle W., Murfield J., Jones C., Beattie E., Draper B., Ownsworth T. Can lifelike baby dolls reduce symptoms of anxiety, agitation, or aggression for people with dementia in long-term care? Findings from a pilot randomised controlled trial // Aging & Mental Health, 2019. № 23. Pp. 1442–1450.

Osborne H., Stokes G., Simpson J. A psychosocial model of parent fixation in people with dementia: The role of personality and attachment // Aging & Mental Health, 2010. № 14. Pp. 928–937.

Tuckett A. The experience of lying in dementia care: A qualitative study // Nursing Ethics, 2010. № 19 (1). Pp. 7–20.

Schermer M. Nothing but the truth? On truth and deception in dementia care // Bioethics, 2007. № 21 (1). Pp. 13–22.

References

Andrew A. 2006.The ethics of using dolls and soft toys in dementia care. *Nursing & Residential Care* 8 (9): 419–421.

Baker C., and J. Corrigan-Charlesworth. 2007. *Visiting the Memory Café and other Dementia Care Activities: Evidence-based Interventions for Care Homes*. London: Jessica Kingsley Publishers.

Batsch N.L., and M.S. Mittelman 2012. *Alzheimer's Disease International. World Alzheimer Report 2012: overcoming the stigma of dementia*. London: Alzheimer's Disease International.

Bisiani L., and J. Angus. 2013. Doll therapy: A therapeutic means to meet past attachment needs and diminish behaviours of concern in a person living with dementia – a case study approach. *Dementia (London)* 12 (4): 447–462.

Ellingford J., I. James, L. Mackenzie, and L. Marsland. 2007. Using dolls to alter behaviour in patients with dementia. *Nursing Times* 103 (30,5): 36–37.

Fernandez R., B. Arthur, R. Fleming, and C. Perrin. 2014.Effect of doll therapy in managing challenging behaviors in people with dementia: a systematic review. *The JBI Database of Systematic Reviews and Implementation Reports* 12 (8): 330–363.

Hughes, J., S. Louw, and S.R. Sabat. 2006. *Dementia: Mind, Meaning, and the Person*. Oxford: Oxford University Press.

James, I.A., L. Mackenzie, and E. Mukaetova-Ladinska. 2006. Doll use in care homes for people with dementia. Int J Geriatr Psychiatry 21: 1093–1098.

Miesen, B. 1993. Alzheimer's disease, the phenomenon of parent fixation and Bowlby's attachment theory. *International Journal of Geriatric Psychiatr* 8: 147–153.
Minshull, K. 2009. The impact of doll therapy on well-being of people with dementia // Journal of Dementia Car 17(2): 35–38.
Mitchell, G. 2006. *Doll Therapy in Dementia Care: Evidence and Practice.* London: Jessica Kingsley Publishers.
Mitchell, G., and M. Templeton. 2014. Ethical considerations of dolltherapy for people with dementia. *Nursing Ethics* 21(6): 720–730.
Mitchell, G., B. McCormack, and T. McCance. 2016. Therapeutic use of dolls for people living with dementia: A critical review of the literature. *Dementia (London)* 15 (5): 976–1001.
Morozov, I.A. 2001. «Igra» i «ritual» v sovremennom nauchnom diskurse [Game and Ritual in Modern Scientific Discourse)]. *Tradicionnaya kul'tura. Nauchnyj al'manah* 1: 20–28.
Morozov, I.A. 2011. *Fenomen kukly v tradicionnoj i sovremennoj kul'ture (Krosskul'turnoe issledovanie ideologii antropomorfizma)* [The Doll Phenomenon in Traditional and Modern Culture (Cross-Cultural Study of the Ideology of Anthropomorphism)]. Moscow: Indrik.
Moyle W., J. Murfield, C. Jones, E. Beattie, B. Draper, and T. Ownsworth. 2019. Can lifelike baby dolls reduce symptoms of anxiety, agitation, or aggression for people with dementia in long-term care? Findings from a pilot randomised controlled trial. *Aging & Mental Health* 23: 1442–1450.
Osborne H., G. Stokes, and J. Simpson. 2010. A psychosocial model of parent fixation in people with dementia: The role of personality and attachment. *Aging & Mental Health* 14: 928–937.
Schermer, M. 2007. Nothing but the truth? On truth and deception in dementia care. *Bioethics* 21(1): 13–22.
Tuckett, A. 2010.The experience of lying in dementia care: A qualitative study. *Nursing Ethics* 19(1): 7–20.

Koldman, Severina Danovna.

Ethical Constraints to Application of Doll Therapy for Treating Dementia and Alzheimer's Diseases

The article raises the question of the effectiveness and ethics of the method of doll therapy for older people suffering from a decrease in cognitive functions. The results of studies by sociologists and medical anthropologists, evidence of caring staff and relatives of people suffering from dementia and Alzheimer's disease confirm that dolls make medication easier, improve mood and facilitate everyday interaction. The subject of discussion is the question of the ethics of the doll therapy in view of possible humiliation and dehumanization of older people. This study reveals the perception of doll therapy as a method of non-pharmacological treatment in caring for the elderly.

Key words*: doll therapy, dementia, Alzheimer's disease, medical anthropology, bioethics*

КРОСС-КУЛЬТУРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК
DOI

© Д.А. Дронова, М.Л. Бутовская

ПРЕДПОЧТЕНИЯ В ВЫБОРЕ БРАЧНОГО ПАРТНЕРА У МУЖЧИН И ЖЕНЩИН В ИНДИЙСКОЙ ДИАСПОРЕ ТАНЗАНИИ*

В статье представлены результаты исследования, проведенного среди представителей индийской диаспоры в Танзании. Полученные данные подтверждают универсальные гендерные различия в выборе брачного партнера и согласуются с предсказаниями теории сексуальных стратегий. Индийцы-мужчины склонны уделять больше внимания репродуктивным способностям женщины, оценивая физические показатели представительниц женского пола, свидетельствующие о фертильности, здоровье и возрасте, а также черты заботливой матери. Женщины считают ценными те мужские качества, которые говорят о его способностях обеспечивать семью, а значит и совместных детей, это уровень интеллекта, хорошее образование, социальный статус, трудолюбие, финансовая обеспеченность и т.п. В тоже время культурные компоненты, характерные для индийского общества, оказывают влияние на выбор брачного партнера. Кастовая принадлежность, роль родительского мнения относительно будущего супруга или супруги остаются важными критериями. Вместо одностороннего движения в сторону западных брачных практик, как это предполагается теориями изменения семьи и встречается в других азиатских контекстах (например, Китай), тенденции в индийском обществе указывают на промежуточный вариант совмещения традиционных западных и индийских практик.

Ключевые слова*: выбор брачного партнера, индийская диаспора, брак по сговору, Индия, Танзания*

Дронова Дарья Алексеевна – младший научный сотрудник центра кросскультурной психологии и этологии человека, Институт этнологии и антропологии РАН (119991 Москва, Ленинский проспект 32а). Эл. почта: dariadronova@yandex.ru **Dronova, Daria A.** – Institute of ethnology and anthropology RAS (Moscow, Russia). E-mail: dariadronova@yandex.ru

Бутовская Марина Львовна – член-корр. РАН, д.и.н., профессор, главный научный сотрудник, зав. центром кросскультурной психологии и этологии человека, Институт этнологии и антропологии РАН (119991 Москва, Ленинский проспект, 32а). Эл. почта: marina.butovskaya@gmail.com. **Butovskaya, Marina L.** – Corresponding member of RAS, Dr. in History, Head of the Centre for cross-cultural psychology and human ethology, Institute ethnology and anthropology RAS (Moscow, Russia). E-mail: marina.butovskaya@gmail.com

* Бутовская М.Л. исследование выполнила в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН. Дронова Д.А. исследование выполнила при поддержке РФФИ в рамках проекта № 18-39-00128

Согласно теории, предложенной эволюционным биологом Робертом Трайверсом, родительский вклад представляет собой любой вклад родителя в своего потомка, увеличивающий шансы на выживание последнего (и следовательно, его репродуктивный успех) ценою снижения возможностей родителей вкладывать в других потомков (*Trivers* 1972). Отталкиваясь от исходной предпосылки о том, что мужчина и женщина затрачивают разное количество усилий на воспроизводство и воспитание потомства, Р. Трайверс доказал, что родительский вклад неравнозначен у представителей противоположных полов. В связи с этим ученый сделал следующие заключения (*Trivers* 1972): а) самка более избирательна при выборе партнера, так как за свою жизнь она имеет возможность произвести меньшее количество отпрысков по сравнению с самцом. Главные качества самца, на которые самка будет ориентироваться – желание обеспечивать ресурсами партнершу и проявлять заботу о совместном будущем потомстве; б) способность оставить после себя большее число потомков при минимальных затратах. Эти идеи получили дальнейшее развитие в труде Д. Саймонса «Эволюция человеческой сексуальности» (*Symons* 1979). Основываясь на данных по разным культурам, Д. Саймонс продемонстрировал применимость теории родительского вклада Р. Трайверса к человеческим обществам. По всему миру женщины более избирательны и требовательны в выборе полового партнера, а мужчины менее разборчивы и более полигамны. Он также указал на психологические различия мужчин и женщин в плане сексуальности: мужчины в большей степени склонны к сексуальному разнообразию. В соответствии с этими особенностями Д. Саймонс выдвинул гипотезу о различии гендерных предпочтений при выборе партнера. Мужчины должны преимущественно ориентироваться на показатели фертильности и репродуктивности партнерши, а женщины – больше ценить в партнере желание и возможность заботиться и обеспечивать совместных детей. Поэтому ценными мужскими качествами по мнению женщин являются те, которые говорят о его способностях обеспечивать семью, а значит и совместных детей, а именно в условиях индустриальных обществ это уровень интеллекта, хорошее образование, социальный статус, трудолюбие, финансовая обеспеченность и т.п. Что касается традиционных обществ, для женщин будут важными качества, которые помогут мужчине обеспечить семью продуктами питания посредством охоты, рыболовства, фермерства и лидерские черты. Для того чтобы оценить репродуктивные способности женщины, мужчины полагаются на физические показатели представительниц женского пола, свидетельствующие о фертильности, здоровье и возрасте. Под физическими показателями, которые формируют привлекательность женщины в глазах мужчины, подразумевается рост, вес, форма и флуктуирующая асимметрия лица, соотношение талии к бедрам, длина ног и др.

В 1990 г. была опубликована одна из основополагающих работ по теме выбора брачного партнера эволюционным психологом Д. Бассом с соавторами (*Buss et al*. 1990). Д. Басс организовал в 37 странах исследование по единой программе. Ученым были выделены универсальные показатели, влияющие на выбор брачного партнера во всех популяциях и имеющих гендерные различия. Тем не менее, автор с коллегами отмечают, что культура играет важную роль в традиционных обществах (в выборке данного исследования это – Китай, Индия, Иран, Нигерия). В дальнейшем его идеи получили широкое распространение и неоднократно проверялись у разных этнических групп. Стоит отметить, что в основном это были индустриальные общества, для которых подтверждались выдвинутые положения. Однако начавшийся в начале XXI в. всплеск исследований традиционных обществ показал неоднозначность и невозможность экстраполяции накопленных знаний на человеческие культуры по всему миру.

В другой, также знаковой, работе Д. Басс поднял вопрос о релевантности данных о гендерных различиях выбора брачного партнера в случае браков по сговору родителей (*Buss* 1989). Индия как раз является страной, где традиционно браки организовывались исключительно родителями. Несмотря на то, что родители выбирают брачного партнера для своих детей, наличие предпочтений, ассоциированных с репродуктивными стратегиями, имеет место. В обществах с организованными браками сыновья и дочери могут оказывать влияние на выбор будущего супруга, выражая свое мнение или с помощью различных хитростей (*O'Kelly, Carney* 1986).

С конца XX в. ученые обратились к проблеме удовлетворенности браком в зависимости от типа системы выбора брачного партнера – самостоятельного выбора супругов или организованного родителями брака. Подобные исследования проводились во многих странах, в которых практиковались и практикуются браки по сговору родителей. Тем не менее, общего знаменателя не было найдено. Так было показано, что период ухаживания, совместное проживание до брака и тип способа выбора брачной пары минимально коррелирует с удовлетворенностью браком среди молодых супружеских пар в Израиле (*Shachar* 1991). Авторы другого исследования (*Myers et al.* 2005) сравнили уровень удовлетворенности браком и качеством взаимоотношений между тремя группами супружеских пар: 1. индийцев, имевших брак по сговору; 2. индийцев, сделавших самостоятельный выбор супруга; 3. американских супружеских пар. Оказалось, что максимальные оценки удовлетворенностью браком и более теплые отношения характерны для индийских пар, которым родители подобрали супруга/у (*Yelsma, Athappilly* 1988). В тоже время на китайской выборке получены противоположные результаты (*Xu, Whyte* 1990). Китаянки указывали на большую удовлетворенность брачным союзом в случае самостоятельного выбора супруга. Таким образом общий массив публикаций по удовлетворенности браком с учетом типа выбора брачного партнера (самостоятельный или организованный родителями) делится на три группы в зависимости от полученных результатов: 1. Качество брака оценивается выше при самостоятельном выборе супруга/и, чем при браке по сговору (*Allendorf, Ghimire* 2013; *Demir, Fisiloglu* 1999; *Hortaçsu* 1999, 2007; *Lev-Wiesel, Al-Krenawi* 1999; *Pimentel* 2000; *Xu, Whyte* 1990); 2. Качество брака оценивается выше в организованном браке, чем при самостоятельном выборе (*Gupta, Singh* 1982; *Yelsma, Athappily* 1988); 3. Не наблюдается достоверной разницы в оценках удовлетворенностью браком в зависимости от типа выбора брачного партнера (*Hoelter et al.* 2004; *Myers et al.* 2005; *Regan et al.* 2012; *Shachar* 1991; *Schwartz* 2007). Из вышеперечисленного следует вывод, что культурные детерминанты в сочетании с универсальными стратегиями оказывают существенное влияние на выбор брачного партнера во всех обществах. Одни и те же качества потенциального брачного партнера в разных культурных средах могут иметь различную или даже противоположную эволюционную адаптацию и, соответственно, социокультурную интерпретацию.

Однако в одном из недавних исследований удовлетворенности браком в зависимости от типа выбора брачного партнера (самостоятельно или по сговору родителей), проведенном в Бангладеш, акцент сделан на возможности оказывать влияние на выбор будущего супруга женщиной (*Flicker et al*. 2019). Стоит оговориться, что в данном случае участниками опроса были только женщины. Результаты показали, что женщины, по крайней мере на начальных этапах брака, оказывающие влияние на выбор брачного партнера независимо от типа брака (организованного или самостоятельного решения), оценивают брачные отношения как более счастливые. По мнению авторов исследо-

вания, существует, по меньшей мере, два процесса, вследствие которых возможность влиять на выбор брачного партнера соотносится с более высоким качеством брака, близостью, страстью и привязанностью друг к другу. Во-первых, возможность наложить вето на нежелательных кандидатов значительно снижает вероятность оказаться в паре с непонравившимся партнером (*Xu, Whyte* 1990). Во-вторых, сама идея о том, что партнер имел возможность наложить вето, но не сделал этого, может способствовать созданию условий, повышающих вероятность развития любви и повышения качества брака. Если женщина имеет большее влияние на выбор партнера (а) ее партнер может чувствовать себя уверенным, что она приняла его, несмотря на ее способность наложить вето, и (б) она также может считать, что ее партнер одобрил ее, несмотря на его способность отвергнуть ее. В супружеских парах, у которых отсутствовала возможность повлиять на выбор партнера, взаимная симпатия и связь с партнером может устанавливаться в течение более продолжительного времени.

Цель данного исследования – проанализировать гендерные различия в стратегиях выбора брачного партнера в индийской диаспоре, проживающей в Танзании, и подтвердить гипотезы об их универсальности у современного человека. Были поставлены следующие задачи: 1. Выявить наиболее важные качества, лежащие в основе выбора постоянного полового партнера по мнению мужчин и женщин. 2. Определить культурную специфику выбора брачного партнера у представителей индийской диаспоры в Танзании. 3. Сопоставить эти критерии выбора брачного партнера у индийцев, проживающих в Танзании и у индийцев, проживающих на территории Индии.

Выборка

Исследование проводилось в г. Дар-эс-Салам (Танзания) среди представителей индийской диаспоры. Общее число респондентов составило 315 человек. Из них 164 мужчины и 151 женщина. Возрастной разброс составил от 17 до 78 лет. Средний возраст – 38,8 ±12,3 лет. Приверженцев индуизма 202 человека, ислама 104 человека, 9 респондентов не указали религиозную принадлежность. Несмотря на то, что все респонденты сейчас живут в г. Дар-эс-Салам, родились в Танзании 182 человека, в Индии – 117 респондентов и 7 человек в других странах (Малайзия, Объединенные арабские Эмираты, Великобритания, Йемен, Пакистан).

Методы

Данные были собраны методом анкетирования и интервьюирования. В первой части анкеты респондентам предлагалось указать свои социо-демографические данные, во второй необходимо было оценить 27 качеств потенциального брачного партнера по шкале от 1 до 3, где 1- самая высокая оценка, 3 – самая низкая.

Общий массив данных обрабатывался с помощью статистического пакета SPSS-22. Метод распределения частот позволил дать количественную характеристику собранных данных. Метод корреляционного анализа использовался для определения взаимосвязи ряда характеристик. Для установления главных факторов, определяющих выбор брачного партнера как у мужчин, так и у женщин, был использован метод главных компонент. Каждый из полученных факторов объединяет переменные с высокой степенью взаимосвязи между собой. С помощью теста Хи-квадрат (χ^2) проверялась зависимость между полученными главными компонентами, описывающими критерии выбора брачного партнера, и религиозной принадлежностью респондентов с разбивкой по полу.

Результаты

Рассмотрим главные компоненты, определяющие выбор брачного партнера мужчинами и женщинами в индийской диаспоре Танзании. На основе оценок 27 качеств потенциального брачного партнера были получены представления о критериях выбора супруга/и. Результаты факторного анализа определили четыре главные компоненты, определяющие выбор брачного партнера, для каждого пола (табл. 1 и 2). Так, предпочтения индийцев-мужчин выражены следующими главными компонентами, описывающими 51,4% общей изменчивости. Главная компонента 1 (16,8% общей изменчивости) ассоциируется с качествами потенциальной жены с достаточно высоким статусом, образованной и хорошими репродуктивными возможностями. Главная компонента 2, описывающая 13,5% общей изменчивости, демонстрирует фактор физической привлекательности и заботливой матери. Главная компонента 3 (11,8% общей изменчивости) является фактором социабельности. Главная компонента 4 (9,3% общей изменчивости) отражает негативные качества потенциальной брачной партнерши.

Главные компоненты, выражающие мнение женщин относительно брачного партнера, в целом схожи с критериями мужчин. Четыре главные компоненты объясняют 47,5% суммарной дисперсии. Главная компонента 1 (16,7% общей изменчивости) характеризует «хорошего» мужа, способного обеспечить жену и детей. Главная компонента 2 (10,6% общей изменчивости) обобщает показатели, характеризующие внешность будущего супруга. Главная компонента 3 (10,5% общей изменчивости) отражает способность потенциальным брачным партнером налаживать социальные связи. Главная компонента 4 (9,7% общей изменчивости) представляет собой фактор нежелательных качеств будущего супруга.

Для каждой из четырех главных компонент был проведен тест Хи-квадрат с учетом гендерной принадлежности. Так, по всем четырем главным компонентам, отражающим предпочтения мужчин-индийцев относительно будущей супруги, не было получено достоверных различий по религиозному признаку респондентов (ГК 1: χ^2=1,19; df=3; p=0,755; ГК 2: χ^2=0,59; df=3; p=0,899; ГК 3: χ^2=3,42; df=3; p=0,332; ГК 4: χ^2=1,19; df=3; p=0,755). Главные компоненты 2, 3 и 4, сформированные из более высоких оценок женщин качеств потенциального супруга, также не имеют достоверной зависимости от религиозной приверженности респонденток (ГК 2: χ^2=6,05; df=3; p=0,109; ГК 3: χ^2=3,09; df=3; p=0,377; ГК 4: χ^2=5,31; df=3; p=0,150). В данном случае интерес вызывает главная компонента 1, для которой выявлена достоверно значимая связь в оценке качеств этой компоненты в зависимости от приверженности респонденток к индуизму и исламу (χ^2=8,27; df=3; p=0,041). Женщины, исповедующие индуизм, и женщины, исповедующие ислам, в разной степени оценивают качества потенциального брачного партнера, определяющие главную компоненту 1. Индуистки придают большее значение показателям взаимности чувств (t=3,020; df=81,50; p=0,003), финансовой обеспеченности (t=4,148; df=80,45; p=0,000), трудолюбию (t=2,118; df=66,74; p=0,038) и социальному статусу (t=2,789; df=74,85; p=0,007) будущего брачного партнера по сравнению с мусульманками.

Таблица 1

Главные компоненты, описывающие основные качества потенциальной супруги по мнению мужчин

Характеристики	Главные компоненты			
	ГК1	ГК2	ГК3	ГК4
Любовь к детям	,227	,365	,152	-,400
Трудолюбие	,645	,053	,182	,024
Социальный статус	,651	-,091	,183	-,099
Взаимность чувств	,633	-,010	,157	-,277
Финансовая обеспеченность	,259	-,088	,455	,269
Схожесть жизненных интересов	,722	,003	,133	,030
Здоровье	,397	,369	,123	-,251
Способность к деторождению	,632	,203	-,084	-,200
Возраст	,668	,377	,046	-,104
Интеллект	,522	,268	,315	-,190
Уровень образования	,543	,315	,314	,158
Хозяйственность	,265	,525	,244	-,122
Активность	,438	,403	,293	,211
Способность постоять за себя	,468	,381	,435	,079
Лидерство	,350	,024	,588	,094
Заботливость	,273	,529	,423	-,225
Способность быть одному	,098	-,053	,633	-,050
Общительность	,097	,356	,721	-,024
Чувство юмора	,354	,301	,411	,112
Этническая принадлежность	-,021	,143	,694	-,286
Склонность к риску	,300	,341	,345	,246
Девственность	-,030	-,005	,114	,847
Наличие детей от другого	-,082	,082	,008	,822
Вредные привычки	-,357	,248	-,230	,513
Внешность	-,082	,720	,068	-,068
Вес	-,042	,816	-,106	,157
Рост	,199	,722	,057	,195

* Метод вращения: варимакс с нормализацией Кайзера

Таблица 2

Главные компоненты, описывающие основные качества потенциального супруга по мнению женщин

Характеристики	Главные компоненты			
	ГК1	ГК2	ГК3	ГК4
Любовь к детям	,093	-,161	,131	,138
Трудолюбие	,239	-,121	,494	-,320
Социальный статус	,348	,353	,334	-,335
Взаимность чувств	,641	,012	,141	-,019
Финансовая обеспеченность	,611	-,003	,018	-,143
Схожесть жизненных интересов	,673	,034	,225	,014
Здоровье	,531	,349	-,168	,079
Способность к деторождению	,588	,211	,112	,100
Возраст	,579	,272	-,014	,126
Интеллект	,692	,114	,205	,061
Уровень образования	,614	,272	,013	,062
Хозяйственность	,267	,207	,214	,477
Активность	,125	,305	,629	,139
Способность постоять за себя	,165	,228	,648	,365
Лидерство	,225	,016	,630	,030
Заботливость	,439	,073	,277	,129
Способность быть одному	-,133	-,118	,553	,038
Общительность	,543	,051	,311	,183
Чувство юмора	,531	,099	,415	,020
Этническая принадлежность	,265	,284	,266	-,111
Склонность к риску	,253	,144	,480	,112
Девственность	-,100	-,066	,224	,788
Наличие детей от другого	,083	-,100	,035	,806
Вредные привычки	,095	-,029	-,061	,763
Внешность	,314	,719	,212	-,057
Вес	,183	,862	,058	,078
Рост	,163	,876	,044	-,061

* Метод вращения: варимакс с нормализацией Кайзера

Обсуждение

Более детальный анализ полученных главных компонент, определяющих выбор брачного партнера представителями индийской диаспоры как мужчинами, так и женщинами, демонстрирует согласованность с предсказаниями теории сексуальных стратегий. Так главная компонента 1, основанная на мнении мужчин, включает в себя следующие показатели: трудолюбие, социальный статус, взаимность чувств, схожесть жизненных интересов, интеллект, образование, фертильность, возраст. Перечисленные качества свидетельствуют о предпочтении мужчинами партнерши со схожими жизненными установками, соответствующего социального статуса и интеллектуального развития, а также имеющей хорошие репродуктивные возможности. Социально-психологические характеристики будут оказывать влияние на способность сохранять крепкие семейные отношения, что в свою очередь обеспечит будущим совместным детям благоприятные условия для жизни и дальнейшие перспективы. Лонгитюдное исследование супружеских пар в сельских районах Непала подтверждает более высокий уровень образования детей и отсутствие желания покинуть родительский дом в более раннем возрасте, в тех семьях, где у родителей наблюдается более сильная положительная эмоциональная связь (*Brauner-Otto et al.* 2020). Также ряд других работ демонстрирует более высокую социальную успешность и репродуктивное поведение потомства в семьях с более устойчивыми позитивными взаимоотношениями между матерью и отцом (удовлетворенность браком, отсутствие разводов, раздоров и т.п.) (*Cherlin et al.* 1995; *Malinen et al*. 2010; *Thornton et al*. 2007).

Важными качествами потенциальной супруги, которые также входят в ГК 1 по мнению мужчин, являются возраст и способность к деторождению. Возраст определяет фертильные возможности партнерши. В связи с этим в эволюционной перспективе мужчины предпочитают партнершу младше себя, а женщины выбирают старших партнеров относительно своего возраста. Более того в некоторых странах на показателе возраста завязаны культурные нормы при выборе брачного партнера, связанные, например, с размером затрат на добрачные выплаты (*Conroy-Beam, Buss* 2018). Детальный анализ наших данных подтверждает, что мужчины и женщины достоверно различаются по предпочтению возраста будущего супруга. 59,8% респондентов-мужчин желают, чтобы невеста была младше. В то время, как 73,5% женщин хотят мужа старше себя. Только 2,4% представителей мужского пола согласны иметь жену старше себя и 1,3% женщин - брачного партнера, который будет младше. Ровесники интересуют 22,0% мужчин и 14,6% женщин. Возраст не имеет значения для 12,8% мужчин и 9,3% женщин. Также наш материал показал значимые гендерные различия относительно возраста вступления в брак. Средний возрастной показатель для мужчин составляет 27,3±4,9 лет, а у девушек – 23±3,8 года. Мужчины нашей выборки женились, начиная с 18 лет и до 51 года. Респондентки отметили возраст вступления в брак от 17 до 43 лет. Наиболее активный период вступления в брак приходится на промежуток с 23 до 30 лет у мужчин и с 19 до 27 лет у женщин. Согласно переписи населения в Индии 2011 г. пик заключения брачных союзов у мужчин с 25 до 39 лет, а у женщин – с 20 до 39 лет (C-2 Marital Status by Age and Sex). Тем не менее возраст 19 лет считается наиболее фертильным для женщин (*Symons* 1979; *Williams* 1975). Именно в этом возрасте в традиционных культурах женщины рожают первого ребенка (*Северцева* 1999; *Седловская* 1999).

Повышающийся уровень образования в целом, но в большей степени женщин, вносит существенные изменения в брачные отношения. Повышается возраст вступления в брак, уменьшается количество детей в семье, повышаются требования к брачным партнерам. В среднем, индийская семья в Дар-эс-Саламе имеет двух детей. Из числа опрошенных семейных индийцев таковых оказалось – 48,3%. Один ребенок у 22% респондентов, три – у 15,7%, а у 4,2% – четверо детей. Большинство индийцев предпочитают иметь двоих детей. Небольшое количество отпрысков индийцы объясняют финансовыми ресурсами. Они говорят, что лучше иметь меньше детей и дать им больше возможностей. Родители-индийцы уделяют много внимания образованию своих чад и готовы вкладывать в него значительные финансовые средства. Кроме школы дети посещают дополнительные занятия – спортивные секции, музыкальные уроки, языковые курсы. Данные ООН свидетельствуют о влиянии повышающегося уровня образования на рождаемость. Население ответственнее начинает относиться к рождению ребенка, думая о его будущем. Наше исследование по сходной тематике среди студентов-африканцев показывает, что они также нацелены на снижение рождаемости для обеспечения более качественной жизни своим детям (*Бутовская и др*. 2008).

ГК 2 по мнению мужчин тесно связана с фертильными возможностями партнерши и более четко раскрывает качества, свидетельствующие о репродуктивном успехе. Это фактор физической привлекательности и заботливой матери. Индийцы-мужчины склонны уделять больше внимания репродуктивным способностям женщины, оценивая физические показатели представительниц женского пола, свидетельствующие о фертильности, здоровье, а также качества заботливой матери. Данные по студентам индийского штата Карнатака подтверждают гендерную специфику при выборе брачного партнера (*Murry, Pujar* 2018). Мужчины чаще ценят красивую внешность партнерши, а женщин более заинтересованы ресурсным потенциалом будущего супруга. Характеристики, связанные с приобретением ресурсов, такие как уровень образования, финансовая обеспеченность, социальный статус, трудолюбие, предпочитались женщинам больше, чем мужчинам. С другой стороны, умение потенциальным партнером хорошо вести хозяйство важнее для мужчин, чем для женщин. Однако приятная внешность и хорошие финансовые перспективы, как правило, не входили в число самых желаемых характеристик для обоих полов. А добрые и понимающие, здоровые и умные возглавляли рейтинг независимо от пола. Исследования, проведенные среди российского, танзанийского и замбийского студенчества по сходному инструментарию с представленным в данном проекте, также свидетельствуют о наличии гендерных различий в выборе брачного партнера, но и выявляют культурно-специфические параметры, влияющие на брачное поведение в конкретном обществе (*Бутовская, Смирнов* 2003; *Бутовская и др*. 2008). Физические показатели, как маркеры репродуктивного потенциала партнерши, являются значимыми в большей степени для мужчин, чем для женщин (*Buss* 1999; *Kendrik et al*. 1994; *Mealey* 2000).

Как уже подчеркивалось выше, женщины склоны оценивать мужчин с позиции материального достатка, перспектив и социальной успешности. Именно эти качества соответствуют по мнению женщин в ГК 1 и ГК 3 чертам «хорошего» мужа, способного обеспечить жену и детей, и дают возможность потенциальным брачным партнером налаживать социальные связи. Женщины склонны придавать

большее значение наличию высокого уровня образования, интеллекта, материального положения потенциального постоянного партнера (*Pawlowski, Koziel* 2002; *Waynforth, Dunbar* 1995).

Ранее опубликованные наши данные по этой же выборке подтверждают высокую значимость культурного компонента в выборе брачного партнера не только среди индийцев, проживающих непосредственно в Индии, но и в индийской диаспоре в Танзании (*Дронова* 2014; *Дронова* 2018), а опираясь на опубликованные материалы других ученых, можно говорить – в индийских диаспорах по всему миру.

Нам удалось установить схожесть основных принципов брачевания: эндогамии и экзогамии, практикующихся как в индийской диаспоре в Танзании, так и на территории Индии. Абсолютное большинство мужчин (56,1%) и женщин (72,8%) выразили желание иметь будущего партнера из схожей касты. Каста продолжает оставаться основным критерием при выборе потенциального партнера для брака. Индийцы во всем мире, как в диаспоре, так и в Индии, обращают внимание в первую очередь на принадлежность к одной касте. Правда, исследования, посвященные индийской диаспоре на Карибских островах, свидетельствуют о снижении и ликвидации кастового сознания (*Roopnarine* 2006). Однако аналогичные исследования в США показывают, что кастовая иерархия по-прежнему преобладает среди индийской диаспоры (*Adur, Narayan* 2017; *Maira* 2012). Объясняется это тем обстоятельством, что важным отличием между индийскими диаспорами в Карибском бассейне и США является происхождение первых из низших каст наемных рабочих с небольшим культурным капиталом (*Roopnarine* 2003), в то время как представители диаспоры в США – это в основном высококвалифицированные специалисты, такие как инженеры и врачи (*Rajadesingan* 2019). Таким образом, понимание факторов, влияющих на межкастовые браки в США, позволяет увидеть, как традиционные кастовые границы укрепляются в относительно привилегированном сообществе диаспоры в более широком западном контексте.

Традиционно в Индии брачного партнера для своих детей выбирают родители– это брак по сговору. В настоящее время в индийском обществе практикуются различные варианты выбора брачного партнера. В одних семьях строго придерживаются традиции, в других – родители, подверженные современному веянию, считаются с мнением молодых и позволяют им самим выбирать себе пару. Результаты исследования, проведенного в рамках данного проекта, демонстрируют взгляды представителей индийской диаспоры, проживающих в Танзании, на этот счет. Наблюдается высокая значимость мнения родителей в выборе брачного партнера на современном этапе, однако большинство мужчин выразило желание самостоятельно принимать решения относительно будущей супруги. Такая же ситуация складывается и в Индии. Основываясь на данных официальной статистики в Индии, авторы исследуют тенденции в выборе супругов, продолжительность времени, в течение которого супруги знали друг друга до вступления в брак, межкастовые браки и родственные браки (*Allendorf, Pandian* 2016). В период с 1970 по 2012 год женщины все активнее выбирали себе мужей, число первых встреч супругов в день свадьбы уменьшалось, число межкастовых браков выросло, а число кровных браков падало. Однако многие из этих изменений были скромными по своим масштабам, а значительное большинство недавних браков все еще демонстрируют признаки организованного брака. Кроме того, вместо того чтобы игнорировать мнение родителей, молодые женщины

все чаще сотрудничают с родителями в выборе будущего супруга. В отличии от широко распространенного в Индии способа поиска будущего партнера через брачные объявления в газетах и на сайтах знакомств (*Дронова, Бутовская* 2011), индийцы в Танзании редко к нему обращаются (*Дронова* 2014).

Респонденты в Танзании часто обращали внимание на то, что хотели бы супругу из Индии. В качестве объяснения приводили вполне конкретные примеры различий между невестами. Индийцы утверждают, что женщины из Индии лучше знают свою культуру, помнят все традиции, правильно исполняют церемонии жизненно цикла и религиозного календаря в отличии от местных индианок. Нередко встречаются случаи, когда мужчины специально выбирают себе будущую супругу из Индии. Интересно, что в среде марокканской диаспоры в Бельгии несмотря на высокую и даже возрастающую значимость религиозного фактора, партнера предпочитают выбирать непосредственно из представителей диаспоры, а не из Марокко, приводя совершенно противоположные индийцам аргументы (*Sabbe et al.* 2019). Марокканцы, обосновавшиеся в Бельгии, не хотят преодолевать образовавшуюся культурную пропасть между ними и марокканцами из Марокко, в том числе и усилившуюся лингвистическую проблему с постепенной утратой родного берберского языка – представители диаспоры констатируют о сложностях самовыражения на родном языке. Молодое поколение марокканцев в Бельгии утверждает, что у них больше общего с бельгийцами, чем с марокканцами, проживающими в Марокко. Девушки уверены, что разное этническое происхождение будущих супругов не может быть препятствием для заключения брака, однако важным для них остается принадлежность к одному и тому же религиозному течению – ислам. Более старшее поколение не согласно с такой позицией и считает, что залогом успешного брака является происхождение партнеров из одной культурной среды. Государственные меры по урегулирования миграционных потоков в Бельгии в том числе нарушают традицию принудительных браков среди представителей марокканской диаспоры, но браки по сговору продолжают ими практиковаться. В целом все перечисленные факты приводят к снижению уровня брачной миграции в этой общине.

Выводы

Наши данные полностью согласуются с результатами недавно опубликованного исследования, подтверждающего универсальные гендерные различия в выборе брачного партнера по 45 культурам: мужчины в большей степени, чем женщины, предпочитают привлекательных молодых партнерш, демонстрирующих репродуктивные возможности, а женщины в большей степени, чем мужчины, предпочитают партнеров старше себя с хорошими финансовыми перспективами (*Walter et al*. 2020). В тоже время культурные компоненты, характерные для индийского общества, оказывают влияние на выбор брачного партнера. Кастовая принадлежность, роль родительского мнения относительно будущего брачного партнера остаются важными критериями. Вместо одностороннего движения в сторону западных брачных установок, как это предполагается теориями изменения семьи и встречается в других азиатских контекстах (например, Китай), в Индии наблюдается промежуточный вариант совмещения традиционных западных и индийских норм.

Научная литература

Бутовская М.Л., Дронова Д.А., Миханджо Э. Современные тенденции в выборе брачных партнеров у студентов-африканцев и отношение к традиционным установкам на продолжение рода и многодетность // Межрасовые и межэтнические отношения в современной Танзании: Труды Российской комплексной экспедиции в Объединенной Республике Танзания (сезон 2005 г.) / Отв. ред. А.В. Каратаев, Е.Б. Деминцева. М.: ЛЕНАНД, 2008. С. 168–195.

Бутовская М.Л., Смирнов О.В. Выбор постоянного полового партнера в среде современного московского студенчества: эволюционный анализ // Этнографическое обозрение. 2003. № 1. С. 141–163.

Дронова Д.А. Индийцы Дар-эс-Салама // Этнографическое обозрение. 2014. № 5. С. 175–185.

Дронова Д.А. Соприкосновение двух культур: представители индийской диаспоры и танзанийцы африканского происхождения (г. Дар-эс-Салам, Танзания) // Общество и государство в зеркале социологических измерений (VIII Рязанские социологические чтения). Материалы Национальной научно-практической конференции с международным участием / Отв. ред. Р.Е. Маркин, А.В. Проноза. 2018. С. 312–318.

Дронова Д.А., Бутовская М.Л. Выбор брачного партнера в современном индийском обществе и половой отбор // Восток (Oriens). Афро-азиатские общества: история и современность. 2011. № 6. С. 46–66.

Северцева Т.Ф. Жизненный путь женщины на Востоке // Мужчина и женщина в современном мире: меняющиеся роли и образы / ред. И.М. Семашко, А.Н. Седловская. М., 1999. С. 313–319.

Седловская А.Н. Женщина в традиционном сантальском обществе (Индия) // Мужчина и женщина в современном мире: меняющиеся роли и образы / ред. И.М. Семашко, А.Н. Седловская. М., 1999. С. 320–328.

Adur S.M., Narayan A. Stories of dalit diaspora: migration, life narratives, and caste in the us // Biography. 2017. Vol. 40 (1). P. 244–264.

Allendorf K., Ghimire D.J. Determinants of marital quality in an arranged marriage society // Social Science Research. 2013. Vol. 42 (1). P. 59–70.

Brauner-Otto S.R., Axinn W.G., Ghimire D.J. Parents' Marital Quality and Children's Transition to Adulthood // Demography. 2020. Vol. 57. P. 195–220. https://doi.org/10.1007/s13524-019-00851-w.

Buss D. M. Evolutionary Psychology. The New Science Of The Mind. Allyn and Bacon. 1999.

Buss D.M. Sex differences in human mate preferences: Evolutionary hypotheses tested in 37 cultures // Behavioral and Brain Sciences. 1989. Vol. 12. P. 1–49.

Buss D.M., Abbott M., Angleitner A., Asherian A., Biaggio A., Blanco-Villasenor A., ... Ekehammar B. International preferences in selecting mates: A study of 37 cultures // Journal of cross-cultural psychology. 1990. Vol. 21(1). P. 5–47.

Cherlin A.J., Kiernan K.E., Chase-Lansdale P.L. Parental divorce in childhood and demographic outcomes in young adulthood // Demography. 1995. Vol. 32. P.299–318.

Conroy-Beam D., Buss D.M. Why is age so important in human mating? Evolved age preferences and their influences on multiple mating behaviors // Evolutionary Behavioral Sciences. Vol. 13(2). 2019. P. 127–157. https://doi.org/10.1037/ebs0000127

Demir A., Fisiloglu H. Loneliness and marital adjustment of Turkish couples // The Journal of Psychology: Interdisciplinary and Applied. 1999. Vol. 133(2). P. 230–240. https://doi.org/10.1080/00223989909599736

Dunbar R.I.M., Waynforth D. Conditional mate choice strategies in humans: evidence from 'Lonely Hearts' advertisements // Behaviour. 1995. Vol. 132 (9–10). P. 755–779.

Flicker S.M., Sancier-Barbosa F., Afroz F., Saif S.N., Mohsin F. Marital quality in arranged and couple-initiated marriages: The role of perceived influence over partner selection // International Journal of Psychology. 2019. DOI: 10.1002/ijop.12622

Gupta U., Singh P. An exploratory study of love and liking and type of marriages // Indian Journal of Applied Psychology. 1982. Vol. 19. P. 92–97.

Hoelter L.F., Axinn W.G., Ghimire D.J. Social change, premarital nonfamily experiences, and marital dynamics // Journal of Marriage and the Family. 2004. Vol. 66. P. 1131–1151.

Hortaçsu N. Family-versus couple-initiated marriages in Turkey: Similarities and differences over the family life cycle // Asian Journal of Social Psychology. 2007. Vol. 10 (2). P. 103–116. https://doi.org/10.1111/j.1467-839X.2007.00217.x.

Hortaçsu N. The first year of family- and couple-initiated marriages of a Turkish sample: A longitudinal investigation // International Journal of Psychology. 1999. Vol. 34. P. 29–41.

Kenrick D.T., Neuberg S.L., Zierk K.L., Krones J.M. Evolution and social cognition: contrast effects as a function of sex, dominance, and physical attractiveness // Personality and Social Psychology Bulletin. 1994. Vol. 20. P. 210–217.

Lev-Wiesel R., Al-Krenawi A. Attitude towards marriage and marital quality: A comparison among Israeli Arabs differentiated by religion // Family Relations. 1999. Vol. 48(1). P. 51–56. https://doi.org/10.2307/585682.

Maira S. Desis in the house: Indian American youth culture in NYC. Temple University Press, 2012.

Malinen K., Kinnunen U., Tolvanen A., Ronka A., Wierda-Boer H., Gerris J. Happy spouses, happy parents? Family relationships among Finnish and Dutch dual earners // Journal of Marriage and Family. 2010. Vol. 72. P. 293–306.

Mealey L. Sex Differences: Developmental and Evolutionary Strategies. San Diego: Academic Press. 2000.

Murry T.R., Pujar L. Gender Based Potential Mate Preferences Among Emerging Adults // IMPACT: International Journal of Research in Applied, Natural and Social Sciences. 2018. Vol. 6 (2). P. 27–32.

Myers J.E., Madathil J., Tingle L.R. Marriage satisfaction and wellness in India and the United States: A preliminary comparison of arranged marriages and marriages of choice // Journal of Counseling and Development. 2005. Vol. 83. P. 183–190.

O'Kelly C.G., Carney L.S. Women and men in society: Crosscultural perspectives on gender stratification. Wadsworth Publishing, 1986.

Pawlowski B., Koziel S. The impact of traits offered in personal advertisements on response rates // Evolution and Human Behavior. 2002. Vol. 23 (2). P. 139–149.

Pimentel E.F. Just how do I love Thee? Marital relations in urban China // Journal of Marriage and the Family. 2000. Vol. 62. P. 32–47.

Rajadesingan A., Mahalingam R., Jurgens D. Smart, Responsible, and Upper Caste Only: Measuring Caste Attitudes through Large-Scale Analysis of Matrimonial Profiles // Proceedings of the International AAAI Conference on Web and Social Media. 2019. Vol. 13 (01). P. 393–404.

Regan P.C., Lakhanpal S., Anguiano C. Relationship outcomes in Indian-American love-based and arranged marriages // Psychological Reports. 2012. Vol. 110. P. 915–924.

Roopnarine L. East Indian indentured emigration to the Caribbean: Beyond the push and pull model // Caribbean studies. 2003. P. 97–134.

Roopnarine L. Indo-caribbean social identity // Caribbean quarterly. 2006. Vol. 52 (1). P. 1–11.

Sabbe A., El Boujaddayni K., Temmerman M., Leye E. Marriage and Migration: Moroccan Women's Views on Partner Choice, Arranged and Forced Marriage in Belgium // Journal of International Migration and Integration. 2019. Vol. 20. P. 1097–1120. https://doi.org/10.1007/s12134-018-00646-9.

Schwartz S.A. The relationship between love and marital quality in arranged and romantic Jewish couples. Dissertation Abstracts International: Section B: The sciences and engineering. 2007. No. 68(4-b), 2716.

Shachar R. His and her marital satisfaction: The double standard // Sex Roles. 1991. Vol. 25. P. 451–467.

Symons D. The evolution of human sexuality. Oxford: Oxford University Press, 1979.

Thornton A., Axinn W.G., Xie Y. Marriage and cohabitation. Chicago, IL: University of Chicago Press. 2007.

Trivers R.L. Parental investment and sexual selection, p. 136–179. In B. Campbell [ed.], Sexual selection and the descent of man, 1871–1971. Aldine-Atherton, Chicago, 1972.

Williams G.C. Sex and Evolution. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1975.

Xu X., Whyte K.J. Love matches and arranged marriages: A Chinese replication // Journal of Marriage and the Family. 1990. Vol. 52. P. 709–722.

Yelsma P., Athappilly K. Marriage satisfaction and communication practices: Comparisons among Indian and American couples // Journal of Comparative Family Studies. 1988. Vol. 19. P. 37–54.

References

Adur, S.M., and A. Narayan. 2017. Stories of dalit diaspora: migration, life narratives, and caste in the us. *Biography* 40 (1): 244–264.

Allendorf, K., and D.J. Ghimire. 2013. Determinants of marital quality in an arranged marriage society. *Social Science Research* 42 (1): 59–70.

Brauner-Otto, S.R., W.G. Axinn, and D.J. Ghimire. 2020. Parents' Marital Quality and Children's Transition to Adulthood. *Demography* 57: 195–220. https://doi.org/10.1007/s13524-019-00851-w

Buss, D.M. 1989. Sex differences in human mate preferences: Evolutionary hypotheses tested in 37 cultures. *Behavioral and Brain Sciences* 12: 1–49.

Buss, D.M. 1999. *Evolutionary Psychology. The New Science Of The Mind.* Allyn and Bacon.

Buss, D.M., M. Abbott, A. Angleitner, A. Asherian, A. Biaggio, A. Blanco-Villasenor, ... and B. Ekehammar. 1990. International preferences in selecting mates: A study of 37 cultures. *Journal of cross-cultural psychology* 21 (1): 5–47.

Butovskaya, M.L., and O.V. Smirnov. 2003. Vybor postoiannogo polovogo partnera v srede sovremennogo moskovskogo studenchestva: evoliutsionnyi analiz [A Permanent Sexual Partner Choice among Modern Moscow Students: an Evolutionary Analysis]. *Etnograficheskoe obozrenie* 1: 141–163.

Butovskaya, M.L., D.A. Dronova, and E. Mikhandzho. 2008. Sovremennye tendentsii v vybore brachnykh partnerov u studentov-afrikantsev i otnoshenie k traditsionnym ustanovkam na prodolzhenie roda i mnogodetnost' [Current Trends in the Choice of Marriage Partners among African Students and Attitudes to Traditional Attitudes to Procreation and Multiple Children]. In *Mezhrasovye i mezhetnicheskie otnosheniia v sovremennoi Tanzanii: Trudy Rossiiskoi kompleksnoi ekspeditsii v Ob"edinennoi Respublike Tanzaniia (sezon 2005 g.)*, edited by A.V. Karataev and E.B. Demintseva, 168–195. Moscow: LENAND.

Cherlin, A.J., K.E. Kiernan, and P.L. Chase-Lansdale. 1995. Parental divorce in childhood and demographic outcomes in young adulthood. *Demography* 32: 299–318.

Conroy-Beam, D., and D.M. Buss. 2019. Why is age so important in human mating? Evolved age preferences and their influences on multiple mating behaviors. *Evolutionary Behavioral Sciences* 13 (2): 127–157. https://doi.org/10.1037/ebs0000127

Demir, A., and H. Fisiloglu. 1999. Loneliness and marital adjustment of Turkish couples. *The Journal of Psychology: Interdisciplinary and Applied* 133 (2): 230–240. https://doi.org/10.1080/00223989909599736

Dronova, D.A. 2014. Indiitsy Dar-es-Salama [Indians of Dar es Salaam]. *Etnograficheskoe obozrenie* 5: 175–185.

Dronova, D.A. 2018. Soprikosnovenie dvukh kul'tur: predstaviteli indiiskoi diaspory i tanzaniitsy afrikanskogo proiskhozhdeniia (g. Dar-es-Salam, Tanzaniia) [Contact between Two Cultures: Representatives of the Indian Diaspora and Tanzanians of African Descent (Dar es Salaam, Tanzania)]. In *Obshchestvo i gosudarstvo v zerkale sotsiologicheskikh izmerenii (VIII Riazanskie sotsiologicheskie chteniia). Materialy Natsional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem*, edited by R.E. Markin and A.V. Pronoza, 312–318. Moscow: OOO "Izdatel'stvo Ippolitova".

Dronova, D.A., and M.L. Butovskaya. 2011. Vybor brachnogo partnera v sovremennom indiiskom obshchestve i polovoi otbor [A Marriage Partner Choice in Modern Indian Society and Sexual Selection]. *Vostok (Oriens). Afro-aziatskie obshchestva: istoriia i sovremennost'* 6: 46–66.

Dunbar, R.I.M., and D. Waynforth. 1995. Conditional mate choice strategies in humans: evidence from 'Lonely Hearts' advertisements. *Behaviour* 132 (9–10): 755–779.

Flicker, S.M., F. Sancier-Barbosa, F. Afroz, S.N. Saif, and F. Mohsin. 2019. Marital quality in arranged and couple-initiated marriages: The role of perceived influence over partner selection. *International Journal of Psychology*. DOI: 10.1002/ijop.12622

Gupta, U., and P. Singh. 1982. An exploratory study of love and liking and type of marriages. *Indian Journal of Applied Psychology* 19: 92–97.

Hoelter, L.F., W.G. Axinn, and D.J. Ghimire. 2004. Social change, premarital nonfamily experiences, and marital dynamics. *Journal of Marriage and the Family* 66: 1131–1151.

Hortaçsu, N. 1999. The first year of family- and couple-initiated marriages of a Turkish sample: A longitudinal investigation. *International Journal of Psychology* 34: 29–41.

Hortaçsu, N. 2007. Family-versus couple-initiated marriages in Turkey: Similarities and differences over the family life cycle. *Asian Journal of Social Psychology* 10 (2): 103–116. https://doi.org/10.1111/j.1467-839X.2007.00217.x

Kenrick, D.T., S.L. Neuberg, K.L. Zierk, and J.M. Krones. 1994. Evolution and social cognition: contrast effects as a function of sex, dominance, and physical attractiveness. *Personality and Social Psychology Bulletin* 20: 210–217.

Lev-Wiesel, R., and A. Al-Krenawi. 1999. Attitude towards marriage and marital quality: A comparison among Israeli Arabs differentiated by religion. *Family Relations* 48 (1): 51–56. https://doi.org/10.2307/585682

Maira, S. 2012. *Desis in the house: Indian American youth culture in NYC*. Temple University Press,

Malinen, K., U. Kinnunen, A. Tolvanen, A. Ronka, H. Wierda-Boer, and J. Gerris. 2010. Happy spouses, happy parents? Family relationships among Finnish and Dutch dual earners. *Journal of Marriage and Family* 72: 293–306.

Mealey, L. 2000. *Sex Differences: Developmental and Evolutionary Strategies*. San Diego: Academic Press.

Murry, T.R., and L. Pujar. 2018. Gender Based Potential Mate Preferences Among Emerging Adults. *IMPACT: International Journal of Research in Applied, Natural and Social Sciences* 6 (2): 27–32.

Myers, J.E., J. Madathil, and L.R. Tingle. 2005. Marriage satisfaction and wellness in India and the United States: A preliminary comparison of arranged marriages and marriages of choice. *Journal of Counseling and Development* 83: 183–190.

O'Kelly, C.G., and L.S. Carney. 1986. *Women and men in society: Crosscultural perspectives on gender stratification*. Wadsworth Publishing Company.

Pawlowski, B., and S. Koziel. 2002. The impact of traits offered in personal advertisements on response rates. *Evolution and Human Behavior* 23 (2): 139–149.

Pimentel, E.F. 2000. Just how do I love Thee?: Marital relations in urban China. *Journal of Marriage and the Family* 62: 32–47.

Rajadesingan, A., R. Mahalingam, and D. Jurgens. 2019. Smart, Responsible, and Upper Caste Only: Measuring Caste Attitudes through Large-Scale Analysis of Matrimonial Profiles. *Proceedings of the International AAAI Conference on Web and Social Media* 13 (01): 393–404.

Regan, P.C., S. Lakhanpal, and C. Anguiano. 2012. Relationship outcomes in Indian-American love-based and arranged marriages. *Psychological Reports* 110: 915–924.

Roopnarine, L. 2003. East Indian indentured emigration to the Caribbean: Beyond the push and pull model. *Caribbean studies* 31 (2): 97–134.

Roopnarine, L. 2006. Indo-caribbean social identity. *Caribbean quarterly* 52 (1): 1–11.

Sabbe, A., K. El Boujaddayni, M. Temmerman, and E. Leye. 2019. Marriage and Migration:

Moroccan Women's Views on Partner Choice, Arranged and Forced Marriage in Belgium. *Journal of International Migration and Integration* 20: 1097–1120. https://doi.org/10.1007/s12134-018-00646-9

Schwartz, S.A. 2007. *The relationship between love and marital quality in arranged and romantic Jewish couples*. Dissertation Abstracts International: Section B: The sciences and engineering. 68 (4-b), 2716.

Sedlovskaia, A.N. 1999. Zhenshchina v traditsionnom santal'skom obshchestve (Indiia) [Women in Traditional Santhali Society (India)]. In *Muzhchina i zhenshchina v sovremennom mire: meniaiushchiesia roli i obrazy*, edited by I.M. Semashko and A.N. Sedlovskaia, 320–328. Moscow.

Severtseva, T.F. 1999. Zhiznennyi put' zhenshchina na Vostoke [Life Path of a Woman in the East]. In *Muzhchina i zhenshchina v sovremennom mire: meniaiushchiesia roli i obrazy*, edited by I.M. Semashko and A.N. Sedlovskaia, 313–319. Moscow.

Shachar, R. 1991. His and her marital satisfaction: The double standard. *Sex Roles* 25: 451–467.

Symons, D. 1979. *The evolution of human sexuality*. Oxford: Oxford University Press.

Thornton, A., W.G. Axinn, and Y. Xie. 2007. *Marriage and cohabitation*. Chicago: University of Chicago Press.

Trivers, R.L. 1972. Parental investment and sexual selection. In *Sexual selection and the descent of man, 1871–1971,* edited by B. Campbell, 136–179. Aldine, Chicago.

Williams, G.C. 1975. *Sex and Evolution. Princeton*. NJ: Princeton University Press.

Xu, X., and K.J. Whyte. 1990. Love matches and arranged marriages: A Chinese replication. *Journal of Marriage and the Family* 52: 709–722.

Yelsma, P., and K. Athappilly. 1988. Marriage satisfaction and communication practices: Comparisons among Indian and American couples. *Journal of Comparative Family Studies* 19: 37–54.

Dronova, Daria A., Butovskaya, Marina L.

Mating preferences of men and women among the Indian diaspora in Tanzania

The article presents the results of a study conducted among the Indian diaspora in Tanzania. The data obtained confirm the existence of universal gender differences in the mating preferences and are consistent with the predictions of the theory of sexual strategies. Indian men tend to pay more attention to a woman's reproductive abilities, thus evaluating physical indicators of fertility, health and age, as well as the potential to be a caring mother. Women appreciate those male qualities that reflect his ability to provide for a family (and therefore joint children), such as intelligence, good education, social status, diligence, financial security, etc. At the same time, cultural components typical for Indian society influence the mating preferences. Caste and the role of parents' opinion regarding the future marriage partner remain important criteria. Instead of a one-way movement towards Western marriage practices, as suggested by family change theories and as can be seen in other Asian contexts (such as China), trends in Indian society point to a combination of traditional Western and Indian practices.

Keywords*: mating preferences, Indian diaspora, arranged marriage, India, Tanzania*

УДК 391/395
DOI

© С.Ш. Казиев, М.В. Могунова, С.В. Могунов

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ БРАКИ В СРЕДЕ ГОРОДСКИХ РУССКИХ И КАЗАХОВ СЕВЕРНОГО КАЗАХСТАНА

Статья посвящена анализу основных тенденций развития брачных отношений между городскими казахами и русскими Северо-Казахстанской области в 1996–2016 гг. Авторы ставят цель не только показать происходящие количественные изменения в семейно-брачной сфере, они анализируют основные факторы, влияющие на общее развитие межэтнических браков. Показатели межэтнической брачности являются релевантными маркерами развития межэтнических отношений в целом и позволяют проанализировать существующие этнокультурные дистанции. В этой связи основное внимание уделено бракам между представителями казахского и русского населения региона. Источниковой базой исследования стали материалы городского ЗАГСа и данные этносоциологических опросов. На основе опубликованных научных исследования был проведен сравнительный анализ с развитием семейно-брачных отношения в других регионах Казахстана.

Изучение межэтнических браков в указанный период выявило очевидное смещение психологических установок в позитивную сторону, как у местных казахов, так и у русских. В значительной степени это связано с ускоренной урбанизацией казахского населения и широкого распространения системы европейских социальных установок, включающей индивидуализацию сознания и превалирование эгалитарной семьи. На основе эмпирического материала прогнозируется дальнейшее увеличение количества браков казахов и русских в регионе. Несмотря на то, что основную долю браков в настоящее время составляют моноэтнические браки, этносоциологический опрос в апреле 2020 г. показал лояльное отношение большинства казахской и русской молодежи к вероятности создания семьи с представителями другого этноса. Исследование также выявило, что в Северном Казахстане два ведущих этноса

Казиев Саттар Шерниязович – д.и.н., доцент, Северо-Казахстанский государственный университет имени М. Козыбаева (Республика Казахстан, 150000 Петропавловск, ул. Жумабаева, 114). Эл. почта: Sattarkaz@mail.ru. **Kaziev Sattar S.** – Dr. of Hist., North Kazakhstan State University named after M. Kozybaev (Petropavlovsk, Kazakhstan). E-mail: Sattarkaz@mail.ru

Могунова Марина Викторовна – старший преподаватель, Северо-Казахстанский государственный университет имени М. Козыбаева (Республика Казахстан, 150 000 Петропавловск, ул. Жумабаева, 114). Эл. почта: M_mogunova@mail.ru. **Mogunova Marina V.** – North Kazakhstan State University named after M. Kozybaev (Petropavlovsk, Kazakhstan). E-mail: M_mogunova@mail.ru

Могунов Сергей Викторович – старший преподаватель, филиал Академии государственного управления при Президенте Республики Казахстан по Северо-Казахстанской области (Республика Казахстан, 150000 Петропавловск, ул. Конституции Казахстана, 38). Эл. почта: Serzh1307@mail.ru. **Mogunov Sergey V.** – Branch of the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan in the North Kazakhstan Region (Petropavlovsk, Kazakhstan). E-mail: M_mogunova@mail.ru

избежали варианта «общинизации» и оказались «открытыми» в межэтнических отношениях, что в дальнейшем может нивелировать этнокультурные различия и блокировать межгрупповые конфликты. Данная тенденция выявлена пока на местном уровне и контрастирует с развитием семейно-брачных отношений в южном регионе, где заметна жесткость межэтнических «перегородок» и сила традиционных установок.

Ключевые слова*: межэтнические браки, казахи, русские, межэтнические отношения*

Введение

Казахстанское общество отличается исторически сложившимся значительным этническим и религиозным разнообразием. Еще в советский период возникли основные этнические макро-среды, в условных границах которых формировались специфические черты культуры и межгрупповых отношений. В южных районах сильно влияние среднеазиатской культурной традиции с ее установками на групповую солидарность и отрицательным отношением к бракам с представителями других этносов. Практически все этнические группы южных областей за исключением русских и русскоязычных этнических общностей поддерживают групповую сплоченность и солидарность действий, что является основным источником межэтнического недоверия и острых конфликтов. Жители северо-восточного региона на протяжении долгого времени находились в поле притяжения русско-европейской культурной традиции, что обусловило доминирование этнонациональной и гражданской форм солидарности. В совокупности это влияло на уровни интеграции казахстанского социума, маркерами которых является степень распространенности межэтнических браков между представителями двух крупнейших этносов Казахстана – казахов и русских.

Цель настоящего исследования – выявить тенденции развития казахско-русской брачности на протяжении длительного периода с середины 1990-х гг. и до наших дней и показать их взаимосвязь с изменениями в брачно-семейных отношениях на примере городских жителей Петропавловска. Выбор Петропавловска не случаен – здесь исторически сложилась русско-казахско-смешанная этническая среда. Изменения этнодемографического состава населения и особенности протекания этносоциальных процессов последних 30 лет коснулись и межэтнических браков, в первую очередь отношения к таким бракам со стороны казахского населения.

Несколько слов об источниковой основе настоящего исследования. Изучение современных тенденций межэтнической брачности казахстанцев стало возможным благодаря работе с материалами архива Органов записи актов гражданского состояния (далее ЗАГС) г. Петропавловск Северо-Казахстанской области Республики Казахстан. Основным источником выступили актовые книги, которые составлены на основании государственной регистрации актовой записи о заключении брака. За основу настоящего исследования были взяты материалы актовых книг за 1996 г., 2006 г. и 2016 г. Информация актовых записей о заключении брака представляет научный интерес, поскольку согласно утвержденной форме, она включает сведения о возрасте, национальности, месте работы, образовании, семейном положении человека, вступающего в брак, данные об общих детях и т. п. Со временем в актовую запись специалистом ЗАГС вносится информация о расторжении брака. Основополагающими для

настоящего исследования были характеристики, раскрывающие особенности брачного выбора казахов и русских в 1996–2016 гг. – возраст, место работы, образование.

Ценным источником стали материалы этносоциологических исследований, хотя к сожалению, такого рода исследований в предыдущие годы выполнялось довольно мало. Комплексный этносоциологический анализ установок на межэтническую брачность был проведен зимой 1994 г. в четырех регионах Казахстана сотрудниками Института этнологии и антропологи РАН им. Н.Н. Миклухо-Маклая в рамках программы «Язык, национальность и бывший Советский Союз». Социологический материал был получен авторами от М.Н. Губогло – со-руководителя данной программы. В статье также использовались данные социологических исследований казахстанских ученых разных лет и авторского обследования отношения студенческой молодежи к межэтническим бракам, проведенного в апреле 2020 г. в Петропавловске среди студентов Северо-Казахстанского государственного университета им. М. Козыбаева (далее СКГУ им. М. Козыбаева). В ходе опроса авторы сделали «срез» общественного мнения относительно межэтнических браков в молодежной среде. Всего было опрошено 216 студентов различных специальностей, в основном это были представители казахской и русской молодежи (ПМА 1).

Обзор научной литературы

Изучение межэтнической брачности в казахстанском обществе до распада СССР в значительной степени было связано с научным осмыслением интеграции советских народов в контексте их сближения и расцвета национальных культур. По мнению Д. Горенбурга, распространение межэтнических браков рассматривалось как ключевой фактор продвижений ценностей современного общества (*Gorenburg* 2006: 149). В статье американского исследователя Э. Эдгара и С. Уалиевой констатируется, что «в отличие от США и Европы, где довольно долго господствовало культурное неприятие смешанных браков, в СССР их поддерживали как в теории, так и на практике, поскольку смешанные браки способствовали окончательному слиянию наций в единый «советский народ». Межэтнические браки рассматривались как инструмент модернизации – особенно в таких «отсталых» регионах, как Средняя Азия» (*Уалиева, Эдгар* 2011: 236).

Огромный вклад в изучение особенностей межэтнических браков в бывшем СССР внесли этносоциологи Ю.В. Арутюнян, Л.М. Дробижева (*Арутюнян и др.* 1999), А.А. Сусоколов (*Сусоколов* 1987). Их труды оказали влияние и на подходы к исследованию межэтнических браков в Казахстане. В 1970-х гг. межэтнические браки городского и сельского населения Северного Казахстана исследовал Ю.А. Евстигнеев. Работа с широким кругом источников, особенно с регистрационными бланками ЗАГС, паспортных отделов позволила ученому выявить особенности межэтнической брачности на протяжении 1940–1969 гг. По его наблюдениям, этнически-смешанная брачность неодинакова среди этнических групп горожан. Ю.А. Евстигнеев отмечал высокий процент смешанных браков среди более малочисленных этносов, проживающих в городах севера Казахстана, поляков, белорусов, украинцев. Также он выяснил, что в смешанных браках преобладают мужчины у казахов, ингушей, корейцев, а женщины – у татар, немцев и русских (*Евстигнеев* 1973: 13). Ученый особо отметил распространение смешанных браков среди казахских женщин, связав

это с «ослаблением зависимости от отсталых патриархальных традиций и обычаев не только у казахов, но и у соседних с ними народов» (*Евстигнеев* 1973: 15).

В постсоветский период семейно-брачные отношения городских казахов в 1950–1980-х гг. изучала А.Т. Абдулина. К числу основных тенденций данного периода исследователь отнесла браки казахов с представителями других культур. Рост межэтнической брачности части казахов она объясняла их установками на естественную ассимиляцию. «Всемерное распространение атеизма, ограничение ислама, <…> повышение культурно-образовательного уровня, интернационализация быта, ограниченность круга потенциальных брачных партнеров своей национальности, их «разбросанное» расселение в городе при общей невысокой численности, – все эти факторы привели к слому традиции строгой этнической эндогамии городских казахов и повышению межнациональной брачности» (*Абдулина* 2019). В качестве доминирующих брачных партнеров казахов исследователь называла татар и русских, отмечая существование этнокультурной близости между данными этническими группами. Характеризуя русско-казахские семьи, автор указала на их эгалитарность и демократизацию, отметив «некоторое нивелирование этничности супругов» (*Абдулина* 2019).

Работы А.Б. Калыша (А.Б. Калышева) освещают ситуацию межэтнической брачности в Казахстане в советский период и на современном этапе. Один из трудов ученого – монография «Семья и брак в современном Казахстане». Ценность ей придает использование автором широкого круга источников – полевых и статистических данных, архивных материалов ЗАГС и др. Интерес представляет ряд наблюдений А.Б. Калыша относительно этнически-смешанной брачности в Казахстане. Ученый отметил, что отношение современного поколения казахстанцев к национально-смешанным бракам во многом определяется этнической средой проживания. По мнению исследователя, заметно «по мере усложнения этнического состава населения более терпимое отношение к смешанным семьям» (*Калыш* 2013: 328). По его данным «большинство смешанных семей создаются с участием русского, казахского и украинского этносов» (*Калыш* 2013: 360). Говоря о брачных предпочтениях казахстанцев, исследователь констатировал, что «казахи при вступлении в национально-смешанные браки отдают предпочтение русским и татарам, а татары – казахам и русским» (*Калыш* 2013: 356). Еще одна закономерность, характерная для межэтнической брачности, касается малочисленных этносов Казахстана. Ученый пишет, что именно их представители чаще вступают в этнически-смешанные браки в силу своего численного меньшинства или дисперсного расселения (*Калыш* 2013: 361).

Материалы по межэтнической брачности в современном казахстанском обществе представлены трудами С.К. Уалиевой, В.А. Козлова и др. Затрагивая на страницах своих работ разные аспекты межэтнической брачности, С.К. Уалиева отмечает и во многом подтверждает те тенденции смешанной брачности, которые ранее уже были отмечены авторами. Так, она фиксирует рост межэтнической брачности среди казахского населения, большую активность казахских мужчин при заключении этнически-смешанных браков, выявляет, что показатели межэтнической брачности среди русских практически не изменились. В то же время казахстанский исследователь замечает ряд интересных особенностей современного периода. Так, при высоких показателях межэтнической брачности среди казахских мужчин, показатели разводов в аналогичных браках выше у казашек. Русские Казахстана, в отличие от казахов, стали меньше разводиться, находясь в браке с представителем другой этнической группы (*Уалиева* 2008)

В работе В.А. Козлова акцентируется внимание на предпочтениях в выборе партнера при вступлении в межэтнический брак и используется в качестве исследовательского инструмента метод межэтнического расстояния. В.А. Козлов проводит сравнительный анализ предпочтений в выборе партнера по браку в Казахстане и Эстонии. В ходе исследования автор приходит к интересному выводу, что при относительно схожем этническом составе населения постсоветских республик, межэтническая брачность в указанных странах характеризуется противоположными тенденциями. Так, ученый констатирует больше этнически-смешанных браков в Казахстане, чем в Эстонии. Среди причин, объясняющих формирование смешанных браков в Казахстане, автор указывает на брачные предпочтения внутри самих европейских и азиатских этносов, а также на наличие дополнительного «брачного рынка» в стране (*Козлов* 2017: 86). Текущая ситуация с брачностью, по мнению автора, характеризуется «достаточно большим этническим расстоянием» между казахами и русскими в сравнении с аналогичным показателем между эстонцами и русскими. В целом исследователь высказывает предположение, что в современном Казахстане «в будущем ... ожидаем отдаления национальностей по предпочтениям друг от друга в связи со снижением численности некоренных этносов» (*Козлов* 2017: 86).

На наш взгляд, изучение межэтнических браков показывают их роль как важных индикаторов проблем интеграции общества на современном этапе, что недостаточно изучено в научной литературе.

Установки и реалии межэтнической брачности в Казахстане

Определенно современные семейно-брачные отношения, как и обобщенное доверие, стали результатом советской политики создания нового общества, базовыми компонентами которого являлись вполне европейские установки на эгалитарную семью. Советская власть планомерно искореняла гендерное неравенство, традиции многоженства, уплату калыма и доминирование родовых отношений в Центральной Азии. Периодические кампании против пережитков прошлого в семейно-брачных отношениях достигли успеха в урбанизированной смешанной этнической среде с большой долей европейских групп населения, в случае Казахстана – русских, немцев и украинцев. Наибольшая концентрация их имела место в северо-восточном Казахстане и Алма-Ате. Здесь среди казахов получила распространение нуклеарная семья с ее индивидуализмом и относительной независимостью от мнения старшего поколения в выборе социальных стратегий и сопутствующих практик, что было связано с разрушением родовых связей. Фактически исчез обычай «салем салу», являющийся маркером неравноправия молодых женщин в расширенных неразделенных семьях. Традиция знания семи предков «жеті ата» также потеряла регулирующую функцию при заключении браков[1].

В то же время в южных и западных областях Казахстана, прежде всего в сельской местности, доминировала расширенная многодетная семья и сохранилось значение культа предков и солидарная сплоченность внутри аулета (әулет)–потомков перво-

[1] В этнологической литературе, посвященной казахскому обществу, социальная роль аулета (әулет) практически не раскрывается, в то время как они играют более весомую роль, чем родовые или жузовые начала, последние авторами настоящей статьи отнесены к категории «изобретенных» традиций. В отличие от северо-восточного региона казахи южных областей сохраняют консолидацию близких родственников.

предка[1]. Весьма интересные данные о социальных отношениях внутри современных туркестанских ходжей и проникновении в их среду казахских установок на выбор брачных партнеров опубликовал А. Маликов. По его данным, проживающие рядом с казахами т.н. казахские ходжи заимствовали обычай «жеті ата» и не допускают близкородственные браки, давая согласие на браки с представителями племени коныpат, в то время как у «узбекских ходжей превалируют близкородственные браки в отличие от казахоязычных. Хотя в этом вопросе у казахских ходжей есть некоторая доля сомнения ввиду того, что сам пророк выдал свою дочь за двоюродного брата – Али. Однако влияние чисто казахских традиций, не иметь родственников в семи коленах, оказывает влияние на казахоязычных ходжей... Некоторые ходжи женаты на не-ходжах и конечно их вторые половины осуждают близкородственные браки. Считают, что это вредно для генетики будущих поколений» (*Маликов* 2014: 41). Несмотря на это казахские ходжа или кожа сохраняют некоторую обособленность. В северных областях эндогамия чингизидов-торе и кожа была разрушена основательно с распространением русской культуры, и они беспрепятственно заключают браки с представителями других казахских родовых групп.

Несомненно, специфические черты этнокультурного развития отдельных групп казахского населения и формирования этнонациональной идентичности влияют на отношение к межэтническим бракам с представителями других народов. В северных областях уже в 1970-е гг. при заключении браков родовая принадлежность перестала играть какую-либо роль, тогда как ранее в Северо-Казахстанской и Кокчетавской областях браки заключались преимущественно между представителями родов атыгай, караул и социальной группы торе в одних случаях, керей и уак в других. Угроза ассимиляции в русскоязычной среде северных областей сместила конструирование этнических границ с родовых начал на этнонациональный уровень. Стремление казахов сохранить свою этническую идентичность способствовала прочности межэтнических «перегородок» в семейно-брачных отношениях, при этом собственно межэтнические отношения между казахами и русскими характеризовались высоким уровнем солидарности и доверия, чему способствовала совместная учеба и работа, служба в армии и т.д.

Релевантную картину дифференциации в отношении к межэтническим бракам русских и казахов дают материалы этносоциологического опроса 1994 г. в четырех крупных городах Казахстана (Алматы, Шымкент, Атырау и Петропавловск). На вопрос «Как бы Вы отнеслись к браку с человеком другой национальности Вашего сына?» в целом по Казахстану считали это нежелательным 36,7% (389 чел.) опрошенных городских казахов, у русских – 22,5% (251 чел.); предпочитали выбор невестки своей национальности, но не собирались возражать против выбора сына 29,7% (310 чел.) казахских респондентов и 32% (358 чел.) русских; в той или иной степени поддерживали позицию, что «национальность в браке значения не имеет» 29,5 % (305 чел.) опрошенных казахов и 39,3 (436 чел.) опрошенных русских. Негативное отношение к межэтническим бракам усиливалось в случае вероятного брака дочери с представителем другой национальности. Категорически против таких браков выступали 41,8% казахов и 25,8% русских; предпочли бы моноэтнический

[1] В этнологической литературе, посвященной казахскому обществу, социальная роль аулета (әулет) практически не раскрывается, в то время как они играют более весомую роль, чем родовые или жузовые начала, последние авторами настоящей статьи отнесены к категории «изобретенных» традиций. В отличие от северо-восточного региона казахи южных областей сохраняют консолидацию близких родственников.

брак 28,3% казахов и 31,8% русских. Значительно меньшая доля казахов (22,3%) и русских (36,1%) поддерживало возможность своего согласия на межэтнические браки. Большую роль в блокировании межэтнических браков играли установки старшего поколения, предпочитавшего моноэтнические браки у своих детей, апеллируя к необходимости поддержания национальных традиций. Зимой 1994 г. 61,6% опрошенных казахов отметили необходимость получения родительского согласия на брак, еще 20,2% выбрали «да, но не обязательно», лишь 10,6% посчитали его необязательным и 7,6% респондентов затруднились с ответом. Спустя четверть века каждый второй казахский студент, обучающийся в университете г. Петропавловск в 2020 г., проблемы межнациональных браков связывает с непониманием самого общества, родных (45,1%). Другая часть современной казахской молодежи не видит никаких проблем в смешанной брачности (41,2%). Среди русских студентов значительно число тех, кто не видит никаких сложностей с подобными браками (48,2%). Каждый третий русский студент также отметил непонимание и упреки со стороны общества и родственников в качестве основных проблем межнациональной брачности (29,4%). 22,4% русских студентов акцентировали внимание на различии национальных, религиозных и прочих традиций, которые могут обернуться проблемами в межнациональном браке (ПМА 1).

В начале 2000-х гг. казахстанские ученые фиксировали снижение негативного отношения к межэтническим бракам среди казахов и русских. По данным З. Шаукеновой на 2002 г., в южном регионе осуждали и готовы препятствовать межэтническим бракам 6,5% опрошенных казахов и 0,9% русских; в северном регионе – 5,6% казахов и 2,7% русских. Не одобряли межэтнические браки в южном регионе 27% казахов и 8,8% русских; в северном регионе – соответственно 28% казахов и 18% русских (*Шаукенова* 2002: 105). Смягчение установок на межэтническую брачность в значительной степени вызвано ускоренной урбанизацией казахского населения, способствовавшей ослаблению влияния в их среде родственных отношений и усилению контактов с городскими русскими.

Данные апрельского опроса студентов г. Петропавловск в 2020 г. показывают снижение доли негативного отношения к межэтническим бракам в молодежной среде. Мнение современных казахских студентов о межнациональных браках в целом положительное. Около 47,1% казахов одобряют такого рода браки; каждый второй казахский студент рассматривает межнациональный брак как обычный брачный союз, 60% русских студентов считают, что межнациональный брак есть, прежде всего, брак и только. Значительная часть русских студентов (37,6%) высказала положительное отношение к бракам между представителями разных национальностей. Аналогичной позиции к межэтническому браку придерживаются и представители других этносов. Готовность вступить в брак с представителем другой национальности выразили 83,5% русских и 72,5% казахских студентов. Любопытно, что позитивный настрой в отношении межэтнических браков совпадает с достаточно высоким уровнем межэтнического доверия в студенческой среде. Доверие к представителям другой национальности высказало 45,1% студентов-казахов и 51,8% русских. Относительность национальной принадлежности указали 54,9% казахских и 48,2% русских и 62,1% студентов – представителей других этносов (ПМА 1). Данный тренд в молодежной среде в будущем, вероятно, станет доминирующем по мере углубления урбанизации казахов и усиления их смешивания с представителями других этни-

ческих групп. В настоящее время городские казахи и русские испытывают влияние культурных дистанций на межэтнические браки. Интерес представляет сопоставление установок на межэтнические браки с реальной картиной. В этой связи уместно обратиться к анализу материалов ЗАГСа в г. Петропавловске.

Межэтнические браки в Петропавловске в 1996 г., 2006 г. и 2016 г.

Согласно материалам актовых книг архива ЗАГС количество официально оформленных браков в г. Петропавловске увеличивалось от десятилетия к десятилетию (1996–2016 г.) (табл. 1). Более высокие темпы брачности наблюдаются с 1996 г. по 2006 г. Актовые записи содержат упоминание о том, что брак порой заключался между людьми, не имеющими городской прописки.

Таблица 1

Браки, зарегистрированные в г. Петропавловск (количество браков)

Годы	Браки, зарегистрированные гор ЗАГС г. Петропавловск			
	Всего	Моноэтнические	Этнически-смешанные	Не указана этничность одного или обеих брачующихся
1996	1157	879	278	–
2006	1738	1269	358	111
2016	1908	1371	437	140

* Таблица составлена по материалам: Департамент 1996; Департамент 2006; Департамент 2016

Брачные союзы, зарегистрированные в г. Петропавловск, разноплановы. Подавляющее большинство браков являются моноэтничными. Архивные материалы свидетельствуют, что с каждым новым десятилетием моноэтничность при заключении городских браков снижается, хотя и незначительно. В середине 90-х гг. моноэтничные браки составили 75,5%, в середине нулевых гг. – 73%, в 2016 г. – 71,8% от общего числа всех городских браков (табл. 1). Имеют место и браки, в которых не указана этничность одного или обоих брачующихся. В таких случаях актовые записи содержат лишь сведения о гражданстве людей, вступающих в брак. В актовых записях 1996 г. упоминания о подобных брачных союзах не содержатся. С 2006 г. по 2016 г. количество браков, в которых у брачующегося (-хся) не указана этническая принадлежность, уже существенно (табл. 1).

Пристальный интерес вызывают браки, которые объединяют представителей разных этносов, или этнически-смешанные браки. На протяжении 1996–2016 гг. этнически-смешанным был каждый четвертый/пятый брак, заключенный в г. Петропавловске. Со временем количество полиэтничных браков растет, однако их удельный вес в общей структуре браков снижается (табл. 1). Феномен этнически-смешанного брака интересен, прежде всего, с точки зрения выбора брачного партнера. Настоящее исследование сфокусировано на браках между мужчинами казахами и русскими женщинами, зарегистрированными в разные годы.

Интерес к казахско-русским бракам во многом обусловлен статусом одной из этнических групп как государствообразующего (титульного) этноса. Кроме того, данные этнические группы задают тон в формировании городской этнической среды, которая накладывает отпечаток на все общественное взаимодействие. На протяжении 1996–2016 гг. соотношение казахов и русских в г. Петропавловск менялось (табл. 2). Тем не менее, в этнической структуре населения города длительное время продолжало доминировать русское население. Подобное обстоятельство позволяет говорить о складывании и существовании здесь русско-казахской этнической среды.

Таблица 2

Русско-казахская этническая среда г. Петропавловск Северо-Казахстанской области (чел.)

Годы	Всего	Казахи	Русские
2006 г.	190950	35323	133173
2016 г.	216306	59690	133936

* Таблица рассчитана по источнику: Динамика 2020

Соответственно в рамках столь специфической этносреды шансы на заключение брачных союзов среди представителей двух этносов, даже при наличии серьезных культурных различий, высоки. Согласно архивным материалам на протяжении десятилетий число браков между казахами и русскими росло, причем более заметно с 1996 г. по 2006 г. (табл. 3). Также по материалам ЗАГС, мужчины казахи чаще, чем женщины казашки, выбирали в качестве брачного партнера представителя русского этноса. Наконец, не брались в расчет браки между казахами и татарами, русскими и украинцами, русскими и немцами и пр., так как, в общем, картина межэтнической брачности в г. Петропавловск не меняется.

Таблица 3

Браки, зарегистрированные между казахами и русскими в г. Петропавловск (человек)

Годы	Казахско-русские	Русско-казахские	Итого
1996 г.	11	4	15
2006 г.	33	19	52
2016 г.	49	29	78

* Таблица составлена по материалам: Департамент 1996; Департамент 2006; Департамент 2016

Материалы настоящего исследования показывают, что брачные пары между казахами и русскими женщинами, создаются в разном возрасте. В 1996 г. самым «юным» молодоженом оказался 20-тилетний мужчина, самым возрастным – казах 61 г. Пик брачной активности у городских казахов приходился на период 20-24-х лет. Средний возраст, в котором мужчины в 1996 г. вступали в брак, составил 27,36 лет (табл. 4). Брачная активность русских женщин в казахско-русских браках наблюдается до 30-летнего возраста, особенно ярко выражена в 20-24 года, 25-29 лет и 18-19 лет. Последнее обстоятельство подкрепляют показатели среднего брачного возраста, который у русских женщин

в браках с казахами в 1996 г. достиг 26,18 лет (табл. 4). Вместе с тем, самой возрастной брачующейся стала женщина 57–и лет, что является скорее исключением, чем общей тенденцией, так как речь идет о браке между казахом 61 года и русской 57 лет.

Таблица 4

Средний возраст вступления в казахско-русский брак (в годах)

Средний возраст вступления в брак	1996 г.	2006 г.	2016 г.
Мужчины казахи	27,36	29,81	29,22
Женщины русские	26,18	25,39	27,24

* Таблица составлена по материалам: Департамент 1996; Департамент 2006; Департамент 2016

Спустя десятилетие (2006 г.) казахи чаще вступали в брак в 25-29 лет, 30-34 года и 20-24 года (по убыванию). После 40 лет наблюдается снижение брачной активности мужчин. Тем не менее, средний возраст мужчин, заключивших казахско-русский брак, по сравнению с 1996 г. незначительно повысился и составил 29,81 лет (табл. 4). В 2006 г. возрастной диапазон при заключении брака среди женщин варьировался от 18 до 51 года. Чаще всего русские женщины вступали в брак в 20-24 года. Средний возраст русских женщин, избранниц казахских мужчин в этом же году, несколько снизился по сравнению с 1996 г. (25,39 лет) (табл. 4).

В 2016 г. средний возраст вступления в брак мужчин казахов не изменился, остался в пределах 29 лет (табл. 4). В этом году казахи заключали браки до 59 лет включительно. Причем значительная часть браков с участием мужчин приходится на 20-24–летний период их жизни. Ситуация с женщинами несколько иная: по сравнению с 2006 г. средний брачный возраст русских женщин увеличился и достиг 27,24 лет (табл. 4). Претерпели изменения и «крайние полюса» вступления в брачные отношения среди женщин: низкий – 17 лет и высокий – 60 лет. В 2016 г. встречались, так называемые ранние браки, браки с участием женщин моложе 18 лет. В целом русские женщины чаще всего выходили замуж в 20-24-летнем возрасте.

Еще одна деталь, характеризующая казахско-русские браки, касается соотношения возрастов брачных партнеров. В большинстве казахско-русских браков, заключенных в 1996 г., наблюдается возрастная разница в пользу мужчин. В полиэтничных парах преобладает 8-летняя разница в возрасте. В браках, в которых русская женщина старше своего партнера, разница в возрасте ниже (до 5 лет) (табл. 5). Образование брачных пар одного возраста встречается редко.

Таблица 5

Разница в возрасте в казахско-русских браках (количество браков)

Разница в возрасте	1996 г.	2006 г.	2016 г.
Мужчина казах старше	7	24	32
Женщина русская старше	3	7	11
Возраст мужчины казаха и русской женщины в браке совпадает	1	2	6
Итого	11	33	49

* Таблица составлена по материалам: Департамент 1996; Департамент 2006; Департамент 2016

В казахско-русских браках 2006 г. возрастной перевес также сохраняется в пользу мужчин (табл. 5). В среднем казахский мужчина старше избранницы от 1 до 6 лет, тогда как максимальная разница в паре составила 22 года. В этом же году возникло значительно меньше семейных пар, в которых женщина была старше своего партнера. Возрастной интервал в пользу женщины колеблется от 1 до 5 лет. Интересной особенностью подобных браков является то, что средний возраст казахских мужчин выше аналогичного возраста русских женщин, 31,87 год и 25 лет соответственно.

В большинстве казахско-русских браков 2016 г. мужчина казах старше по возрасту своей второй половины (табл. 5). В среднем разница между брачными партнерами в 4,16 г. Тем не менее, в архивных материалах встречается упоминание о этнически-смешанной паре с разницей в 14 лет. В том же 2016 г. встречались браки, в которых возрастной перевес был в пользу русской женщины, в среднем на 3,1 года. Самая заметная разница в подобных парах составила 9 лет. Причем средний возраст казахов в смешанных браках выше среднестатистического (32 года), равно как и средний возраст самих женщин (35,1 года). В 2016 г. незначительно число браков с одинаковыми по возрасту брачными партнерами. В этом случае средний возраст брачующихся составил 25,67 лет.

Таким образом, структура казахско-русских браков по возрастному критерию разнообразна. Городские казахи и русские женщины вступали в брак в разном возрасте. Причем, в большинстве случаев для русских горожан заключаемый брак – первый. Ранние браки получили распространение среди русских горожанок. В то же время казахские мужчины вступали в семейно-брачные отношения в зрелом возрасте. Последнее обстоятельство подкрепляют показатели среднего брачного возраста мужчин и женщин. В современных этнически-смешанных парах мужчина традиционно старше женщины. В тоже время перестают быть редкостью брачные союзы, в которых русская женщина старше своего избранника.

Выше обозначенные тенденции в свою очередь сказываются на уровне образования брачующихся. В 1996 г. образовательный уровень мужчин казахов был неоднороден. Это обстоятельство подтверждают данные о распределении горожан-мужчин по образовательным ступеням. Так, у казахских мужчин из казахско-русских браков преобладало среднее специальное образование (табл. 6). Средним специальным образованием охвачены в основном молодые мужчины. Это лица возрастной группы 20-24 года и один мужчина 34 лет. Ситуация с образованием русских женщин аналогична (табл. 6). При этом русские женщины, имеющие среднее специальное образование, относятся к возрастной группе 25-29 лет.

В 2006 г. образовательный уровень казахских мужчин значительно повысился. Почти каждый второй мужчина, состоящий в казахско-русском браке, указал в соответствующей графе анкеты «высшее образование» (табл. 6). Это казахи-горожане 20-24, 25-29 и 30-34 лет. Количество казахов со средним специальным образованием практически не поменялось по сравнению с предыдущим десятилетием (табл. 6). Претерпел изменения возраст казахских мужчин, имеющих среднее специальное образование – это горожане 25-29, 20-24 и 30-34 лет (по убыванию). Русские женщины 20-24, 25-29 и 30-34 лет, состоящие в браках с казахами, чаще указывали наличие среднего специального образования (табл. 6). По сравнению с 1996 г. число русских горожанок со средним специальным образованием выросло, их возрастной диапазон стал намного шире.

Таблица 6

Образование партнеров в казахско-русских браках (в браках)

Образование	1996 г.		2006 г.		2016 г.	
	Мужчины казахи	Женщины русские	Мужчины казахи	Женщины русские	Мужчины казахи	Женщины русские
Высшее	1	1	18	9	20	14
Незаконченное высшее	2	2	1	1	2	3
Среднее специальное	5	5	6	13	19	21
Среднее общее	2	2	7	8	6	9
Неполное среднее	1	1	1	2	2	2
Начальное и ниже	–	–	–	–	–	–
Итого	11	11	33	33	49	49

* Таблица составлена по материалам: Департамент 1996; Департамент 2006; Департамент 2016.

В 2006 г. образовательный уровень казахских мужчин значительно повысился. Почти каждый второй мужчина, состоящий в казахско-русском браке, указал в соответствующей графе анкеты «высшее образование» (табл. 6). Это казахи-горожане 20-24, 25-29 и 30-34 лет. Количество казахов со средним специальным образованием практически не поменялось по сравнению с предыдущим десятилетием (табл. 6). Претерпел изменения возраст казахских мужчин, имеющих среднее специальное образование – это горожане 25-29, 20-24 и 30-34 лет (по убыванию). Русские женщины 20-24, 25-29 и 30-34 лет, состоящие в браках с казахами, чаще указывали наличие среднего специального образования (табл. 6). По сравнению с 1996 г. число русских горожанок со средним специальным образованием выросло, их возрастной диапазон стал намного шире.

В 2016 г. за плечами казахских мужчин, за некоторым исключением, был вуз либо колледж. Казахи мужчины 25-29 и 30-34 лет имели диплом о высшем образовании. Среднее специальное образование характерно для мужчин преимущественно 20-24 лет. При вступлении в брак с казахом, каждая вторая русская женщина указала среднее специальное образование. Как правило, русские горожанки были в возрасте 20-24 и 25-29-ти лет. Каждая четвертая женщина из полиэтнического брака отметила наличие высшего образования в основном в возрасте 20-24, 30-34 и 25-29 лет (табл. 6).

В то же время материалы исследования показывают, что ситуация с образованием партнеров по браку меняется (табл. 7). В каждом втором казахско-русском браке 1996 г. мужчина и женщина имели одинаковое образование, чаще всего среднее, в основном среднее общее и среднее специальное (табл. 7). Наряду с этим наблюдался и некий образовательный паритет. Браков, в которых казахские мужчины имели выше образование, было столько же, сколько и браков, в которых было выше образование русских женщин (табл. 7).

Таблица 7

Соотношение уровня образования мужчины казаха и русской женщины в браках

Соотношение уровня образования	1996 г.	2006 г.	2016 г.
Образование мужчины казаха выше	3	11	14
Образование женщины русской выше	3	4	11
Образование мужчины-казаха и русской женщины совпадает	5	18	24
Итого	11	33	49

* Таблица составлена по материалам: Департамент 1996; Департамент 2006; Департамент 2016

В 2006 г. сохранялась тенденция на одинаковость образования в казахско-русских браках. Практически в каждом втором этнически-смешанном браке образование мужчины и женщины совпадало. С дипломом о высшем образовании в основном были оба партнера (табл. 7). В каждом третьем смешанном браке образование мужчины казаха было выше образования русской женщины (высшего образования) (табл. 7). Интересной деталью является то, что в большинстве брачных случаев мужчина казах был старше своей спутницы жизни. В полиэтничных парах того же года, в которых русская женщина была старше партнера, чаще образование брачующихся совпадало в пользу среднего специального образования.

В 2016 г. в каждом втором казахско-русском браке партнеры имели одинаковое образование, преимущественно высшее. В каждом четвертом смешанном браке образовательный уровень мужчины был выше (табл. 7).

В целом на протяжении 1996-2016 гг. образование казахов и русских, оформивших браки в г. Петропавловск, было довольно разным. Среди молодоженов встречались лица, имевшие как неполное среднее, так и высшее образование, но преобладало распространение среднего специального и высшего образования. В казахско-русских парах на протяжении этих десятилетий сохранялась тенденция к общности образовательного уровня.

Этнически-смешанный брак также интересен с точки зрения социально-профессионального статуса брачных партнеров. Казахи и русские, вступившие в брак в 1996-2016 гг., принадлежали к разным профессиональным стратам. Длительное время казахи и русские были вовлечены в деятельность различных сфер городского хозяйства г. Петропавловск. По материалам архива ЗАГС в середине 90-х гг. среди казахских мужчин было немало людей рабочих профессий – монтер пути, животновод, слесарь на заводе. Русские женщины реализовывали себя в качестве медицинских работников, лаборантов, продавцов, заготовщиц, укладчиц и пр. В это же время появлялись частные предприниматели из числа мужчин и женщин. В 2006 г. круг мужских профессий несколько изменился. Трудовая занятость казахов предполагала более высокую, чем прежде, квалификацию. Казахские мужчины представлены специалистами, инженерами, военными, менеджерами, преподавателями. Значительное число русских женщин, на момент заключения брака с мужчинами казахами, временно не работали. В 2016 г. казахи мужчины имели отношение к государственной службе, к сфере образования (учителя, преподаватели) и здравоохране-

ния (врачи) и пр. Заметное число казахов при заключении казахско-русских браков указало профессию «рабочий». Русские женщины чаще характеризовали себя как работники сферы торговли и услуг. Также приложение женского труда было связано со сферой образования, здравоохранения и культуры (учителя, психологи, воспитатели, социальные работники, актеры). Обращает внимание заметное число безработных русских женщин.

В целом, изучение казахско-русских браков позволило определить основные динамические изменения в брачных установках данных этнических групп на протяжении последних 20 лет, среди которых наибольшего внимания заслуживают следующие:

1. В исследуемый период прослеживается тенденция устойчивого роста заключения казахско-русских браков. Увеличение данного показателя в более чем 4,5 раза свидетельствует об интенсивной динамике в сфере межэтнической брачности. По нашему мнению, данная тенденция объясняется с одной стороны, изменениями, которые произошли за 20 лет в этнической среде города (рост казахского населения), с другой стороны, с этнической дестереотипизацией брачных установок;
2. В течение двух десятилетий в казахско-русских союзах наблюдается рост, так называемой, отложенной брачности. Увеличение возраста брачующихся, на наш взгляд, не имеет прямого отношения к этничности, а скорее всего, является следствием активно идущего в казахстанском обществе процесса трансформации общественного сознания, одним из показателей которого, является увеличение возраста вступления в брак в целом по стране;
3. Несмотря на продолжающееся доминирование брачного стереотипа «муж должен быть старше жены», в казахско-русских браках, за исследуемый период фиксируется значительный рост (более чем в 3 раза) браков, в которых женщина старше. На наш взгляд, это связано, с тем, что русские женщины вступают в брак позже из-за проблем с получением высшего образования, профессиональным ростом и индивидуализацией выбора партнера;
4. В казахско-русских браках значительно растет образовательный уровень брачных партнёров. Данное обстоятельство во многом объясняется деэлитизацией высшего образования в стране и ростом отложенной брачности. Кроме того, прослеживается тенденция общности образовательного уровня;
5. Для казахско-русских браков характерна социально-профессиональная неодинаковость партнёров. Мужчины и женщины, заключившие казахско-русские браки, всё чаще принадлежат к разным социально-профессиональным группам.

Заключение

Анализ развития межэтнической брачности в Северном Казахстане на примере городских жителей г. Петропавловска позволяет сделать определенные выводы относительно наблюдаемых тенденций. Если взглянуть на различия в психологических установках и увеличение числа межэтнических браков в период между серединой 1990-х гг. и второй половиной 2010-х гг., очевидно постепенное разрушение «перегородок» и стирание различий между русскими и казахами в семейно-брачной сфере. Ускоренная урбанизация и связанная с ней «вестернизация» социального сознания способствуют нивелированию традиционалистских установок и сокра-

щают этнокультурные дистанции. Большое значение имеет положительный опыт советской национальной политики, направленной на социокультурное сближение советских народов. Для современной казахской молодежи г. Петропавловска знание традиций казахского народа представляет форму исторического сознания, а не социальный императив, определяющий их образ жизни и модель должного поведения. Соответственно, в перспективе следует ожидать постепенного увеличения казахско-русских браков.

Определенно можно сказать и о влиянии на рост межэтнических браков взаимно толерантного отношения представителей двух основных этносов региона – русских и казахов. Несмотря на отсутствие за годы независимости внятной национальной политики, в регионе не сформировались замкнутые этнические общины, за исключением кавказских и среднеазиатских диаспор. «Открытость» основных этносов региона – русских, казахов, украинцев, немцев и татар, способствует как интеграции населения, так и дальнейшему распространению межэтнических браков. Тем не менее, нельзя игнорировать того, что преобладание этнической эндогамии со стороны казахов и заключение русскими браков только с русскими партнерами или с представителями т.н. «европейских» этнических групп сохранится из-за определенной инерции этносоциального развития и усиления дифференцирующих факторов, таких как религиозные различия, языковые проблемы, организованная миграция казахов из южных областей и отток русского населения.

Источники и материалы

ПМА 1 – Полевые материалы авторов Казиева С.Ш., Могунова С.В., Могуновой М.В. Петропавловск. Апрель 2020 г.

Департамент 1996 – Департамент юстиции Северо-Казахстанской области Министерства юстиции Республики Казахстан. Архив ЗАГС. Актовая книга государственной регистрации актов гражданского состояния, составленная на основании актовой записи о заключении брака (супружества). Петропавловск. 1996 г.

Департамент 2006 – Департамент юстиции Северо-Казахстанской области Министерства юстиции Республики Казахстан. Архив ЗАГС. Актовая книга государственной регистрации актов гражданского состояния, составленная на основании актовой записи о заключении брака (супружества). Петропавловск. 2006 г.

Департамент 2016 – Департамент 2016 – Департамент юстиции Северо-Казахстанской области Министерства юстиции Республики Казахстан. Архив ЗАГС. Актовая книга государственной регистрации актов гражданского состояния, составленная на основании актовой записи о заключении брака (супружества). Петропавловск. 2016 г.

Научная литература

Абдулина А.Т. Особенности семьи и брака и этноязыковая ситуация в среде городских казахов в конце 1950-1980-х гг. //http://*edu.e-history.kz*/kz/publications/view/800 (дата обращения: 07.04.2020).

Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология. Москва: Аспект-Пресс, 1999.

Динамика основных социально-экономических показателей. Демографическая статистика. Динамика численности населения. //https://stat.gov.kz/region/264023/dynamic (дата обращения: 29.03.2020).

Евстигнеев Ю.А. Динамика межэтнических браков в среде населения Северного Казахстана (1940–1969 гг.). Автореф. Дисс. канд. ист. наук. М., 1973.

Калыш А.Б. Семья и брак в современном Казахстане: Монография. Алматы: Арыс, 2013.
Козлов В.А. Казахстан и Эстония: оценка предпочтений при вступлении в межнациональные браки // Населении и экономика. 2017. Т. 1. С. 71–88.
Маликов А.М. Ходжи Южного Казахстана: история и идентичность// https://www.researchgate.net/publication/325105859 (дата обращения: 14.03.2020).
Сусоколов А.А. Межнациональные браки в СССР. Москва: Мысль, 1987.
Уалиева С.К. Межэтнические браки в Казахстане и дети // http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0451/analit04.php (дата обращения: 07.04.2020).
Уалиева С.К., Эгдар Э. Межэтнические браки, смешанное происхождение и «дружба народов» в советском и постсоветском Казахстане // Неприкосновенный запас. 2011. № 6. С. 234–244.
Шаукенова З.К. Социальное взаимодействие этносов в современном казахстанском обществе. – Астана: Парламент РК, 2002.
Gorenburg D. Rethinking Interethic Marriage in the Soviet Union //Post- Soviet Affairs. 2006. Vol. 22. No. 2. Pp. 145–165.

References

Abdulina, A.T. 2019. *Osobennosti sem'i i braka i etnoyazykovaya situatsiya v srede gorodskikh kazakhov v kontse 1950-1980-kh* [Features of family and marriage and the ethnolinguistic situation among urban Kazakhs in the late 1950s and 1980s.]. *Edu.e-history.kz*. http://*edu.e-history.kz*/kz/publications/view/800.
Arutyunyan, Yu.V., L.M. Drobizheva, and A.A. Susokolov. 1999. *Etnosotsiologiya* [Ethnosociology]. Moscow: Aspekt-Press.
Gorenburg D. 2006. Rethinking Interethic Marriage in the Soviet Union. *Post- Soviet Affairs* 22 (2): 145–165.
Dinamika osnovnykh sotsial'no-ekonomicheskikh pokazatelei. Demograficheskaya statistika. Dinamika chislennosti naseleniya [The dynamics of the main socio-economic indicators. Demographic statistics. Population dynamics]. https://stat.gov.kz/region/264023/dynamic.
Evstigneev, Yu. A. 1973. *Dinamika mezhetnicheskikh brakov v srede naseleniya Severnogo Kazakhstana (1940-1969 gg.*) [Dynamics of interethnic marriages among the population of Northern Kazakhstan (1940–1969)]. PhD diss. Moscow State University.
Kalysh, A.B. 2013. *Sem'ya i brak v sovremennom Kazakhstane* [Family and marriage in modern Kazakhstan]. Almaty: Arys.
Kozlov, V.A. 2017. Kazakhstan i Estoniya: otsenka predpochtenii pri vstuplenii v mezhnatsional'nye braki [Kazakhstan and Estonia: Assessing Preferences for Interethnic Marriages]. *Naselenii i ekonomika* 1: 71–88.
Malikov, A.M. 2014. *Khodzhi Yuzhnogo Kazakhstana: istoriya i identichnost'* [Khoji of South Kazakhstan: History and Identity]. Researchgate.net. https://www.researchgate.net/publication/325105859.
Shaukenova, Z.K. 2002. *Sotsial'noe vzaimodeistvie etnosov v sovremennom kazakhstanskom obshchestve* [Social interaction of ethnic groups in modern Kazakhstani society] Astana: Parlament RK.
Susokolov, A.A. 1987. *Mezhnatsional'nye braki v SSSR* [Interethnic marriages in the USSR] Moscow: Mysl'.
Ualieva, S.K. 2011. Mezhetnicheskie braki v Kazakhstane i deti [Interethnic marriages in Kazakhstan and children] *Demoscope.ru*. http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0451/analit04.php.
Ualieva, S.K., and E. Egdar. 2011. Mezhetnicheskie braki, smeshannoe proiskhozhdenie i «druzhba narodov» v sovetskom i postsovetskom Kazakhstane [Interethnic marriages, mixed origin and "friendship of peoples" in Soviet and post-Soviet Kazakhstan] *Neprikosnovennyi zapas* 6: 234–244.

Kaziev Sattar S., Mogunova Marina V., Mogunov Sergey V.

Inter-ethnic marriages among Russians and Kazakhs in the cities of Northern Kazakhstan

The article discusses the main trends in the marriage relations between urban Kazakhs and Russians in the North Kazakhstan region in the period between 1996 and 2016. The authors aim not only to show the quantitative changes taking place in the field of family and marriage, but also to analyze the main factors that affect the overall development of inter-ethnic marriages. Inter-ethnic marriages are relevant predictors of the inter-ethnic relations in general and allow to assess the existing ethno-cultural distances. In this regard, the main attention was paid to marriages between Kazakhs and Russians of the region. The research was based on the materials of the City Civil Registry Office as well as on the ethno-sociological surveys. A comparative analysis of the development of family and marriage relations in other regions of Kazakhstan was made based on data from published literature.

The study of inter-ethnic marriages between 1996 and 2016 revealed an obvious positive shift in the attitudes both among local Kazakhs and Russians. This is largely due to the accelerated urbanization of the Kazakh population and the widespread system of European social attitudes, including individualization of conscience and the prevalence of the egalitarian family. Based on empirical data, further increase in the number of marriages of Kazakhs and Russians in the region is predicted. Despite the fact that the main share of marriages is currently mono-ethnic marriages, an ethno-sociological survey in April 2020 revealed a tolerant attitude of the majority of Kazakh and Russian youth to the idea of creating a family with representatives of another ethnic group. The study also demonstrated that in Northern Kazakhstan, the two leading ethnic groups avoided the scenario of "communization" and turned out to be "open" in inter-ethnic relations, and in future, this can level out ethno-cultural differences and block inter-group conflicts. This trend has been identified so far at the local level and contrasts with the trends of family and marriage relations in the southern region, which show the rigidity of inter-ethnic "partitions" and the strength of traditional attitudes.

Keywords: *inter-ethnic marriages, Kazakhs, Russians, inter-ethnic relations*

УДК 39+ 327.8(470:520)
DOI

© Н.С. Любимова

ОБРАЗ ЯПОНИИ В РОССИИ – СТАРЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В НОВОМ ОФОРМЛЕНИИ

Статья посвящена образу Японии в России. Автор сравнивает представления, сложившиеся в европейской части нашей страны в конце XIX – начале XX в. и в начале XXI в. Выбор периодов не случаен: сегодня, как и 100 лет назад, экономическое взаимодействие России и Японии достаточно слабое, межгосударственные связи не занимают ведущего положения в политической повестке, а пропагандистский потенциал СМИ используется только в моменты обострения ситуации/актуализации проблем в отношениях (русско-японская война; обсуждение мирного договора и принадлежности Южных Курил), но при этом существует мода на японское или псевдояпонское (декоративно-прикладное искусство; японизм в литературе и живописи; японская кухня; мультипликация и т.п.). В описании образа Японии начала XX в. автор использует работы отечественных и зарубежных исследователей, а также рассматривает ряд письменных источников публицистического и научного характера и образцы бульварной развлекательной литературы, ранее не анализировавшиеся в русскоязычной историографии по этой теме. Изучение современного образа Японии строится на результатах интернет-анкетирования, проведенного летом 2019 г., дополнительно привлечены данные неформализированного контент-анализа СМИ. Образ Японии как частный случай образа Другого отличает одна постоянная черта – экзотичность. Экзотичность проистекает из представлений как о «традиционности», так и о «футуристичности» Страны восходящего солнца. Любой из этих аспектов может быть оценен и негативно, и позитивно. Первая часть исследования показывает, как меняются оценки в зависимости от позиции автора источника и от исторического контекста. Опрос 2019 г. продемонстрировал преобладание положительных характеристик в образе Японии и одновременно малое влияние на этот образ СМИ.

Ключевые слова: *Япония, Россия, образ Японии, образ Другого, стереотипы*

Представления о Японии, складывавшиеся в России в разные исторические периоды, – уже ставшая привычной для отечественной историографии последних 30 лет тема. В разных аспектах ее рассматривали многие ученые. Особое внимание уделялось концу XIX – началу XX в.[2] и постсоветскому времени[3]. Данное исследование

Любимова Наталия Сергеевна – младший научный сотрудник научно-образовательного центра, Институт этнологии и антропологии РАН (119991 Москва, Ленинский просп., 32а). Эл. почта: lyubimova@iea.ras.ru. **Lyubimova, Natalya S.** – Institute of ethnology and anthropology RAS (Moscow, Russia). E-mail: lyubimova@iea.ras.ru

[1] См., напр.: *Молодяков* 1994, 1996; *Сенявская* 1999; *Жукова* 2002, 2005.

[2] См., напр.: *Молодяков* 2011; *Куланов* 2007, 2010; *Воробьева* 2008, 2005.

посвящено сравнению образа Японии, сформировавшегося в начале XX в., с сегодняшними представлениями об этой стране.

Выбор двух периодов (отстоящих друг от друга на 100 лет) в истории «японского мифа» в России и исключение советского времени обусловлены тем, что в СССР конструирование образа Другого определялось иными факторами. Меньшее значение играла культурная политика самой Японии и международные модные тенденции, а значительно большее – государственная пропаганда, которая также имела другой вектор. Так, если в годы русско-японской войны (1905–1907 гг.) акцент делался на расовые и культурные/цивилизационные различия, то в новой классовой идеологии (после 1917 г.) – на принципы пролетарского интернационализма и классовой ненависти (*Сенявская* 1999: 290). Представляется, что ни до ни после отечественная пропаганда не играла такой заметной и, возможно, структурообразующей роли в формировании «японского мифа», и не случайно восприятие Японии в советском обществе большей частью исследователей этой темы рассматривается как отдельный период[1].

Интенсивное развитие образа Японии в России относится к концу XIX – началу XX в. Редкие сообщения о восточном соседе, чаще всего европейских исследователей и путешественников (т.е. из третьих рук), после установления дипломатических отношений с Японией в 1855 г. (Симодский трактат) постепенно сменились модой на восточную экзотику (в искусстве, в т.ч. театральном и прикладном, в литературе и архитектуре) и новостными сообщениями. К 20-м годам XX в. «японский миф» в России обрел свои основные черты, которые можно обнаружить и сегодня.

Изучение образа Японии на рубеже XIX–XX вв. в первую очередь основывалось на анализе текстов и образцов изобразительного искусства (живопись, карикатура, лубок и т.п.). Подавляющее большинство письменных источников этого периода – художественная, философская, публицистическая литература и научные труды – были рассчитаны на довольно узкую аудиторию, на образованные городские слои. Говорить о массовости представлений о Японии можно только с началом русско-японской войны и, следовательно, с началом пропагандистской кампании, рассчитанной на подъем патриотического духа всех слоев населения. Стоит отметить, что уже во второй половине XIX в., как пишет В.Э. Молодяков, Япония начала осваивать технику «мягкого моделирования» собственного образа: на Лондонской выставке 1862 г. была представлена коллекция образцов изобразительного и прикладного искусства, которая и легла в основу «японского мифа» в Европе (*Молодяков* 1996: 24).

В наше время Япония – это бренд, а его формирование и популяризация – официальные направления деятельности японского правительства (*Молодяков* 2011: 242–243; *Куланов* 2007: 116–130). Японская продукция в России, в частности электроника, автомобили, косметика и одежда, может быть, никогда не была доступна широкому потребителю, но основные японские бренды были у всех «на слуху». И хотя в последнее время все большей популярностью пользуются товары из других азиатских стран, в первую очередь из Южной Кореи и Китая, тем не менее японская продукция сохраняет широкую известность и высокую репутацию. Рестораны японской кухни многочисленны и работают в самых разных ценовых сегментах: от фастфуда до премиум-класса. А японский кинематограф, в т.ч. анимация, так или иначе знакомы каждому.

Детальное изучение современного «японского мифа» потребовало бы привлечения гораздо большего числа различных материалов, однако, чтобы проверить, насколько

[1] См., напр.: *Ложкина* 2007; *Лившин, Ложкина* 2012.

отдельные его элементы – сегодняшние и сложившиеся более ста лет назад –коррелируют между собой, можно ограничиться сравнительно небольшим исследованием. Главным источником служат результаты интернет-опроса об отношении к Японии; было проанализировано 55 анкет. Респонденты – студенты и выпускники исторического факультета МГУ (40 чел.), а также выпускники других факультетов и других учебных заведений г. Москвы (МГУ, НИУ ВШЭ, РУДН) разных специальностей («филология» – 4, «физика» – 3, «математика» – 2, «реклама и медиа» – 4, «почвоведение» –1, «лечебное дело» – 1), т.е. это молодые люди от 18 до 30 лет, получающие высшее образование или уже завершившие учебу в вузе; большинство из них – гуманитарии (48). Кроме того, результаты анкетирования дополнены неформализированным контент-анализом нескольких крупнейших отечественных интернет-СМИ.

«Японский миф» на рубеже XIX–XX вв.

В литературе принято выделять в этот период (конец XIX – начало XX вв.) два основных аспекта в образе Японии: «живописная Япония» и «желтая опасность».

Первоначально традиционная Япония утвердилась в русском общественном сознании как экзотическая азиатская страна с самураями, гейшами и сакурой. Такое представление пришло в Россию не с востока, а с запада – из Европы – вместе с модой на японизм в искусстве (в т.ч. декоративно-прикладном – изящные сувенирные вещицы, такие как лакированные шкатулки, резные подвески и т.п.) и литературе (эксперименты с переводами или сочинение собственных хокку). Свидетельства подобной моды дошли до нас, в частности, благодаря произведениям российских писателей и поэтов Серебряного века. В.Э. Молодяков метко назвал этот образ Страны восходящего солнца «живописной Японией», использовав формулировку из русского названия книги французского путешественника Э. Гюмбера (*Молодяков* 1996: 56). Важно отметить, что такой образ складывался не в последнюю очередь благодаря усилиям самой Японии, стремившейся предоставить Западу доказательства своей «цивилизованности» (*Молодяков* 1996: 7–8; *Куланов* 2010: 144).

Однако после японо-китайской и уж точно с началом русско-японской войны традиционная Япония стала представляться уже не как экзотический рай, а как «желтая опасность», временно став флагманом цивилизационных вызовов Европе. Сам по себе миф о «желтой опасности» не имеет конкретной привязки ни к Японии, ни к какой-либо другой стране или народу. Так, В. Россман, анализируя развитие концепции «желтой опасности», пишет, что ее авторы и последователи чаще всего имеют в виду китайцев, однако это может быть и объединение китайцев и японцев (как у В. Соловьева), и даже союз евреев с желтой расой в их борьбе с христианством (как у русского религиозного писателя С. Нилуса, который, позаимствовав мотив желтой опасности у В. Соловьева, говорил о планах вторжения «желтых орд» в Европу как о части «еврейского заговора») (*Россман* 2003: 40). Кроме того, у «желтой опасности» было множество и других измерений, в т.ч. демографическое (многочисленность китайцев) и экономическое (развитие японской промышленности как угроза европейской).

В отличие от «живописной Японии», которая в российском дискурсе оставалась, скорее, элитарным мифом, «желтая опасность» существовала и как тема для философского и художественного осмысления (напр., в произведениях В. Соловьева, В. Брюсова, А. Белого) (*Молодяков* 1996: 111–156; 1994: 74–84), и как ши-

роко тиражируемый пропагандистский образ врага (напр., в трудах Л.В. Жуковой и Е.С. Сенявской) (*Жукова* 2002, 2005; *Сенявская* 1999). В обоих случаях «желтая опасность» была связана с представлениями о традиционной Японии. Но если в первом случае на передний план выходила культурная/цивилизационная несовместимость буддийской Азии и христианской Европы (и в частности, России), то во втором – в ход шли рассуждения о варварстве, воинственности, присущей японскому духу, и насмешки расистского характера.

В этот период появляется и новый фактор, оказывающий влияние на формирование образа Японии: восприятие модернизации эпохи Мэйдзи, осмысление и оценка новой японской реальности. Представления о модернизированной Японии также обладали и позитивной, и негативной коннотациями. Либеральные русские авторы, например М.И. Венюков (*Венюков* 1869, 1871) и Л.И. Мечников (*Мечников* 1876, 1877), с энтузиазмом воспринимали реформационное движение в Японии и оптимистично смотрели на его успехи. Модернизированная страна, по их мнению, хороша не только тем, что стремится уподобиться европейским государствам, но и тем, что это дается ей легко и даже естественно. Так, Мечников писал: «…гуманно-демократический характер (японской действительности. – *Н.Л.*) перестал удивлять меня, так как я убедился, что он вырос здесь не моментально, а на исторической народной почве», – отмечая таким образом закономерность японских преобразований (*Мечников* 1877: 243).

Негативное восприятие модернизации подразумевало, что все новшества, введенные императором Мэйдзи, – это наносное, маска, под которой японцы прячут свою варварскую сущность: «Любопытная в своей самобытности цивилизация делается, по мере ознакомления с нею, все противнее и противнее, так как зиждется на извращенных началах нравственного, политического и социального порядка, а пресловутые реформы <…> оказываются более наружными, чем действительными, и скорее свидетельствуют о легкомыслии народа, нежели об его талантливости» (*Пеликан* 1895: 3). При этом технологический прогресс, вызывавший после японо-китайской войны насмешки (европейская техника не поможет встать азиатской нации вровень с европейскими), что прослеживается по публикациям второй половины 90-х годов XIX в., во время русско-японской войны уже признавался существенным фактором, и ирония уступила место панике. Этот образ внешне модернизированной, но внутренне все еще варварской (и потому еще более опасной) страны сливается с представлениями о «желтой угрозе», придавая им еще одно измерение.

В литературе преобладает мнение, что в начале века именно негативный образ, приправленный либо паникой, либо шапкозакидательством, формировал массовое восприятие Японии в России. Однако надо отметить, что после войны агрессивный тон публикаций быстро сменился гораздо более дружелюбным. В целом образ Японии в прессе утратил оттенки неполноценности, в новых послевоенных условиях восточного соседа приходилось рассматривать как равноправного партнера – с тех же позиций, что и все остальные ведущие государства. Например, Ито Хиробуми, один из виднейших японских политических деятелей начала XX в., пользовался в России большим уважением и авторитетом, что отражалось и в прессе, где порой его даже называли «японским Бисмарком» (*Самойлов* 1998: 61–62). Это было лестное сравнение, причем не только для самого Ито, но и для всей Японии, поскольку через ассоциативное поле объединяло азиатскую страну с европейскими государствами. Надо, впрочем, отметить, что эта метафора использовалась не только рус-

скими газетами, например, «японским Бисмарком» назвал графа Ито в некрологе и Э. фон Бельц – немецкий врач и антрополог, много лет работавший в Японии и знавший Ито Хиробуми лично (*Kim Hoi-Eun* 2013: 181).

Примечателен и тот факт, что в этот период и японцы (как и китайцы) начинают фигурировать в качестве персонажей разного рода лубочной литературы. Американский исследователь Дж. Брукс отмечает, что китайские персонажи изображались склонными к предательству, трусливыми и выступали в качестве антагонистов, в то время как японские описывались со смесью враждебности, восхищения и уважения. Дж. Брукс называет это уважение вынужденным, обусловленным проигранной войной (*Brooks* 1985: 235, Heldt 1995: 176). Так, в романе «Последний перегон (Антон Кречет)» М. Раскатова (Льва Максима) и вообще во всей серии книг про Кречета – благородного разбойника, его главными врагами становятся китайцы – хунхузы, а не японцы, с которыми в это время идет война. Японские офицеры и солдаты – грозные противники, а молодой японский аристократ, плененный Кречетом, оказывается образцом благородства и даже помогает главному герою в преследовании китайских бандитов, укравших его возлюбленную[1]. В сочинении «Русский богатырь» (1919 г.), как пишет Дж. Брукс, японский цирковой силач описан с гораздо большим сочувствием, чем турецкие или черные атлеты (Там же: 235). Японцы стали главными героями и двух серий детективных рассказов: «Кио-Хако, японский король сыщиков» В.А. Гладкова (*Гладков* 1917) и «Ока-Шима, знаменитый японский сыщик» неизвестного автора (Ока-Шима 1908). Эти серии появились на волне популярности детективного жанра, вызванной публикациями произведений сэра А. Конан Дойля, породившими не только «продолжения» приключений Шерлока Холмса, но и появление большого числа подобных циклов рассказов, повестей и романов (*Brooks* 1985: 141–146).

Ока-Шима описывается как человек с загадочным прошлым, сын отставного русского офицера и японки. Сюжет первого рассказа цикла основан на преступлении, совершенном «тайным судилищем» – организацией, выступающей за изгнание европейцев. Преступники – враги «европейцев и даже тех японцев, которые переделали все в Японии на европейский лад; <…> даже Микадо, который уничтожил многие постановления наших святых предков» – не гнушаются убийствами и похищениями, они приговаривают «предателей» к мучительной смерти через пытку водой, «которой пользовались предки собак иноплеменников-французов» (Ока-Шима: 14, 22). Тайное общество – не только интригующая читателя деталь, но и воплощение традиционалистской дикости, находящей аналогии лишь в Средневековье. Просвещенный Микадо помиловал преступников, позволяя «на склоне их лет доставить им возможность принести действительно пользу Японии», ведь они искренне верили, что «спасают возлюбленную ими Японию». Сыщик же радуется, что «Микадо поступил так гуманно с этими несчастными старцами» (Там же: 31). Микадо и Ока-Шима предстают в рассказе как современные, гуманные, «европейские» японцы. Не понятно, вкладывал ли автор в сюжет глубокий социальный смысл и не будет ли натяжкой искать его в бульварном детективе, но вряд ли может оказаться простым совпадением то, что в сочинении 1908 г. поднимается тема суда правителя над своими врагами, борющимися против проводимого им курса, – получается, что японский Микадо в ситуациях разоблачения антигосударственного заговора оказывается милосерднее русского царя. Таким образом Япония рисуется как страна более гуманная, разум-

[1] *Раскатов М.* Последний перегон. СПб., 1918; цит. по: *Brooks* 1985: 235.

ная и цивилизованная. И даже если подобные соображения приписаны автору, который, кстати, предпочел остаться анонимным, все равно Япония в серии рассказов об Ока-Шима «не проявляет» своей традиционной «экзотичности», за исключением склонности к созданию тайных обществ – последние, впрочем, «обнаруживались» сочинителями детективов в самых разных странах.

В.А. Гладков, автор рассказов о приключениях Кио-Хако, ссылается на личное знакомство с главным героем и заявляет, что лишь публикует истории, которые тот рассказывает ему в своих письмах. Дж. Брукс отмечает, что Кио-Хако – явно персонаж «шерлокианского» типа: он постоянно курит трубку, обладает недюжинным интеллектом и раскрывает преступления по всему свету (*Brooks* 1985: 146); у него есть верный помощник и экономка, а также и прочие «приметы» Шерлока Холмса. Ничего «японского» (за исключением национальности самого сыщика и его друга – начальника токийского сыска Юмеса) нет даже в том рассказе В.А. Гладкова, где действие происходит в Японии: жертвой оказывается французский инженер, а преступниками – немец Циммерман и некто по имени Питер (англичанин?). Общаются между собой герои в вольном и ироничном «английском» стиле, а Кио-Хако употребляет «японизированное» выражение «слава Будде» (*Гладков* 1917: 30).

Как видим, в бульварной литературе этого периода использовался позитивный образ модернизированной Японии: японцы благородны, доблестны и милосердны, они ведут себя по-европейски – хотя, безусловно, следует признать, что перенесение места действия в Японию и выбор главных героев (японцев) преследовали цель добавить повествованию экзотический колорит.

Таким образом, к концу первого десятилетия XX в. сложились основные аспекты образа Японии (живописная традиционность; успешная модернизация; угрожающее варварство, в т.ч. под маской прогресса), к тому же они перестали быть достоянием исключительно интеллигенции, спустившись в менее образованные и более широкие слои. Однако, говоря о массовых представлениях, следует признать, что образ «положительного» японца, формируемый послевоенной бульварной литературой, был, вероятно, гораздо менее распространен, чем «желтая опасность» – образ врага, целенаправленно тиражируемый государством в военные годы.

Образ Японии в современной России (по итогам исследования 2019 г., г. Москва)

«Японский миф» в современной России существует в иных условиях, нежели 100 лет назад. Во-первых, Япония уже несколько десятилетий является одной из наиболее развитых стран мира, ее нельзя оценивать как «почти Европу», когда она во многом превзошла прежних мировых лидеров, и тем более нельзя серьезно говорить о ее второстепенности или варварстве. Во-вторых, объемы доступной информации в наши дни и в начале XX в. несравнимы. Тем не менее в сегодняшних представлениях о Японии обнаруживается много параллелей с существовавшими столетие назад.

Исследователи образа Японии в России XXI в. приходят к двум основным выводам: 1) в подавляющем большинстве случаев он положительный, 2) основные ассоциации (стереотипы) можно разделить на традиционные (сакура, гейша, самурай) и модерновые (автомобили, роботы, небоскребы)[1]. Кроме того, в литературе отмеча-

[1] См., напр.: *Воробьева* 2008: 162–181.

ется, что по-прежнему знакомство с японской культурой в нашей стране во многом происходит опосредованно, через Запад, откуда вновь приходит мода на «японизм» (*Куланов* 2010: 144–154).

Прежде чем перейти к описанию результатов анкетирования, необходимо сделать ряд методологических замечаний.

В наше время уже невозможно говорить о некоем общем образе Японии на всей территории России. Очевидно, что на Дальнем Востоке не только чаще и разнообразнее могут быть непосредственные контакты с японцами, но и любые политические вопросы, связанные с отношениями России и Японии, вызывают значительно больший интерес, чем в Центральной России, где даже территориальный спор воспринимается довольно умозрительно. Кроме того, в исторической памяти приморцев, сахалинцев и жителей Камчатки Япония занимает иное место, чем в памяти москвичей или петербуржцев.

Поскольку известный нам образ Японии XIX – начала XX в. в основном отражает «столичные» (центральные) представления, без учета региональных вариантов, опрос был ограничен Москвой. При анализе СМИ выбирались крупные издания и агентства, региональные подразделения исключались (уже беглый взгляд на периферийные информационные ресурсы дал понять, что плотность и тематика новостей, связанных с Японией, там значительно отличаются от федеральных/столичных). Как уже было упомянуто, выборку составили молодые люди (18–30 лет), студенты или выпускники преимущественно гуманитарных факультетов вузов, по большей части – исторического факультета МГУ. Таким образом, речь идет не о всероссийских представлениях о Японии, а, скорее, об образе, бытующем в среде столичной образованной молодежи.

Анкета состояла из нескольких блоков. В первом, ассоциативном, предлагалось охарактеризовать возникающие в связи с Японией ассоциации (вопрос 1) и описать в трех словах Японию и ее жителей (вопросы 2 и 3). Второй блок содержал пункты о состоявшихся/возможных визитах в Японию, о том, что человек хотел бы увидеть там. В третьем выяснялось, есть ли у респондента какой-то особенный личный интерес к японской культуре или ее отдельным проявлениям, в четвертом – насколько часто человек сталкивается в своей жизни с чем-то японским. Пятый блок был посвящен репрезентации Японии в российских СМИ; он был введен, чтобы понять, оказывает ли освещение новостей, связанных Японией, какое-то влияние на ее восприятие. В заключение респондентам было предложено отметить по шкале от 1 до 5, насколько велик их интерес к японской культуре и насколько положительно они относятся к Японии, а также ответить на вопрос, согласились ли бы они поехать в Японию на работу, и объяснить свой ответ.

В анкетировании приняли участие 55 респондентов – 41 женщина и 14 мужчин. Только у двух опрошенных текущая деятельность связана с Японией. Бывали в Японии 6 человек, хотели бы побывать (в т.ч. повторно) – 51, не хотели бы – 4 человека. Кроме того, 22 человека отметили, что интересуются японской культурой, 20 – что нет (МА 2019).

В ряду ассоциаций, связанных с Японией, чаще всего фигурировали: сакура (18 упоминаний), суши (13), самураи (13); только 2 человека не назвали ни одной «традиционной» ассоциации. При этом слово «технологии» здесь упоминалось всего 5 раз, но в ответах на следующий пункт анкеты («охарактеризуйте Японию как страну»)

преобладают варианты, связанные с высоким уровнем развития Японии (слово «технологии» встречается 16 раз, «прогрессивная» – 5, «развитая» – 5, «современная» – 4 раза; всего 32 слова из того же ряда). 19 человек упомянули «анимэ» (Там же). Таким образом, в структуре современного «японского мифа» «традиционная/живописная Япония» и «современная Япония», как и ранее, существуют параллельно. Однако, не стоит отбрасывать эту дихотомию. Хотя почти каждый респондент так или иначе упомянул оба аспекта образа Японии, в ряде случаев наблюдается явное доминирование одного из них. Кого-то завораживает эстетика традиционной Японии (что не означает, разумеется, что эти люди верят, что страна не изменилась), а кого-то привлекает в первую очередь Япония небоскребов и передовых технологий (Там же).

Очень многие респонденты тем или иным образом отразили ощущение чуждости японского «менталитета»[1] и культуры. Так, 6 человек описало японцев как «странных», 14 – саму страну как «странную» и 19 человек отметили, что отказались бы от работы в Японии из-за разницы в менталитете и большой культурной дистанции. Следовательно, «странность» – почти такая же частотная характеристика Японии и/или японцев, что и «традиционность» или «прогрессивность». При этом еще 5 человек описали Японию, поставив рядом слова «современная» и «традиционная». Этот оксюморон также выдает возникающее у респондентов ощущение экзотичности (МА 2019). «Экзотичность» всегда была базовой характеристикой «японского мифа» и, судя по всему, таковой и остается, однако если 100 лет назад российская публика удивлялась (реже ужасалась) японским чудесам с явственным колониальным оттенком, то сейчас это удивление носит, пожалуй, более отстраненный характер и уже не основано на прямом сравнении с Западом.

Блок вопросов об отражении Японии в СМИ изначально был введен с целью выявить элемент «желтой угрозы» в любом проявлении в представлениях респондентов, однако можно сказать, что в целом эта попытка оказалась неудачной. Идея эксперимента появилась в связи с тем, что в 2019 г. одной из самых обсуждаемых в СМИ новостей, связанных с Японией, был визит в Москву Синдзо Абэ и, соответственно, проблема мирного договора и спор о принадлежности Южных Курил. Крупнейшие сетевые издания в основном подают информацию в сухом повествовательном стиле, не пытаясь чрезмерно играть на эмоциях читателей, хотя уже сам новостной повод не позволяет назвать эти публикации дружелюбными. Проправительственные СМИ (Russia Today, Газета.Ru)[2] неукоснительно поддерживают официальную точку зрения, оппозиционные (Медуза)[3] – обращают внимание на нюансы истории и международного права, которые делают позиции обеих сторон неоднозначными, но и те, и другие информационные ресурсы практически не обращаются к каким-либо традиционным атрибутам Японии (такого рода статьи пишутся и о США, и о европейских странах). Пожалуй, только в таблоидах освещение этой темы приобретает ярко выраженную эмоциональную напряженность. Так, например, «Комсомольская правда» в январе-феврале 2019 г. опубликовала ряд репортажей и интервью, касающихся спора о Курилах. Несмотря на весьма достойный уровень отдельных материалов, в целом статьи отчетливо напоминают те, что появлялись накануне и в пер-

[1] Термин «менталитет» не отражает теоретических установок автора, однако он был использован в анкете, поскольку давно вошел в бытовой язык и упростил выделение культурного аспекта, связанного с коммуникативными и поведенческими паттернами.

[2] Напр.: *Бовдунов, Комарова* 2019; Раскатали губы... 2019.

[3] См.: *Карцев* 2019.

вые месяцы русско-японской войны: искренняя вера в непогрешимость отечества; взгляд свысока на восточного соседа (в наши дни с тем обоснованием, что войну-то он проиграл); подчеркивание комичного в поведении собеседников-японцев (они «кричат», их аргументы в лучшем случае спорны, а то и вовсе бессвязны). Но наиболее ярко о позиции редакции говорит выбор героев репортажей. «Комсомольская правда» печатает три интервью: с именитым журналистом из консервативной газеты (*Асламова* 2019а), с националистом, отрезавшим себе палец в знак протеста против того, что острова Токто после Второй мировой войны отошли к Южной Корее (*Асламова* 2019б), и с приверженцем идеи японского милитаризма, вдохновляющегося Муссолини и Гитлером (*Асламова* 2019в). В результате японцы предстают перед читателями диковатыми и очень агрессивными – вполне в духе «желтой опасности».

Респонденты действительно вспоминали курильские сюжеты, предлагаемые СМИ: 14 человек упомянули территориальные споры и еще четверо «русско-японские отношения» как наиболее запомнившуюся тему за последний год (вопрос 28); 19 человек назвали Южные Курилы и 1 человек – отношения между нашими странами как самую значимую проблему, связанную с Японией, за последние пять лет (вопрос 29). Кроме того, 11 человек написали про отречение императора и шестеро – про природные и техногенные катастрофы в вопросе 28, и еще 20 человек отметили катастрофы, чаще всего на АЭС Фукусима, в вопросе 29. При этом, отвечая на вопрос: «Вызвала ли у Вас особенный интерес какая-либо из этих тем? Если да, то почему?» (вопрос 30), – только 5 человек написали про русско-японские отношения и Курилы, объяснив свое отношение тем, что это «связано с Россией», что они проявляют интерес к международной политике вообще, или тем, что «было бы красиво» (по-видимому, имея в виду мирный договор). Самый распространенный ответ на этот вопрос – «нет»: 12 человек указали, что ни одна из связанных с Японией тем в СМИ не вызвала интереса, 6 респондентов написали про катастрофы, 7 – про новости культуры или спорта; ряд ответов авторы объяснили особыми личными интересами (религия, китобойный промысел, экология и т.п.) и профессиональными целями (МА 2019). Таким образом, хотя тема территориального спора привлекает внимание многих респондентов, она не вызывает серьезного эмоционального отклика. Скорее более значимой им представляется проблема заключения мирного договора (как новая страница в международных отношениях или новые возможности для туризма и культурного обмена с Японией), а не собственно история противостояния и взаимных претензий.

В качестве наиболее интересных (вопрос 27) большинство респондентов отметило новости культуры (42 чел.) и науки (30 чел.), информацию о происшествиях (23 чел.) и вопросы мировой политики (22 чел.) (МА 2019). Таким образом, можно сделать вывод, что репрезентация Японии в отечественных СМИ не играет решающего значения для формирования представлений об этой стране, тем более что большинство опрошенных указало, что встречает связанные с ней новости довольно редко: «Не очень часто (примерно раз в месяц)» – 31 человек, «Почти никогда» – 18 человек и только шестеро выбрали вариант «Очень часто/регулярно/я состою в соответствующих сообществах».

Особенно незначительным влияние СМИ представляется в сравнении с данными о потреблении японской продукции. Почти все респонденты едят блюда японской кухни и пользуются японской электротехникой, и как минимум половина участников опроса знает марки японской косметики и одежды (Рис. 1).

Рис. 1. Потребление японской продукции

Ответы на вопрос о культурном потреблении дают не менее характерный результат (Рис. 2). Абсолютное большинство респондентов отметило, что интересуется (очень/иногда) живописью/графикой/фотографией (24/24 чел.), архитектурой (23/20 чел.) и анимэ (19/22 чел.). Интерес вызывают также японская музыка и литература.

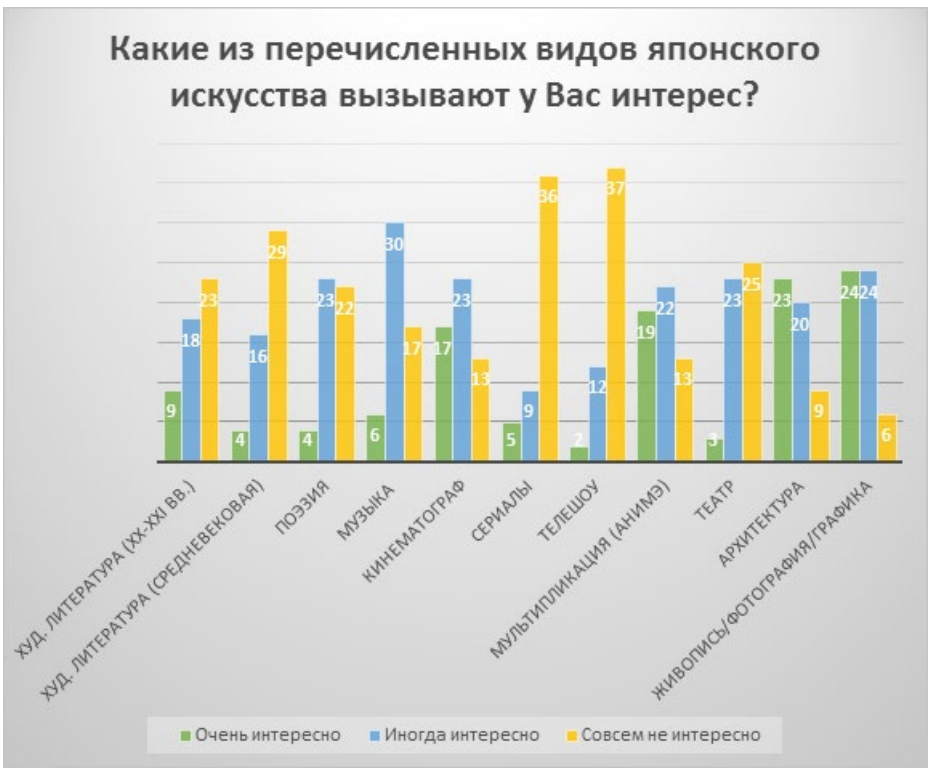

Рис. 2. Интерес к японскому искусству.

Полученные результаты говорят о том, что знакомство с японской продукцией играет гораздо большую роль в восприятии Японии современной столичной молодежью, нежели политика, несмотря на периодические обострения отношений между нашими странами и сдержанные попытки отечественных СМИ способствовать подъему на этой почве патриотических настроений.

* * *

Подводя итоги, можно сказать, что современный «японский миф» обнаруживает значительное сходство с образом Японии начала XX в. – периода между русско-японской войной и революцией. Негативные аспекты восприятия сегодня, как и 100 лет назад, отходят на второй план, при этом в наше время совершенно исчезает мотив «цивилизационного конфликта», а «желтая опасность» (в первую очередь в демографическом смысле) ассоциируется, скорее, с Китаем (*Коновалова* 2011: 74–81).

Положительный образ, напротив, весьма развит, он проявляется в двух измерениях: и японская традиционность, и «европейская» модерновая (хай-тек) современность обладают значительной притягательностью. При этом лейтмотивом образа Японии остается экзотичность – абсолютная непохожесть, инаковость японцев. Рассуждая об этом, трудно не вспомнить о знаменитой монографии Р. Бенедикт (*Бенедикт* [1946] 2007), в которой она отметила даже в научных текстах непонятную западному читателю противоречивость как отличительную особенность описаний Японии и японцев. Монография выстроена на противопоставлении японской культуры американской, а порой и шире – западной и попытках передать «стандарты мысли и поведения» японцев в терминах, понятных американцу, например, через аналогию с финансовыми отношениями в США. Р. Бенедикт как антрополог, представитель психологического направления пыталась расшифровать загадочную Японию, нарисовать понятную для западного человека схему мышления, гуманизировать японцев в глазах своих читателей – ведь писалась книга во время Второй мировой войны и по заказу американских военных.

Для массового восприятия привлекательна инаковость Японии и «инопланетность» ее жителей. Есть что-то тревожащее в том, с какой легкостью дегуманизируются японцы обывательским сознанием даже при вполне положительном отношении к ним. «Да они марсиане вообще!» – подобные иронично-восхищенное формулировки можно зачастую услышать в частной беседе. Представляется, что, несмотря на всю современную японофилию, ее легко можно будет превратить в японофобию, если перед нашими элитами встанет такая задача.

Сходство современного и досоветского образов Японии обнаруживается и структурное, и содержательное. При этом сложно говорить о генетической преемственности, поскольку в советский период этот образ формировался в первую очередь отечественной пропагандой, а не культурной политикой самой Японии и, таким образом, представляет собой иной конструкт. Возвращение в начале XXI в. «японского мифа» к тому виду, который он имел 100 лет назад, объясняется, скорее, общими закономерностями формирования схожих образов Другого в схожих условиях – а условия эти действительно похожи, хотя за это время мир изменился, казалось бы, до неузнаваемости. Несмотря на многократное увеличение объема доступной ин-

формации и развитие коммуникационных технологий, географическая дистанция продолжает играть серьезную роль, превращая даже, на первый взгляд, актуальные политические проблемы в умозрительные политологические или юридические кейсы и придавая далеким странам романтический флер.

Благодарности

Автор статьи выражает благодарность к. и. н. Трынкиной Дарье Александровне (ИЭА РАН) за помощь в разработке и апробации анкеты, а также за значимые замечания и советы в ходе подготовки статьи.

Источники и материалы

Асламова 2019а – *Асламова Д.* Оставить нельзя передать: есть ли решение у проблемы Южных Курил // Комсомольская правда. 11.02.2019. https://www.kp.ru/daily/26940.5/3991172

Асламова 2019б – *Асламова Д.* Из-за потерянных территорий японцы отрезают себе пальцы // Комсомольская правда. 23.01.2019. https://www.kompravda.eu/daily/26932/3982683

Асламова 2019в – *Асламова Д.* Японские правые: Хотим дожить до того дня, когда Япония победит! // Комсомольская правда. 12.02.2019. https://www.kp.ru/daily/26940/3991695

Бовдунов, Комарова 2019 – *Бовдунов А., Комарова Е.* «Предстоит долгая и кропотливая работа»: чего ожидать от переговоров Путина и Абэ в Москве // RT на русском. 22.01.2019. https://russian.rt.com/world/article/595127-putin-abe-peregovory-kurily

Венюков 1869 – *Венюков М.* Очерки Японии. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1869.

Венюков 1871 – *Венюков М.* Обозрение Японского архипелага в современном его состоянии. СПб., 1871.

Гладков 1917 – *Гладков В.А.* Кио-Хако, японский король сыщиков. М.: Правдивость, 1917. Вып. 1–8.

Карцев 2019 – *Карцев Д.* Южные Курилы всегда были российскими? Правда ли, что Россия собирается отдать их Японии? Кому и зачем они нужны? Стыдные вопросы о Курильских островах // Медуза. 16.01.2019. https://meduza.io/feature/2019/01/16/yuzhnye-kurily-vsegda-byli-rossiyskimi-pravda-li-chto-rossiya-sobiraetsya-otdat-ih-yaponii-komu-i-zachem-oni-nuzhny

Мечников 1876 – *Мечников Л.И.* Эра просвещения Японии (Мей-Дзи) // Дело. 1876. № 10. С. 133–170.

Мечников 1877 – *Мечников Л.И.* Эра просвещения Японии (Мей-Дзи) // Дело. 1877. № 2. С. 242–275.

Ока-Шима 1908 – Ока-Шима, знаменитый японский сыщик. Харьков: тип. И.А. Цедербаум, 1908. Вып. 1.

Пеликан 1895 – *Пеликан А.* Прогрессирующая Япония. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1895.

Раскатали губы… 2019 – Раскатали губы: почему Курилы не достанутся Японии. В чем причина активизации разговоров на тему Южных Курил // Газета.Ru 11.01.2019 https://www.gazeta.ru/comments/2019/01/11_e_12124627.shtml

МА 2019 – Материалы автора. Результаты интернет-анкетирования; июнь 2019 г.

Научная литература

Бенедикт Р. Хризантема и меч. СПб.: Наука, 2007 [1946].

Воробьева П.Ф. Стереотипные образы России и Японии (по материалам социологического опроса и обзорного анализа литературы) // Ежегодник Япония. 2008. № 37. С. 162–181.

Жукова Л.В. Восприятие Японии в России накануне русско-японской войны // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия / Отв. ред. А.В. Голубев. Вып. 2. М.: ИРИ РАН, 2002. С. 341–356.

Жукова Л.В. Формирование «образа врага» в русско-японской войне 1904–1905 гг. // Военно-историческая антропология. 2003/2004. М.: РОССПЭН, 2005. С. 259–275.

Коновалова О.С. Формирование термина «Желтая экспансия» относительно образа Китая в средствах массовой информации // Вестник РУДН. Серия «Литературоведение, журналистика». 2011. № 3. С. 74–81.

Куланов А.Е. Культурная дипломатия Японии // Ежегодник Япония. 2007. № 36. С. 116–130.

Куланов А.Е. «Третья сила» в формировании имиджа Японии в начале постсоветской эпохи – потребительский аспект // Ежегодник Япония. 2010. № 39. С.144–154.

Лившин А.Я., Ложкина А.С. «Образ власти» и «образ другого» в 1930-е гг.: политические задачи и пропаганда // Государственное управление. Электронный вестник. 2012. Вып. 35. http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2012/vipusk__35._dekabr_2012_g./iz_istorii_upravlenija/livshin_lozhkina.pdf

Ложкина А.С. Формирование «образа врага»: Япония в советской пропаганде 1930-х гг.// Государственное управление. Электронный вестник. 2007. Вып. 13. http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2007/vipusk_13._dekabr_2007_g./lozhkina.pdf

Молодяков В.Э. Историософия и геополитика: Валерий Брюсов о Востоке // Общественные науки и современность. 1994. № 4. С. 74–84.

Молодяков В.Э. «Образ Японии» в Европе и России второй половины XIX – начала XX века. М.: ИВ РАН, 1996.

Молодяков В.Э. Япония в меняющемся мире. Идеология. История. Имидж. М.: МОНОГАТАРИ, 2011.

Россман В. Призраки XIX века: «желтая опасность» и еврейский заговор в европейских сценариях заката Европы // Параллели. Русско-еврейский историко-литературный и библиографический альманах. № 2–3 / Ред. К.Ю. Бурмистов. М.: Дом еврейской книги, 2003. С. 11–52.

Самойлов И.А. Ито Хиробуми: образ японского государственного деятеля в российском восприятии (начало XX века) // Из истории религиозных, культурных и политических взаимоотношений России и Японии в XIX–XX вв. / Сост. и отв. ред. В. С. Белоненко. СПб.: Фонд по изучению истории православной церкви. 1998. С. 50–68.

Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке. Исторический опыт России. М.: РОССПЭН, 1999.

Brooks J. When Russia Learned to Read: Literacy and Popular Literature, 1861–1917. Princeton: Princeton University Press, 1985.

Heldt B. “Japanese” in Russian Literature: Transforming Identities // A Hidden Fire: Russian and Japanese Cultural Encounters, 1868–1926 / Ed. J.T. Rimer. Stanford: Stanford University Press, 1995. P. 170–183.

Kim Hoi-Eun. Measuring Asian-Ness: Erwin Baelz’s Anthropological Expeditions in Fin-de-Siecle Korea // Imagining Germany, Imagining Asia: Essays in Asian-German Studies / Ed. V. Fuechtner, M. Rhiel. N.Y.: Boydell & Brewer, 2013. P. 173–186.

References

Benedict, R. (1946) 2007. Khrizantema i mech [The Chrysantemum and the Sword]. St. Petersburg: Nauka.

Vorobieva, P.F. 2008. Stereotipnye obrazy Rossii i Yaponii (po materialam sotsiologicheskogo oprosa i obzornogo analiza literatury) [Stereotypical Images of Russia and Japan (According to the Sociological Survey and General Literature Review)]. *Ezhegodnik Yaponiia* 37: 162–181.

Zhukova, L.V. 2002. Vospriiatie Yaponii v Rossii nakanune russko-yaponskoi voiny [The Reception of Japan in Russia on the Verge of Russo-Japanese War]. In *Rossiia i mir glazami drug druga: iz istorii vzaimovospriiatiia* [Russia and the World in Each Other’s View: from the History of Mutual Reception] 2, edited by A.V. Golubev, 341–356. Moscow: IRI RAN.

Zhukova, L.V. 2005. Formirovanie “obraza vraga” v russko-yaponskoi voine 1904–1905 gg [The Development of the “Enemy Image” in Russo-Japanese War]. In *Voenno-istoricheskaia antropologiia. 2003/2004* [*Historical Military Anthropology. 2003/2004*], 259–275. Moscow: ROSSPEN.

Konovalova, O.S. 2011. Formirovanie termina “Zheltaia ekspansiia” otnositel’no obraza Kitaia v sredstvakh massovoi informatsii [The Development of the Term “Yellow Peril” in Relation to the Image of China in Mass-Media]. *Vestnik RUDN. Seriia: “Literaturovedenie, zhurnalistika”* 3: 74–81.

Kulanov, A.E. 2007. Kul’turnaia diplomatiia Yaponii [Cultural Diplomacy of Japan]. *Ezhegodnik Yaponiia* 36: 116–130.

Kulanov, A.E. 2010. “Tret’ia sila” v formirovanii imidzha Yaponii v nachale postsovetskoi epokhi – potrebitel’skii aspect [“The Third Force” in Development of the Image of Japan in the Beginning of the Post-Soviet Era – the Consumer Aspect]. *Ezhegodnik Yaponiia* 39: 144–154.

Livshin, A.Ya., and A.S. Lozhkina. 2012. “Obraz vlasti” i “obraz drugogo” v 1930-e gg.: politicheskie zadachi i propaganda [“Image of Power” and “Image of the Other” in the 1930^{s}: Political Goals and Propaganda]. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik* 35. http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2012/vipusk__35._dekabr_2012_g./iz_istorii_upravlenija/livshin_lozhkina.pdf

Lozhkina, A.S. 2007. Formirovanie “obraza vraga”: Yaponiia v sovetskoi propagande 1930 gg [The Development of the “Enemy Image”: Japan in Soviet Propaganda in the 1930^{s}]. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik* 13. http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2007/vipusk_13._dekabr_2007_g./lozhkina.pdf

Molodiakov, V.E. 1994. Istoriosofiia i geopolitika: Valerii Briusov o Vostoke [Historiosophy and Geopolitics: Valerii Briusov on the Orient]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost’* 4: 74–84.

Molodiakov, V.E. 1996. “Obraz Yaponii” v Evrope i Rossii vtoroi poloviny XIX – nachala XX veka [“Image of Japan” in Europe and Russia in the Second Half of the 19th – Beginning of the 20th Century]. Moscow: IV RAN.

Molodiakov, V.E. 2011. Yaponiia v meniaiushchemsia mire. Ideologiia. Istoriia. Imidzh [Japan in the Changing World: Ideology, History, Image]. Moscow: MONOGATARI.

Rossman, V. 2003. Prizraki XIX veka: “zheltaia opasnost” i evreiskii zagovor v evropeiskikh stsenariiakh zakata Evropy [Ghosts of the 19th Century: “Yellow Peril” and Judeo-Masonic Conspiracy in European Scenarios of the Decline of the West]. In *Paralleli. Russko-evreiskii istoriko-literaturnyi i bibliograficheskii al’manakh* [Parallels. Russo-Jewish Historical, Literary, and Bibliographical Almanac], edited by K.Yu. Burmistov, 2–3: 11–52. Moscow: Dom evreiskoi knigi.

Samoilov, I.A. 1998. Ito Hirobumi: obraz yaponskogo gosudarstvennogo deiatelia v rossiiskom vospriiatii (nachalo XX veka) [Ito Hirobumi: Image of the Japanese Statesman in Russian Perception (Beginning of the 20th Century)]. In *Iz istorii religioznykh, kul’turnykh i politicheskikh vzaimootnoshenii Rossii i Yaponii v XIX-XX vv*. [From the History of Cultural and Political Relations of Russia and Japan], edited by V.S. Belonenko, 50–68. St. Petersburg: Fond po izucheniiu istorii pravoslavnoi tserkvi.

Seniavskaia, E.S. 1999. *Psikhologiia voiny v XX veke. Istoricheskii opyt Rossii* [Psychology of War in the 20th Century: Russian Historical Experience]. Moscow: ROSSPEN.

Brooks, J. 1985. *When Russia Learned to Read: Literacy and Popular Literature, 1861–1917.* Princeton: Princeton University Press.

Heldt, B. 1995. “Japanese” in Russian Literature: Transforming Identities. In *A Hidden Fire: Russian and Japanese Cultural Encounters, 1868-1926*, edited by J.T. Rimer, 170–183. Stanford: Stanford University Press.

Kim, Hoi-Eun. 2013. Measuring Asian-Ness: Erwin Baelz’s Anthropological Expeditions in Finde-Siecle Korea. In *Imagining Germany, Imagining Asia: Essays in Asian-German Studies*, edited by V. Fuechtner and M. Rhiel, 173–185. New York: Boydell & Brewer.

Lyubimova, Natalya S.

Image of Japan in Russia: old elements in a new arrangement

This article compares the image of Japan in Russia in two periods of time: at the end of XIX-beginning of the XX c. and in modern days. It reviews the images, existing in the European part of Russia. Chronological periods were chosen for comparison based on some shared traits: both economical and political relations between the two countries are relatively weak, so the mass-media potential for propaganda is only used at times when a certain political problem becomes relevant (Russan-Japanese war/ the peace treaty problem and the Kuril Islands dispute), while there also is a fashion for Japanese or pseudo-Japanese products (japonisme in art, incl. decorative arts and literature/ Japanese cuisine, cartoons etc.). The image of Japan at the beginning of the XX c. is described based on literature with the use of journalistic and scientific publications. In addition, the author used pulp fiction as a source, which has not been previously done in research by Russian scholars. Analysis of the modern image of Japan is based on the results of a questionnaire survey, conducted via Internet in June 2019, and supplemented by the non-formalized content analysis of the on-line mass media. Image of Japan as special case of an image of the Other has one permanent trait – it is exotic. This exoticism comes from the notion of Japanese traditionalism as well as from perceiving Japan as a futuristic land. Both of these aspects can have negative or positive connotations. The historical part of this research shows how these connotations shift depending on the historical context and views of a particular author. The 2019 survey demonstrated the predominance of positive characterizations in the modern image of Japan and also that mass-media have little effect on this image.

Keywords: *Japan, Russia, image of Japan, the Other, stereotypes*

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ АМЕРИКАНИСТИКА

УДК
DOI

© А.А. Шинкаренко

«ЭКО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ СДВИГ» И НОВЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ*

Вопросы развития Латинской Америки заставляют исследователей акцентировать внимание на существующие проблемы окружающей среды, с которыми сталкивается регион. Воздействие человека на состояние экологии, о чем неоднократно заявляли представители новых социальных движений и коренного населения, породило новые угрозы, которые первоначально воспринимаясь как локальные, но сегодня вышли на глобальный уровень. «Эко-территориальный сдвиг», отмечаемый в ряде государств Латинской Америки, является реакцией на расширение неоэкстрактивистской политики властей, поддерживающих «товарный консенсус». Последний привнёс в латиноамериканское общество новые формы неравенства и потенциальные конфликты. Указанные тенденции, на наш взгляд, являются не только локальными формами накопившихся проблем, но и возможным стимулом к выходу из сложившейся ситуации.

Ключевые слова: *неоэкстрактивизм, проблемы коренного населения, добыча полезных ископаемых, «Пачамама», загрязнение окружающей среды, модели развития*

Латинская Америка и неоэкстрктивисткая модель

В начале XXI в. в ряде государств Латинской Америки стал все более заметен тренд к переходу от конвенционального экстрактивизма к неоэкстрактивистской модели развития. Как и ее предшественник последняя также опиралась на сверхэксплуатацию природных ресурсов и рентный тип экономики. Такие изменения подтолкнули латиноамериканское общество к поиску альтернативной парадигмы развития, что нередко сводится к дискуссиям об отказе от экстрактивистской модели. Аргентинский социолог Маристелла Свампа, в своих работах неоднократно отмечала, что неоэкстрактивизм «подразумевает открытую добычу полезных ископаемых, углеводородную эксплуатацию, строительство крупных ги-

Шинкаренко Александр Александрович – к.полит.н., старший научный сотрудник Центра политических исследований, Институт Латинской Америки РАН (115035 Москва, Малая Ордынка 21/16). Эл. почта: hombreyo@gmail.com. **Shinkarenko, Alexandr A.** – PhD in Political Studies, Institute of Latin America RAS (Moscow, Russia). E-mail: hombreyo@gmail.com

* Статья подготовлена в рамках гранта РФФИ 18-014-00042 «Политическая поляризация и механизмы консолидации разделенных обществ в Латинской Америке. Возможности и пределы компаративного опыта для России».

дроэлектрических плотин, увеличение добычи рыбы, масштабную вырубку лесов, а также рост агробизнеса (генно-модифицированные посевы – такие как соя, масличная пальма, биотопливо)» (Свампа 2016: 24–25). Сопротивление возникшему неоэкстрактивистскому тренду со стороны новых социальных движений (а также среди коренного населения) являлось одним из центральных пунктов их политической повестки. Так, в Эквадоре и Боливии подобные протесты, став частью так называемого «эко-территориального сдвига» сказались на содержании дискуссий по вопросам изменения климата, а также моделей развития, где доминантой выступает тесная связь с природой (*Свампа* 2016).

Любопытно, что если рассматривать государства Андского субрегиона, то отношения между центральной властью и регионами в них развивались в русле концепции «внутреннего колониализма» (категории, применяемую американским исследователем Майклом Гехтером для интерпретации существующих моделей взаимодействия между элитами и периферией). Согласно последней, униженное положение периферии способствует возникновению очагов сепаратизма на этнически неоднородной территории (*Hechter* 1975). С этим также соглашается финский исследователь Тату Ванханен, отметивший, что чем выше степень этнической неоднородности общества, тем больше вероятность возникновения этнического конфликта (в насильственной форме). По мнению ученого, любой этнический конфликт имеет в своей основе столкновение жизненных интересов, касающихся распределения материальных и нематериальных благ (*Ванханен* 2014). Данная концепция позволяет объективно продемонстрировать многие этнические процессы, протекающие, в странах Андского субрегиона, учитывая такие скрытые факторы, как историческая память, культурное наследие, территории традиционного проживания, этнопсихологические установки среди представителей тех или иных этнических общностей и т.д.

В частности, в Перу конфликтогенное бинарное деление между «своими» и «чужими» может прослеживаться на территориях традиционного проживания коренного населения, так как этот фактор является основополагающим для мировоззрения автохтонов. В этой связи концепция территории для индейских этносов должна быть связана с историей, культурой и внутренней социальной коммуникацией конкретной группы. Конфликты интересов, формирующиеся на линиях этнического разделения обществ, неизбежно возникают в связи с борьбой за ограниченные жизненные ресурсы. Наступление на традиционный общинный уклад в результате модернизации, а также усиление ассимиляционных процессов вызвали закономерное стремление коренных народов к самосохранению (*Визгунова, Ивановский, Мерин* 1994: 204). Так, сокращение территории традиционного проживания коренных этносов воспринимается ими как расчленение общности, которая питает эту культуру (*Ramos* 1988; *Cordeiro* 1994: 65). Российская исследовательница Татьяна Гончарова, в свою очередь, отмечает, что, отвергая присущий европейскому мировидению антропоцентризм, активисты коренного населения региона сконцентрированы на поиске модели развития, учитывающей тесную связь индивида с природой (*Гончарова* 2004: 504). Экологическая повестка сыграла роль катализатора во взаимоотношениях коренного населения и государства. Действия нефтяных и горнорудных ТНК, а также наступление промышленников на районы Амазонии привели к утрате местным населением значительной части общинных территорий (*Shoemaker* 1981). Локальные экологические конфликты приобрели этническую окраску, вылившись в столкновение жизненных интересов вокруг распре-

деления материальных и нематериальных благ между их акторами (Ванханен). Кроме того, остается открытой для дискуссий тема о размере компенсаций местным жителям со стороны ТНК, занимающихся добычей углеводородов на индейских территориях[1]. Их отрицательное воздействие на окружающую среду в районах выработки сделали их экологически неблагополучными (*Bajak* 2008).

От новых социальных движений к «антигеополитике»

Дискуссии вокруг новых (альтернативных) социальных движениях среди западных исследователей развернулась в 70-х гг. XX века (в частности, данную тему в своих работах поднимал итальянский социолог Альберто Мелуччи). В числе причин, вызвавших их спорадическое распространение значились нерешенность старых и возникновение новых социальных проблем, таких как загрязнение окружающей среды, локальные конфликты, снижение качества жизни; кризис доверия к институтам государства, традиционным профсоюзам, существующей партийной системе и др. (*Бобков, Браим* 2003). В текущей вариации новых социальных движений принимают участие представители всех слоев латиноамериканского общества. При этом выделяются, прежде всего, средние классы, так как интеллигенция играет важную роль в формировании дискурса. Кроме того, в отличие от традиционных участников, для данных акторов характерно многообразие методов социального протеста с целью привлечения широкого общественного резонанса к той или иной проблеме. Одним из наиболее массовых проявлений таких движений является акцентирующее свое внимание на текущих экологических проблемах региона.

Альтернативные точки зрения по поводу дальнейшего развития предлагают нам отличные от официальной политической истории модусы, которые мы можем обозначить, как «низовую геополитику». Будучи в подчиненном положении, она бросает вызов политической, экономической, культурной, военной гегемонии государства и элит. Подобные проявления, в свою очередь, в рамках критического подхода, по меткому замечанию П. Роутледжа, можно определять, как «не-геополитику» (или же «антигеополитику») (*Routledge* 2003: 245). Последняя, в условиях гражданского общества, выражается в этической, политической, культурной и прочих сферах, а её ключевые элементы не являются частью финансируемых и контролируемых государством институтов (религиозные организации, СМИ, образовательные учреждения, профсоюзы и др.). Кроме того, сторонники «не-геополитики» ставят под сомнение тезис о том, что интересы государства и общин могут совпадать. Также отметим, что «антигеополитика» способна принимать бесчисленные формы, от оппозиционных дискурсов, интеллектуалов-диссидентов до стратегий и тактики социальных движений.

---

[1] В Эквадоре индейские активисты при поддержке правозащитников предъявили требования о компенсациях американской нефтяной ТНК Chevron Texaco. Лидеры местных племен отмечали, что за время своей деятель-ности Texaco (1972–1992) неоднократно выбрасывала токсичные вещества и отходы от переработки сырой нефти в местную акваторию, в результате чего резко возрос уровень онкологических заболеваний и лейкемии. По мнению топ-менеджмента нефтяного гиганта Chevron, поглотившего в 2001 г. компанию Texaco, по догово-ренностям с эквадорским правительством, заключенным в 1998 г., Texaco потратила 40 млн долларов на очистные работы в районе Лаго-Агрио, где велась нефтедобыча. См. подробнее: Ecuadorean Indians Sue Texaco. Доступ: news.bbc.co.uk /2/hi/ americas/ 3009201.stm (дата обращения: 15.05.2018).

Учитывая интенсивность процессов глобализации, новые акторы активизируют свою деятельность как в масштабах региона, так и на международном уровне. По мнению Роутледжа, именно они бросают вызов элитам, а также глобальным структурам господства (Routledge). Отметим также, что за последние пятнадцать лет по всему миру отмечается заметная тенденция к сопротивлению транснациональному капиталу. Неотъемлемой частью данного процесса стали новые социальные движения, объединившие левых партизан, представителей неправительственных организаций, правозащитников, экологов, а также сторонников среди автохтонного населения, часто невзирая на национальные границы или идеологические различия (*Routledge* 2003: 253–254). Все вышеперечисленное на латиноамериканской почве стало частью так называемого «эко-территориального сдвига», который фиксируется во многих государствах континента. Ниже нами будут продемонстрированы примеры социально-экологических конфликтов в таких андских странах, как Перу, Эквадор и Боливия, которые наглядно иллюстрируют данный тренд в регионе.

Перу: экологические проблемы, как новый вызов

Проблемы экологии на территориях компактного расселения коренных этносов сыграли свою объединяющую роль в вопросах их политической мобилизации в Перу. Строительство водных каналов и увеличение предприятий горнодобывающей промышленности при финансировании Всемирного банка выявили негативное воздействие крупного бизнеса на положение индейских общин. К примеру, размер горнорудных территорий ТНК в Перу за 14 лет (1992–2006) увеличился более чем в шесть раз (с 15 до 100 тыс. кв. км) (*Zibechi* 2006). В результате подобных процессов резко возросло число перемещенных лиц и были зафиксированы случаи сокращения значительной части территорий традиционного расселения (*Yuluila Ontiveros* 2004). Как неоднократно заявляли экологи совместно с активистами Межэтнической ассоциации по развитию перуанской сельвы (Asociación Interétnica de Desarrollo de la Selva Peruana, AIDESEP), подобная деятельность «колонистов» наносит «урон иммунной системе автохтонных народов и угрожает хрупкой экологии Амазонии» (Associated Press 2007).

Также одним из факторов нарушения и ухудшения экологического баланса влажной тропической сельвы стало также распыление дефолиантов в рамках антинаркотических операций, уничтожающих не только посевы коки, но и всю растительность. По этой причине организации амазонских племен Перу требовали отказаться от фумигации, так как ее применение пагубно влияет на состояние экологии Амазонии (*Глинкин* : 73). В данный процесс включились не только крупные этносы, но и племена, официально считающиеся угасающими (Транснациональный наркобизнес: новая глобальная угроза). Они поставили вопрос о невозобновляемых ресурсах, касавшийся, в особенности, проблемы нефтедобычи на территориях традиционного проживания коренного населения. Данные акции перуанских властей, в частности, уничтожение посевов кустарника, воспринимаются гражданами, вовлеченными в этот процесс, как репрессии, что обостряет социальные конфликты (Monitoreo de cultivos de coca en el Perú 2010: 15). Так, в 2010 г. общая площадь посевов коки в 47 провинциях страны составила 61,2 тыс. га, сюда входят как листья, используе-

мые как для производства наркотиков, так и для традиционного употребления[1]. По подсчетам экологов, расчистки под посевы наркосодержащих культур составляют на сегодняшний день около 10% всех уничтоженных лесов верхней Амазонии.

Еще одним конфликтогенным фактором остается проведение промышленных изысканий на территориях компактного проживания коренного населения. Следует отметить, что в Перу для осуществления каких-либо экстрактивистских проектов на индейских землях местной администрации требуется заручиться голосами не менее двух третей членов общины. В то же время нередко возникали ситуации, когда «отдыхающие» земли попадали под категорию заброшенных и провозглашались государственной собственностью, что приводило к злоупотреблениям местных чиновников. В частности, после ратификации Перу в 1994 г. Конвенции МОТ № 169 у коренного населения появились юридические инструменты для мирного урегулирования спорных ситуаций. Это было особенно актуально для амазонских территорий, где сложились напряженные отношения между нефте-, золотодобывающими и деревообрабатывающими компаниями с одной стороны и коренными жителями – с другой. Согласно вышеуказанной конвенции, в случае нанесения ущерба экологии в районе традиционного проживания коренного населения индейская община имеет право получить денежную компенсации с компании-нарушителя (Second Report on the Situation of Human Rights in Peru 2000: 197). В то же время из-за отсутствия выработанного механизма рассмотрения обоснованных претензий последние зачастую оставались неудовлетворенными, что, в свою очередь, лишь подогревало растущее недовольство индейского населения в районах его компактного проживания.

Главным противником деятельности металлургических компаний является Национальная конфедерация общин Перу, пострадавших от действий горнорудной промышленности (Confederación Nacional de Comunidades del Perú Afectadas por la Minería, CONACAMI), активисты которой неоднократно заявляли об угрозе экологическому балансу в районах выработки. С принятием закона-декрета № 1015 (о возможности продажи общинных земель и инвестирования в них), подписанными президентом Аланом Гарсиа (2006–2011) в мае 2008 г., отношения между индейским населением и правительством резко обострились (El Nuevo Herald, 04.06.2009). Новые правила устанавливали практику принятия решений простым большинством голосов членов общины. Данный факт вызвал негодование среди амазонских племен во главе с AIDESEP, которая назвала это покушением на общинную собственность, закрепленную Основным законом страны.

Сам Гарсиа неоднократно характеризовал признание территориальной автономии общин как «примитивное и иррациональное». Перуанский политик называл также религиозные верования автохтонных жителей «абсурдными» и «примитивными формами религиозности» (Díaz Zanelli 2016). Неудивительно, что подобное отношение администрации Гарсиа привело к массовой мобилизации коренного населения весной и летом 2009 года. Эти события свидетельствовали о том, что индей-

[1] При этом развитие наркопроизводства отрицательно сказывается на состоянии экологии и здоровье местных жителей тех районов, поскольку для повышения урожайности коки на плантациях активно используются раз-личные виды пестицидов и гербицидов. В процессе переработки листьев коки применяется множество химиче-ских препаратов, отравляющих воду в водоемах как в районе производства, так и по всему течению рек. Так, с водой, стекающей с Анд в Амазонку, попадет примерно 728 млн кг перманганата калия, 23 млн л керосина, 4,4 млн л серной кислоты, 1,1 млн кг сульфата аммония и других отравляющих веществ.

ские общности больше не желают мириться с наступлением на их территориальную автономию[1]. В частности, была упрощена процедура взаимодействия ТНК и индейских общин. По замыслу правительства, это должно было существенно расширить территорию, выделенную под экстрактивистские проекты в регионе (Alto a la venta de las tierras de las comunidades campesinas del Perú). На сегодняшний день до 70% территории перуанской Амазонии уже отданы под концессии (Orta, Martinez Alier 2009). Неудивительно, что такое отношение государства к существующей проблеме привело к событиям в Багуа в начале июня 2009 года. В результате инцидентов погибло до 40 человек и около 150 получили ранения различной степени тяжести. Сами же события стали крупнейшими за 20 лет протестными акциями (с применением насилия). Случившееся привело к правительственному кризису, поставив под сомнение дальнейшую судьбу миллиардного контракта на разработку нефтяных месторождений в Амазонии[2]. В свою очередь, Гарсиа назвал события в г. Багуа «подрывной деятельностью против основ демократии» (El Nuevo Herald, 04.06.2009.).

В период президентства Ольянта Умалы (2011–2016) в районах горнорудной активности в результате столкновений с силами безопасности погибли, по крайней мере, 12 человек. Правительство было вынуждено ограничить гражданские права и ввести на короткий срок чрезвычайное положение (*Gabitza* 2012). Испытанием на прочность для администрации Умалы стали протестные выступления противников мегапроекта Конга по добыче золота и меди в 2011–2013 гг. Данный проект осуществляется в регионе Кахамарка компанией Minera Yanacocha, большая часть акций которой принадлежит американской Newmont Mining Corporation. Противники данного проекта неоднократно выступали с заявлениями о его негативном воздействии на местную акваторию и экосистему региона. Массовые выступления защитников природы и крестьян пошли на спад после того, как в декабре 2011 г. О. Умала ввел в регионе чрезвычайное положение сроком на 60 дней, а также разрешил силовым ведомствам проводить среди протестующих аресты без предъявления ордера (Peru declares state of emergency over disputed mine). Уже летом следующего года ситуация вновь обострилась, когда во время очередных столкновений в Кахамарке недалеко от района выработки погибли четыре человека. Подобные инциденты, разжигавшие конфликтные ситуации между золотобытчиками и местным населением, привели к тому, в 2016 г. Newmont объявила о своем выходе из проекта Конга, который оценивался в 4,8 млрд долларов (*Walton* 2016).

В настоящее время жители перуанской Амазонии по-прежнему сталкиваются с незаконной добычей полезных ископаемых, из-за которой к 2014 г. было уничтожено свыше 50 тыс. га лесного массива в Мадре-де-Диос, а также с контрабандой драгоценных камней, ценных пород деревьев и экзотических животных, что дополнительно накаляет и без того напряженную ситуацию (*Jabiles* 2014). По данным министерства окружающей среды, с 2007 по 2014 гг. в районах перуанской Амазонии число насильственно вовлеченных в вышеуказанную деятельность превысило 100 тыс. человек, а доходы от данного вида незаконного бизнеса составили около 3,4 млрд. долларов (Minería ilegal facturó US$3,400 millones en siete años).

---

[1] Начиная с 9 апреля 2009 г., представители 64 племен в департаменте Амасонас стали проводить кампанию против «Закона о сельве» № 1092, так как он открывал доступ ТНК к ресурсам общинных земель, которые ранее считались неотчуждаемыми.

[2] Наибольший интерес к ресурсам данного района тогда проявили нефтегазовая англо-французская Perenco, а также испанские Repsol и Cepsa.

Эквадор: неоэкстрактивизм и Ясуни

С приходом к власти правительства Рафаэля Корреа (2007–2017) и партии «Альянс ПАИС» (Alianza PAIS)» со стороны эквадорского государства предпринимались попытки реструктуризации институтов, которые отвечали за проведение «индейских» программ. Данное обстоятельство способствовало реализации проектов по развитию автохтонных общин, где основной акцент делался бы на гарантии контроля над территориями компактного расселения. Кроме того, удалось отразить позиции коренного населения по вопросам рационального использования природных ресурсов и сохранения экологического баланса. Последнее было особенно актуально для районов, пострадавших от деятельности нефтяных ТНК. Налаживанию межэтнического диалога способствовала кодификация институтов обычного права (Pueblos Indígenas: el Derecho a Existir). Важно отметить, что в Конституции 2008 г. в качестве субъекта права (ст. 71) стали отдельно выделяться природные богатства или Пачамама (на языке кечуа – Мать-Земля) (La Constitución de la República del Ecuador de 2008).

В то же время необходимость продолжения широкой дискуссии по вопросам дальнейшего развития автохтонных общностей на волне повышенного внимания к экологическим проблемам во второй половине 2000-х гг. предопределила появление концепта достойной жизни «Buen Vivir»[1]. Возможно, поэтому ряд исследователей и гражданских активистов увидели в нем альтернативу сложившейся практике неоэкстрактивизма и теории догоняющего развития. Формирование данного подхода, по мнению уругвайского социолога Эдуардо Гудинаса, проходило в 2007–2008 гг. при деятельном участии различных социальных групп, прежде всего представителей коренных общностей Эквадора (Gudynas, Acosta 2011). Сама идея «Sumak Kawsay» предполагает, что люди являются неотъемлемой частью Матери-Земли, поэтому данная концепция, основанная на архаичных традициях коренного населения Латинской Америки, направлена на поиск гармонии с природой и удовлетворение необходимых потребностей (Vivir Bien desde los pueblos indígenas y originarios). Как справедливо отмечает Гудинас, обращение к культурным традициям коренного населения могло бы помочь в создании концепций развития и их адаптации к современным условиям (Gudynas 2011). Сами дискуссии о том, что же есть «Sumak Kawsay», охватили широкие слои эквадорской общественности. Так, в 2009 г. первый государственный план национального развития аннулировал существующую доминантную парадигму, признав «разрушительный характер экстрактивистского пути развития стран Юга» (*Захер, Баэс* 2016: 26–27). В то же время ряд исследователей, таких как Исабель Альмейда, Луис Туаса и Андрес Ортис Лемос, подчеркивали, что «Sumak Kawsay» – не столько отсылка к древней индейской традиции, сколько продуманная стратегия, узаконивающая политический проект Р. Корреа (*Ortiz Lemos* 2014).

Отметим, что примером практической реализации концепции «buen vivir» как стратегии перехода к постэкстрактивистскому Эквадору, по мнению исследователей Латиноамериканского факультета социальных наук (FLACSO) Уильяма Захера и Майкла Баэса, стал проект национального парка Ясуни. Судьба территории, расположенной на границе с Перу являющимся согласно ЮНЕСКО биосферным резерва-

[1] Понятие «Buen Vivir» (или «Sumak Kawsay», буквально – «жизнь в гармонии» на языке кечуа) было заимствовано из древнего представления о жизни у индейских народов этого андского государства. Несомненно, важным является и то, что парадигма «Buen Vivir» нашла отражение в конституциях Эквадора (2008) и Боливии (2009), став тем самым частью общественно-политического дискурса.

том, вызвала широкую дискуссию в мировом сообществе. На территории в 9,82 тыс. кв. км, покрытой влажнотропическими лесами, проживают представители индейского народа уаорани (а также неконтактные тагаери и тароменане) (Ecuador's Yasuní Biosphere Reserve: a brief modern history and conservation challenges). Удовлетворяя просьбы общественности оградить национальный парк Ясуни от проектов по добыче полезных ископаемых, эквадорский лидер Корреа в 2007 г. запустил программу «Инициатива Ясуни-ИТТ», которую официально поддержали многие известные деятели науки, культуры и искусства (Yasuni: Ecuador abandons plan to stave off Amazon drilling). Данная кампания вызвала живой интерес еще и потому, что могла бы стать альтернативой активным разработкам нефтяных месторождений в Амазонии с целью сохранения биоразнообразия региона. Стоит также добавить, что положительные тенденции в национальной политике эквадорского государства, такие как кодификация норм индейского права, тем не менее не позволили правительству Корреа избежать роста оппозиционных настроений среди коренных жителей (Yasuni rainforest campaign). Многие индейские активисты стали активно участвовать в общественной кампании против эксплуатации нефтяных скважин в амазонской сельве, акцентируя внимание на сложившихся экологических проблемах.

Кроме того, на протяжении своего последнего мандата (2013–2017) Р. Корреа одобрительно относился к проектам по расширению добычи полезных ископаемых. Так, в нефтяном секторе для новых концессий в амазонской части Эквадора были расконсервированы свыше 3 млн га. Следует добавить, что с 2009 г. официальный Кито поддерживает ряд горнодобывающих инициатив, часть из которых была запущена еще в 1990-е гг. По свидетельству исследователей FLASCO, на сегодняшний день множество проектов по добыче меди и золота продолжают функционировать, несмотря на то, что «добыча происходит в высокосензитивных точках, где проживает коренное население, а также в местах с повышенным биологическим разнообразием и водными запасами» (Захер, Баэс). Правительство успешно увеличило доходы государства от продажи углеводородов путем пересмотра контрактов и увеличения степени участия национальных субъектов. Тем не менее новые районы бурения в основном предназначены для иностранных партнеров нефтяного сектора. Немаловажно и то, что за последние пять лет Кито получил многомиллиардные займы от Пекина, что привело к перечислению части доходов от нефти на погашение долга перед китайской стороной (China pisa fuerte en Ecuador, pero con claroscuros). Кроме того, эксперты FLACSO свидетельствуют, что на территориях нефтедобычи и горнорудных разработок компании и государственная администрация прибегают к правовой базе, закрепленной «гражданской революцией», изымая у местного населения земельные участки, а у средних добывающих компаний – оборудование. Как отмечают Захер и Баэс, это необходимо государству для создания материальных условий, позволяющих проводить обширную неоэкстрактивистскую кампанию.

В целом стоит отметить, что подобная политика администрации Корреа вступила в противоречие с официальной риторикой президента. Отказываясь от проекта «Ясуни-ИТТ» в 2013 г., эквадорский лидер заявил, что нефтеразработки затронут менее 1% от площади национального парка (*Gudynas* 2013). Корреа пояснял свою позицию по снятию моратория отсутствием активной поддержки со стороны мирового сообщества, а также тем, что современные способы нефтедобычи позволяют минимизировать экологические последствия. Данное решение встретило жесткую критику

со стороны экологов, а также индейского населения региона в лице CONAIE. Как отметил эквадорский философ Давид Кортес, «президентский «Sumak Kawsay» принес нам не новую парадигму развития, а лишь очередное средство легитимизации политики агрессивного экстрактивизма и новую тактику власти» (*Захер, Баэс* 2016).

На сегодняшний день центром потенциальных экологических и этносоциальных конфликтов стала и амазонская часть Эквадора. Именно здесь тема противостояния между администрацией и индейскими активистами остается актуальной. По свидетельствам очевидцев, в южной части Амазонии расширяется добыча полезных ископаемых, что приводит к увеличению стычек между индейскими активистами и военными. Так, в августе 2016 г. полиция и военные выселили представителей народности шуар из общины Нанкинтс, так как поселение находилось в зоне добычи меди (цены на которую на мировых рынках за последние десятилетия увеличились вчетверо). Изыскания здесь проводит Explorcobres S.A., дочернее предприятие китайских госкомпаний CRCC и Tongling. В ноябре того же года индейцы захватили лагерь старателей, заявляя, что разработки, проводимые без предварительного согласования с жителями местных общин, противоречат конституции. Кроме того, трое активистов данной народности, выступавшие против данных экстрактивистских инициатив, были найдены погибшими при невыясненных обстоятельствах. Не случайно, что в первом туре президентской гонки (19 февраля 2017 г.) кандидат от правящей партии Ленин Морено получил наименьшее количество голосов именно в департаментах с самым высоким удельным весом коренного населения – в южной Амазонии и центральной части страны (*Martinez Novo* 2017).

Резюмируя вышесказанное, стоит отметить, что дискуссии по поводу дальнейшего развития амазонского региона на основе неоэкстрактивизма стимулировали появление концепта «Buen Vivir», который вышел за пределы национальных границ Эквадора. В обсуждение данного вопроса включились не только представители коренного населения, но и академических кругов континента. Сама идея отхода от уже сложившейся антропоцентричной модели развития к сбалансированным отношениям между обществом и природой, стимулировало дискуссии о возможном будущем без «хищнического» экстрактивизма», что является неотъемлемым условием концепции «Buen Vivir» (*Gudynas, Acosta* 2011*:* 80).

Боливия: TIPNIS и правителство Моралеса

Природный заповедник Исиборо Секуре (Isiboro Sécure), получивший статус национального парка в 1965 г. расположен на площади в 1,2 млн га в отдаленных районах боливийских департаментов Кочабамба и Бени. В 2009 г. коренные жители данных территорий (в частности, юракаре, моксеньос, чиман и др.) добились присвоения коллективного титула - Национальный парк Исиборо Секуре и индейской территории (Territorio Indígena y Parque Nacional Isiboro Sécure, TIPNIS). Многочисленные дискуссии по защите парка от внешнего воздействия стали, по мнению российской исследовательницы Татьяны Воротниковой, «иллюстрацией новых процессов, ранее не имевших место в политической жизни Боливии» (*Воротникова* 2016), проиллюстрировав нарастающие социально-политические противоречия в стране. Камнем преткновения в случае с TIPNIS стал инфраструктурный проект по строительству автомагистрали, которая должна была соединить города Вилла Тунари и Сан-Игнасио-де-Моксос. Дан-

ный район задумывался как часть трансамериканского коммерческого коридора, что привнесло бы новый экономический рост в отдаленные районы Боливии. Именно данной точки зрения придерживалось правительство Моралеса, а также его союзники из числа крестьян и производителей коки (кокалерос) (*Belinda Fontana* 2013).

По мнению жителей Национального парка Исиборо Секуре, транспортная артерия (которая должна была связать побережье Атлантики с акваторией Тихого океана) могла изменить не в лучшую сторону то экологическое и социальные равновесие, которое сложилось на территориях их компактного проживания. Кроме того, противники проекта отмечали факт отсутствия предварительных консультаций с местными автохтонными общинами, что является нарушением Конституции 2009 года (Belinda Fontana). Таким образом, как отмечает Воротникова, «массовые протесты поставили правительство перед выбором между общенациональными интересами и недавно провозглашенными идеологическими принципами сохранения культурного разнообразия, автономного развития и уважения к Матери-природе» (*Воротникова* 2016).

В августе 2011 г. мировая общественность обратила внимание на данный конфликт после того, как свыше 2000 человек покинули город Тринидад, чтобы присоединиться к восьмому маршу коренных этносов в защиту TIPNIS, завершившись спустя месяц в Ла-Пасе. В течение этого периода осуществлялись различные инициативы для налаживания диалога между правительством и местными активистами. Кроме приостановки прокладки автомагистрали на территории TIPNIS, протестующие к своей повестке на переговорах с властями добавили еще 15 пунктов. Большинство из них касалось сохранения целостности территорий компактного проживания. Под давлением общества 24 октября правительством был обнародован закон, гарантировавший, что дорога не пройдет через TIPNIS. Однако спустя несколько недель была запущена кампания в пользу строительства дороги и отмены закона, что способствовало продолжению конфликта. Консультации между местными общинами и центральной администрацией начались в июле 2012 г. В то же время некоторые общины высказались против переговорного процесса. Они же инициировали международную кампанию, иллюстрируя международным организациям (среди них - Межамериканская комиссия по правам человека и Международная организация труда) случаи нарушения прав коренного населения. По этому случаю представитель Координационного комитета индейских организаций андских государств (Coordinadora Andina de Organizaciones Indígenas, CAOI) Рафаэль Киспе отметил, что «если будет замечено, что права коренных народов были нарушены, для Моралеса будут последствия. От президента защитника индейских народов, каким он себя представлял, он стал нарушителем прав коренного населения», при этом добавив, что «TIPNIS является лишь верхушкой айсберга» (*Belinda Fontana* 2013).

Резюмируя вышесказанное отметим, что национальный парк, по территории которого должен был пройти столь широко критикуемый инфраструктурный проект оказался вовлечен в столкновение интересов центральной администрации и представителей бразильского подрядчика - с одной стороны и экологов совместно с активистами крупнейших индейских организаций - с другой. Примечательно, что важную роль в данном процессе сыграли и интересы кокалерос, которые обосновались в южных районах парка с начала 70-х гг. XX века. Так как на регион Чапаре приходится основной объем производства боливийской коки, то производители заинтересованы в коммерциализации данной местности (*Воротникова* 2016).

Научная литература

Бобков В., Браим И. Политология. Минск: Интерпресссервис, 2003. 352 с.

Ванханен Т. Этнические конфликты. Их биологические корни в этническом фаворитизме. Москва: Кучково поле. 2014. 288 с.

Визгунова Ю.И., Ивановский З.В., Мерин Б.М. (отв. ред.) Латинская Америка: политические партии и социальные движения. Москва: ИЛА РАН, 1994. Т. 2. 237 с.

Воротникова Т.А. Десять лет спустя: как изменилась Боливия при Эво Моралесе. // Свободная мысль. 2016. № 6. С. 125–136.

Глинкин А.Н. (отв. ред.) Транснациональный наркобизнес: новая глобальная угроза. Москва: РОССПЭН, 2002. 264 с.

Гончарова Т.В. Индейское движение в Латинской Америке // История Латинской Америки: Вторая половина XX века. Москва: Наука, 2004. С. 503–523.

Захер У., Баэс М. Экстрактивизм и Buen Vivir в Эквадоре // Глобальный диалог. 2016. № 1 (том 6). С. 26–27.

Пятаков А.Н. Победа Ленина Морено в Эквадоре: международный и внутриполитический контекст // Латинская Америка. 2017. № 6. С. 17–27.

Свампа М. Бросая вызов нео-экстрактивизму в Латинской Америке // Глобальный диалог. 2016. № 1 (том 6). С. 24–25.

Alan García se enfrenta a indígenas en Perú. El Nuevo Herald, 04.06.2009.

Alto a la venta de las tierras de las comunidades campesinas del Perú. www.landaction.org/spip.php?article341 (дата обращения: 10.02.2020).

Arróspide de la Flor C. Perú: identidad nacional. Lima: Centro de Estudios para el Desarrollo y la Participación. 1979. 511 p.

Bajak F. Selva Amazónica Ecuatoriana Empadada por Derrames de Crudo. El Nuevo Herald, 22.12.2008.

Belinda Fontana L. Evo Morales at the Crossroad: Problematizing the Relationship between the State and Indigenous Movements in Bolivia // Iberoamericana. Nordic Journal of Latin American and Caribbean Studies. Vol. XLIII. № 1–2. 2013. P. 19–45.

Cordeiro E. Políticas indígenistas do Brasil // América indígena. Méxíco. 1994. № 3. P. 55–98.

Díaz Zanelli J. La contradicción de Alan García con los pueblos indígenas. *Servindi*, 18.01.2016. www.servindi.org/actualidad/18/01/2016/la-contradiccion-de-alan-garcia-con-los-pueblos-indigenas (дата обращения: 10.02.2020).

Ecuadorean Indians Sue Texaco. *BBC News*, 08.05.2003. news.bbc.co.uk /2/hi/ americas/ 3009201. stm (10.02.2020).

Excluyen de subasta zonas de reservas indígenas en Perú. Associated Press, 05.02.2007.

Finner M., Vijay V., Ponce F., Jenkins C., Kahn T. Ecuador's Yasuní Biosphere Reserve: a brief modern history and conservation challenges // Environmental Research Letters, 2009, Vol.4, № 3. iopscience.iop.org/article/10.1088/1748-9326/4/3/034005/pdf (дата обращения: 10.02.2020)

Flores T. China pisa fuerte en Ecuador, pero con claroscuros. *ABC,* 13.01.2016. www.abc.es/internacional/abci-china-pisa-fuerte-ecuador-pero-claro scuros-201601130136_ noticia.html (дата обращения 16.08.2018).

Gabitza M. Los pueblos indígenas de Perú: de García a Humala, la batalla continúa // The Guardian. 06.06.2012 www.theguardian.com/global-development/poverty-matters/2012/jun/06/peru-indigenas-garcia-humala (дата обращения: 10.02.2020).

Gudynas E. Buen Vivir: Today's tomorrow // Development, 2011. № 54 (4). P. 441–447.

Gudynas E. Ecuador. Los derechos de la naturaleza después de la caída de la moratoria petrolera en la Amazonia // America Latina en Movimiento. 18.08.2013 alainet.org/active/66547 (дата обращения: 10.02.2020).

Gudynas E., Acosta A. El buen vivir más allá de desarrollo // Qué Hacer. DESCO. Lima, 2011. Febrero/Marzo. P. 70–81.

Hechter M. Internal Colonialism: The Celtic Fringe in British National Development 1536–1966. London, 1975. 361 p.

Jabiles J. Human Trafficking and Corruption in Peru // Capital Humano y Social. Vienna, October 2014. www.unodc.org/ documents/ NGO/Ppt_ Joel_Jabiles.pdf (дата обращения: 10.02.2020).

La Constitución de la República del Ecuador de 2008. https://www.asambleanacional.gob.ec/sites/default/files/documents/old/constitucion_de_bolsillo.pdf (дата обращения: 10.02.2020).

Martinez Novo C. La minería amenaza a los indígenas shuar en Ecuador // The New York Times, 27.03.2017. www.nytimes.com/es/2017/03/27/la-mineria-amenaza-a-los-indigenas-shuar-en-ecuador (дата обращения: 10.02.2020).

Minería ilegal facturó US$3,400 millones en siete años // Peru21, 04.09.2014. http://peru21.pe/economia/mineria-ilegal-ministerio-ambiente-lavado-activos -2197582 (дата обращения: 10.02.2020).

Monitoreo de cultivos de coca en el Perú 2010. Lima, 2011. 86 p.

Organization of American States. General Secretariat. *Second Report on the Situation of Human Rights in Peru.* Washington, 2000. 205 p.

Orta M., Martinez Alier J. Matanza de indígenas en Peru. *Le Monde Diplomatique*. Paris, julio 2009.

Ortiz Lemos A. La desnudez del Sumak kawsay // Plan V, 18.11.2014. www.planv.com.ec/ideas/ideas/la-desnudez-del-sumak-kawsay (дата обращения: 10.02.20).

Peru declares state of emergency over disputed mine // BBC News, 05.12.2011. www.bbc.com/news/world-latin-america-16026619 (дата обращения: 10.02.2020).

Pueblos Indigenas: el Derecho a Existir // Global Hoy, 14.07.2006 http://www.gloobal.net/iepala/gloobal/fichas/ficha.php?entidad=Textos&id=2022&html=1 (дата обращения: 10.02.2020).

Ramos A. Sociedades indígenas. São Paulo, 1988. 96 p.

Routledge P. Anti-geopolitics. Introduction // The Geopolitics Reader. / Edited by G. Ó Tuathail, S. Dalby, and P. Routledge. London, New York: Taylor & Francis e-Library, 2003. P. 245–255.

Shoemaker R. The Peasants of El Dorado. Conflict and Contradictions in Peruvian Frontier Settlements. Ithaca y London. 1981. 265 p.

Vivir Bien desde los pueblos indígenas y originarios. filosofiadelbuenvivir.com/ buen-vivir/definiciones (дата обращения: 10.02.2020).

Walton B. Conga Mine in Peru Halted by Water Concerns, Civic Opposition. *Circle of Blue*, 21.04.2016. www.circleofblue.org/2016/south-america/conga-mine-peru-halted-water-concerns-civic-opposition/ (дата обращения: 10.02.2020).

Watt J. Yasuni: Ecuador abandons plan to stave off Amazon drilling // The Guardian, 16.08.2013 www.theguardian.com/world/2013/aug/16/ecuador-abandons-yasuni-amazon -drilling (дата обращения: 10.02.2020).

Yasuni rainforest campaign. saveamericasforests.org/ Yasuni/index.html (дата обращения: 10.02.2020).

Yuluila Ontiveros A. Perú: racismo y discriminación racial latente // IndyMedia Argentina, 12.11.2004. www.argentina.indymedia.org/news/2004/ 11/235864.php (дата обращения: 10.02.2020).

Zibechi R. Indigenous Movements: between Neoliberalism and Leftist Governments. Upside Down World, 16.05.2006. http://upsidedownworld.org/archives/ international/ indigenous-movements-between-neoliberalism-and-leftist-governments/ (дата обращения: 10.02.2020).

References

Alan García se enfrenta a indígenas en Perú. *El Nuevo Herald*, 04.06.2009.

Alto a la venta de las tierras de las comunidades campesinas del Perú. http: // www.landaction.org/spip.php?article341 (accessed 10.02.2020).

Arróspide de la Flor C. 1979. *Perú: identidad nacional*. Lima: Centro de Estudios para el Desarrollo y la Participación. 511 p.

Bajak, F. Selva Amazónica Ecuatoriana Empadada por Derrames de Crudo. *El Nuevo Herald*, 22.12.2008.

Belinda Fontana, L. 2013. Evo Morales at the Crossroad: Problematizing the Relationship between the State and Indigenous Movements in Bolivia. *Iberoamericana. Nordic Journal of Latin American and Caribbean Studies* XLIII (1–2): 19–45.

Bobkov, V., and I. Braim. 2003. *Politologiia* [Textbook on Political Science]. Minsk: Interpressservis.

Cordeiro, E. 1994. Políticas indígenistas do Brasil. *América indígena*. México 3: 55–98.

Díaz Zanelli, J. 2016. La contradicción de Alan García con los pueblos indígenas. *Servindi*, 18.01.2016. http: //www.servindi.org/actualidad/18/01/2016/la-contradiccion-de-alan-garcia-con-los-pueblos-indigenas (accessed 10.02.2020).

Ecuadorean Indians Sue Texaco. *BBC News*, 08.05.2003 http: news.bbc.co.uk /2/hi/ americas/ 3009201.stm (accessed 10.02.2020).

Excluyen de subasta zonas de reservas indígenas en Perú. *Associated Press*, 05.02.2007.

Finner, M., Vijay, V., Ponce F., Jenkins, C. and Kahn, T. 2009. Ecuador's Yasuní Biosphere Reserve: a brief modern history and conservation challenges. Environmental Research Letters, 4 (3). http: //www.iopscience.iop.org/article/10.1088/1748-9326/4/3/034005/pdf (accessed 10.02.2020).

Flores, T. 2016. China pisa fuerte en Ecuador, pero con claroscuros. *ABC,* 13.01.2016. http: www.abc.es/internacional/abci-china-pisa-fuerte-ecuador-pero-claro scuros-201601130136_ noticia. html (accessed 10.02.2020).

Gabitza, M. 2012 Los pueblos indígenas de Perú: de García a Humala, la batalla continúa. *The Guardian.* http: //www.theguardian.com/global-development/poverty-matters/2012/jun/06/peru-indigenas-garcia-humala (accessed 10.02.2020).

Glinkin A.N. (ed.) 2002. *Transnatsional'nyi narkobiznes: novaia global'naia ugroza*. [Transnational drug trafficking: a new global threat] Moscow: ROSSPEN, 2002. 264 p.

Goncharova, T.V. 2004. Indeiskoe dvizhenie v Latinskoi Amerike. [Indian movement in Latin America] In *Istoriia Latinskoi Ameriki: Vtoraia polovina XX veka,* 503–523. Moscow: Nauka.

Gudynas, E. 2011 Buen Vivir: Today's tomorrow. *Development* 54 (4): 441–447.

Gudynas, E. 2013 Ecuador. Los derechos de la naturaleza después de la caída de la moratoria petrolera en la Amazonia. *America Latina en Movimiento.* http: alainet.org/active/66547 (accessed 10.02.2020).

Gudynas, E.,Acosta, A. 2011 El buen vivir más allá de desarrollo. *Qué Hacer*. DESCO. Lima, Febrero/Marzo, 70–81.

Hechter, M. 1975 *Internal Colonialism: The Celtic Fringe in British National Development 1536–1966*. London.

Jabiles, J. 2014 Human Trafficking and Corruption in Peru. Capital Humano y Social. Vienna, October 2014. http: //www.unodc.org/ documents/ NGO/Ppt_ Joel_Jabiles.pdf (accessed 10.02.2020).

La Constitución de la República del Ecuador de 2008. http: // www.asambleanacional.gob.ec/sites/default/files/documents/old/constitucion_de_bolsillo.pdf (accessed 10.02.2020).

Martinez Novo C. La minería amenaza a los indígenas shuar en Ecuador. *The New York Times*, 27.03.2017 http: // www.nytimes.com/es/2017/03/27/la-mineria-amenaza-a-los-indigenas-shuar-en-ecuador (accessed 10.02.2020).

Minería ilegal facturó US$3,400 millones en siete años. *Peru21*, 04.09.2014 http://peru21.pe/economia/mineria-ilegal-ministerio-ambiente-lavado-activos -2197582 (accessed 10.02.2020).

Monitoreo de cultivos de coca en el Perú 2010. Lima, 2011. 86 p.

Organization of American States. General Secretariat. *Second Report on the Situation of Human Rights in Peru*. Washington, 2000. 205 p.

Orta, M., Martinez, Alier J. 2009. Matanza de indígenas en Peru. *Le Monde Diplomatique*. Paris, julio 2009.

Ortiz Lemos, A. 2014. La desnudez del Sumak kawsay. *Plan V*, 18.11. http: //www.planv.com.ec/ideas/ideas/la-desnudez-del-sumak-kawsay (accessed 10.02.2020).

Peru declares state of emergency over disputed mine. http: // www.bbc.com/news/world-latin-amer-

ica-16026619 (accessed 10.02.2020).
Piatakov, A.N. 2017. Pobeda Lenina Moreno v Ekvadore: mezhdunarodnyi i vnutripoliticheskii kontekst. [Lenin Moreno's victory in Ecuador: international and domestic political context]. *Latinskaia Amerika* 6: 17–27.
Pueblos Indigenas: el Derecho a Existir. http: http://www.gloobal.net/iepala/gloobal/fichas/ficha.php?entidad=Textos&id=2022&html=1 (accessed 10.02.2020).
Ramos A. 1988. *Sociedades indígenas*. São Paulo. 96 p.
Routledge, P. 2003. Anti-geopolitics. Introduction. In *The Geopolitics Reader,* edited by G.Ó. Tuathail, S. Dalby, and P. Routledge. London, New York: Taylor & Francis e-Library, 245–255.
Sacher, W., and M. Báez. 2016. Ekstraktivizm i Buen Vivir v Ekvadore. [Extractivism and Buen Vivir in Ecuador]. *Global'nyi dialog* 1 (6): 26–27.
Shoemaker, R. 1981. *The Peasants of El Dorado. Conflict and Contradictions in Peruvian Frontier Settlements*. Ithaca y London. 265 p.
Svampa, M. 2016. Brosaia vyzov neo-ekstraktivizmu v Latinskoi Amerike. [Challenging neo-extractivism in Latin America]. *Global'nyi dialog* 1 (6): 24–25.
Vanhanen, T. 2014. *Etnicheskie konflikty. Ikh biologicheskie korni v etnicheskom favoritizme* [Ethnic conflict. Their biological roots are in ethnic favoritism] Moscow: Kuchkovo pole. 288 p.
Vivir Bien desde los pueblos indígenas y originarios. http: // filosofiadelbuenvivir.com/ buen-vivir/ definiciones (accessed 10.02.2020).
Vizgunova, Yu.I., B.M. Merin, and Z.W.Iwanowski (eds.) 1994. *Latinskaia Amerika: politicheskie partii i sotsial'nye dvizheniia* [Latin America: political parties and social movements], 2. Moscow: ILA RAN.
Vorotnikova T. 2016. Desiat' let spustia: kak izmenilas' Boliviia pri Evo Moralese. [Ten years later: how Bolivia changed under Evo Morales]. *Svobodnaia mysl'* 6: 125–136.
Walton, B. 2016. *Conga Mine in Peru Halted by Water Concerns, Civic Opposition*. http: //www.circleofblue.org/2016/south-america/conga-mine-peru-halted-water-concerns-civic-opposition/ (accessed 10.02.2020).
Yasuni rainforest campaign. http: saveamericasforests.org/ Yasuni/index.html (accessed 10.02.2020).
Yasuni: *Ecuador abandons plan to stave off Amazon drilling*. http: //www.theguardian.com/world/2013/aug/16/ecuador-abandons-yasuni-amazon -drilling (accessed 10.02.2020).
Yuluila Ontiveros, A. 2004. *Perú: racismo y discriminación racial latente*. www.argentina.indymedia.org/news/2004/11/235864.php (accessed 10.02.2020).
Zibechi, R. 2006. *Indigenous Movements: between Neoliberalism and Leftist Governments*. http://upsidedownworld.org/archives/international/indigenous-movements-between-neoliberalism-and-leftist-governments/ (accessed 10.02.2020).

Shinkarenko, Alexandr A.

"Eco-territorial turn" and New Social Movements of Latin America

Considering the questions of Latin-American development is impossible without taking into account the existing environmental problems of the region. The human impact on the environment gave birth to new challenges, which were initially perceived as a local, but later moved to the global level. The so-called «eco-territorial turn» that we can observe in some Latin American countries was a reaction to the expansion of the neoextractivist policy of the authorities, which support the «Consensus of Commodities». The latter brought new forms of inequality and potential conflicts to the Latin American society. In our opinion, these trends can be seen not only as local forms of the mentioned problems, but also as possible ways to resolve them.

Key words: *neoextractivism, indigenous people, mining, Pachamama, pollution, development models.*

УДК
DOI

© А.Д. Щербакова

МЕСТО КОРЕННЫХ НАРОДОВ АРГЕНТИНЫ В ПРОЦЕССАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

В статье проанализированы этапы становления и закрепления периферийного положения коренных народов среди приоритетов политики Аргентинской республики, нацеленной на консолидацию государства и формирование национальной идентичности. Показано, что в колониальный период их интеграция и ассимиляция в контексте социально-экономических и политических процессов ограничивались как самими общинами, так и колониальными властями. Приводятся факты, подтверждающие, что после завоевания Аргентиной независимости объектом государственных интересов становятся территории традиционного проживания автохтонных групп, которые при этом последовательно исключаются из национальной политической повестки, для чего используется широкий арсенал средств – от снаряжения военных экспедиций до развертывания идеологических и пропагандистских кампаний в стране и за ее пределами.

Ключевые слова: *индейский вопрос, "цивилизация и варварство", "пустыня" как концепт и метафора, конструирование пространства, национально-культурная идентичность, фактор южной границы, биологический детерминизм*

В советской латиноамериканистике изучение коренных народов Аргентины носило фрагментарный характер и проводилось преимущественно в рамках исследования специфики этнических процессов и особенностей национальной консолидации (*Шейнбаум* 1981: 262–312) или в контексте подъема борьбы индейских организаций за этнополитические права в 1970-е годы (*Шейнбаум* 1985: 242–252; *Гончарова* 1993: 106–129). Что касается государственной политики в отношении индейского населения, она однозначно характеризовалась как «ассимиляторская и в лучшем случае покровительственная» (Шейнбаум, 1985: 249). В более поздних работах "индейский вопрос" в этой стране, как правило, рассматривался шире – в контексте феномена разделенных этносов *мапуче* и *гуарани* (*Ивановский и др.* 2003: 49–64), проблемы исчезновения традиционных языков (*Ракуц* 2009: 94–100), специфики политического участия коренных народов и особенностей их взаимодействия с государством в меняющихся условиях (*Ракуц* 2018: 130–140). Принимая это во внимание, в данной статье мы попытаемся заполнить одну из лакун в изучении данного вопроса, проанализировав особенности "индейской" политики Буэнос-Айреса под влиянием и в контексте императивов консолидации нации и формирования государственности в Аргентине.

Щербакова Анна Дмитриевна – к. полит. н., доцент, старший научный сотрудник Центра политических исследований, Институт Латинской Америки РАН (115035 Москва, ул. Б. Ордынка, 21/16) Эл. почта: anna_scherbakova@list.ru. **Scherbakova, Anna D.** – PhD of Political Studies, Institute of Latin American Studies, RAS (Moscow, Russia). E-mail: anna_scherbakova@list.ru

«Сосуществование без подчинения»

Отношения между коренным населением Нового Света и завоевателями, а позже и колонистами, складывались по-разному – в зависимости от специфики хозяйственного уклада и уровня культурного развития отдельных этносов, их готовности к ассимиляции в чуждую языковую и культурную среду и интеграции в чужеродные социально-экономические структуры. В этом плане место и роль индейского населения бассейна Ла-Платы в социально-экономических процессах по завершению конкисты менялись по мере расширения присутствия европейцев, сопровождавшегося постепенным закреплением колониальных порядков. С одной стороны, на первых этапах освоения и заселения региона европейцами представители коренных народов становятся элементом новой формирующейся на Ла-Плате этнической общности. Это было связано не только с численным преобладанием индейцев на новых для завоевателей территориях, но и с безусловным гендерным дисбалансом в пользу мужчин среди испанцев, что приводило к их физическому смешению с коренным населением на всем протяжении конкисты и появлению в результате новой этнической и социальной группы в колониях – потомков подобных смешанных союзов, метисов. Метисация таким образом явилась основным драйвером демографического роста в субрегионе.

С другой стороны, специфика и уровень развития хозяйственного уклада различных автохтонных групп во многом определили последующий характер освоения и колонизации тех или иных территорий, а значит, заложили основу региональных различий в рамках будущего вице-королевства. Это объяснялось гетерогенностью этнической карты будущей Аргентины, на территории которой проживали как высокоорганизованные кечуа и оседлые племена земледельцев-диагитов, возводивших крепости и строивших ирригационные сооружения на северо-западе, так и находившиеся на более ранних стадиях развития народы она и ягана, заселявшие острова на юго-востоке от Огненной Земли.

Кроме того, сохранение общины как основной структурной единицы коренных сообществ затруднило их ассимиляцию в колониальное общество, интеграцию в его социально-экономические структуры и процессы, способствовало определенной изоляции общин и их членов – даже с учетом того, что те продолжали существовать преимущественно в наименее пригодных для земледелия районах. Более того, в условиях распространения христианства и продвижения испанского языка в качестве основного средства коммуникации общины становятся хранителями традиционных языков и идентичности в широком смысле. В результате восприятие их членами европейских ценностей происходило по-прежнему через призму собственных ценностей и традиций, не затрагивая ключевых сторон жизни. Это позволило коренным народам сохранить свою этнокультурную идентичность и традиционный уклад, но серьезно ограничило их присутствие в жизни колонии (*Шейнбаум* 1981: 264–268).

Вне колониального общества находились также непокоренные индейцы, населявшие территории вице-королевства на юге и востоке. По некоторым данным, к концу XVIII в. лишь 10% индейцев пампы признавало власть европейских завоевателей. В этом контексте существование коренных народов, продолжавших сопротивляться привнесенным европейцами порядкам, осложняло не только “пространственное” продвижение колонизации, но и хозяйственное освоение бассейна Ла-Платы вплоть до середины XIX века. Мир “белых”, управлявшийся сначала колониальной администрацией, а позже властями независимой республики, и территории коренных народов, остававшиеся

практически независимыми от них, разделяла так называемая военная граница (исп. – *frontera bélica*). В приграничных районах поселения колонистов постепенно становятся своего рода форпостами для поддержания присутствия колониальных властей в удаленных от административных центров местах и поддержания ограниченных сношений (обмена товарами и услугами) с местным населением, что формирует, по определению аргентинского антрополога Э.У. Тринчеро, специфическую «систему сосуществования без подчинения», действовавшую на протяжении трех веков (*Trinchero* 2014: 180–181).

Это привело к тому, что и после окончания Войны за независимость с метрополией коренные народы продолжали восприниматься властями Объединенных провинций в качестве не субъекта, а объекта политики. После появления на карте Аргентинской республики перед Буэнос-Айресом стояли четыре основные задачи: прежде всего, добиться консолидации территорий, входивших в состав бывшего вице-королевства под своим управлением; сформировать национальное государство – по возможности, опять же, в границах вице-королевства; выработать собственную уникальную идею, способную стать фундаментом национально-культурной идентичности граждан; и занять подобающее молодому государству место на мировой арене. Соответственно, взаимодействие с коренными народами по-прежнему не было выделено в качестве одного из направлений государственной политики, а, скорее, оставалось фактором, способным влиять (зачастую негативно) на ее реализацию.

Территориальное измерение «индейского вопроса»

Сложность выполнения тогдашней политической повестки современный аргентинский историк Э. Адамовски объяснял необходимостью государству, как безличной форме осуществления политической власти, формировать народ из множественности жителей определенной территории так, чтобы те жили и действовали в соответствии с установленными гражданскими нормами, признавая легитимность этой государственности (*Адамовски* 2013: 123). Добавим, что ситуация осложнялась перекрестным действием целого комплекса внутриполитических факторов.

Взятый курс на распространение суверенитета Буэнос-Айреса на территории, подконтрольные ему в колониальный период, реализовывался в условиях многолетнего политического противостояния из-за выбора модели и пути развития республики. В этом контексте в первые десятилетия независимого развития решение “земельного вопроса” преследовало несколько целей: с одной стороны, расширения возможностей сельского хозяйства за счет новых плодородных территорий, с другой – приобретения правящими кругами лояльности среди провинциальных и военных элит посредством избирательного наделения новыми угодьями.

В результате в 1830-е гг. конфликт между унитариями и федералистами сопровождался так называемыми “экспедициями” в пустыню – военными походами для защиты земель, еще раньше захваченных у индейцев, и дальнейшего продвижения на юг, по сути же – кампаниями против проживавших там групп автохтонного населения. Так, “экспедиция в пустыню” 1833–1834 гг., завершившаяся захватом 100 тыс. км^2, сопровождалась разрушением индейских поселений и физическим истреблением их жителей (*Ларин* 2012: 118) и последующим перераспределением “приобретенных” наделов между сторонниками Хуана Мануэля де Росаса (губернатора провинции Буэнос-Айрес в 1829–1852 гг.).

Завершение процесса государственного строительства, ознаменовавшееся принятием Конституции Аргентинской конфедерации в 1853 г., закрепило доминирование агроэкспортной модели в качестве основы экономической жизни. В этом ключе коренные народы попадали в орбиту внимания властей по-прежнему преимущественно в контексте "собирания земель" в интересах развития сельского хозяйства, требовавших, помимо прочего, обеспечения безопасности приграничных территорий. Так, в Конституции 1853 г. индейцы упоминались только в пункте 15 ст. 64 Главы IV, перечисляющей полномочия Конгресса, призванного «обеспечивать безопасность границ; поддерживать мирное обращение с индейцами и способствовать их обращению в католичество» (Constitución 1853).

Таким образом интеграция территорий коренных народов в экономические и политические процессы сопровождалась вытеснением и\или истреблением их населения, что означало и вытеснение автохтонных этносов из процесса государственного строительства, постепенно ставшее частью аргентинской национальной идеи и – в более широком смысле – национально-культурной идентичности. Формирование национальной идеологии и определение места и роли в ней коренных народов происходили параллельно с реализацией мер по «обеспечению благосостояния страны, развития и благосостояния всех провинций, содействию развитию промышленности, строительству железных дорог и судоходных каналов, колонизации земель, находящихся в государственной собственности» (Ibid em).

В этом ключе менялись и подходы интеллектуальной и правящей элит к оценке места и роли коренного населения в процессах национального развития. Так, видный деятель борьбы за независимость на Ла-Плате Мариано Морено (1778–1811) в своей докторской диссертации «О личной повинности индейцев вообще и о янаконах и митайосах в частности», написанной в 1802 г. после посещения центра горнорудной промышленности в Потоси, утверждал, что положение индейцев несовместимо с принципами свободы, а также «с законами, которые рассматривают индейцев так же, как и прочих вассалов кастильской короны» (*Казаков* 2014: 54). При этом, по мнению российского историка-латиноамериканиста В.П. Казакова, проекты развития, разрабатываемые идеологами Майской революции впоследствии, автохтонные народы не учитывали вовсе (*Казаков* 2015: 21–48).

В дальнейшем их место в правительственных стратегиях определялось в рамках двух направлений – социального конструирования аргентинского пространства и, о чем упоминалось выше, создания национально-культурной идентичности граждан нового государства. Первое из них было ориентировано на включение территорий Пампы и Патагонии к югу от военной границы в состав государства и их интеграцию в социально-политические процессы, чего требовал экстенсивный характер аргентинского сельского хозяйства, уже тогда ориентированного на экспорт. Второе же – напротив, на исключение индейцев из числа основообразующих элементов формирующейся нации.

На основании существовавших к моменту появления национального государства географических исследований, с юга оно ограничивалось течениями рек Колорадо и Рио Негро, а территории по другую сторону, соответственно, воспринимались как своего рода "пустыня". Этот концепт пустыни – пространства, подлежащего колонизации и аккультурации, лежал в основе политики аргентинских правительств по продвижению на юг. Помимо расширения физических границ государства речь

шла о необходимости укрепления политических позиций Буэнос-Айреса в бассейне Ла-Платы в условиях распространенного представления о скрытой угрозе со стороны Чили и конфликтных отношений с Парагваем.

Метафора пустыни широко использовалась и для формирования официального дискурса о "нецивилизованности" местного коренного населения, что подкреплялось утверждениями о кочевом образе жизни племен, отсутствии у них частной собственности и стремления возделывать землю. Исходя из этого, с одной стороны, государство наделило себя правом "цивилизовать" эти народы посредством превращения "пустыни" в объект заселения и насаждения там европейской социально-экономической модели. С другой – представление о Патагонии не просто как о пустыне, но о пустыне, расположенной на территории ЗА границей Аргентины (о чем утверждалось, например, в «Катехизисе географии» 1856 года издания), становилось аргументом для заявлений об иностранном происхождении индейцев и, по мнению аргентинского исследователя П. Наварро Флории, отправной точкой в формировании образа страны не только БЕЗ пустыни, но и БЕЗ "нецивилизованных" и мятежных индейцев (*Navarro Floria* 1999).

Если в колониальный период "цивилизацию" и "варварство" разделяла военная граница, то в последующие десятилетия территория Пампы и северной Патагонии, где активно действовали аргентинцы и чилийцы – военные, торговцы, исследователи и миссионеры – становится пограничным пространством. Доминго Фаустино Сармьенто (1811–1888), один из "отцов-основателей" аргентинской нации, характеризовал южную границу не как пустоту или хаос, а как альтернативу государственному порядку, которую следует считать врагом и победить в стремлении к единству нации (Ibid 2005).

В результате вопрос о пересмотре системы "сосуществования без подчинения" становится важной частью политической повестки молодой республики среди мер по формированию образа Аргентины на международной арене на основе конструируемого образа нации. Одной из ключевых идей было стремление исключить из этого процесса коренные народы как воплощение того самого "варварства", стоявшего на пути молодой республики к прогрессу, апеллируя к растиражированным уверениям в европейском происхождении аргентинцев, "сошедших с кораблей". По мнению уже упоминавшегося Э.У. Тринчеро, эта антропологическая метафора имела два противоречивых, но при этом взаимосвязанных значения. Первое состояло в том, что именно европейцы заселили "пустующие" территории и составили "костяк" их населения, после чего своими усилиями по колонизации добились включения нового государства в мировой рынок. Второе же, противоположное по смыслу, заключалось в том, что благодаря специфике своего государственного и национального строительства Аргентина может (и должна) считаться частью Европы, что становится ключевым элементом национальной идентичности (*Trinchero* 2006: 124). В результате, в отличие, например, от мексиканцев середины XIX в., их современники на Ла-Плате до определенного момента не включали прошлое автохтонных этносов в национальную историю, но готовы были считать их гражданами создававшегося государства (*Quijada* 2000: 383).

При этом отношение части интеллектуальной и политической элиты к коренному субстрату нации на протяжении большей части столетия формировалось в русле социал-дарвинистских теорий, проникавших из Европы и накладывавшихся на местные представления о необходимости победы над "варварством" в границах национальной территории. Так, автор проекта Конституции Аргентинской федерации 1853 г. Хуан Баутиста Альберди (1810–1884) основной инструмент прогресса видел

в притоке “избранной европейской иммиграции” и не считал коренное население частью этого процесса. В своей ключевой работе «Основы и исходные положения для политической организации Аргентинской республики» он утверждал, что «в условиях независимости коренные народы не играют роли и не являются частью мира в нашем политическом и гражданском обществе. Мы, называющие себя американцами, – не что иное, как европейцы, рожденные в Америке» (*Alberdi* 2017: 91). Поэтому именно «животворящий дух европейской цивилизации», «промышленные привычки, «цивилизационные практики» и иммиграция из Старого света должны были стать «средством прогресса и культуры» в странах Южной Америки (Ibid 2017: 97).

Ему вторил военный и общественно-политический деятель и президент Аргентины в 1868–1874 гг. Доминго Фаустино Сармьенто, видевший в привлечении европейской иммиграции «основное средство достижения общественного покоя и гражданского упорядочения, которым располагает на сегодняшний день1 Аргентинская Республика» (*Сармьенто* 1988: 374). При этом он рассматривал приток европейцев в русле расовой теории, которую, судя по всему, разделял, – как способ заменить белой расой “испаноамериканскую”, возникшую в результате смешения испанцев с представителями “рабской доисторической расы”, к которой он относил автохтонное население континента. По его мнению, это было необходимо для победы “цивилизации” городов, сконцентрированной на Ла-Плате, над “варварством” пампы на севере страны, населенной невежественными индейцами и метисами (*Ларин* 2010: 230–231).

Таким образом, коренные народы продолжали оставаться на периферии интересов молодого государства и рассматриваться по-прежнему преимущественно в качестве некой помехи, осложнявшей и тормозившей развитие страны. Во второй половине XIX в. на смену императиву территориальной консолидации пришла необходимость консолидации национальной на основе конструируемой элитами национальной идеи. Как было показано выше, ее основополагающим постулатом, как и политики по привлечению иммигрантов, выступало утверждение об отсутствии в стране коренных народов, на десятилетия ставшее частью официального дискурса. К тому же, перспективы решения остававшейся на повестке дня задачи по интеграции в мировое сообщество и международные экономические отношения начинали зависеть от состояния так называемого земельного вопроса, непосредственно увязанного с территориями, заселенными индейцами.

Наука на службе у государства

В основе “индейской” политики аргентинских правительств на протяжении большей части второй половины XIX столетия лежали официальный дискурс “страны без индейцев” и собственно меры по его воплощению в жизнь – упоминавшиеся экспедиции в пустыню. Примечательно, что для поддержки государственного курса в этот период широко использовались наука (прежде всего, география, история и антропология) и искусство, развивавшиеся в контексте и под влиянием общемировых трендов. Одним из них был биологический детерминизм, распространение которого привело к появлению своего рода расизма в академической среде, – убежденность в преобладающей роли биологических факторов в определении пределов и возможностей социально-экономического и политического прогресса отдельных общностей.

[1] Цитируемая монография была написана в 1845 г.

Особенно ярко эта тенденция проявлялась в критической оценке потенциала молодых латиноамериканских республик по преодолению экономической и политической нестабильности первых десятилетий независимого существования. Целый ряд видных политических деятелей и ученых того времени – от автора «Демократии в Америке» Алексиса де Токвиля до этнолога и естествоиспытателя Роберта Нокса – склонялся к тому, чтобы ставить под сомнение перспективы постколониального развития иберoамериканских государств именно из-за распространенности там смешанных браков между испанцами и коренными народами и, соответственно, заметной доли метисного населения. Подобные суждения лишь подпитывали неопределенность латиноамериканских интеллектуалов в отношении собственной расовой и этнической идентичности, призванной тем не менее стать одним из основных элементов формирования национальных государств.

В этом контексте реализация курса аргентинских правительств на формирование образа страны, населенной потомками “сошедших с кораблей” европейцев, столкнулась с очевидными трудностями в виде “отсутствующего” коренного населения. К тому же находки геологов и палеонтологов в центральных и южных районах страны, вновь и вновь подтверждавшие факт заселенности этих территорий задолго до появления европейцев, также не коррелировали с этой позицией официального Буэнос-Айреса. К разрешению этой дилеммы были привлечены натуралисты и антропологи во главе с натуралистом-самоучкой Флорентино Амегино (1854–1911) и основателем Музея естественной истории в г. Ла-Плата Франсиско Морено (1852–1919), стоявшим у истоков Аргентинского научного общества.

Этих исследователей объединяло стремление найти подтверждение своей гипотезе об американском происхождении человечества, основным очагом которого оба считали бассейн Ла-Платы. Их гипотеза обосновывала существование коренных народов на аргентинской территории в качестве предшественников современных естествоиспытателям аргентинцев – нации, которую еще только предстояло создать – и таким образом не противоречила ни целям военных кампаний на южной границе, ни стратегическому курсу правительств по формированию образа страны как цивилизованного государства, обладающего потенциалом для участия на равных в международных политических и экономических отношениях.

При аргументации этой теории Ф. Амегино отталкивался от представления об отсутствии доказательств заселения Америк в результате миграций из Европы. По его мнению, кросс-континентальные соответствия в ботанике, зоологии, лингвистике и геологии подтверждали лишь факт постоянного взаимодействия населения Европы, Африки и обеих Америк, но не того, что это взаимодействие происходило только в одном направлении. Такой подход допускал вероятность миграции одной или нескольких автохтонных американских рас в Азию, оспаривая представление о ключевой роли Европы в заселении мира. Эта гипотеза американского происхождения человека (и человечества) не просто опровергала устоявшиеся в научной среде теории, но могла преследовать цели, лежавшие за пределами академического признания, поскольку позиционировала периферию как центр, окраину – как потенциальный источник происхождения. По мнению современных исследователей, это предположение бросало вызов европейским претензиям на превосходство и было нацелено на своеобразное возвышение Америки.

Как уже говорилось, утверждения Амегино и его последователей об автономном происхождении и развитии цивилизации на Ла-Плате, что делало именно Аргентину

колыбелью всего человечества, подкреплялись найденными артефактами жизни там автохтонных сообществ. В результате сложилась парадоксальная ситуация: для отстаивания этой гипотезы ее сторонникам приходилось оперировать материальными доказательствами исторического пребывания в границах республики индейцев, в то же время отрицая их современное существование в рамках политики государства по формированию образа "расово однородной" страны без "коренного элемента". Был найден следующий выход: в качестве элемента преистории автохтонные народы объявлялись "всеобщими предками", их останки и артефакты – частью национального культурного наследия, но они же исключались из национального настоящего по причине утверждений об их "расовой неполноценности" (*Kerr* 2017: 65–71).

В задачу же географов по-видимому входило обоснование справедливости притязаний Буэнос-Айреса в отношении территорий традиционного проживания автохтонных племен. Заметную роль в этом сыграл француз Виктор Мартин де Мусси, совершивший путешествие по территориям ряда провинций Аргентины, Парагвая и Чили в 1856–1858 годах. Он был нанят правительством Конфедерации и опубликовал «Географическое и статистическое описание Аргентинской Конфедерации», в котором описывал Патагонию как аргентинскую территорию. При этом кочевые народы, ее населявшие, он ассоциировал с животным миром Пампы или элементами ландшафта "пустыни", считая частью «великой монгольской расы» (*Navarro Floria* 2005: 88–111). Современные историки считают его работы примером официального курса на "официальное забвение" коренных народов в информационном пространстве внутри страны и за ее пределами, нацеленного на формирование образа страны, привлекательной для потенциальных иммигрантов и инвесторов. В основе этой привлекательности лежал транслируемый им образ страны без коренного населения, коррелировавший с идеями Сармьенто о плодородной пустыне в ожидании человека (очевидно, европейского иммигранта, занятого в сельском хозяйстве) (Ibid 1999).

Наряду с отдельными отраслями науки и в рамках соответствующего политического дискурса не менее эффективным инструментом формирования национальной аргентинской идеи становится искусство, в том числе и при определении места в ней автохтонных групп населения. В первые годы существования молодой республики его "вспомогательная" роль выражалась в так называемом художественном национализме, который, в свою очередь, реализовывался в двух измерениях. С одной стороны, "официальный национализм" был направлен на создание средствами живописи и скульптуры, собственного пантеона героев Войны за независимость для визуализации этого важнейшего этапа национальной истории. С другой – национализм неофициальный, находивший отражение в художественном отражении аргентинской действительности, ее пейзажей, персонажей и их обычаев во всем многообразии.

В результате именно живопись становится важнейшим проводником рассмотренной выше концепции "пустыни" как элемента государственной политики по консолидации территории в пределах национальных границ. Визуализация официального дискурса противопоставления "цивилизации" "варварству" выражалось в изображении конфликта культур, ареной для которого и была "пустыня", конфликта между образом жизни (а иногда и непосредственно вооруженных столкновений) местного креольского населения и коренных народов. Отсюда преобладание среди сюжетов на полотнах того времени как аргентинских, так и иностранных художников сцен нападений немирных индейцев, зачастую сопровождавшихся похищениями белых женщин. Такими необыкновенно выразительными художественными символами ар-

гентинского “варварства” в “пустыне” стали полотна баварского художника Йоганна-Морица Ругендаса (1802–1858) «Похищение пленницы», «Малон» и «Похищение белой женщины» уругвайца Хуана Мануэля Бланеса (1830–1901), а также «Возвращение Малона» Анхеля Делла Валле (1852–1903) (*Giordano* 2009: 1284–1285).

Принято считать, что одним из основных источников вдохновения художников, далеко не все из которых руководствовались личными впечатлениями при изображении диких и воинственных индейцев, выступала популярная поэма «Пленница» аргентинского политика и поэта Эстебана Эчеверрии (1805–1851 гг.), начинающаяся сценами нападения индейцев на поселение колонистов и празднества в честь удачного набега. Анализируя это произведение как воплощение не только философских и эстетических, но и социально-исторических взглядов части аргентинской интеллектуальной и политической элиты, видный отечественный литературовед Б.Ю. Субичус подчеркивал отсутствие выписанных индивидуализированных образов коренных народов, что, по его мнению, свидетельствовало о распространенном восприятии автохтонных этносов как «безликой своенравной массы, движимой не силой разума, а прихотью инстинктов» (*Субичус* 1977: 40–41).

Очень показательным, на наш взгляд, является и образ коренного населения, созданный знаменитым певцом культуры и образа жизни аргентинских гаучо Хосе Эрнандесом (1834–1886) в поэме «Мартин Фьеро». Приведем наиболее выразительные строфы: «Где индейцы побывали,\ словно буря там прошла.\ Горя сколько, сколько зла!\ Как нагрянут их отряды,\ тут уж не проси пощады:\ все крушат и жгут дотла. Как нагрянут на поселок,\ им раздолье: грабят, жгут,\ женщин – тех в полон берут.\ Пленницам, чтоб не сбегали,\ кожу со ступней сдирали;\ сам не видел, может, врут» (*Эрнандес* 1984). Таким образом в массах населения, далекого от реалий пограничной жизни, формировалось представление об индейцах не только как о “других” по отношению к креолам-носителям европейских ценностей, но как об опасных соседях, сосуществование с которыми угрожает территориальной целостности и затрудняет формирование нации.

Что касается исторической науки, то и она становится чрезвычайно эффективным инструментом формирования национальной памяти и идентичности, в чем так нуждались аргентинские правительства в середине XIX века. В результате историки сосредоточились на создании общепринятых представлений о происхождении аргентинской нации и, что логично, осмыслении (или переосмыслении) места в ней коренных народов, что, соответственно, также должно было стать своего рода теоретическим обоснованием политики Буэнос-Айреса в отношении этой группы населения. Неслучайно в центре большинства работ того периода по данной теме находился вопрос о южной границе и целесообразности применения насильственных мер для ее продвижения и поддержания контроля на пограничных территориях. Более того, П. Наварро Флориа предположил, что именно «воображаемое завоевание» Пампы и Патагонии сделало возможным ее фактическое покорение в результате военных операций в 1875–1888 годах (*Navarro Floria* 2005: 88–111). В результате вопрос южной границы закономерно трансформируется из предмета исторических исследований в фактор политической борьбы, исход которой определял позицию правительства в отношении коренного населения.

Граница как яблоко раздора

В этом плане в академических и политических кругах Ла-Платы вплоть до 70-х гг. XIX в. с переменным успехом доминировали два основных дискурса: индихенистский, представители которого видели решение "индейского вопроса" в "разумном сочетании силы, союзов и соблазна" для приобщения коренного населения к преимуществам цивилизованной жизни; и воинствующий, олицетворением которого были риторика и политика президента Аргентины в 1880–1886 и 1898–1904 гг. Хулио Архентино Роки (1843–1914), рассматривавшего походы в "пустыню" как высший этап испанского завоевания.

Первым теоретиком-государственником политики в отношении индейской границы был испанский военный Педро А. Гарсиа (1758–1833), с юности живший на берегах Ла-Платы и присоединившийся позже к революционному движению. В контексте продвижения границы и поддержания контроля на пограничных территориях предлагаемые им способы взаимодействия с индейцами включали "мирное, но твердое" обращение и "умеренное" применение силы в случае необходимости.

После завоевания независимости все громче стали раздаваться голоса противников подобного патерналистского подхода к отношениям с коренными народами. Среди тех, кто активно призывал к отходу от традиции мирного взаимодействия с ними (в частности, с народом *мапуче*), стоит упомянуть все того же Д.Ф. Сармьенто и разделявшего во многом его взгляды государственного деятеля и президента Аргентины в 1862–1868 гг. Бартоломе Митре, считавшего столкновения с коренными народами «злом, которое страна переживала в течение многих лет, поскольку они неизбежно подпитывали наши продолжающиеся внутренние разногласия» (*Navarro Floria* 2005: 88–111). В этом ключе более агрессивные наступательные действия на южных рубежах с целью закрепления границы молодого государства по Рио-Гранде обосновывались, прежде всего, императивами государственного строительства.

На практике это привело к тому, что современные исследователи квалифицируют как политику геноцида (или этноцида) в отношении коренных народов Чако и Патагонии (*Trinchero* 2006:121–135; *Delrio* 2010; *Fontán 2011*: 1–12), отталкиваясь от определения геноцида, данном в Конвенции ГА ООН 1948 г. о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. Под геноцидом там понимаются следующие действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую: а*)* убийство членов такой группы; б*)* причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы; в*)* предумышленное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение ее; г*)* меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в среде такой группы; д*)* насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую (Конвенция 1948).

Печально известными примерами подобных действий являются «завоевание пустыни» (исп. Conquista del Desierto) (Пампа и Патагония, 1878–1885 гг.) и «кампании в зеленой пустыне» (исп. Campaña del Desierto Verde) (Чако, 1884–1917 гг.), отмеченные переселением и заключением коренных сообществ в концентрационные лагеря; лишением личности в результате принудительного крещения; похищением и эксплуатацией женщин и детей; «охотой на людей» профессиональными "охотниками за индейцами"; массовыми отравлениями животных, употребляемых индейцами

в пищу; убийствами мужчин и депортациями женщин (*Fontán 2011*: 1–12).

* * *

Согласно результатам первой “всеиндейской” переписи населения, состоявшейся в Аргентине лишь в 1966–1967 гг., численность ее коренных народов не превышала 150 000 человек (*Шейнбаум* 1985: 242). При этом еще в период конкисты на этой территории насчитывалось порядка 800 тысяч представителей «разрозненных и отсталых» кочевых и оседлых племен (*Селиванов* 1977: 9). Однако последующие этапы социально-экономического и политического развития республики стали временем постепенного сокращения присутствия автохтонных народов во всех сферах жизни общества. Об этом свидетельствуют, в частности, данные Национального конгресса, обнародованные в 1878 г., согласно которым в начале XVII в. индейское население Ла-Платы составляло порядка 2 млн человек, к концу XVIII в. оно сократилось до 500 тысяч, а к 1878 г. – уже до 300 тысяч (*Ермолаева и др.* 1961: 216). В интерпретации этих данных можно согласиться с советскими историками, утверждавшими, что официальная статистика могла занижать фактическую численность коренных этносов для подтверждения целенаправленно поддерживаемого государством представления об «отсутствии в стране индейцев и индейской проблемы как таковой» (*Шейнбаум* 1985: 242).

Помимо этого, жесткая позиция официального Буэнос-Айреса в первые десятилетия независимого существования Аргентины выражалась в последовательном исключении коренных народов как социальной группы из общественно-экономических и политических процессов, важнейшими из которых были консолидация национального государства в контексте и на основе конструирования национальной же идеи. Поскольку целевая аудитория доминировавшего дискурса о “стране без индейцев” находилась преимущественно за ее пределами, для его распространения и подкрепления государство опиралось не столько на военную силу, использовавшуюся непосредственно против коренных народов, сколько на обширный арсенал теоретического инструментария науки, а также изобразительно-выразительных средств различных жанров искусства.

Источники и материалы

Конвенция 1948 – Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, принята резолюцией 260 (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1948 года. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml (дата обращения 23.01.2020).

Сармьенто 1988 – *Сармьенто Доминго Фаустино*. Цивилизация и варварство. Жизнеописание Хуана Факундо Кироги, а также физический облик, обычаи и нравы Аргентинской республики. Москва, 1988.

Эрнандес Хосе 1984 – *Эрнандес Хосе*. Мартин Фьерро. Песнь третья. Перевод с исп. Михаила Донского. Москва, 1984.

Alberdi 2017 – *Alberdi, Juan Bautista*. Bases y puntos de partida para la organización política de la República Argentina / Juan Bautista Alberdi; incluye prólogo de Matías Farías. Buenos Aires: Biblioteca del Congreso de la Nación, 2017.

Constitución 1853 – Constitución de la Confederación Argentina (1 de mayo de 1853). https: // www.wipo.int/edocs/lexdocs/laws/es/ar/ar147es.pdf (fecha de acceso 18.01.2020)

Научная литература

Адамовски Э. Культурные, этнографические и классовые аспекты становления аргентинской государственности// Латиноамериканский исторический альманах. 2013. № 13. С. 122–144.

Гончарова Т.В. Автохтонное культурное наследие как база эндогенного развития // Сбудутся ли пророчества? Латинская Америка: индейцы и общество / Отв. ред. Ю.А. Зубрицкий. Москва: ИЛА РАН, 1993. С. 106–129.

Ларин Е.А. (отв. ред. и сост.) История Латинской Америки в мировой исторической и общественной мысли XVI–XIX вв. М.: Наука, 2010.

Казаков В.П. Аргентинский якобинец Мариано Морено // Латинская Америка. 2014. № 12. С. 53–61.

Казаков В.П. Идеологи Майской революции в Аргентине// Латиноамериканский исторический альманах. 2015. № 15. С.21–48.

Ермолаева В.И. (отв. ред.), Лаврова Н.М., Штрахова А.И. (под ред.) Очерки истории Аргентины. М.: Наука, 1961.

Ларин Е.А. (отв. ред.) Политическая история стран Латинской Америки в XIX веке. М.: Наука, 2012.

Ивановский З.В., Зубрицкий Ю.А., Глинкин А.Н., и др. Разделенность этноса в контексте международных отношений // Латинская Америка. 2003. № 2. С. 49–64.

Ракуц Н.В. Индейские языки Южной Америки // Латинская Америка. 2009. № 5. С. 94–100.

Ракуц Н.В. Аргентина // *Ракуц Н.В*. Культура индейских народов и политика государства. Южноамериканские реалии / Отв. ред. Я.Г. Шемякин. М.: ИЛА РАН, 2018. С. 130–140.

Селиванов В.Н. Культура колониальной Аргентины // Культура Аргентины /Белей Н.Г. (ред.). М.: Наука, 1977.С. 9–25.

Субичус Б.Ю. Из истории аргентинской литературы 16–19 вв. // Культура Аргентины / Белей Н.Г. (ред.). М.: Наука, 1977. С. 26–59.

Шейнбаум Л.С. Аргентина. Особенности формирования и развития нации / Этнические процессы в странах Южной Америки / Отв. ред. И.Ф. Хорошаева, Э.Л. Нитобург. М.: Наука, 1981. С. 262–312.

Шейнбаум Л.С. Индейцы тоба Аргентины/ Исторические судьбы американских индейцев. Проблемы индеанистики / Отв. ред. В.А. Тишков. М.: Наука, 1985. С. 242–252.

Ashley K. From Savagery to Sovereignty: Identity, Politics, and International Expositions of Argentine Anthropology (1878–1892). Isis. 2017. Vol. 108, no. 1, March. https://doi.org/10.1086/691395 (accessed 25.06.2019).

Delrio W., Lenton D., Musante M., Nagy M. Discussing Indigenous Genocide in Argentina: Past, Present, and Consequences of Argentinean State Policies toward Native Peoples. Genocide Studies and Prevention: An International Journal. 2010. Vol. 5, Iss. 2, Article 3. http://scholarcommons.usf.edu/gsp/vol5/iss2/3 (accessed 25.06.2019).

Fontán M. Genocidio de los pueblos indígenas y desaparición cultural de la generación americanista de la Independencia: ¿Punto final? http://conti.derhuman.jus.gov.ar/2011/10/mesa_6/fontan_mesa_6.pdf (fecha de acceso 25.06.2019).

Giordano M. Nación e identidad en los imaginarios visuales de la Argentina. Siglos XIX y XX. ARBOR Ciencia, Pensamiento y Cultura. 2009, noviembre–diciembre. doi: 10.3989/arbor.2009.740n1091. P. 1284–1288. (fecha de acceso 25.06.2019).

Navarro Floria P. La conquista de la memoria: La historiografía sobre la frontera sur Argentina durante el siglo XIX. Universum. 2005. No. 20 (1). P. 88–111. https://dx.doi.org/10.4067/S0718-23762005000100007 (fecha de acceso 25.06.2019).

Navarro Floria P. Un país sin indios. La imagen de La Pampa y La Patagonia en la geografía del naciente Estado argentino. Scripta Nova. Revista Electrónica de Geografía y Ciencias Sociales. Universidad de Barcelona. 1999. No. 51 (1), de noviembre. http://www.ub.edu/geocrit/sn-51.htm (fecha de acceso 25.06.2019).

Quijada M. Nación y Territorio: La dimensión simbólica del espacio en la construcción nacional argentina. Siglo XIX. Revista de Indias. 2000. Vol. LX. No. 219. URL: revistadeindias.revistas.

csic.es/index.php/revistadeindias/article/view/511 (fecha de acceso 25.06.2019).

Trinchero H.H. The genocide of indigenous peoples in the formation of the Argentine Nation-State. Journal of Genocide Research. 2006. Vol. 8 (2), June. P. 121–135. DOI: 10.1080=14623520600703008 (accessed 25.06.2019).

Trinchero H.H. Pueblos indígenas, estados nacionales y fronteras: tensiones y paradojas de los procesos de transición contemporáneos en América Latina. – 1a ed. – Ciudad Autónoma de Buenos Aires: Editorial de la Facultad de Filosofía y Letras Universidad de Buenos Aires, 2014.

References

Adamovski, E. 2013. Kul'turnye, etnograficheskie i klassovye aspekty stanovleniia argentinskoi gosudarstvennosti [Cultural, ethnographic and class aspects of the formation of Argentine statehood]. *Latinoamerikanskii istoricheskii al'manakh* 13: 122–144.

Goncharova, T.V. 1993. Avtokhtonnoe kul'turnoe nasledie kak baza endogennogo razvitiia [Autochthonous Cultural Heritage as a Base for Endogenous Development] In *Sbudutsia li prorochestva? Latinskaia Amerika: indeitsy i obshchestvo*. [Will the Prophecies Come True? Latin America: Indians and Society], edited by Yu.A. Zubrickiy, 106–129. Moscow: ILA.

Larin, E.A. (ed.). 2010.*Istoriia Latinskoi Ameriki v mirovoi istoricheskoi i obshchestvennoi mysli XVI–XIX* vv. [History of Latin America in world historical and social thought of the 16th–19th centuries]. Moscow: Nauka.

Kazakov, V.P. 2014. Argentinskii iakobinets Mariano Moreno [Argentine Jacobin Mariano Moreno]. *Latinskaia Amerika* 12: 53–61.

Kazakov, V.P. 2015. Ideologi Maiskoi revoliutsii v Argentine [Ideologues of the May Revolution in Argentina]. *Latinoamerikanskii istoricheskii al'manakh* 15: 21–48.

Ermolaeva, V.I. (ed.), N.M. Lavrova and A.I. Shtrakhova. 1961.*Ocherki istorii Argentiny* [Essays on the history of Argentina]. Moscow: Nauka.

Larin, E.A. (ed.). 2012. *Politicheskaia istoriia stran Latinskoi Ameriki v XIX veke* [Political history of Latin American countries in the 19th century]. Moscow: Nauka.

Rakuts, N.V. 2009. Indeiskie iazyki Iuzhnoi Ameriki [Indian languages of South America]. *Latinskaia Amerika* 5: 94–100.

Rakuts N.V. 2018. Argentina [Argentina] In: *Kul'tura indeiskikh narodov i politika gosudarstva. Iuzhnoamerikanskie realii* [Indian culture and state policy. South American realities], edited by Ya.G. Shemiakin, 130–140. Moscow: ILA RAN.

Ivanovskiy Z.V., Yu.A. Zubritskiy, A.N. Glinkin et al. 2003. Razdelennost' etnosa v kontekste mezhdunarodnykh otnoshenii [Separation of ethnos in the context of international relations]. *Latinskaia Amerika* 2: 49–64.

Subichus, B.Yu. 1977. Iz istorii argentinskoi literatury 16–19 vekakh [From the history of Argentine literature of the 16–19 centuries] In *Kul'tura Argentiny Argentiny* [Argentina culture], edited by N.G. Beley, 26–59. Moscow: Nauka.

Selivanov, V.N. Kul'tura kolonial'noi Argentiny [Colonial Argentina culture] In:, (ed). *Kul'tura Argentiny* [Argentina culture], edited by N.G. Beley, 9–25. Moscow: Nauka.

Sheinbaum, L.S. 1981. Argentina. Osobennosti formirovaniia i razvitiia natsii. [Argentina. Features of the formation and development of the nation] In *Etnicheskie protsessy v stranakh Iuzhnoi Ameriki* [Ethnic processes in the countries of South America], edited by I.F. Horoshayeva, and E.L. Nitoburg, 262–312. Moscow: Nauka.

Sheinbaum, L.S. 1985. Indeitsy toba Argentiny [Toba Indians of Argentina]. In I*storicheskie sud'by amerikanskikh indeitsev. Problemy indeanistiki* [Historical destinies of American Indians. Problems of Indian Studies], edited by V.A. Tishkov, 242–252. Moscow: Nauka.

Ashley, K. 2017. From Savagery to Sovereignty: Identity, Politics, and International Expositions of Argentine Anthropology (1878–1892). In *Isis* 1 (March). https://doi.org/10.1086/691395 (accessed 25.06.2019).

Delrio, W., D. Lenton, M. Musante and M. Nagy. 2010. Discussing Indigenous Genocide in Argentina: Past, Present, and Consequences of Argentinean State Policies toward Native Peoples. In: *Genocide Studies and Prevention: An International Journal* 5 (2): Article 3. http://scholarcommons.usf.edu/gsp/vol5/iss2/3 (accessed 25.06.2019).

Fontán, M. 2019. Genocidio de los pueblos indígenas y desaparición cultural de la generación americanista de la Independencia: Punto final? [Genocide of indigenous peoples and cultural disappearance of the Americanist generation of Independence: End point?] http://conti.derhuman.jus.gov.ar/2011/10/mesa_6/fontan_mesa_6.pdf (fecha de acceso 25.06.2019).

Giordano M. 2009. Nación e identidad en los imaginarios visuales de la Argentina. Siglos XIX y XX. [Nation and identity in the visual imaginaries of Argentina]. *ARBOR Ciencia, Pensamiento y Cultura.* noviembre-diciembre. doi: 10.3989/arbor.2009.740n1091 Pp. 1284–1288. (fecha de acceso 25.06.2019).

Navarro, F.P. 2005. La conquista de la memoria: La historiografía sobre la frontera sur Argentina durante el siglo XIX. [The conquest of memory: Historiography on the southern Argentine border during the 19th century] *Universum (Talca)* 20 (1): 88–111. https://dx.doi.org/10.4067/S0718-23762005000100007 (fecha de acceso 25.06.2019).

Navarro, F.P. 1999. Un país sin indios. La imagen de La Pampa y La Patagonia en la geografía del naciente Estado argentino [A country without Indians. The image of La Pampa and Patagonia in the geography of the nascent Argentine State]. *Scripta Nova. Revista Electrónica de Geografía y Ciencias Sociales*. Universidad de Barcelona 51 (1) de noviembre. http://www.ub.edu/geocrit/sn-51.htm (fecha de acceso 25.06.2019).

Quijada, M. 2000. Nación y Territorio: La dimensión simbólica del espacio en la construcción nacional argentina. Siglo XIX [Nation and Territory: The symbolic dimension of space in Argentine national construction. XIX century]. *Revista de Indias* LX (219). URL: revistadeindias.revistas.csic.es/index.php/revistadeindias/article/view/511 (fecha de acceso 25.06.2019).

Trinchero, H.H. 2006. The genocide of indigenous peoples in the formation of the Argentine Nation-State. *Journal of Genocide Research* 8(2), June: 121–135. doi: 10.1080=14623520600703008 (accessed 25.06.2019).

Trinchero, H.H. 2014. *Pueblos indígenas, estados nacionales y fronteras: tensiones y paradojas de los procesos de transición contemporáneos en América Latina*. [Indigenous peoples, nation states and borders: tensions and paradoxes of contemporary transition processes in Latin America]. 1a ed. – Ciudad Autónoma de Buenos Aires: Editorial de la Facultad de Filosofía y Letras Universidad de Buenos Aires.

Scherbakova, Anna D.

The Place Of The Indigenous Peoples Of Argentina In The Processes Of State And National Construction

The article analyses the stages of consolidating the peripheral position of indigenous peoples among the State priorities of the Argentine Republic, aimed at consolidating the state and creating a national identity. It has been shown that during the colonial period their integration and assimilation into socio-economic and political processes were limited both by the communities themselves and the colonial authorities. After independence, the territories of the traditional residence of autochthonous groups become the object of state policy, which were consistently excluded from the national political agenda by use a wide arsenal of means – from equipping military expeditions to launching ideological and propaganda campaigns in the country and beyond.

Keywords: *Indian question, "civilization and barbarism", "desert" as a concept and metaphor, space construction, national-cultural identity, southern border factor, biological determinism*

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ МОЗАИКА

УДК 323:39(2Р-6Мо)(045)
DOI

© А.В. Мартыненко

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В РЕСПУБЛИКЕ МОРДОВИЯ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ*

В статье анализируется языковая ситуация в современной Республике Мордовия (РМ), которая представляет собой полиэтничный регион. Основными этническими группами в республике являются русские, мордва и татары. Мордва делится на два субэтноса – эрзя и мокша. Доминирование русского языка в республике совершенно очевидно, что связано с процессами ассимиляции, которые происходят в регионе на протяжении многих десятилетий. В то же время в школах РМ преподаются мордовские языки; есть национальные (мокшанские, эрзянские, татарские) школы, национальные газеты и журналы, программы на национальных языках на республиканском телевидении и радио. Однако этнокультурные организации РМ считают необходимым дальнейшее расширение государственной поддержки мордовских и татарского языков.

По вопросу о развитии мордовских языков среди национальной интеллигенции, в первую очередь представителей филологического научно-преподавательского сообщества, утвердились две точки зрения. Первая из них заключается в раздельном развитии мокшанского и эрзянского языков. Вторая фактически не возражает первой, но считает необходимым создание единого литературного мордовского языка на основе синтеза мокшанского и эрзянского. Решительно против данного проекта выступают активисты Фонда спасения эрзянского языка, которые считают его еще одним шагом к «искусственной ассимиляции» эрзян. В дискуссии о едином литературном мордовском языке заключена чрезмерная политизация этой этнокультурной проблемы. Ни руководство Мордовии, ни сторонники такого языка не провозглашают своей целью его насильственное насаждение. Значительная часть мокшанской и эрзянской интеллигенции заняла по этому вопросу скорее выжидательную, чем оппозиционную позицию.

Таким образом, можно констатировать, что языковой фактор в Мордовии тесно взаимосвязан с этнополитической ситуацией. В то же время обозначенные проблемы в области языковой ситуации в РМ не исключили высокого уровня этнической толерантности, свойственной Мордовии, как, впрочем, и всему Поволжью в целом.

Мартыненко Александр Валентинович – д.и.н., профессор, Мордовский государственный педагогический институт имени М. Е. Евсевьева (430007 Саранск, Студенческая ул., 11а,). Эл. почта: arkanaddin@mail.ru **Martynenko, Alexander V**. – doctor of history, Mordovian State Pedagogical Institute (Saransk, Russia). E-mail: arkanaddin@mail.ru

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 17-29-09152 в рамках проекта «Русский язык, языки народов России и российская идентичность: антропологические подходы к изучению языковой ситуации и этнокультурной политики»

Ключевые слова: *языковая ситуация, Республика Мордовия, билингвизм, ассимиляция, поликультурное образование, этнокультурные организации мордвы и татар*

О значении языка для развития культуры, сохранения ценностей и воспроизводства идентичности каждого этноса написано и сказано очень много – как в публицистике, так и в научных исследованиях. Это представляется вполне объяснимым: действительно, язык в значительной степени формирует для «своего» этноса «картину мира»: «особенности осознования и восприятия окружающего, соответствующий тип отношения к власти, представления о сверхъестественном и «идеальном», смысле жизни, о способе реализации своего потенциала и многое другое, все то, что определяет менталитет или ментальность» (*Полякова* 1998: 22).

Филолог Л.П. Водясова следующим образом формулирует характер взаимодействия языка и этнической культуры: «Разумеется, национальная культурная картина мира первична по отношению к языковой. Она полнее, богаче и глубже, чем соответствующая языковая. Однако именно язык реализует, вербализует национальную культурную картину мира, хранит ее и передает из поколения в поколение. Язык фиксирует далеко не все, что есть в национальном видении мира, но способен описать все» (*Водясова* 2012: 74).

Языковая политика и, шире, языковая ситуация являются чрезвычайно важными для всех государства тем более для такого полиэтничного, как Российская Федерация. В связи с этим, социолог О.Б. Истомина отмечает: «Межкультурные коммуникации и языковые контакты в современной реальности являются неотъемлемой характеристикой любого территориального объекта. Этот сложный многогранный процесс говорит о взаимодействии целого ряда субъектов нескольких уровней. Прежде всего, это взаимодействие самих культур, выражения социального опыта, истории, аксиологического наследия конкретного народа; во-вторых, это механизм взаимодействия языков, отражающих особенности культур; в-третьих, это контакты самих носителей культуры и языка, прямых субъектов взаимодействия» (*Истомина* 2012: 70).

В современной России, с ее более чем ста языками, соблюдение принципов равенства и исключения дискриминации в данной сфере, по сути, представляют собой условие сохранения и укрепления этнополитической стабильности. В то же время в РФ данный вопрос имеет свою специфику, о чем этнолог Н.И. Новикова пишет следующее: «Вопрос о родном языке не прост, так как в России для некоторых народов, особенно являющихся национальными меньшинствами… родным языком стал русский. В этом случае язык становится скорее элементом культурного наследия, чем средством коммуникации. Для таких языков требуются особые усилия государства, чтобы защитить права человека на образование, свободу творчества, сохранение исторического и культурного наследия» (*Новикова* 2011: 57). В полной мере это относится и к современной Мордовии.

Республика Мордовия (далее по тексту – РМ), как и все Среднее Поволжье, традиционно является полиэтничным регионом. На протяжении столетий ее территория представляла собой своеобразное русско-финно-угорско-тюркское пограничье, сохраняя в этнокультурном плане этот статус до сегодняшнего дня. И в настоящее время основными этническими группами в республике являются русские (60%), мордва (32,5%) и татары (6%). Мордва делится на два субэтноса – эрзя и мокша.

Мокшане расселены преимущественно в западных и южных районах Мордовии, в бассейне реки Мокша, эрзяне – в восточных районах.

Языковая ситуация в РМ может быть охарактеризована как четырехкомпонентная: основными языками являются русский, мокшанский, эрзянский, татарский. Но доминирование русского языка в республике совершенно очевидно. Количество его носителей превышает количество носителей других языков. Русский язык употребляется преимущественно в городах, остальные языки – в сельской местности. Коммуникативная мощность русского языка гораздо больше, чем у мордовских и татарского языков. У русского языка больше сфер применения и обширнее спектр функций, чем у остальных языков, в том числе у мокшанского и эрзянского, которые, наряду с русским, являются государственными в РМ. Русский язык в Мордовии является языком науки и высшего образования, за исключением отделений родного языка на филологических факультетах вузов республики. В административной сфере фактически используется только русский, а роль двух других государственных языков РМ в местном делопроизводстве весьма символична.

Численное превосходство русского населения объективно привело к тому, что русские в Мордовии, в абсолютном большинстве своем, не ощущают потребности изучать и знать мордовские языки. А в смешанных «русско-мордовских» семьях «безраздельно господствует» русский язык, и дети от таких браков зачастую говорят только на русском.

Более того, филолог и литературовед Е.А. Жиндеева указывает на устойчивую тенденцию «русификации» национальной мокшанской и эрзянской литературы в условиях билингвизма: «Все чаще современные мордовские писатели создают произведения на русском языке, что частично объяснимо: это позволяет расширить читательскую аудиторию, скрыть недостаточное владение своим родным языком и т.п. Но через билингвизм (или воздействия такого рода) в национальное самосознание проникают идеи, враждебные этническому мироощущению, нарушающие преемственность традиций» (*Жиндеева* 2012: 117).

Обозначенная выше ситуация связана с естественными процессами интеграции и ассимиляции, которые происходят в регионе на протяжении многих десятилетий. Причины, характер, масштабы и последствия этого дискутируются как в научном сообществе, так и в среде этнокультурных организаций, в средствах массовой информации, в Интернет-пространстве. Очевидно, что важную роль в происходящих процессах играет дисперсный характер расселения мордвы по всей территории России, при этом в Республике Мордовия проживает менее половины от общей численности мордвы. Этнологи Н.Ф. Мокшин и Е.Н. Мокшина по данному поводу пишут следующее: «Мордовский народ на современном этапе переживает несколько этнических процессов, из которых наибольшую угрозу для его самосохранения представляет этническая ассимиляция, принявшая тенденцию к депопуляции. Подтверждением тому служат данные ряда переписей населения. Если наивысший пик численности мордвы был зафиксирован всесоюзной переписью населения 1939 г. – 1 млн 456 тыс. (сравните: в 1897 – 1 млн 24 тыс., в 1926 – 1 млн 340 тыс.), то в 1959 г. она составила 1 млн 285 тыс., в 1970 г. – 1 млн 263 тыс., в 1979 г. – 1 млн 162 тыс. В 1989 г. состоялась последняя Всесоюзная перепись населения, зафиксировавшая в СССР 1 млн 153 тыс. мордвы, из которой 1 млн 73 тыс. проживало в РСФСР. По Всероссийской переписи населения 2002 г. эта цифра уменьшилась до 845 тыс., а в 2010 г. до

744 тыс.» (*Мокшин, Мокшина* 2015: 27). Впрочем, процитированные исследователи указывают, что не разделяют точки зрения «некоторых современных авторов о том, что отмеченная тенденция есть следствие настоящего «геноцида», проводившегося де российским правительством» (*Мокшин, Мокшина* 2015: 27). Под «некоторыми авторами» здесь в первую очередь подразумеваются отдельные активисты общественной организации Фонд спасения эрзянского языка, которые не только принципиально не признают единство мордовского народа, но и считает ассимиляцию эрзян и мокшан целенаправленной государственной политикой в России на протяжении имперской, советской и постсоветской эпох, трактуя ее как некий «этноцид».

Тем не менее, языковая ситуация в Мордовии все же представляет собой русско-национальное двуязычие: носителями русского языка является фактически всё население республики, но около половины говорит и на родном (нерусском) языке, несмотря на ассимиляционные процессы, особенно затронувшие мордву. Это, в свою очередь, свидетельствует о благоприятном характере межэтнических отношений. В частности, этнолог О.В. Абрамова по данному поводу отмечает: «Мордва в республике не относит себя к национальному меньшинству, поэтому чувствует себя более уверенно и комфортно, чем в иных местах и реже сталкиваются с негативным отношением со стороны людей других национальностей. Достаточно высокий уровень значимости национальной принадлежности для мордвы позволяет говорить о ее позитивной идентичности» (*Абрамова* 2012: 7). Иную оценку идентичности мокшан и эрзян дает филолог Н.М. Мосина, которая говорит о наличии «проблемы низкого национального самосознания» мордвы (*Мосина* 2009: 24).

Для татар республики проблема выхода их родного языка из повседневного обихода не является такой острой, как для мордвы, поскольку степень ассимиляции татар неизмеримо меньше. Даже в советский период татары Мордовии сохраняли свой язык и свой этнокультурный уклад (из которого, правда, тогдашняя власть всеми способами старалась «вытравить» исламскую составляющую). На современном же этапе татарский язык стал проявлением и религиозной идентичности: если молитвы в мечетях Мордовии произносятся на арабском, то хутбы – проповеди имама – читаются, как правило, на татарском.

В конце 1990-х – начале 2000-х гг. в Мордовии был принят ряд законов, имеющих непосредственное отношение к языковой сфере. Прежде всего, это закон РМ «О государственных языках в Республике Мордовия» (№ 19-3, 1998 г.); закон РМ «Об образовании в Республике Мордовия» (№ 48-3, 1998 г.); а также широкий комплекс постановлений правительства РМ и Главы РМ. Указанные нормативно-правовые документы РМ отражают основные принципы и аспекты Концепции национальной образовательной политики Российской Федерации, в том числе равные права всех языков на сохранение и развитие; запрет на дискриминацию по языковому признаку; государственная поддержка образовательных учреждений с обучением на национальных языках; учет системой образования местной языковой специфики.

Исследователь Хельсинкского университета К.Ю. Замятин, рассуждая о перспективах преподавания национальных языков в России, пишет: «Обязательное изучение языков в качестве государственных в ситуации, когда школы отказываются от преподавания языка в качестве родного, может вызывать перевод школ с преподавания языка в качестве родного на его преподавание в качестве государственного. Такое изменение существенно ухудшит преподавание языков. Обычно на препода-

вание титульного языка как государственного в республиках в соответствии с базовым учебным планом выделяется до двух часов в неделю, которых хватает только на ознакомление с языком, но не на приобретение достаточной языковой компетенции. Предпочтение изучения языка в качестве родного изучению его в качестве государственного с точки зрения развития языковой компетенции несомненно, потому что в качестве родного язык преподается детям в больших объемах, от трех до пяти часов, в зависимости от класса и республики» (*Замятин* 2011: 185–186).

Однако в РМ в этом отношении ситуация достаточно благополучная. В настоящее время учебные дисциплины «Эрзянский язык», «Мокшанский язык» входят в инвариантную часть Базисного учебного плана для общеобразовательных учреждений. В большинстве школ республики мордовские языки преподаются со 2 по 7 классы в формате 2 часа-урока в неделю. Дисциплина обеспечена учебно-методическим комплексом, в том числе учебниками «Мокшень кель» и «Эрзянь кель». В селах же с компактным проживанием мордвы есть национальные мордовские школы. Здесь обучение с 1 по 4 классы идет полностью на мокшанском или эрзянском языке, а русский язык изучается как предмет. Затем, с 5 класса по 9/11 классы обучение переводится на русский язык, а мокшанский или эрзянский язык изучается как предмет. Для начальных классов этих школ на мордовских языках изданы учебники по математике и «Окружающему миру».

Кроме того, в Мордовии с советского периода действует достаточно качественная подготовка специалистов по национальным языкам, в том числе учителей национальных языков, на вузовском уровне. Эту подготовку обеспечивают филологические факультеты Мордовского государственного университета и Мордовского государственного педагогического института. Помимо указанных выше вузов, исследованиями в области мордовской филологии занимается Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве РМ.

В Мордовском университете до недавнего времени мордовские языки традиционно (с советского периода) преподавались на всех без исключения факультетах и во всех институтах, входящих в состав университета), с вариативностью от первого до пятого курса. Однако, в связи с сокращением часов на вариативную часть дисциплин в учебных планах, в 2017–2018 учебном году абсолютное большинство структурных подразделений университета отказались от данной дисциплины (и эта ситуация сохраняется до настоящего времени). В итоге мокшанский и эрзянский языки остались в качестве учебных предметов только на филологическом факультете вуза, то есть на факультете, для которого эти языки являются базовой частью учебного плана. Здесь мордовские языки преподаются в рамках ОПОП (Основной профессиональной образовательной программы) 45.03.01 – Филология, профиль «Отечественная филология (Языки и литературы народов России (мокшанский/эрзянский), русский язык и литература) и представлены следующими учебными дисциплинами: «Мордовский язык» (1 курс), «Современный мокшанский язык» (1–3 курсы), «Современный эрзянский язык» (1–3 курсы), «Диалекты мокшанского языка» (2 курс), «Диалекты эрзянского языка» (2 курс), «Мордовский языковой билингвизм» (3 курс), «История мокшанского языка» (3 курс), «История эрзянского языка» (3 курс), «Диалектная основа мокшанского/эрзянского литературного языка» (магистратура). По указанному ОПОП университет разработал свой собственный образовательный стандарт в рамках приоритетного направления развития вуза «Фундаментальные и прикладные исследования в области финно-угроведения».

В Мордовском государственном педагогическом институте, на первых курсах всех факультетов преподается дисциплина «Язык и культура мордовского народа», объем которой составляет 72 часа, из них 36 аудиторных (академическая отчетность – зачет). Дисциплина в указанном учебном году фактически сменила курсы «Мордовский язык», преподаваемые в таком же формате ранее. Примечательно, что в рамках этого предмета студенты изучают параллельно и эрзянский, и мокшанский языки.

Кроме того, на сегодняшний день только в одном республиканском вузе – Мордовском педагогическом институте – готовят учителей татарского языка (национальные академические группы студентов на филологическом факультете). В 2017 г., также на организационной площадке МГПИ, в Мордовии впервые прошли курсы повышения квалификации для учителей татарского языка с участием приглашенных специалистов Казанского федерального государственного университета.

Многие школы соседних с Мордовией регионов нуждаются в профессионально подготовленных преподавателях родного (мокшанского или эрзянского) языка и литературы, в воспитателях дошкольных учреждений, учителях начальных классов со знанием мордовских языков. В связи с этим в Мордовском государственном педагогическом институте создан межрегиональный национальный центр, назначение которого заключается в подготовке высококвалифицированных кадров для национальных (мордовских) школ, находящихся за пределами республики. Институтом налажены тесные связи с представителями мордовской диаспоры в республиках Башкортостан, Татарстан, Чувашия, а также в Пензенской, Самарской, Ульяновской, Оренбургской областях. Формы сотрудничества варьируются от консультативных встреч до презентаций учебно-методических материалов, обеспечивающих преподавание мордовских языков и учебных дисциплин на мордовских языках (*Мартыненко* 2011: 183–184).

Как известно, летом 2017 г. ситуация с преподаванием национальных языков в российских школах актуализировалась в связи с заявлением Президента РФ. Напомним, что 20 июля указанного года Президент России В. В. Путин, выступая на заседании Совета по межнациональным отношениям в Йошкар-Оле (Республика Марий Эл), заявил о недопустимости принудительного изучения неродных языков в школах.

Последствиями этого публичного выступления Президента России стали определенные коррективы, содержательные и методико-организационные, которые были внесены в процесс преподавания национальных языков в различных регионах страны, а также достаточно бурная и негативная реакция со стороны разнообразных этнонациональных активистов (в Мордовии в качестве таковых выступили упомянутые выше деятели Фонда спасения эрзянского языка).

С 1 января 2018 г. на общеобразовательные учреждения Республики Мордовия распространились изменения в ФГОС, которые касаются преподавания родных и государственных языков. В школы впервые вводится новая обязательная предметная область – «Родной язык и литературное чтение на родном языке» и «Родной язык и родная литература». Изучение мокшанского и эрзянского языков как государственных языков Республики Мордовия входит в вариативную часть учебного плана, которую формирует каждое отдельное общеобразовательное учреждение. При этом добровольность в изучении этих языков, в частности – согласие родителей школьников является обязательным принципом (до этого данный принцип зачастую не соблюдался или носил формальный характер). Министерство образования РМ рекомендует школам включать в перечень учебных предметов изучение

одного из мордовских языков либо на «безотметочной» основе, либо по двухбалльной школе (оценки «хорошо» и «отлично»).

Что качается отражения языковой специфики Мордовии в региональных СМИ, то абсолютное большинство масс-медиа, разумеется, представляют собой русскоязычный контент. В то же время в республике есть периодические издания, которые полностью или частично выходят на национальных языках: на мокшанском (газета «Мокшень правда», журналы «Мокша» и «Якстерь Тештеня»), эрзянском (газеты «Эрзянь правда» и «Эрзянь Мастор», журналы «Сятко» и «Чилисема»), татарском (газета «Юлдаш»). Кроме того, Мордовское книжное издательство выпускает художественную и публицистическую литературу на мордовских языках.

Кроме того, на региональном телевидении и радио есть программы на мокшанском, эрзянском, татарском языках (татарская «Туган тел» на радио, эрзянская «Сияжар» на ТВ), но они занимают незначительную часть эфирного времени. Например, в телеэфире программы на мордовских языках занимают ежедневно от 45 до 60 минут. Отчасти этот недостаток восполняет Интернет, в котором создаются и развиваются порталы и блогосфера на национальных языках республики, особенно активно – на эрзянском.

По вопросу о дальнейшем развитии мордовских языков среди национальной интеллигенции, в первую очередь представителей филологического научно-преподавательского сообщества, утвердились две точки зрения.

Первая точка зрения, представленная в трудах Д. Т. Надькина, Д. В. Цыганкина, заключается в раздельном развитии мокшанского и эрзянского языков. Правда, сторонники этой точки зрения не исключают взаимовлияния и взаимного обогащения этих языков. Например, филолог О.Е. Поляков пишет: «Мокшанский должен использовать исконную лексику эрзянского языка (*сюкпря* вместо «здравствуй», *прявт* вместо «руководитель»), эрзянский – исконную лексику мокшанского (*тежянь* вместо «тысяча», *паваз* вместо «счастье»). Эрзянский язык должен изучаться мокшанами в школах и вузах, а мокшанский – эрзянами. Таково требование сегодняшнего дня» (*Поляков* 2003: 30–31).

Вторая точка зрения (филолог М.В. Мосин, этнолог А.С. Лузгин) фактически не возражает первой, но считает необходимым создание единого литературного мордовского языка на основе синтеза мокшанского и эрзянского. Данный проект, до настоящего времени не реализованный, вызывает различную реакцию. В беседах с представителями мордовской интеллигенции, особенно профессорско-преподавательского сообщества, автор данной статьи в основном сталкивался со сдержанным скепсисом по вопросу о необходимости такого языка. Решительно против выступают активисты Фонда спасения эрзянского языка, которые, придумав неблагозвучную аббревиатуру ЕМЯ («единый мордовский язык»), считают его создание еще одним шагом к «искусственной ассимиляции» эрзян.

В дискуссии о едином литературном мордовском языке заключена чрезмерная политизация этой, по большему счету, этнокультурной проблемы. Ни руководство Мордовии, ни сторонники такого языка не провозглашают своей целью его насильственное насаждение. В этом отношении сентенции о «подавлении эрзянской идентичности», якобы вызывающем «глухую ненависть эрзянского народа», представляются гипертрофированными. Более того, предполагается существование нового языка параллельно с уже существующими литературными вариантами мокшанского и эрзянского.

Как было указано выше, значительная часть мокшанской и эрзянской интеллигенции заняла по этому вопросу скорее выжидательную, чем оппозиционную позицию.

В целом, несмотря на заявленный равный правовой статус русского и мордовских языков, при использовании их как государственных приоритет, тем не менее, в ряде случаев отдается русскому языку. Данное положение, с одной стороны, соответствует современным реалиям, в которых русский язык является языком межнационального общения, в том числе и при языковых контактах мокшан и эрзян. Однако, с другой стороны, чтобы не усугублять несбалансированность существующего в республике билингвизма, необходимо более активно укреплять статус мордовских языков.

Таким образом, можно констатировать, что языковой фактор в Мордовии тесно взаимосвязан с этнополитической ситуацией. В то же время обозначенные проблемы в области языковой ситуации в РМ не исключили высокого уровня этнической толерантности, свойственной Мордовии, как, впрочем, и всему Поволжью в целом. Основой этнической толерантности в рассматриваемом поликультурном регионе России стала социально-психологическая общность, образованная не по этническому, а по региональному (территориальному) признаку. Показателем такой общности выступает близость социокультурных ценностей, межэтнических установок и образов социальной перцепции у представителей разных этнических групп.

Научная литература

Абрамова О.В. Межэтническое взаимодействие в Республике Мордовия как проявление и результат толерантных отношений // Поликультурный диалог в современном мире: сб. ст. / под ред. Н. Ф. Беляевой. Ч. 1. Саранск, 2012. С. 3–7.

Водясова Л.П. Взаимосвязь понятий «человек», «язык», «культура» // Поликультурный диалог в современном мире: сб. ст. / под ред. Н. Ф. Беляевой. Ч. 1. Саранск, 2012. С. 73–80.

Жиндеева Е.А. Русскоязычная литература Мордовии: за и против // Поликультурный диалог в современном мире: сб. ст. / под ред. Н. Ф. Беляевой. Ч. 1. Саранск, 2012. С. 113–117.

Замятин К.Ю. Реформы в российском образовании и перспективы преподавания национальных и родных языков // Формирование идентичности финно-угорского мира и российское образование: сб. ст. / Отв. ред. С.М. Вдовин. Саранск, 2011. С. 174–189.

Истомина О.Б. Билингвизм: социальная типология языковых контактов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 1 (15). Ч. 1. С. 70–74.

Мартыненко А.В. Республика Мордовия: финно-угорские языки и региональная перспектива в сфере образования // Правовой статус финно-угорских языков и этнокультурные потребности российской школы / Под ред. В. А. Тишкова. М.: ИЭА РАН, 2011. С. 178–188.

Мокшин Н.Ф., Мокшина Е.Н. Этнические процессы у мордвы на современном этапе // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2015. № 4(32). С. 26–30.

Мосина Н.М. Исследование особенностей двуязычия мордвы в Республике Мордовия и в местах компактного проживания в Российской Федерации // Финно-угорский мир. 2009. № 2. С. 24–29.

Новикова Н.И. Поддержка и развитие финно-угорских языков. Правовой аспект // Правовой статус финно-угорских языков и этнокультурные потребности российской школы / Под ред. В. А. Тишкова. М.: ИЭА РАН, 2011. С. 56–63.

Поляков О.Е. О путях расширения функций мордовских (мокшанского и эрзянского) языков // Проблемы и перспективы развития восточных финно-угорских языков: сб. ст. / Отв. ред. М.В. Мосин. Саранск, 2003. С. 28–31.

Полякова Т.М. Менталитет полиэтнического общества. М.: ИЭА РАН, 1998. 424 с.

References

Abramova, O.V. 2012. Mejetnicheskoye vzaimodeystviye v Respublike Mordoviya kak proyavleniye i rezultat tolerantnih otnosheniy [Interethnic interaction in the Republic of Mordovia as a manifestation and result of tolerant relations]. *Multicultural dialogue in the modern world: Digest of articles*, edited by N.F. Belyaeva, 1: 3–7. Saransk

Istomina, O.B. 2012. Bilingvizm: sotsialnaya tipologiya yazikovih kontaktov [Bilingualism: a social typology of language contacts]. *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice* 1(15). Vol. 1: 70–74.

Jindeeva, E.A. Russkoyazichnaya literature Mordoviyi: za i protiv [Russian-language literature of Mordovia: the pros and cons]. *Multicultural dialogue in the modern world: Digest of articles*, edited by N.F.Belyaeva, 1: 113–117. Saransk.

Martynenko, A.V. 2011. Respublika Mordoviya: finno-ugorskiye yaziki i regionalnaya perspektiva v sfere obrazovaniya [Republic of Mordovia: Finno-Ugric languages and a regional educational perspective]. In *The legal status of the Finno-Ugric languages and the ethno-cultural needs of the Russian schoo*l, edited by V. A. Tishkov, 178–188. Moscow.

Mokshin, N.F., Mokshina, E.N. 2015. Etnicheskiye protsesi u mordvi na sovremennom etape [Mordovian ethnic processes at the present stage]. *Humanities: Actual Problems of the Humanities and Education* 4 (32): 26–30.

Mosina, N.M. 2009. Issledovaniye osobennostey dvuyazichiya mordvi v Respublike Mordovia i v mestah kompaktnogo projivaniya v Rossiyskoy Federatsiyi [Study of the features of bilingualism of Mordovians in the Republic of Mordovia and in places of compact residence in the Russian Federation]. *Finno-Ugric world* 2: 24–29.

Novikova, N.I. 2011. Podderjka ii razvitiye finno-ugorskih yazikov. Pravovoy aspect [Support and development of Finno-Ugric languages. Legal aspect]. In *The legal status of the Finno-Ugric languages and the ethno-cultural needs of the Russian school*, edited by V. A. Tishkov, 56–63. Moscow.

Polyakov, O.E. 2003. O putyah ras'shireniya funktsiy mordovskih (mokshanskogo ii erzyanskogo) yazikov [On ways to expand the functions of the Mordovian (Mokshan and Erzya) languages]. In *Problems and prospects of development of the Eastern Finno-Ugric languages: Digest of articles*, edited by M.V. Mosin, 28–31. Saransk.

Polyakova, T.M. 1998. *Mentalitet polietnicheskogo obshestva* [The mentality of a multi-ethnic society]. Moscow.

Vodyasova, L.P. 2012. Vzaimosvyaz ponyatiy "chelovek", "yazik", "kultura" [The relationship of the concepts of "man", "language", "culture"]. *Multicultural dialogue in the modern world: Digest of articles*, edited by N.F. Belyaeva, 1: 73–80. Saransk.

Zamyatin, K.Yu. 2011. Reformi v rossiyskom obrazovaniyi i perspektivi prepodavaniya nazionalnih ii rodnih yazikov [Reforms in Russian education and prospects for teaching national and native languages]. In *The formation of the identity of the Finno-Ugric world and Russian education: Digest of articles*, edited by C.M. Vdovin, 174–189. Saransk.

Martynenko, Alexander V.

The Language Situation in the Republic of Mordovia: main trends

The article analyzes the language situation in the modern Republic of Mordovia (RM), which is a multi-ethnic region. The main ethnic groups in the republic are Russians, Mordovians and Tatars. Mordva is comprised of two subgroups – Erzya and Moksha. The dominance of the Russian language in the republic is obvious, which is due to the assimilation processes that has been taking place in the region for many decades. At the same time, Mordovian languages are taught in the schools of the Republic of Moldova; there are national (Moksha, Erzya, Tatar) schools, national newspapers and magazines, programs on national

languages on the republican television and radio. However, ethno-cultural organizations of the Republic of Moldova consider it necessary to further expand state support for the Mordovian and Tatar languages.

Among the national intelligentsia, primarily teachers and scholars of philology, there are two main points of view regarding further development of Mordovian languages. The first one supports separate development of the Moksha and Erzya languages. The second one does not actually contradict to it, but considers it necessary to create a unified literary Mordovian language based on the synthesis of Moksha and Erzya. Activists of the Foundation for the Salvation of the Erzyan Language, who consider this move as another step towards the "artificial assimilation" of the Erzyan, strongly oppose this project. The discussion about a single literary Mordovian language has been excessively politicized. Neither the leaders of Mordovia, nor the supporters of such a language aim to enforce it to population. A significant part of the Moksha and Erzya intelligentsia preferred to wait and see rather than oppose to the project.

To sum up, the linguistic factor in Mordovia is closely interconnected with the ethno-political situation. At the same time, the identified problems of linguistic situation in the Republic of Moldova did not undermine the high level of ethnic tolerance typical for Mordovia and the entire Volga region.

Keywords: *language situation, Republic of Mordovia, bilingualism, assimilation, multicultural education, ethno-cultural organizations of Mordovians and Tatars*

УДК
DOI

© *А.В. Сызранов*

КОЛДОВСТВО (СИХР) У ТАТАР АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Статья посвящена изучению традиций колдовства (сихр) у татар Астраханской области. На основании этнографических материалов сделан вывод, что под колдовством у татар понимается, прежде всего, вредоносная магия, порча. Выявлена четкая связь представлений о колдовстве с верованиями в злых духов. Обнаружены параллели традиций колдовства у нижневолжских татар с аналогичным явлением у других этнотерриториальных групп татар России, в частности, средневолжских, сибирских. Приводимые в статье материалы по этнографии колдовства у татар Астраханской области впервые вводятся в научный оборот.

Ключевые слова: *Астраханская область, колдовство, магия, порча, сихр, татары*

Колдовство, магия (араб. *сихр*), согласно Корану, – один из больших грехов в исламе (20:69/72, 72/75; 10:77/78). В то же время различного рода магические практики и оккультные знания составляли одну из важнейших сторон культуры всех слоев мусульманского средневекового общества. Астрология играла большую роль в исламском культе и в быту, в русле развития естественных наук важное место занимала алхимия. Практически ни одно из серьезных философских сочинений не обходилось без глав, посвященных магии. Этой теме уделяли внимание и математические сочинения. Гадания и талисманы были и являются характерной чертой мусульманского быта. В качестве последних часто выступают Коран, отдельные суры и айаты. В средневековом суннитском богословии различали два вида магии – «*законную*» (араб. *ат-тарика ал-махмуда* – одобряемый путь) и «*запретную*» (араб. *ат-тарика ал-мазмума* – порицаемый путь). Считалось, что первая восходит к первочеловеку-пророку Адаму и царю-чародею, повелителю джиннов Сулайману, а вторая – к дьяволу-Иблису. Полагалось, что магия как таковая основана на связи колдуна с духами-джиннами. Люди, практикующие «законную» магию (*ал-муаззимун* – заклинатели), достигают этой цели посредством подчинения воле Аллаха и обращения к нему за помощью. Те, кто занимается «запретной» магией (*ас-сахара* – колдуны), связываются с джиннами при помощи злых дел. В мусульманском мире такая практика запрещалась, иногда под страхом смерти (*Резван* 1991: 211).

Предметом нашей статьи является *сихр* у татар Астраханской области. Магия была известна тюркам Нижней Волги с давних времен. Анонимный арабский ав-

Сызранов Андрей Вячеславович – к.и.н., заведующий кафедрой философии, социологии и лингвистики, Астраханский государственный архитектурно-строительный университет (414056 Астрахань ул. Татищева, 18). Эл.почта: A_Sizranov@mail.ru **Syzranov, Andry V.** – Ph. in Hist., Astrakhan State University of Architecture and Civil Engineering (Astrakhan, RF). E-mail: A_Sizranov@mail.ru

тор XIV в. со слов некоего Бурхан ад-Дина Ибрахима сообщает: «Вот что я видел в городе Сарае, в степи Кипчацкой, в землях тюрков (имеется в виду г. Сарай – столица Золотой Орды, расположенная в низовьях Волги – А.С.). Случилось, что они (сарайцы) страдали от засухи и что у них не выпадало дождя; вследствие этого они пришли в отчаяние… Вдруг к ним пришла женщина *чародейка* (курсив наш – А.С.) и сказала им: «Если вы хотите, чтобы к вам пришел дождь, то дайте мне денег». Тогда она уговорилась с жителями города, чтобы они собрали для нее с каждых трех лиц два дирхема и чтобы эти деньги были оставлены у кадия, что если к ним (жителям) придет дождь (вследствие ее чар), то она возьмет деньги, если же нет, то деньги будут возвращены… На другой день все из города отправились за черту его, к тамошней горе, на которой старуха уже успела разбить палатку. Когда время стало подходить к полудню, старуха вышла из палатки: перед нею была одна коза (или козел), с которой была содрана кожа до головы. В руке ее (старухи) находился прут, который она устремляла по направлению к западу. Когда она сделала это, то Аллах всевышний заставил появиться тучу и повелел полить дождю. И задождило по воле Аллаха всевышнего» (*Тизенгаузен* 1884: 550).

Нельзя точно сказать, имела (или не имела) «женщина чародейка» хоть какое-нибудь отношение к исламу. Однако, успех ее по существу магических действий, естественно, объяснялся автором-мусульманином как проявление Божественной воли. Обряд вызывания дождя (правда, в совсем уже другой, исламизированной форме) бытует в некоторых селах татар, ногайцев, казахов и туркмен Астраханской области. В данном обряде есть элементы имитативной магии, однако к колдовству-*сихр*, в понимании нижневолжских тюрков, он не имеет никакого отношения.

В «Летописи о многих мятежах и разорении Московского государства» содержится история о гибели в Астрахани крымского царевича Мурад-Гирея. В 1591 г. некие *бусурманские ведуны* (судя по тексту, из местных тюрков) в городе *испортили* царевича. Воеводы привели к нему лекаря-араба. Араб сказал, что царевича нельзя вылечить, пока не сыщут ведунов, которые его портили, пошел с русскими людьми в юрты, схватил там ведунов и принялся их мучить. Ведуны сказали: «Если кровь больного не замерзла, то можно пособить». Тогда араб велел ведунам метать из себя кровь в лохань, и они выметали всю кровь, которую выпили из сонного царевича, его жен и других татар и тем их испортили. Ведуны рассказывали арабу по порядку: вот это – кровь царевича, это – жен, это – других татар. Кровь царевича и одной из его жен замерзла, и ведуны сказали, что им не быть живыми, если же чья-то кровь не замерзла и ею помазать больного, то он останется жив. Мурад-Гирей все-таки умер, воеводы донесли обо всем в Москву, ведунов пытали всячески, но ничего не добились. Лекарь-араб сказал, что такими пытками от ведунов ничего не добиться, и велел вложить им в зубы конские удила, повесить их за руки и бить не по телу, а по стене напротив, и тогда ведуны начали говорить. «А на пытках те Ведуны сказывали, что портили Царевича и цариц и татар, пили из них сонных кровь». После пытки ведунов сожгли, при этом слетелось огромное количество сорок и ворон (Летопись 1788: 18–19; *Зайцев* 2006: 191).

Ценные сведения о колдовстве-*сихр* у казанских татар с. Новые Булгары Икрянинского района Астраханской области были собраны местным краеведом Ш.К. Сиражетдиновым. По его материалам, жители села уверены, что колдуны-*сихырчи* имеют

дело с *жен-пери* – злыми духами[1]. Одно упоминание о колдовстве приводит сельчан в крайнее волнение, и всеми порицается. Зловредное *искусство* колдуна признается всеми реальной угрозой физическому или психическому здоровью человека (*Сиражетдинов* 2008: 191). Зифнуна Фатхуллаева сообщает, что колдуны пускают по ветру заговеренные нити, и человек, случайно их коснувшийся или наступивший на них, может получить головную боль или легкий пралич (*Сиражетдинов* 2008: 159). По словам Тамары Уразгаливой, колдовство может быть причиной появления у человека беспричинного страха (*Сиражетдинов* 2008: 184).

В Новых Булгарах жил Абдрахман Баширов (1881 г.р.). Был образованным человеком, учительствовал, давал частные уроки детям сельчан. Славился, как знаток Корана, ворожей-*багуче* (от татарского *багу* – смотреть, *чы*, *че* – аффикс, означающий род деятельности) и колдун-*сихырчи*. Интересно, что сельчане не боялись Абдрахмана и вспоминают о нем с теплотой. Сатира Киреева рассказала, что в 1960-е годы в селе поссорились две соседки. Тогда одна из них решила заколдовать другую и тайком взяла из ее расчески волосы, покрасила их и замотала ниткой. Затем попросила Абдрахмана навести порчу на соседку. Та вскоре сильно заболела и сама, в свою очередь, обратилась к колдуну с просьбой снять с нее порчу. Однако, Абдрахман неожиданно умер. Потерпевшая женщина говорила, что колодовство убило самого колдуна (*Сиражетдинов* 2008: 192).

Нажия Джумакаева рассказала Ш.К. Сиражетдинову, что у ее отца Хусаина была книга на арабском языке с описаниями магических обрядов. Иногда жители села брали ее на время. Сам Хусаин *сихром* не занимался, и тогда книгу у него «выпросил Абдрахман Баширов, который умел колдовать» (*Сиражетдинов* 2008: 193).

По воспоминаням Зифнуны Фатхуллаевой, когда она была меленькой, в Астрахани жила некая Кара Хатима, которая умела наводить порчу. Считалось, что колдунья не может умереть, пока не передаст свой дар преемнику. Кара Хатима передала его своей невестке. «Это черная магия, когда колдунья призывает на помощь нечистую силу. Есть и белая магия. Ее обряды совершаются в помощь человеку». Определить порчу, наведенную колдуном, и снять ее может только *багуче*, или *багуше* – ворожей, знахарь, предсказатель по особой книге. *Сихырчи* способен навести порчу на супругов, например, развести их (*Сиражетдинов* 2008: 193). Жамал Кудабаева рассказала, как некий Аюп Самитов развелся с первой женой и женился вторично. От второго брака

[1] Образ духа, именуемого джин (или жин, жен), был заимствован тюрками нижней Волги из арабо-мусульманской мифологии. Согласно мусульманской традиции, джинны созданы Аллахом из бездымного огня и представляют собой воздушные или огненные существа, обладающие разумом. Есть джинны-мусульмане, но большинство джиннов составляют воинство Иблиса. Духи жин в представлениях астраханских тюрков близки шайтанам. Они вредят людям, вызывая у них различные болезни и психические расстройства. Астраханские ногайцы-карагаши считают, что если увидишь джинна, то можешь тяжело заболеть. По мнению юртовских ногайских татар, джинны имеют антропоморфный облик, живут под землёй, имеют своих правителей и являются обладателями несметных сокровищ. В юртовских сказаниях герои-батыры сражаются с джиннами и после победы завладевают их сокровищами. Происхождение другого демонического образа – пери связано с иранской мифологией и зороастрийской Авестой. Считается, что пери – это злые духи, имеющие много общего с шайтанами. По представлениям астраханских казахов, пери могут являться в виде животных (например, лошадей) или прекрасных девушек. Они могут так заколдовать человека, что он становится бешенным, психически нездоровым, теряет память. Карагаши считают, что среди пери есть и мужчины и женщины. Пери кружат голову человеку, парализуют его.

родилось шестеро детей. Однако, Аюп ушел из новой семьи. Выяснилось, что это мать первой жены при помощи некой колдуньи провела обряд *дуа салу*. Отец Аюпа Абдиш съездил к этой колдунье, которая оказалась его знакомой, но не знала, что Аюп его сын. Снять заклятие она была уже не в силах (*Сиражетдинов* 2008: 192).

Жительница с. Новые Булгары Гельбану Агисова в 1982 г. развелась с мужем. Вскоре к ней в гости приехала бывшая золовка. Отношения у них были хорошие, и Гельбану тепло встретила ее и обняла. Через полчаса гостья засуетилась и торопливо попрощалась. Гельбану прилегла на кровать и почувствовала себя плохо, правую сторону тела словно парализовало. Когда женщина сняла платье, то обнаружила на плече песок. Одновременно отнялась нога у матери, которая по возвращении домой наступила на рассыпанный песок. Обе женщины обратились за помощью к знахарю-*баксы*. Он открыл книгу для гаданий и определил, что золовка навела порчу песком, принесенным с могилы. Помимо могильного песка при колдовстве использовали заговоренное пшено (*сары ярма*), которое рассыпали у порога (*Сиражетдинов* 2008: 193). *Сильным* колдовским средством также считалась вода, оставшаяся после обмывания покойника и вылитая в яму на кладбище, откуда ее мог взять *сихрче* для своих целей (*Сиражетдинов* 2008: 192).

По мнению новобулгаринцев, колдовство-*сихр* было особо распространено в татарских селах Линейное, Курченко и Туркменка. Это подтверждается и нашими полевыми материалами. Так, по сведениям наших информантов, раньше в с. Линейном Нариманoвского района Астраханской области были лекари-*табибы*, которые лечили различные болезни, в том числе изгоняли злых духов из одержимых. *Сильным* табибом был Готаулла Таиров (1869-1945). Он лечил людей от одержимости шайтанами. При лечении он применял молитвы, травы. У него был целый сундук старинных книг на арабском языке. Готаулла занимался и колдовством-*сыхр* – при помощи особой магической книги, страницы которой были исписаны золочеными буквами. В этой книге содержались, в том числе, астрологические знания. Перед смертью Готаулла выкинул ее в реку, опасаясь, что дети и родственники не справятся с колдовством этой книги без него, ведь содержащиеся в ней знания могли быть использованы как для добрых дел, так и для злых. Однажды к лекарю привезли калмыцкого мальчика, одержимого шайтанами. Готаулла лечил его молитвами семь дней. Шайтаны мешали табибу читать молитвы, не давали ему говорить, «вязали» губы. Готаулла говорил, что искусство магического целительства заключается как раз в том, чтобы перебороть шайтанов и дочитать молитву до конца. К нему обращались за помощью и при семейных проблемах. Был известен случай, когда он при помощи магии воссоединил уже разведенных супругов (ПМА).

В с. Курченко Нариманoвского района Астраханской области до сих пор сохранилась вера и в колдовство, порчу (*сыхр*). Считается, что колдуны могут навести порчу на кого угодно, и в то же время они могут и вылечить от порчи. Женщин, занимающихся колдовством и гаданием по особой книге, называют *багуше*. Ранее в с. Линейное жил один колдун, который навел порчу на дочь одного мужчины из рода Сагитовых в с. Курченко. Тогда этот мужчина поехал в Линейное и пригрозил, что убьет колдуна, если он не снимет порчу, что тот под угрозой и сделал. Для спасения от порчи у входа в дом закапывали железные ножницы, вбивали железный гвоздь в косяк двери с правой стороны. Острые железные предметы вообще у тюрков повсеместно считаются эффективным средством против всякой нечистой силы (ПМА).

В с. Янго-Аскер Наримановского района Астраханской области известна знахарка-*багуше* Асия Ахмедова, которую односельчане называют Асия-апа (1941 г.р.). Дар знахарства ей передался от матери (в их роду женщины всегда умели лечить). Асия-апа лечит людей от разных болезней. Также она умеет предсказывать будущее, делает любовный приворот и отворот, но, как правило, занимается лечением. За свои услуги берет денежное вознаграждение. Со всей области к ней приезжают люди со своими нуждами. У знахарки есть особая книга, с помощью которой она и лечит. Асия-апа варит снадобья, например, от алкоголизма. По словам жителей села, делать *сихр* Асия-апа тоже способна, в частности, она может навести порчу (ПМА).

Многие магические приемы использовали шаманы-*баксы* (*Сызранов* 2010: 47-55) и муллы, практикующие шаманские и магические методы лечения – так называемые *мулла-баксы*. В советские времена они вели бродячий образ жизни, перемещаясь от села к селу и предлагая свои услуги – в архивных источниках советского времени их называют *бродячее духовенство*. Нами была записана история о *бродячем* мулла-баксы в с. Верхне-Лебяжье Наримановского района Астраханской области. По сообщению Каламсии Рскалиевой, ее мать однажды ночью вышла во двор, и около отхожего места ее *ударил* шайтан, отчего часть лица у женщины была парализована, и она долго болела. Как-то мимо ехал молодой мулла-баксы. Его лошадь неожиданно встала около дома потерпевшей как вкопанная и отказывалась идти дальше. Мулла-баксы постучался в дом домой и сказал, что видимо здесь кто-то болен, раз его лошадь не идет, и он должен помочь. Осмотрев больную женщину, знахарь велел купить черную курицу. Держа курицу обеими руками, он несколько раз по кругу обнес ее вокруг головы мамы, при этом что-то нашептывая, а затем выкинул курицу на улицу, через забор. После этого мулла-баксы сел на лошадь и отправился дальше, а женщина через некоторое время выздоровела (ПМА).

Сихр был распространен среди разных этнотерриториальных групп российских татар. У татар Среднего Поволжья и Приуралья были известны *багучы*, *сихерче* и *имче*. *Багучы* – ворожей, гадатель. *Сихерче* занимался наведением разного рода порчи, приворотов (*Воробьев, Хисамутдинов* 1967: 364).

Наиболее популярны у татар были *имче*, или *ит-томчы* (*им* – заклинание, *том* – наговор) – заклинатели, колдуны. *Имче* были преимущественно пожилые женщины, их еще называли *имче карчык* (буквально: старуха-заклинатель). С ними часто в народе ассоциировались *убырлы-карчык* (старуха с *убыром* – злым духом), в которую, по поверьям, *имче-карчык* превращается не только после смерти, но и при жизни. В этом, по мнению Г.В. Юсупова, раскрывается шаманское лицо *имче*, которые сочетали заклинания с чтением мусульманских молитв. О силе воздействия *имче* в прошлом можно узнать из татарской легенды о чародейке – жене булгарского хана Фатиме, которая волшебством изменила течение Волги (*Воробьев, Хисамутдинов* 1967: 365).

В селении сибирских татар Большой Карагай Вагайского района Тюменской области и окружающих населенных пунктах до сих пор широко распространены былички о братьях Рахматулле и Хамидулле. Рахматулла был муллой, обучал исламу. Хамидулла был колдун-*сихырчи* и мог делать всякий *сихыр* (т.е. колдовство, порчу). Любопытно, что его называли *аулийа*, т.е. тем же термином, что и захороненных на святых местах сибирских мусульман (*астана*) проповедников. Правда, в данном случае слово *аулийа* трактовалось как *ясновидящий*. Хамидулла мог творить разнообразные чудеса: видеть и указать место, где находится пропавшая вещь, раздеть взглядом, одновремен-

но находиться в нескольких разных местах, внезапно исчезнуть и появиться в другом месте. Односельчане его боялись, и, как рассказывают, в конце концов, он был убит, причем заранее знал время и обстоятельства своей смерти (*Селезнев* 2009: 20).

Подведём некоторые предварительные итоги. Колдовство, чародейство вообще понимается как занятие различными видами магии. Однако, у татар Астраханской области под колдовством (*сихр*) понимается именно вредоносная магия, порча.

Сихр практиковали колдуны (мужчины и женщины), но часто им занимались и обычные люди. *Сихрче* были способны как нанести вред своей магией, так и помочь в снятие сглаза, порчи. Повсеместно считалось, что колдуны тесно связаны со злыми духами. Важным атрибутом некоторых колдунов были особые магические книги. Распространены представления, что занятие *сихром* может навредить как жертве, так и самому колдуну, зеркально *ударить* по нему.

Один из аспектов рассматриваемой темы – проблема соотношения *багуше* и *сихрче*. Здесь возможна подмена понятий в сознании информантов, потому что *багуше* – это, прежде всего, гадалка, *сихрче* – вредоносный колдун, наводящий порчу. Возможно также, что функции *багуше* и *сихрче* иногда могли совмещаться.

Традиции *сихра* у татар Астраханской области обнаруживают параллели с аналогичным явлением у других этнотерриториальных групп татар, в частности, казанских, мишарских, сибирских.

Источники и материалы

Летопись 1788 – Летопись о многих мятежах и разорении Московского государства от внутренних и внешних неприятелей. Собрано из древних тех времян описаний. Издание второе. М.: Типография Компании Типографической, 1788.

ПМА – Полевые материалы автора.

Тизенгаузен 1884 – *Тизенгаузен В.Г.* (сост.) Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884.

Научная литература

Зайцев И.В. Астраханское ханство. 2-е изд. М.: Издательская форма «Восточная литература» РАН, 2006.

Резван Е.А. Сихр // Ислам: Энциклопедический словарь / Милославский Г.В. и др. М.: Главная редакция восточной литературы, 1991.

Селезнев А.Г., Селезнева И.А., Белич И.В. Культ святых в сибирском исламе: специфика универсального. М.: Изд. дом Марджани, 2009.

Сиражетдинов Ш.К. Татарское село Новые Булгары: История. Верования. Фольклор. Икряное, 2008.

Сызранов А.В. Исламизированное шаманство у казахов и ногайцев-карагашей Нижней Волги в XIX – начале XXI в. // Этнографическое обозрение. 2010. № 1. С. 47-55.

Воробьев Н.И., Хисамутдинов Г.М. (отв. ред.). Татары Среднего Поволжья и Приуралья. М.: Издательство «Наука», 1967.

References

Zaitsev, I.V. 2006. *Astrakhanskoe khanstvo* [Astrakhan Khanate]. 2-e izd. Moscow: Izdatel'skaia forma "Vostochnaia literature" RAN.

Rezvan, E.A. 1991. Sikhr. In: *Islam: Entsiklopedicheskii slovar'* [Islam: Encyclopedic Dictionary], edited by G.V. Miloslavsky et al. Moscow: Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury.

Seleznev, A.G., I.A. Selezneva and I.V. Belich 2009. *Kul't sviatykh v sibirskom islame: spetsifika universal'nogo* [The Cult of Saints in Islam: Specifics of the Universal]. M.: Izd. dom Mardzhani.

Sirazhetdinov, Sh.K. 2008. *Tatarskoe selo Novye Bulgary: Istoriia. Verovaniia. Fol'klor* [Tatar Vilage New Bulgary: History. Beliefs. Folklore]. Ikrianoe.

Syzranov, A.V. 2010. Islamizirovannoe shamanstvo u kazakhov i nogaitsev-karagashei Nizhnei Volgi v XIX – nachale XXI v. [Islamized Shamanizm among the Kazakhs and Nogai Karagash People of the Lower Volga in XIX – beginning of XXI s.]. *Etnograficheskoe obozrenie* 1: 47–55.

Vorobiev, N.I., and G.M. Khisamutdinov (eds.). 1967 *Tatary Srednego Povolzh'ia i Priural'ia* [Tatars of the Middle Volga Region and the Urals]. Moscow: Izdatel'stvo "Nauka".

Syzranov, Andrey V.

Witchcraft (Sikhr) among the Tatars of Astrakhan Region

The article is devoted to the study of traditions of witchcraft (sihr) among the Tatars of the Astrakhan region. Based on ethnographic materials, it was concluded that witchcraft among the Tatars is mainly associated with harmful magic and spells. The study reveals a clear connection between ideas about witchcraft and beliefs in evil spirits. It was found that the traditions of witchcraft among the Lower Volga Tatars are parallel to similar phenomena among other ethnoterritorial groups of Tatars in Russia, in particular, the Middle Volga and Siberian Tatars. The materials on the ethnography of witchcraft among the Tatars of the Astrakhan region are being published for the first time.

Keywords: *Astrakhan region, witchcraft, magic, spells, sihr, Tatars*

УДК
DOI

© Д.О. Тюренкова

АНТРОПОЛОГИЯ ДОСУГА ЖЕНЩИН В ГДР

В статье рассматриваются антропологические особенности досуговых практик женщин в Германской Демократической Республике. Свободное время женщин в условиях тоталитарного общества автором характеризуется как квази-досуг, условно разделённый на публичный, связанный с государственными массовыми мероприятиями, и личный, содержание которого в большей степени определялось женщинами. Выделен ряд факторов, обуславливавших объём времени, свободного от трудовой и общественной деятельности. Анализ таких источников, обладающих высокими информационными возможностями, как женская периодическая печать и семейные кинохроники ГДР, позволили выявить аспекты нормирования досуговых практик со стороны государства и характер отклика общества на методы пропаганды. Женская пресса рассмотрена как механизм трансляции нормативного образа женщины, выявлены содержание и специфика публикаций, посвящённых свободному времени, различных по содержательному направлению журналах. Привлечение семейных кинохроник, опубликованных в Интернете в рамках специфичного для ГДР проекта «Open memory box» позволило выделить наиболее распространённые и определяемые как значимые формы досуговых практик женщин, среди которых уникальная немецкая традиция Freikörperkultur (культуры свободного тела), сохранившаяся при социализме. Пространство реализации досуга в таких формах, как внешний и внутренний туризм, а также отдых на даче рассмотрено в контексте стратегий подчинения и своеволия на фоне ограничений свободы передвижения в условиях диктатуры СЕПГ. Особое внимание уделено трансформации праздничной культуры в отношении традиционных для Германии фестивалей, а также внедрению "новых" социалистических праздников, в том числе альтернативных форм обрядов жизненного цикла, среди которых получивший широкое распространение обряд посвящения молодёжи. Также на основе привлечения женской периодической печати и семейных кинохроник проанализированы значимые для международного имиджа характеристики ГДР, как "читающей страны" и "спортивной нации".

Ключевые слова: *досуг, история досуга, антропология досуга, женский досуг, женская повседневность, женская история, ГДР*

Досуговые практики – один из маркеров повседневной жизни. Как часть культурного пространства они выражают принадлежность носителя к традиции, являются

Тюренкова Дарья Олеговна – аспирантка кафедры всеобщей истории, Тверской государственный университет (170100 Тверь, ул. Желябова, 3). Эл.почта: d.tyurenkova@yandex.ru. **Tyurenkova, Darya O.** – PHD-student, Tver State University (Tver, Russia). E-mail: d.tyurenkova@yandex.ru

одним из множества факторов коллективной идентичности. Нормирование сферы досуга – важный регулятор поведения человека в рамках тоталитарного общества, в частности – общества в ГДР. В современных гуманитарных исследованиях сложно выявить единую трактовку термина *досуг*, что связано как с трансформацией его дефиниции с течением времени, так и с различными подходами научных дисциплин к его определению. Проблема применения и осмысления понятия досуг в отечественных исследованиях в рамках междисциплинарного синтеза – в этнологии и социальной антропологии, социологии, истории, – рассмотрена достаточно подробно (*Понукалина* 2017: 83–89; *Сидорчук* 2015: 174–186). В целом, исследователи определяют его в рамках дихотомии *труд – досуг*, относя к последнему совокупность практик, направленных на отдых и развлечения. Ряд авторов исключает из сферы досуга домашние обязанности и общественную занятость, другие же причисляют их к общему объёму свободного от профессиональной деятельности времени (*Dumazedier* 1974). Однако большинством исследователей признаётся необходимым учитывать весь комплекс занятий вне рабочего времени при определении особенности изучаемого объекта и обстоятельств развития досуговых практик. Исследование досуга в рамках женской истории также ставит проблему содержания термина и соотношения собственно свободного времени женщины и "неоплачиваемого женского труда" в зависимости от широкого спектра социально-культурных и экономических факторов.

В рамках данной статьи под досугом (в нем. Freizeit – свободное время, Erholung – отдых) понимается совокупность поведенческих практик, реализуемых женщинами в ГДР в свободное от трудовой деятельности время. Однако тотальный контроль государства над личностью в ГДР позволяет определять указанные практики как квази-досуговые, предписанные со стороны Социалистической единой партии Германии (СЕПГ). Принимая во внимание особенности проживания повседневной жизни в условиях диктатуры, представляется корректным выделить условно публичный досуг, связанный с регламентированной общественной активностью (участие в общественных торжествах, митингах, демонстрациях), и условно личный досуг, практики которого в большей степени допускали возможность выбора женщинами предпочтительных форм проведения свободного времени. Однако важно отметить – деление на публичный и личный досуг условно, т.к. все практики досуга в той или иной степени находились под государственным контролем, зависели от системы инфраструктуры и тех возможностей, которые могли быть реализованы в социалистическом государстве.

В рамках гуманитарных исследований в зарубежной науке различные аспекты досуговых практик подробно проработаны в ряде исторических, антропологических, этнологических и социологических исследований. Наибольший пласт работ создан в объединённой Германии, где тема повседневной жизни женщин в социалистическом обществе активно обсуждается и демонстрирует тенденции сохраняющейся дискуссии о ГДР. Проблема повседневности в ГДР, в том числе история досуга как значимого аспекта повседневной жизни, становится предметом специального исследования в 1990-е гг. Поворот в исторических исследованиях связан с научной деятельностью А. Людке, Т. Линденбергера, Х. Медика, Л. Нитхаммера и др. Значительную роль в изучении аспектов повседневной жизни при социализме играют исследовательские центры и фонды, созданные в 1990-е гг.: Федеральный фонд исследования диктатуры СЕПГ, а также Центр исследования современной истории в Потсдаме. Стремление к осмыслению прошлого выражается также в возникновении неофициальных, автор-

ских интернет-проектов, таких как «DDR-Geschichte», нацеленных на популяризацию истории ГДР. Подобные проекты ставят своей целью фиксацию свидетельств очевидцев, касающихся в том числе досуговых практик и культуры потребления в ГДР.

Оценке мифа об эмансипации женщин в ГДР и их повседневной жизни посвящена работа Г. Будде в сборнике «ГДР: миролюбивое государство, читающая страна, спортивная нация?» (*Будде* 2017). Ряд глав сборника уделяет внимание досуговым практикам – чтению, любительскому спорту, участию в государственных торжествах. Реализация досуговых практик в условиях привлечения женщин к профессиональной деятельности подробно изучены в ряде работ, созданных в рамках гендерных исследований (*Пфау-Эффингер* 2003: 78–87) и женской истории (*Bock* 2000). Необходимо отметить специальное исследование «Женщина в ГДР» (*Kaminsky* 2016), где понятие досуга рассмотрено в контексте объёма реального свободного времени женщины в Восточной Германии до и после введения 5-дневной рабочей недели.

Аспекты трансформации традиционной немецкой праздничной культуры в ГДР, формирования "новых" социалистических праздников и ритуалов подробно изучены в рамках микро-исторических исследований (*Meier* 1998; *Neubert* 1998; *Lange* 2004). Ряд проблем, связанных с "дехристианизацией" в ГДР и последовавшим изменением в восприятии религиозных праздников, исследован в работах, посвящённых взаимоотношениям церквей и СЕПГ в 1949–1989 гг. (*Maser* 2000)

В советской исторической науке изучение ГДР велось по нескольким направлениям, но досуговые практики не становились предметом исследования. В 1990-х гг. интерес учёных обратился к сфере женского досуга, однако основное внимание было сосредоточено на женской повседневности и досуге в СССР. В последние десятилетия внимание к истории ГДР в целом связано с деятельностью совместной комиссии по изучению новейшей истории российско-германских отношений, публикациями Института всеобщей истории РАН. Также в ряде работ рассмотрено социально-правовое положение женщин в ГДР и проблема реального равенства (*Мухина* 2013: 33–35; *Хорольская* 2016: 89–92). Особую значимость представляет публикация сборника «Повседневная жизнь при социализме: немецкие и российские подходы» (*Берендс, Дубина, Сорокин* 2015), обобщающего исследовательский опыт специалистов, рассматривающих различные направления социалистической повседневности. Интернациональная дружба девочек по переписке как форма межкультурных коммуникативно-досуговых практик рассмотрена в статье А.В. Беловой, а также в других публикациях автора по данной теме (*Белова* 2015; *Белова* 2018).

Таким образом, необходимо отметить, что восприятие в обществе ГДР попыток формирования "новой" социалистической праздничной культуры, гендерные аспекты государственного регулирования досуга требуют специального изучения, наряду с исследованием досуговых практик женщин в ГДР с учётом таких социальных факторов, как класс, величина заработной платы, характер профессиональной деятельности, регион проживания, брачный статус, наличие детей и т.д. В рамках данной статьи предпринята попытка выявить антропологические особенности досуговых практик женщин в ГДР.

Исследование досуга связано со сложностями при работе с источниковой базой. В связи с тотальным контролем государства над личностью в ГДР привлечение источников обусловлено необходимостью выделять два уровня фиксации досуговых практик – уровень трансляции нормы со стороны государства и уровень восприятия и интерио-

ризации норм среди женщин в ГДР. Методами государственной регламентации в ГДР были обращения лидеров СЕПГ и партий Народного фронта, СМИ, находящиеся под контролем партии, образование и т.д. Однако официальные материалы СЕПГ, протоколы съездов и официальная статистика требуют учитывать тенденциозность в представлении государством данных об "успехах социалистического строительства", тем более, что эффективность привлечения женщин к трудовой деятельности и сопутствующих этому мер по организации социалистического женского быта в рамках достижения равноправия полов свидетельствовали о результативности государственной политики и нередко становились основой для сравнения с ФРГ. Иначе говоря, постулируемые в обращениях факты демонстрировали то, как должна была выглядеть повседневная жизнь женщин в ГДР, что, само собой, было далеко от реальности не только по причине осмысленного искажения, но по причине игнорирования ряда социальных факторов, дифференцирующих досуг женщин, в первую очередь – объём времени, которое могло быть воспринято как "свободное". Основным фактором в условиях вовлечения женщин в профессиональную деятельность был тип занятости – полной или частичной, что, безусловно, определяло режим дня в соотношении труд/досуг. Отношение государства к женщинам, выбравшим реализацию в семье и отказ от трудовой деятельности, проявлялось в обличительных статьях в прессе и ярлыках "сверчка за печкой" (Heimchen am Herd) и "паразитки" (Schmarotzerin) (*Kaminsky* 2016: 14). Кроме того, СЕПГ пропагандировала постоянное повышение квалификации в образовательных организациях или по месту работы. Данные меры в большей степени отразились на временных затратах женщин в 1950-х гг., в период активного привлечения к работе на производстве. Также значительный объём времени должна была занимать общественная деятельность: участие в работе отделений Женского демократического союза Германии, консультационных центров для помощи молодым родителям, собраний родителей учащихся школ и т.д. Так, нередко, время, проводимое женщинами дома, в семье, становилось уже не "второй", а "четвёртой сменой" их занятости. При этом основным вопросом становился статус занятий, составляющих ведение домашнего хозяйства. Как именно вязание, шитьё, кулинария позиционировались в официальных документах и средствах государственной пропаганды? Исследователи фиксируют, что проблема дефицита обеспеченности населения одеждой, в особенности в 1950-е гг., вынуждала женщин заниматься домашним хозяйством в том объёме, при котором вместо досуга подобные занятия являлись фактическим продолжением рабочего дня. Недостаточный ассортимент одежды и обуви приводили к попыткам приобретать товары на "чёрном" рынке за западные марки. Чтобы остановить этот процесс, в 1962 г. в ГДР по решению Совета министров были открыты магазины "западных" товаров «Exquisit», для "взыскательного спроса", однако высокая стоимость делала их приобретение недоступным для многих женщин и возвращала к домашнему шитью как вынужденному занятию.

В рамках печатных СМИ в трансляции "нормативных" занятий женщин ключевую роль играли женские журналы. Тематически женскую периодику можно условно представить по трём категориям: 1) журнал – печатный орган общественной организации («Die Frau von heute», «Für Dich); 2) журнал мод («Pramo», «Modische Maschen», «Berlins Modenblatt», «Mode und Schnitt»); 3) "глянцевый" (в современном понимании) журнал («Sibylle»). Все перечисленные журналы выпускались издательским домом «Verlag für die Frau», фактически находящимся в государственной собственности с 1948 г., т.е. под управлением СЕПГ. Наряду с различными женскими журналами издательство также

публиковало книги, посвящённые ведению домашнего хозяйства – тематические кулинарные брошюры и кулинарные книги (Feines Gebäck zu Kaffee und Tee 1961; Kochen für junge Leute 1966; Unser großes Kochbuch 1970; Süßes: Kompotte, Puddings, Kremspeisen, Eis 1971; Aus der Schale geplaudert 1984), схемы вязания и вышивки (Häkellehrgang 1957; Nähen lernen leicht gemacht 1959; Kinderfasching. 12 Modelle 1978; Blütenmotive. Abplättmuster 1981; Ostermuster. Abplättmuster 1981; Minibilder gestickt 1984; Pflanzen in unserer Wohnung 1986; Manke M. Palmen. Pflanzenbuch 1989), советы по ведению домашнего хозяйства и садоводству (Pflanzen in unserer Wohnung 1967; Wohnungs ABC 1978; Haushalttips für Jung und Alt 1980; Unsere Balkonpflanzen 1988).

Трансляция норм, в первую очередь, происходила через журнал «Die Frau von heute» – печатный орган DFD – Демократического Женского Союза Германии. Его основным содержанием были отчёты о работе центрального и земельных отделений DFD, политическое воспитание. Также журнал публиковал репортажи о трудовой деятельности выдающихся работниц ГДР, отчёты о крупных культурных событиях, советы по педагогике, фасоны и выкройки женской и детской одежды, кулинарные рецепты, рассказы и выдержки из романов. Таким образом, тематически журнал определял ключевые сферы женской реализации – труд, общественную деятельность и домашние обязанности женщин.

Правопреемником «Die Frau von heute» стал журнал «Für dich». Рубрикация и содержание публикаций в 1960-х – первой половине 1970-х гг. продолжало линую журнала-предшественника. В журнале тема досуга поднималась регулярно, однако в большей степени касалась путешествий. В каждом номере темой одной из рубрик были путевые заметки или обзор достопримечательностей того или иного региона ГДР или стран народной демократии: горные курорты Гарца (Für dich 1965. № 10: 14–17), Мекленбургская Швейцария (Für dich 1965. № 40: 23–24) и др. Одной из популярных форм коллективного досуга, освещаемой в журнале, были различные фестивали, включавшие официальную часть – конференции, митинги – и полуофициальную – концерты, конкурсы, спортивные состязания. Организаторами мероприятий выступали общественные организации, чаще всего – Союз свободных немецких профсоюзов (FDGB). Ярким примером такого фестиваля, привлекавшего посетителей со всей страны, была Неделя Балтийского моря, проходившая в предместье Ростока, курорте Варнемюде, в 1958–1975 гг. Идея Недели – мирное сотрудничество государств акватории Балтийского моря и признание ГДР равноправным участником международной политики, в частности – в данном регионе. Высокий уровень организации и размах объяснялись международным статусом и стремлением соперничать с Кильской неделей – парусной регатой и масштабным праздником, который ежегодно проводился в ФРГ. В этом проявилась характерная черта искусственного соперничества и “витринного” социализма ГДР, в которой нарочито поддерживался “высокий” уровень жизни с тем, чтобы предотвратить бегство граждан на Запад. В публикациях «Für dich» посещение фестиваля предполагало для женщины выбор праздничных нарядов и причёсок и приравнивалось к светскому мероприятию (Für dich 1965. № 30: 4–5).

В проведении подобных местных фестивалей и ярмарок, частично сохранившихся в ГДР, наряду с досоциалистической эпохой, проявлялась традиционная черта немецкой культуры – выраженная локальная городская и земельная идентичность. Наиболее посещаемыми в ГДР были «Eisleber Wiesenmarkt» в Саксонии-Анхальт, фольклорный фестиваль «Vogelwiese» в Дрездене, фестиваль фонарей в Галле, традиционный для

Западной Померании летний праздник «Tonnenabschlagen», крупнейший фольклорный фестиваль «Annaberger Kät» в Рудных горах и многие другие. Неизменными были рождественские и пасхальные ярмарки в Дрездене, Ростоке, Лейпциге, Герлице и других городах. Среди исследователей нет однозначного ответа на вопрос об отношении СЕПГ к локальным фестивалям, т.к., с одной стороны, посредством проведения ярмарок и масштабных гуляний происходило умиротворение населения и обмен продукцией, недоступной в условиях плановой экономики, а, с другой, – очевидно, свободные от коммунистической идеологии, фестивали укрепляли как местную идентичность, так и представления о единой в культурном плане Германии. Не организовывался в годы существования ГДР исторический фестиваль «Дни Валленштайна» в Штральзунде, постепенно потерял известность традиционный праздник встречи весны «Brezelsingen». Однако, несмотря на популярность, традиционные фестивали практически не находили отражения в республиканской прессе, в том числе в женских журналах. Исключением был ежегодный карнавал, «Fasching» или «Fastnacht», проводившийся перед началом Великого поста, и происходивший от традиционного обряда земледельческого цикла – встречи весны. На протяжении двух-трёх месяцев перед карнавалом в женской прессе публиковались разнообразные рекомендации по изготовлению карнавальных костюмов, в т.ч. совместной подготовке с детьми как форме игры и обучения навыкам шитья и оформления (Die Frau von heute 1959. № 1: 16–17; Für dich 1965. № 5: 42–46; Pramo 1965. № 1: 20–23).

Один из ключевых видов досуга, неизменно находивший отражение в журналах «Die Frau von heute» и «Für dich» – чтение. В журналах публиковались выдержки из романов и повестей авторов прошлого и современных писателей, рекомендации и анализ книжных новинок. По сравнению с рубриками, посвящёнными домашнему хозяйству, литературные обзоры и выдержки текстов занимали большее количество полос, что свидетельствует как о востребованности рубрик, так и о редакционной политике журнала. Официально популярность чтения в ГДР объяснялась успехами социалистической системы образования и массового просвещения, активной культурной политикой СЕПГ. Ряд исследователей в качестве основной причины указывает компенсаторную функцию: литература могла в определённой степени “сгладить” недовольство общества ограниченными возможностями выезда из страны (*Линкс* 2017: 193–204). В ГДР была организована обширная библиотечная сеть, в первые годы после объединения на вопрос о степени востребованности библиотек жители новых федеральных земель отмечали сохраняющуюся заинтересованность в посещении и больший объём прочитанной литературы. Сложно сделать однозначный вывод о наличии гендерной специфики в публикуемых отрывках. На примере номеров журнала «Für dich», изданных в 1965 г., можно отметить: наряду с текстами авторов-женщин (фрагменты романа Р. Вернер «Свыше ста гор / Über hundert Berge» (Für dich 1965. № 10–33)) и текстами, обращёнными к читательнице-женщине (рассказ Х. Зиннер «Свекровь / Die Schwiegermutter» (Für dich 1965. № 10: 28–29)), приведены фрагменты романа Ю. Брезана «Годы возмужания / Mannesjahre» (Für dich 1965. № 1–4), романа И. Кнаппе «Моя безымянная страна / Mein namenloses Land» (Für dich 1965. № 34-52), рассказ кубинского дипломата и писателя А. Байо «Иисус и повстанцы / Jesús und die Rebellen» (Für dich 1965. № 5: 28–32).

В 1960-х гг. в журнал «Für dich» добавилась программа телевизионных передач, а также краткие обзоры и обсуждения популярных программ. Кадры киноплёнки в ар-

хиве «Open memory box» часто фиксируют проведения времени у экрана, семейные просмотры фильмов, спектаклей, в особенности – спортивных состязаний. Значимым аспектом в рамках данной темы являлась возможность смотреть телевидение ФРГ, т.к. телевизионные приёмники в особенности в Восточном Берлине, а также на значительной части страны принимали сигнал западного телерадиовещания. Как исследователи, так и рядовые немцы после падения стены отмечали в интервью и воспоминаниях, что возможность наблюдать жизнь на Западе и не иметь шансов быть вовлечённым в неё усиливала кризис и приближала объединение государств. Просмотр западных передач был нормой, приоритетным выбором. В разделе "истории" портала «Open memory box» респондент г-н Лаутербах отвечает на вопрос исследователя «Боялись ли вы, что это кто-то увидит?», подразумевая фиксацию в домашней кинохронике просмотра западного телевидения: «Нет, абсолютно нет» (OMB Geschichte: Herr Lauterbach). Вопрос журналиста представляется закономерным, т.к. слежка за населением, широкая сеть агентуры и практика доносительства на окружение являлись частью повседневности жителей ГДР и были обусловлены деятельностью Министерства государственной безопасности, Штази (сокр. от Ministerium für Staatssicherheit – Stasi).

Основная функция популярного журнала «Pramo» (сокр. от praktische Mode – практичная мода) состояла в трансляции модных тенденций и публикации выкроек для самостоятельного изготовления одежды, что в условиях тотального дефицита промышленных товаров при социализме являлось актуальным для многих стран, ориентирующихся на советскую модель построения общественных отношений. Модели, приведённые на многих фото, в отличие от «Die Frau von heute», сняты, в основном, на нейтральном фоне, имеющем скорее художественную значимость и оттеняющем цветовую гамму одежды. Так, коллекции одного выпуска журнала, включающие пальто, жакеты, строгие деловые комплекты для полных женщин, а также домашние комплекты, могли быть представлены моделями, прогуливающимися в "берёзовом лесу" среди поваленных деревьев, в парке в модельной обуви (Pramo 1965. № 10: 4–5, 8–15, 18–19). Чаще всего выпуск был отснят в студии, где предметы – шезлонг, пляжный зонт и др., позволяли в некоторых случаях судить о функционале демонстрируемой женской одежды. Большую часть представленных в журнале изображений составляли костюмы, созданные для работы. Об этом свидетельствует крой и сдержанная цветовая гамма, более строгие фоны. Непосредственно на досуг указывает также фон модной демонстрации – чаще всего это виды города. Редко присутствуют прямые упоминания функционала в заголовке: «Создание карнавальных костюмов» (ежегодно)[1], например, из подручных средств (Pramo 1965. № 1: 22–23), «Выходные платья для послеобеденного и вечернего времени» (Pramo 1965. № 10: 6–7), «Платья для похода на танцы» (Pramo 1965. № 1: 12–13). Мужская мода представлена в журнале незначительно, совместные фотосессии женщин и мужчин в студийных или реальных декорациях редки и призваны скорее сделать акцент на меняющихся модных тенденциях. На большей части фото, демонстрирующих отдых на свежем воздухе, модели-женщины изображены парами, прогуливающиеся или беседующие друг с другом (Pramo 1975. № 3–7). Это позволяет судить о том, что данные изображения были предназначены преимущественно женской аудитории и атрибутировали моду в общественном сознании исключительно женской повседневности, тем самым строго нормируя ее функциональность.

[1] См., напр.: Pramo. 1965-1985. № 1.

Также среди рубрик представлена одежда для детей в виде повседневной сезонной, карнавальной, и для юных девушек, которая отличается пастельными тонами, неброскими цветочными принтами, однако более “смелыми” конструктивными элементами, такими как длина, вырезы, оборки. Стоит отметить, что наряду с выкройками, схемами для вязания и вышивок в модных журналах ГДР представлена неизменная страничка кулинарии – рецепты, планы питания, кухня народов мира (в основном, стран ОВД).

Изучение приводимых в журнале «Pramo» изображений позволяет уточнить составляющие транслируемого нормативного образа женщины ГДР, проводящей своё свободное время в лишённом географической локализации абстрактном “отпуске”. Неизменно веселая, утончённая, следящая за собой, она выбирает полуспортивный или спортивный лаконичный крой, с течением времени должна становиться всё более консервативной в выборе цветового решения (в отношении цвета исключением были 1980-е гг.), что маркировало нормативный переход в следующую возрастную когорту.

Журнал «Sibylle» – “журнал о моде и культуре”, издаваемый Берлинским институтом моды, затем перешедший под управление «Verlag für die Frau», нередко называли “восточным Vogue”. От зарубежного “модного глянца” журнал отличали, в первую очередь, фотографии А. Фишера, отказавшегося от студийной фотосъёмки в пользу “живых кадров”, снятых на улицах Берлина, в метро, магазинах. По сравнению с остальной женской прессой ГДР журнал не содержал колонки советов или репортажи об успехах социалистического строительства. Пережив несколько этапов в редакционной политике и отношениях с СЕПГ, в большей степени «Sibylle» оставался проводником моды, дизайна, архитектуры, живописи и графики и мало соприкасался с повседневной социалистической реальностью в плане тематики и фактической уличной моды, однако существовал в том же окружающем пространстве, в котором проживали свою повседневную жизнь жительницы Берлина, Лейпцига, Дрездена. Мир журнала стал для женщин ГДР и вдохновением, и иллюзией. Приобрести одежду, демонстрируемую моделями, было невозможно, однако журнал включал выкройки, позволяющие воспроизвести представленные фасоны (хотя приобретение ткани для воплощения модных новинок было также проблематично). Редакционная политика была ориентирована на высокую эстетику, за что журнал нередко подвергался критике со стороны власти. Так под прямым давлением цензуры в середине 1960-х гг. на страницах появились женщины-рабочие, снятые на производстве, а общая направленность публикаций должна была демонстрировать наиболее взыскательный уровень потребления на Востоке (Sibylle 1963. № 3: 4–19). Отвлечённость от проблем социалистического государства рабочих и крестьян, броское минималистичное оформление, художественная фотография, требующие существенного культурного бэкграунда кино- и литературные обзоры, небольшой тираж и всего 6 выпусков в год сделали журнал символом и носителем высокого стиля, недостижимой мечты и «нездешней» экстравагантности.

На начальном этапе существования журнала, в 1956–1961 гг. предлагаемые костюмы нередко напрямую указывали на обстоятельства ношения. Показательны развороты «Von früh bis spät» (С утра до вечера, буквально: С раннего до позднего) (Sibylle 1959. № 1: 5–7), где к Международному женскому дню для работающих женщин были представлены несколько готовых образов для различных ситуаций: для торжественного случая, приёма гостей, посещения выставки, утренней гимнастики, уборки

дома, посещения родительского консультативного комитета, работы, ухода за садом, посещения магазина. В сопроводительной статье подчёркивалось, что и на работе, и на отдыхе залогом уверенности в себе является безупречный внешний вид. В каждом номере был опубликован "модный репортаж", посвящённый событию и соответствующему набору ансамблей одежды для участвующей в нём женщины: ежегодная велогонка Берлин-Варшава, прогулка на яхте, рождественские торжества и др.

В 1960-е гг. содержание публикаций менялось, всё больше обращаясь к моде, дизайну, искусству и уходя от быта. В 1970 – 1980-е гг. трансляция досуга женщин в зависимости от функционального назначения одежды в «Sibylle» представляется неочевидной, т.к. модели скорее демонстрировали художественную ценность образа, экспериментальный крой, нежели его практическое применение. Однако, исходя из тематики публикаций, можно сделать вывод, что досуг женщины, мир которой демонстрировал журнал, включал посещение театра, кино и художественных выставок, чтение, увлечение музыкой и спортом. Изготовление одежды в рамках данного жизненного стиля было представлено именно как творчество, вид искусства, а не как необходимость. Выращивание комнатных цветов, приправ и лекарственных растений представлялось как форма украшения пространства и приверженность здоровому образу жизни. Именно журнал «Sibylle» в большей степени транслировал образ "новой" эмансипированной женщины, делал акцент на индивидуальности, в том числе в реализации досуга, однако подобный подход основывался на ориентации на западную прессу и, оставаясь эталоном, мало соотносился с социалистической реальностью.

Источник, позволяющий анализировать пространство проживания повседневной жизни женщин в ГДР, обладающий особенно высокими информационными возможностями при исследовании досуга – семейные кинохроники, Schmalfilme – видео, снятые на узкую плёнку (8 и 8, 5 мм). В августе-сентябре 2019 г. в интернете был запущен проект «Open memory box» (Открытая коробка памяти) – самая большая в мире оцифрованная коллекция частных видеозаписей. Работа с материалами проекта позволяет исследовать досуг методами визуальной антропологии, анализировать наиболее значимые моменты, признанные таковыми жителями ГДР – кадры с детьми, первые шаги и первые дни в школе, домашние праздники, отдых в саду и на даче, путешествия. Важно подчеркнуть, что сама по себе запись семейной кинохроники также относилась к специфическим для ГДР практикам досуга, скажем, у граждан СССР технических возможностей для этого не было и массовым явлением ведение домашней киносъемки не стало. Как характерную черту женского досуга в ГДР домашние кинохроники запечатлели создатели знакового художественного фильма о падении социалистического немецкого государства «Гуд бай, Ленин» (реж. В. Беккер, 2003).

Привлечение семейных кинохроник позволяет исследователю обратиться к такой значимой в этнологии проблеме как трансформация праздничной культуры. Исследователи отмечают в ГДР последовательное стремление сформировать гражданскую религию, являвшееся следствием идеологического противоборства СЕПГ и местных церквей (*Neubert* 1998; *Lange* 2004). Данное решение проявлялось в организации светских ритуалов, коррелирующих с обрядами жизненного цикла – рождением, переходом во взрослую жизнь и свадьбой. Внедрение светской альтернативы имянаречению и крещению не получило поддержки в обществе ГДР, как и социалистический брак, заключавшийся в торжественной атмосфере в форме церемонии в кругу товарищей по работе или общественной организации, а не в церкви и даже не в ор-

ганах ЗАГС. В то же время «Jugendweihe», (Посвящение молодёжи) – обряд инициации, переход из подросткового возраста во взрослый, обычно в возрасте 14 лет, организованный в конце XIX в. среди сторонников Свободного религиозного движения как обряд, альтернативный миропомазанию, или конфирмации, широко распространённый в Веймарской республике, был воспринят и в ГДР. Форма мероприятия была изменена, религиозная составляющая устранялась, сохранялся гуманистический посыл, обращение к молодёжи с наставлениями о жизни в социалистическом обществе. Исследователи указывают на обязательность данного мероприятия и возможные санкции в случае неучастия. В зале театра или ином помещении, вмещавшем большое количество посетителей, девушки и юноши в сопровождении родственников давали клятву посвящения социалистическому государству, получали в дар от пионеров цветы, от представителя властей – книгу, содержащую основные необходимые мировоззренческие установки строителя социализма. В современных немецких СМИ, анализирующих сохранившийся в новых федеральных землях ритуал посвящения молодёжи, встречаются свидетельства участников «Jugendweihe». Среди них воспоминания Катрин Линдер, отмечавшей, что в 1986 г. самой большой проблемой был праздничный гардероб, т.к. отделы молодёжной моды не предполагали особого выбора: «Я так гордилась той синей юбкой!» (Hübscher 2019). Семейные кинохроники позволяют увидеть “домашнее” продолжение общественного торжества. На записях подростки в сопровождении членов семьи и друзей покидают зал, часто снят процесс коллективной фотосъёмки участвовавших в посвящении: преимущественно белые или светлые платья и праздничные укладки волос у девушек, небольшие букеты цветов в руках (OMB Archiv: 078-13; OMB Archiv: 099-14; OMB Archiv: 099-14; OMB Archiv: 088-10; OMB Archiv: 104-02;). Журнал «Sibylle», например, предлагал в одном из номеров четыре эскиза – образы для торжества, ориентированные на различный вкус (Sibylle 1959. № 1: 65). Семья отправлялась в кафе, домой или на прогулку. Дома мероприятие продолжалось чаепитием или застольем, беседами в кругу многих разнопоколенных родственников (OMB Archiv: 078-13; OMB Archiv: 099-14; OMB Archiv: 048-09). Отсутствие звука не дают возможность судить о содержании бесед, однако их неформальный, внутрисемейный характер очевиден. В 1980-е гг. появляются единичные записи вечеринок молодёжи без старших родственников (OMB Archiv: 049-06), однако в исследованиях отмечается, что для подростков возможность отметить посвящение в кругу друзей составляла основное содержание праздника. Среди обрядов жизненного цикла в женских журналах ГДР упоминались, в основном, свадьбы, причем исключительно в вопросе внешнего вида: платье, туфли, укладка волос (Die Frau von heute 1959. № 20: 16–17).

Семейные кинохроники также позволяют исследовать пространство реализации досуга (в особенности это касалось путешествий), которое было ограничено. Туристические поездки за рубеж, организацией которых занималось Государственное туристическое бюро ГДР, были возможны исключительно в соцстраны. Существовала также возможность приобретения недорогих туристических путёвок по стране и за рубеж для населения моложе 28 лет по линии государственного бюро в рамках направления «Jugendtourist». Внутренний туризм, однако, едва ли был способен удовлетворить потребности населения и также был сопряжён со сложностями. Часто при посредничестве Союза свободных немецких профсоюзов (FDGB) или самих предприятий организовывались туристические поездки, поездки в дома отдыха для трудящих-

ся. Места в домах отдыха распределялись в основном централизованно и возможность выбрать место отдыха самостоятельно, а значит отправиться без коллег, стоила существенных денег. Кроме того, отели и гостиницы ГДР были в основном ориентированы на иностранных туристов, стоимость проживания была значительной. Альтернативная возможность – поездка в палаточные лагеря, кемпинги, большое количество которых было организовано на побережье Балтийского моря. С опорой на домашние кинохроники можно сказать, что популярными местами отдыха были пляжи побережья Балтийского моря, остров Рюген, горы Гарца, пляжи Херингсдорфа и др. На кадрах по запросам "путешествие", "туризм", "заграница" представлены групповые поездки с коллегами, реже – путешествия женщин в компании подруг или семьи.

Семейная пара Лаутербах, респонденты проекта, с ностальгией рассказывают о туристических поездках, организованных бригадой, в которой работал супруг. В течение года часть зарплаты и премий откладывалась в общую кассу, и каждую зиму предпринималось совместное путешествие членов бригады с семьями. «Мы хорошо жили. Мы не могли пожаловаться… <…> Где эти дни? Это было прекрасно. Мы радовались, всё проходило отлично <…> С нами ездили доценты из университета Гумбольдта**».** На плёнке сохранились поездки в Берлин и Чехию, причём г-н и г-жа Лаутербах уточняют, что сложностей с пересечением границы не было: «С чехами и поляками все было иначе. Насколько это было открыто. И мы поехали туда без проблем. Но вы никогда не добрались бы до внутренней границы Германии» (OMB Geschichte: Herr Lauterbach; OMB Geschichte: Frau Lauterbach). Это же подтверждает и другая участница проекта, отмечавшая, что в студенческие времена, в начале 1970-х гг., в Прагу с супругом они могли доехать автостопом с «хлебом и колбасой в сумке, и с планами ночевать под мостом» (OMB Geschichte: Ich bereue es). Первое свидетельство демонстрирует своеобразную тоску по коллективной идентичности гражданок бывшей ГДР, которая формировалась и закреплялась в процессе досуговых практик.

Возможность путешествовать за рубеж для жителей ГДР, действительно, изменилась после 1972 г. с достижением соглашения о безвизовом режиме со странами ОВД. Без согласования можно было поехать в Чехословакию в 1972–1989 гг. и в Польшу в 1972–1980 гг. В остальных случаях необходимо было заранее согласовать в отделе регистрации Народной полиции поездку, впоследствии иметь с собой специально оформленное подтверждение («Reiseanlage für den visafreien Reiseverkehr» – система поездок для безвизовых путешествий). Поездки в Болгарию, Румынию и Венгрию обычно согласовывались без дополнительных действий, хотя не существовало никаких гарантий и мог последовать немотивированный отказ полиции.

Путешествие в СССР было возможно в составе организованной группы или по одобренному приглашению, однако в ряд регионов приглашение не могло быть оформлено. Кроме того, запрещено было покидать город, указанный в маршруте. В неофициальной практике существовала ещё одна возможность поездки в СССР, «Unerkannt durch Freundesland», или «UnF» – «необнаруженные в дружественной стране»: по пути в Румынию для граждан ГДР допускалось транзитное пребывание на территории СССР в течение двух-трёх дней и, пользуясь этим, путешественники отправлялись дальше в Союз, добираясь до крайнего Севера, Камчатки, границ с Китаем. По возвращении на советско-румынской границе требовалось уплатить незначительный штраф, по воспоминаниям в 1980-х гг. он составлял 10 рублей.

Участники подобных поездок отмечают на страницах специально созданного интернет-портала (Unerkannt durch Freundesland), в сборниках воспоминаний и путевых заметок (Kuhbandner, Oelker 2010), что количество таких путешествий невозможно зафиксировать статистикой, но оно исчислялось тысячами в период 1972–1989 гг.

Одна из авторов-составителей сборников, Корнелия Клаус, в своём документальном фильме «Необнаруженные в дружественной стране» приводит интервью участников нелегальных поездок в Союз о своих уловках, попытках скрыться от преследования сотрудниками КГБ. Все респонденты в фильме, как и большинство авторов путевых заметок и впечатлений, приведённых в сборниках – мужчины, занимавшиеся в прошлом альпинизмом. Однако воспоминания И. Бенинг и К. Калиес (Böhning 127-136; Kalies 358-373), два женских текста, свидетельствуют о том, что среди нелегальных путешественников пусть и в меньшем количестве, но постоянно присутствовали девушки, также альпинистки. По воспоминаниям, поездки были сопряжены с огромным риском как со стороны государственных органов (оказаться “пойманными” КГБ, быть депортированными в ГДР с запретом выезда на год и более), так и по иным причинам – из-за незнания языка, необходимости путешествовать автостопом и находить средства к существованию и т.д.

При всех вышеописанных сложностях, а также в связи с недостатком денежных средств большинство жителей ГДР проводили свободное время в выходные и в отпуске в коротких поездках на базы отдыха и пляжи. В 1940-е гг. в домашних кинохрониках – прогулки в парках и скверах, поездки в замок Айленбург, к озеру Вёрлитцер (OMB Archiv: 145-09). В следующем десятилетии на плёнке сохраняется большее разнообразие путешествий – прогулки на лодках и экскурсионных катерах, лыжные походы, а также фиксируется больше маршрутов – курорты Балтийского моря, леса Тюрингии, Эльбские Песчаниковые горы в Саксонской Швейцарии, замок Вартбург, комплекс Цвингер в Дрездене, дворец Сан-Суси в Потсдаме и др. (OMB Archiv: 001-09; OMB Archiv: 033-20; OMB Archiv: 037-12; OMB Archiv: 098-12; OMB Archiv: 142-07). Позднее на плёнке всё меньше путешествий по отношению к общему количеству записей, камеры становятся доступнее и чаще фиксации подлежат менее уникальные события, домашние архивы пополняются записями повседневного быта. Встречаются единичные случаи поездки в горы Кавказа, на Кубу, в Алжир, в Китай. По-прежнему наиболее популярное место отдыха в стране – побережье Балтийского моря.

Особое значение имел отдых на даче – небольшом земельном участке неподалёку от города, часто не отделённом забором от соседей и снабжённом летним домиком и хозяйственными постройками. Недостаточный ассортимент продуктов, доступных для приобретения, а также возможность дополнительного заработка при розничной продаже выращенных овощей и трав делали садоводство и огородничество на даче сравнительно популярным видом условно досуговой деятельности, в особенности для граждан пенсионного возраста (OMB Archiv: 005-03; OMB Archiv: 009-31; OMB Archiv: 009-35; OMB Archiv: 013-21). Однако основной причиной популярности дач исследователи называют возможность почувствовать себя в частном, относительно свободном от регулярного контроля со стороны Штази пространстве, проведение времени в котором не регламентировано государством.

На дачах снята значительная часть хроник, участники которых проводят свободное время в кругу семьи или друзей. Основные сюжеты – игры с детьми, принятие

солнечных ванн, домашние праздники за накрытым столом, приготовление на гриле колбасок (OMB Archiv: 013-14; OMB Archiv: 065-05; OMB Archiv: 071-04). Именно на дачах чаще возможно зафиксировать значимую для жителей ГДР форму досуга – занятия любительским спортом: бег, плавание, игры с мячом и т.д. (OMB Archiv: 021-18; OMB Archiv: 013-14; OMB Archiv: 079-24). Девиз государства, озвученный В. Ульбрихтом в 1959 г., «Jedermann an jedem Ort – einmal in der Woche Sport» (буквально: каждый в каждом месте – раз в неделю спорт) (*Браун* 2017: 180), являлся частью масштабной политики популяризации профессионального и любительского спорта. В городах была доступна возможность бесплатно или за символическую плату заниматься в различных секциях и группах в различных видах спорта.

Безусловно, в зависимости от социального статуса, местом отдыха на природе могли быть и загородные дома с крупными участками. Одна из респонденток портала, комментируя записи отдыха с семьёй в местечке Дольгенбродт, отмечает, что участок был получен отцом ещё до возведения стены; обладание загородным домом и квартирой улучшенной планировки в Берлине составляло основную привилегию врачей в ГДР, т.к. заработная плата не была высокой. Героиня объясняет подобное положение необходимостью удержать оставшуюся часть интеллигенции от отъезда в ФРГ. Мать респондентки – детский врач, отец – главный врач в больнице района Панков Берлина. Среди присутствовавших на записи респондентка отметила домработницу семьи, сообщая, что занятость родителей, в особенности ночные смены, не позволяла достаточно времени уделять дому, и на протяжении всего детства героини у неё были няня и домработница. Застолья и чаепития, купания в озере у дома и рыбалка, занятия героев хроники, в основном – женщин, коллег-врачей. «Мама всегда ложилось на причале [на озере у дома] и загорала. Конечно, она много занималась домашним хозяйством, но кроме того садилась на причале в хорошую погоду», - рассказывает героиня. На видео также снят ежегодный визит коллег отца, становившийся причиной домашнего торжества: «Все праздновали и пели, и конечно плавали и катались на лодке. Пели песни собственного сочинения, например о враче, поехавшим в Венгрию и скрывшимся там». Исходя из данного рассказа, замечаний и эмоций героини, с горечью отмечавшей, что на данном видео её мама часто смеётся, но воспоминания сохранили иной, менее жизнерадостный образ, можно отметить, что возможность такого отдыха, в доме в 60 км от Берлина, была для семьи нечастой (OMB Geschichte: Meine Ente).

Также в 1950-х гг. на плёнке появляются нудистские пляжи – допустимое в немецкой культуре явление, не политизированное и не регламентируемое специально (OMB Archiv: 002-25; OMB Archiv: 008-22; OMB Archiv: 008-24; OMB Archiv: 009-09; OMB Archiv: 028-01; OMB Archiv: 042-08; OMB Archiv: 042-05). Движение «FKK» (Freikörperkultur, культура свободного тела) возникло в Германии в конце XIX в., пропагандируя единение с природой, здоровый образ жизни, занятия спортом. В период Третьего Рейха нудистские пляжи были запрещены, после Второй Мировой войны деятельность движения продолжилась. Большое количество мест отдыха на побережье Балтийского и Северного морей, а также на берегах местных дачных водоемов были снабжены табличкой «FKK», что было нетипично для СССР и других социалистических стран. Движение в ГДР не только не противоречило государственному запросу, но и коррелировало с установкой «Jedermann an jedem Ort – einmal in der Woche Sport». Существует мнение, объясняющее приверженность FKK

в ГДР своеобразной протестной реакцией немцев на тотальный контроль и слежку в государстве. Так или иначе, об отношении к нудизму как к норме можно сделать вывод, анализируя записи 1960 – 1970-х гг. – камера снимает с близкого расстояния обнажённые фигуры мужчин и женщин, играющих в волейбол, загорающих, прогуливающихся, играющих с детьми – сюжеты скорее посвящены фиксации привычного досуга, в который вовлечён оператор, нежели съёмке “редкости”.

Подводя итог, можно отметить, что юридическое равноправие женщин, зафиксированное в конституции 1949 г. и отраслевых законах в 1950 г., а также вовлечение женщин в производственную деятельность позволило на официальном и, во многом, реальном уровне устранить ограничение прав и областей реализации женщин, в т.ч. в сфере досуга. Однако обобщённые заявления СЕПГ о том, что женщина в ГДР, трудящаяся на благо общества, ставшая финансово независимой, творчески освобождённая, может строить свою жизненную траекторию осознанно, не включали в себя упоминаний о том, как необходимость одновременно с трудовой деятельностью и постоянным повышением квалификации выполнять обязанности по дому сказывалась на «осознанно выбранной траектории» и проявлялась, в частности, в объёме и содержании свободного времени женщин.

На основании анализа двух типов и видов источников – материалов женской прессы ГДР, а также семейных кинохроник – можно отметить, что как на уровне трансляции нормативного образа, так и на уровне реализации личных целей в области свободного времени, основной объём досуговых практик реализуется женщинами в семье. Приемлемые формы условно личного досуга в женской прессе – кулинария и домашнее изготовление одежды – позиционировались как сугубо женская деятельность, выполнение которой предполагало творческий подход, трудоёмкость процесса не отрицалась. Свободное от ведения домашнего хозяйства время журналы рекомендовали посвятить чтению, путешествиям по территории ГДР, посещению театров и кинотеатров, позднее – телевидению. Среди форм публичного досуга в прессе предлагалось посещение массовых мероприятий, в основном – демонстраций, спортивных фестивалей, ярмарок. Специфика содержания публикаций каждого из популярных журналов позволяет сделать вывод как об обязательных предписываемых формах досуга, фактически являющихся составляющими неоплачиваемого женского труда, так и о различиях в образах и жизненных стратегиях читательниц. Семейные кинохроники, в свою очередь, позволяют выявить те формы реализации досуга, которые практически не упоминались в женских журналах – проведение свободного времени на дачах, отдых на пляжах, в том числе нудистских, участие в фольклорных фестивалях. Представляется значимым тот факт, что семейные кинохроники не фиксируют в указанных формах досуга, не относящихся к ведению домашнего хозяйства, очевидной гендерной специфики: большая часть практик реализуется мужчинами и женщинами, зачастую совместно.

Источники и материалы

Aus der Schale 1984 – Aus der Schale geplaudert. Leipzig: Verlag für die Frau, 1984.

Blütenmotive 1981 – Blütenmotive. Abplättmuster. Leipzig: Verlag für die Frau, 1981.

Böhning 2011 – *Böhning* I. Vom Wohnkomplex 5 E in Honwoy ans Schwarze Meer // Klauß C., Böttcher F. (Hrsg.). Unerkannt durch Freundesland. Illegale Reisen durch das Sowjetreich. Lukas Verlag, Berlin 2011. 127–136.

Die Frau von heute 1959 – Die Frau von heute. 1959. № 1, № 20.

Feines 1961 – Feines Gebäck zu Kaffee und Tee. Über 100 Rezepte. Leipzig: Verlag für die Frau, 1961.
Für dich 1965 – Für dich. 1965. № 1–52.
Häkellehrgang 1957 – Häkellehrgang. Leipzig: Verlag für die Frau, 1957.
Hübscher 2019 – *Hübscher* Ch. Jugendweihe in der DDR und heute in Ostdeutschland: Die Ersatzreligion // Spiegel. 07.08.2019. URL: https://www.spiegel.de/geschichte/ersatz-religion-jugendweihe-in-der-ddr-und-heute-in-ostdeutschland-a-1280724.html (Datum der Behandlung: 19.05.2020).
Kalies 2011 – *Kalies* K. Am kurzen Rock uns an hohen Schuhen hat es nicht gelegen // Klauß C., Böttcher F. (Hrsg.). Unerkannt durch Freundesland. Illegale Reisen durch das Sowjetreich. Lukas Verlag, Berlin 2011. 358–373.
Kinderfasching 1978 – Kinderfasching. 12 Modelle. Leipzig: Verlag für die Frau, 1978.
Kochen 1966 – Kochen für junge Leute. Leipzig: Verlag für die Frau, 1966.
Manke 1989 – *Manke* M. Palmen. Pflanzenbuch. Leipzig: Verlag für die Frau, 1989.
Minibilder 1984 – Minibilder gestickt. Leipzig: Verlag für die Frau, 1984.
Nähen 1959 – Nähen lernen leicht gemacht. Leipzig: Verlag für die Frau, 1959.
Neumann 1980 – *Neumann* L. Haushalttips für Jung und Alt. Leipzig: Verlag für die Frau, 1980.
OMB Archiv – Open Memory Box. Archiv: 001-09, 002-25, 005-03, 008-22, 009-09, 009-31, 009-35, 013-14, 013-21, 021-18, 028-01, 033-20, 037-12, 042-05, 042-08, 048-09, 049-06, 065-05, 071-04, 078-13, 078-13, 079-24, 088-10, 098-12, 099-14, 099-14, 099-14, 104-02,142-07, 145-09. URL: https://open-memory-box.de/archive (Datum der Behandlung: 19.05.2020).
OMB Geschichte: Frau Lauterbach – Open Memory Box. Geschichte: Frau Lauterbach. URL: https://open-memory-box.de/stories/mrs-lauterbach (Datum der Behandlung: 19.05.2020).
OMB Geschichte: Herr Lauterbach – Open Memory Box. Geschichte: Herr Lauterbach. URL: https://open-memory-box.de/stories/mr-lauterbach (Datum der Behandlung: 19.05.2020).
OMB Geschichte: Ich bereue es – Open Memory Box. Geschichte: Ich bereue es. URL: https://open-memory-box.de/stories/my-ducky (Datum der Behandlung: 19.05.2020).
OMB Geschichte: Meine Ente – Open Memory Box. Geschichte: Meine Ente. URL: https://open-memory-box.de/stories/i-regret-it (Datum der Behandlung: 19.05.2020).
Ostermuster 1981 – Ostermuster. Abplättmuster. Leipzig: Verlag für die Frau, 1981.
Pflanzen 1967 – Pflanzen in unserer Wohnung. Leipzig: Verlag für die Frau, 1967.
Pflanzen 1986 – Pflanzen in unserer Wohnung. Leipzig: Verlag für die Frau, 1986.
Pramo 1965 – Pramo. 1965. № 1, № 10.
Pramo 1975 – Pramo. 1975. № 3–7
Sibylle 1959 – Sibylle 1959. № 1.
Sibylle 1963 – Sibylle 1963. № 3.
Süßes 1971 – Süßes: Kompotte, Puddings, Kremspeisen, Eis. Leipzig: Verlag für die Frau, 1971.
Transit 2010 – Transit. Illegal durch die Weiten der Sowjetunion. Erlebnisse, Tagebuchaufzeichnungen, mit zahlreichen Fotos und Karten. Hrsg. von Jörg Kuhbandner und Jan Oelker. Radebeul, 2010.
Unerkannt – Unerkannt durch Freundesland. http://www.unerkanntdurchfreundesland.de/UdF/Unerkannt_durch_Freundesland.html (Datum der Behandlung: 11.04.2020).
Unser 1970 – Unser großes Kochbuch. Leipzig: Verlag für die Frau, 1970.
Unsere 1988 – Unsere Balkonpflanzen. Leipzig: Verlag für die Frau, 1988.
Wohnungs 1978 – Wohnungs ABC. Leipzig: Verlag für die Frau, 1978.

Научная литература

Белова А.В. Интернациональная дружба по переписке как феномен повседневности школьниц в социалистических обществах 1980-х годов (на примере ГДР и СССР) // Повседневная жизнь при социализме. Немецкие и российские подходы / под ред. Я. К. Берендса, В. Дубиной, А. Сорокина, с участием Е. Аконян. Москва: Политическая энциклопедия, 2015. С. 226–246.

Белова А.В. Концепт «интернациональная дружба» в идеологии и повседневности позднесоциалистических обществ ГДР и СССР // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2018. № 1. С. 4–19.

Берендс Я.К., Дубина В., Сорокин А. (под.ред.). Повседневная жизнь при социализме. Немецкие и российские подходы. Москва: Политическая энциклопедия, 2015. 271 С.

Браун Ю. «Раз в неделю всяк из нас спорту посвяти хоть час». Триумф и иллюзия спорта в ГДР // ГДР: миролюбивое государство, читающая страна, спортивная нация? / ред.-сост. Т. Гроссбёльтинг: пер. с нем. Москва: Мысль, 2017. С. 175–182.

Будде Г. Эмансипированное общество // ГДР: миролюбивое государство, читающая страна, спортивная нация? / ред.-сост. Т. Гроссбёльтинг: пер. с нем. Москва: Мысль, 2017. С. 94–112.

Линкс К. ГДР – страна читателей // ГДР: миролюбивое государство, читающая страна, спортивная нация? / ред.-сост. Т. Гроссбёльтинг: пер. с нем. Москва: Мысль, 2017. С. 193–204.

Мухина И.Н. Социально-правовое положение женщин в Германской демократической республике. Вестник Череповецкого государственного университета. 2013. № 1. Т. 2. С. 32–35.

Понукалина О.В. Досуг в теоретическом дискурсе социологии: подходы к исследованию // Вестник Поволжского института управления. 2017. Т. 17. № 6. С. 83–89.

Пфау-Эффингер Б. Культурные перемены и семейная политика в Восточной и Западной Германии // Социологические исследования. 2003. № 10. С. 78–87.

Сидорчук И.В. Цели и перспективы истории досуга // Историческая психология и социальная история. 2015. № 2. С. 174–186.

Хорольская М.В. «Чтобы женщина могла совмещать свои задачи гражданки и трудящейся со своим долгом жены и матери»: отношение общества и государства к проблеме соотношения материнства и женской занятости в ФРГ, ГДР и объединенной Германии // Материнство и отцовство сквозь призму времени и культур. Материалы Девятой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН. Москва, 2016. Т. 1. С. 89–92.

Bock G. Frauen in der europäischen Geschichte. München: C. H. Beck, 2000. 393 S.

Dumazedier J. The sociology of leisure. Amsterdam: Elsevier, 1974.

Kaminsky A. Frauen in der DDR. Berlin, 2016. 320 S.

Lange I. Von der Wiege bis zur Bahre. Zur Geschichte Sozialistischer Feiern zu Geburt, Ehe und Tod in der DDR // Kulturation. Online Journal für Kultur, Wissenschaft und Politik. № 1. 2004. URL: http://www.kulturation.de/ki_1_thema.php?id=57 (Datum der Behandlung: 11.04.2020).

Maser P. Die Kirchen in der DDR. Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung, 2000. 426 S.

Meier A. Jugendweihe – Jugendfeier. Ein deutsches nostalgisches Fest vor und nach 1990. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1998. 274 S.

Neubert E. Geschichte der Opposition in der DDR 1949–1989. Berlin: Ch. Links Verlag, 1998.

References

Belova, A.V. 2015. Internatsional'naia druzhba po perepiske kak fenomen povsednevnosti shkol'nits v sotsialisticheskikh obshchestvakh 1980 godov (na primere GDR i SSSR) [Penpal international friendship as a phenomenon of everyday life of schoolgirls in socialist societies of the 1980s (on the example of the GDR and the USSR)]. In *Povsednevnaia zhizn' pri sotsializme. Nemetskie i rossiiskie podkhody* [Everyday Life Under Socialism: German and Russian Approaches], edited by Ia.K. Berends, V. Dubina and A. Sorokin, 226–246. Moscow: Politicheskaia entsiklopediia.

Belova, A.V. 2018. Kontsept «internatsional'naia druzhba» v ideologii i povsednevnosti pozdnesotsialisticheskikh obshchestv GDR i SSSR [The concept of «international friendship» in the ideology and everyday life of the late socialist societies of the GDR and the USSR]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta* 1: 4–19.

Berends, Ia.K., V. Dubina and A. Sorokin eds. 2015. *Povsednevnaia zhizn' pri sotsializme. Nemetskie i rossiiskie podkhody* [Everyday Life Under Socialism: German and Russian Approaches]. Moskow: Politicheskaia entsiklopediia.

Bock, G. 2000. *Frauen in der europäischen Geschichte* [Women in European history]. München: C.H. Beck.

Braun, J. 2017. «Raz v nedeliu vsiak iz nas sportu posviati khot' chas». Triumf i illiuziia sporta v GDR [«Once a week, all of us dedicate at least an hour to sports». The triumph and illusion of sports in the GDR] In: *GDR: miroliubivoe gosudarstvo, chitaiushchaia strana, sportivnaia natsiia?* [GDR: a peace-loving state, a reading country, a sporting nation?], edited by Th. Großbölting, 175–182. Moskow: Mysl'.

Budde, G. 2017. Emansipirovannoe obshchestvo [Emancipated Society] In *GDR: miroliubivoe gosudarstvo, chitaiushchaia strana, sportivnaia natsiia?* [GDR: a peace-loving state, a reading country, a sporting nation?], edited by Th. Großbölting, 94–112. Moskow: Mysl'.

Dumazedier J. 1974. *The sociology of leisure*. Amsterdam: Elsevier.

Kaminsky, A. 2016. *Frauen in der DDR* [Women in GDR]. Berlin.

Khorolskaya M.V. 2016. «Chtoby zhenshchina mogla sovmeshchat' svoi zadachi grazhdanki i trudiashcheisia so svoim dolgom zheny i materi»: otnoshenie obshchestva i gosudarstva k probleme sootnosheniia materinstva i zhenskoi zaniatosti v FRG, GDR i ob"edinennoi Germanii [«That woman could combine their task of working with the citizen and his duty to his wife and mother»: the attitude of society and the state to the problem of the relation of motherhood and women's employment in West Germany, East Germany and unified Germany]. In: *Materinstvo i ottsovstvo skvoz' prizmu vremeni i kul'tur. Materialy Deviatoi mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii RAIZhI i IEA RAN* [Motherhood and fatherhood through the prism of time and culture. Proceedings of the Ninth international scientific conference RAWHR (Russian Association of Women's History Researchers) and IEA RAS] Vol. 1, 89–92. Moscow.

Lange, I. 2004. Von der Wiege bis zur Bahre. Zur Geschichte Sozialistischer Feiern zu Geburt, Ehe und Tod in der DDR [From the cradle to the stretcher. On the history of socialist celebrations of birth, marriage and death in the GDR]. *Kulturation. Online Journal für Kultur, Wissenschaft und Politik* 1. http://www.kulturation.de/ki_1_thema.php?id=57 (Datum der Behandlung: 11.04.2020).

Links, Ch. 2017. GDR – strana chitatelei [GDR – the country of readers] In: Großbölting Th.(ed.). *GDR: miroliubivoe gosudarstvo, chitaiushchaia strana, sportivnaia natsiia?* [GDR: a peace-loving state, a reading country, a sporting nation?], 193–204. Moskow: Mysl'.

Maser, P. 2000. *Die Kirchen in der DDR* [The churches in the GDR]. Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung.

Meier, A. 1998. *Jugendweihe – Jugendfeier. Ein deutsches nostalgisches Fest vor und nach 1990* [Youth Consecration – Youth Celebration. A German nostalgic Festival before and after 1990]. München: Deutscher Taschenbuch Verlag.

Mukhina, I.N. 2013. Sotsial'no-pravovoe polozhenie zhenshchin v Germanskoi demokraticheskoi respublike [Social and legal status of women in the German Democratic Republic]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta* 1(2): 32–35.

Neubert, E. 1998. *Geschichte der Opposition in der DDR 1949–1989* [History of the opposition in the GDR 1949–1989]. Berlin: Ch. Links Verlag.

Pfau-Effinger, B. 2003. Kul'turnye peremeny i semeinaia politika v Vostochnoi i Zapadnoi Germanii [Cultural Change Family Policy in East Germany]. *Sotsiologicheskie issledovaniia* 10: 78–87.

Ponukalina, O.V. 2017. Dosug v teoreticheskom diskurse sotsiologii: podkhody k issledovaniiu [Leisure in the theoretical discourse of sociology: research approaches]. *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniia* 17 (6): 83–89.

Sidorchuk, I.V. 2015. Tseli i perspektivy istorii dosuga [Goals and perspectives of leisure history]. *Istoricheskaia psikhologiia i sotsial'naia istoriia* 2: 174–186.

Tyurenkova, Darya O.

Anthropology of women's leisure in the GDR

The article discusses the anthropological features of women's leisure activities in the German Democratic Republic. Women's free time in a totalitarian society is defined as quasi-leisure, conventionally divided into public, associated with state mass events, and personal, the content of which was largely determined by women. A few factors have been identified that determine the amount of time free from labor and social activities. An analysis of sources with high information capabilities, such as women's periodicals and family newsreels of the GDR, allowed to identify aspects of rationing leisure practices by the state and the nature of public response to propaganda methods. The female press is considered as a mechanism for transmitting the normative image of a woman; the content and specifics of publications on free time in magazines that are different in content are revealed. The involvement of family newsreels published on the Internet in the framework of the «Open Memory box» project, a phenomenon specific to the GDR, made it possible to single out the most common and defined as significant forms of women's leisure activities, among which the unique German tradition of «Freikörperkultur», a free-body culture preserved under socialism. The space for leisure activities in such forms as external and internal tourism, as well as leisure in the country, is considered in the context of submission and self-will strategies within the framework of restrictions on freedom of movement in the conditions of the SED dictatorship. Particular attention is paid to the transformation of the holiday culture in relation to traditional German festivals, as well as the introduction of «new» socialist holidays, including alternative forms of life cycle rites; a widely-used rite of passage for youth is considered. Also, on the basis of attracting women's periodicals and family newsreels, significant components of the international image of the GDR in the field of leisure, the «reading country» and the «sports nation», are analyzed.

Keywords: *leisure, leisure history, anthropology of leisure, women's leisure, women's everyday life, women's history, East Germany*

ФИЗИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

УДК 572
DOI

© Н.Х. Спицына, Н.В. Балинова

СОВРЕМЕННАЯ СЕМЬЯ. АНТРОПОГЕНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕПРОДУКТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ В ПОПУЛЯЦИЯХ МАЛОЙ И СРЕДНЕЙ ЧИСЛЕННОСТИ*

В сообщении представлен сравнительный анализ антропогенетических параметров в популяциях этнических греков и албанцев Приазовья, контрастных с памирцами и киргизами Памирского высокогорья. В высокогорных популяциях памирцев Пастхуфа и Хуфа Рушанского района ГБАО Таджикистана и киргизов Мургаба, Мургабского района ГБАО экологические условия наряду с влиянием этноконфессиональных установок и культурных традиций выступают в качестве основных факторов микроэволюционных изменений. Наблюдается естественный характер репродукции с нерегулируемой рождаемостью. Тип воспроизводства расширенный, со снижением фертильности, связанной с высотой местообитания популяций над уровнем моря. В популяциях Приазовья - Красной Поляне (этнические греки, говорящие на румейском языке), Староласпе (татароязычные греки) и компактно проживающих албанцев поселков Девнинское и Георгиевка произошел демографический переход к системе планирования размеров семьи и жесткого искусственного контроля рождаемости. В популяциях, находящихся в окружении других этносов, наблюдается урбанизированный характер воспроизводства не свойственный группам малой и средней численности. Выявлен эффект резкого «постарения» с малой пропорцией дорепродуктивного возраста и значительным числом лиц пострепродуктивных когорт. Воспроизводство суженного типа, численность поддерживается благодаря притоку мигрантов из других групп. Антропогенетический анализ демонстрирует зависимость процессов воспроизводства в популяциях от совокупности факторов биологической и социальной приро-

Спицына Наиля Хаджиевна – д.и.н., ведущий научный сотрудник Центра физической антропологии, Института этнологии и антропологии РАН (Москва, Ленинский пр. 32-а). Эл. почта:nailya47@mail.ru. **Spitsyna, Nailya H.** – Dr. of Hist., Institute of Ethnology and Anthropology, RAS (Moscow, Leninsky Pr. 32-a). E-mail: nailya47@mail.ru

Балинова Наталья Владимировна – с.н.с., к.б.н. ФБГНУ Медико-генетический научный центр имени академика Н.П. Бочкова (Москва, Москворечье, 1). Эл. Почта: balinovs@mail.ru.
Balinova,Natalya V. – PhD in biology, FBGNU Medical and genetic research center named after academician N. P. Bochkov, (Moscow, Moskvorechye, 1). E- mail: balinovs@mail.ru

* Работа выполнена при частичной финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-59-00012 и в рамках государственного задания Минобрнауки России для ФГБНУ «МГНЦ им. Н.П. Бочкова» и ФГБУН ИЭА РАН

ды, географических условий проживания и экологии окружающей среды.

Ключевые слова: *популяция, репродуктивная структура, воспроизводство, дифференциальная плодовитость, дифференциальная смертность, эмбриональные потери, отбор.*

Введение

Социально-экономические изменения, происходящие в нашей стране, затрагивают все стороны жизни общества. Демографическая картина последних лет характеризуется резкими изменениями, одним их проявлений которых является значительное снижение рождаемости. В урбанизированных группах преобладает практика искусственного контроля рождаемости и планирования размеров семьи, которые определяют ситуацию социального неблагополучия, крайним вариантом которого может явиться превышение смертности над рождаемостью с эффектом отрицательного прироста населения (*Курбатова, Победоносцева* 2004; *Всероссийская перепись населения 2010* (Электронный ресурс); *Кучер, Курбатова* 1986.; *Курбатова* 2014; *Грачева и др.* 2019).

В этой связи в исследовании проблем воспроизводства населения приобретают особую значимость работы специалистов разных областей науки: медицины, биологии, экономики, права, социологии, этнологии. С демографическими процессами неразрывно связаны Институты брака и семьи, зависящие от совокупности факторов биологической, социальной природы, географических условий проживания и экологии окружающей среды. В условиях нашей полиэтничной и многоконфессиональной страны особенно актуальным является изучение универсального биологического процесса воспроизводства в связи с существующими особенностями репродуктивной структуры популяций (*Спицына 1993; Спицын и др.* 1989; *Спицын и др.* 1997; *Бодрошева и др.* 2018).

Размеры семьи определяются каждой брачной парой самостоятельно с вариациями – от бездетной семьи, однодетной, двухдетной и до большой семьи с количеством детей до десяти и выше. По существующим репродуктивным установкам у человека выделяются группы с естественным характером репродукции и группы, планирующие размеры семьи и прибегающие к искусственному контролю рождаемости.

К другим биологическим факторам, способствующим уменьшению численности в группах, относится безбрачие, бесплодие, смертность в дорепродуктивном и репродуктивном возрастах, а также неравное соотношение полов (*Григулевич и др.* 2012).

Цель и задачи

В настоящем сообщении представлен сравнительный анализ антропогенетических параметров в популяциях этнических греков и албанцев Приазовья, контрастных с памирцами и киргизами высокогорных районов Памира. Климато-географические условия высокогорья отличаются экстремально высокой инсоляцией, высоким естественным фоном радиации, гипоксией, связанной с понижением парциального давления кислорода и резкими перепадами суточных и сезонных температур. Космическая радиация на высоте 4 тыс. м в 10 раз выше таковой над уровнем моря. Наблюдаются также изменения в интенсивности и соотношении лучей с различной длиной волны. По данным Мюллера, избыток космической радиации составляет 5

рентген за поколение, а мутационная нагрузка усиливается на 6% (*Muller*1954).

Работа выполнена в рамках исследования механизмов социальной и генетико-антропологической адаптации человека к конкретным условиям проживания.

Материалы и методы

В работе с высокогорными группами был применен градиент высоты: в 1984 г. исследованы группы памирцев Пастхуфа и Хуфа (среднегорье, высота 2000, 3000 м. над уровнем моря), расположенные в Рушанском районе ГБАО Таджикистана и киргизы Мургаба, Мургабского района ГБАО (высокогорье, от 3600 до 4200 м. над уровнем моря). Этнические греки и албанцы Приазовья исследованы в ходе экспедиционных выездов 1989 г. в поселках Красная Поляна (греки, говорящие на румейском языке), Староласпа (татароязычные греки) и компактно проживающие албанцы в поселках Девнинское и Георгиевка.

Биодемографические данные собраны при тотальном обследовании жителей населенных пунктов. Деперсонифицированным анкетированием охвачены все семьи, включая лиц, выехавших на летние пастбища и фермы. Определены основные параметры генетико-демографической структуры: тотальный объем популяции (N_t), репродуктивный объем (N_r), эффективно-репродуктивный объем (N_e), определенный с учетом неравной численности лиц репродуктивного возраста разного пола, индексы соотношения полов и др. (*Write* 1938). С добровольного согласия женщин старше 45 лет собиралась биодемографическая информация о возрасте начала менархе, климакса, беременностях, родах, выкидышах, медицинских абортах, мертворождениях и причинах смерти детей. Учитывался также возраст и место рождения мужа и его родителей. Для вычисления коэффициентов максимально возможного потенциального отбора и составляющих компонентов дифференциальной плодовитости и смертности был применен классический метода Кроу (*Crow* 1958). Определена сила социальной регуляции репродуктивных процессов в популяциях (*Спицына* 2004; *Спицына* 2006; *Спицына* 2009).

Результаты и обсуждение

Популяционно-генетическая структура исследованных групп представлена параметрами временной и пространственной характеристики в табл. 1, 2.

Таблица 1

Соотношения возрастных групп в высокогорных популяциях памирцев и киргизов (%)

Возрастные группы	Памирцы		Киргизы
	Пастхуф (2000 м. н.у.м.) 700 чел.	Хуф (3000 м. н.у.м.) 673 чел.	Мургаб (3800–4200 м. н.у.м.) 892 чел.
дорепродуктивная	59,0	52,3	45,0
репродуктивная	24,0	28,5	41,0
пострепродуктивная	17,0	19,2	14,0

Таблица 2

Оценка общего, репродуктивного и эффективно-репродуктивного объемов в популяциях памирцев (Пастхуф, Хуф), киргизов (Мургаб) Памира

Популяции	NT	Число семей	N		Nr		$\overline{\hat{E}}$	σ_k^2	Ne	
			Муж.	Жен.	Муж.	Жен.			Муж.	Жен.
Пастхуф	700	102	348	342	79	89	5,8526	8,8291	73	82
Хуф	673	101	308	365	77	115	6,4146	10,5310	70	105
Мургаб	892	179	456	436	187	175	3,0845	4,7420	159	149

Примечание:

$\overline{\hat{E}}$ — среднее число гамет, передаваемых родителями репродуктивного возраста следующему поколению;

σ_k^2 — дисперсия среднего числа гамет;

Ne — эффективно-репродуктивный размер с учетом дифференциальной плодовитости.

Как видим, из табл.1, они относятся к популяциям средней численности, объем колеблется от 673 человек в Хуфе до 892 человек в Мургабе. Число семей составляет 101 в Хуфе и 179 в Мургабе. Выявлено неравное соотношение мужчин и женщин: в Хуфе половой индекс равен 0.84, в Пастхуфе и Мургабе равен 1.04. Репродуктивный объем популяций, вычисленный по средним возрастам менархе и климакса у женщин, времени вступления в брак, рождению первого и последнего ребенка у мужчин, несколько ниже в Хуфе и составляет 24% от общего объема. Среднее число детей, приходящихся на одну женщину, колеблется от 6.4 в Хуфе, до 3.08 в Мургабе, выявляя картину снижения количества детей в браках в зависимости от высоты популяции над уровнем моря, что согласуется с данными других авторов, исследовавших высокогорные группы (*Клегг* 1981; *Миррахимов* 1981).

Также в Мургабе очень низка варианса этого числа, свидетельствующая о стабильно невысоком темпе прироста населения. Эффективно-репродуктивный объем в группах, характеризующий вклад родительского поколения в генофонд популяции определен по классическому методу Райта с учетом различий в плодовитости женщин, а также учетом неравного соотношения полов в группе, поскольку не все лица репродуктивного возраста вступают в брак и имеют детей. Реальный вклад в генофонд нового поколения оценен в когортах женщин старше 45 лет и мужчин после 50 лет, завершивших индивидуальную репродукцию. В популяциях наряду со снижением среднего числа детей, напротив, с высотой возрастают величины компонентов дифференциальной смертности: в Пастхуфе 0.35, Хуфе 0.54, Мургабе она достигает 1.44.

Все исследованные группы памирцев и киргизов Памира мононациональны, с высокой степенью изолированности в силу географических и экологических условий и объединены конфессиональной принадлежностью к мусульманству суннитского толка. Выявленные различия между ними обусловлены принадлежностью к разным этносам и типам хозяйственно-культурной деятельности. Памирцы - исконные земледельцы, испытывающие на высокогорье острую нехватку земельных

участков, пригодных для землепользования. В данной ситуации повышенная пропорция кровнородственных браков в определенной степени позволяет сохранить земельные участки в рамках большой семьи, что еще более актуально при существующем высоком темпе воспроизводства. Традиционно бытует уважительное отношение к женщине-матери, зачастую при выходе замуж она оставляет свою фамилию. В популяциях естественный характер репродукции, беременности развиваются естественным физиологическим путем. Отмечено всего два аборта, совершенных по медицинским показаниям в связи с возникшей угрозой здоровью беременной женщины. Высокую рождаемость нельзя объяснить и удаленностью от возможного городского влияния, достаточно упомянуть, что уровень образования и медицинского обслуживания в те годы был достаточно высок, отмечалось даже перепроизводство специалистов с высшим и средним образованием, сопровождающееся явлением безработицы. Таким образом, на первый план выступает влияние этноконфессиональных установок и культурных традиций народов (*Спицын и др.* 1989).

Совершенно иной характер воспроизводства численности населения выявлен в популяциях Приазовья, данные представлены в табл. 3, 4.

Таблица 3

Соотношения возрастных групп в популяциях этнических греков и албанцев Приазовья (%)

Возрастные группы	Греки		Албанцы	
	Красная Поляна 4619 чел.	**Староласпа 955 чел.**	**Девнинское 677 чел.**	**Георгиевка 539 чел.**
дорепродуктивная	19.9	21.7	21.6	23.0
репродуктивная	41.1	39.0	40.3	39.0
пострепродуктивная	39.0	39.3	38.1	38.0

Таблица 4

Структура популяций этнических греков и албанцев Приазовья

Популяции	N_T	**Число семей**	**Nr жен.–муж**	$\widehat{E}$	σ_k^2	**Ne**
Красная Поляна	4619	1622	876-1022	2.1489	2.1880	1887
Староласпа	955	349	172-212	1.7805	1.1401	380
Девнинское	677	236	124-149	1.9831	1.5476	270
Георгиевка	539	167	92-119	2.3608	1.3425	207

Примечание:

NT – тотальный объем популяции;

Nr – Репродуктивный объем;

$\widehat{E}$ – среднее число детей, приходящееся на одну женщину;

σ_k^2 – дисперсия этой величины;

Ne – эффективно-репродуктивный объем, определен с учетом неравенства лиц разного пола в популяциях.

Все популяции характеризуются средней численностью и состоят из представителей разных национальностей. Традиционно брачные отношения выражались в билинейной экзогамии, случаи кровнородственных браков крайне редки. Структура браков в группах характеризуется ростом числа смешанных браков, вследствие миграций и процессов метисации. Так, у греков только 40% браков заключаются между лицами своей национальности, аналогичная картина отмечается и у албанцев. В ряду смешанных браков наибольшее число заключено с украинцами (от 18 до 28%), затем в порядке уменьшения следуют русские, белорусы, немцы и другие.

Главным отличием от высокогорных групп является выявленный в Приазовье эффект резкого «постарения» с малой пропорцией лиц дорепродуктивных возрастов и значительной - индивидов пострепродуктивного возраста. Репродуктивный объем в группах греков и албанцев примерно одинаков. Большой объем пострепродуктивной возрастной группы женщин, позволила нам выделить в ней раннюю возрастную когорту, завершивших репродукцию к 1960 г., и позднюю, завершивших индивидуальную репродукцию в 80-е годы. Анализ показал, что, если раньше у албанок менее 1% от общего числа беременностей завершалось абортом, у гречанок эта величина составляла 16-31%, то уже в следующей когорте лиц, вышедших из репродуктивного возраста, она составляла 45 и 66% соответственно. Резкий рост, причем основным средством регуляции являются методы искусственного прерывания беременностей, и, только в последние годы стали применять методы контрацепции для предупреждения возникновения нежелательной беременности. В табл. 5 представлены оценки потенциального отбора (с учетом эмбриональных потерь) по методу Джонстона и Кесингера (*Jonston, Kesinger* 1971; *Посух и др.* 1990).

Таблица 5

Оценка потенциального отбора (с учетом эмбриональных потерь) по методу Джонстона Ф.Е., и Кесингера К.М., (Johnston, Kesinger 1971) в популяциях греков и албанцев Приазовья, высокогорных групп Памира и эвенов Якутии

Популяции	Pb	Ps	If	Imc	Ime	
Красная Поляна						
I	0.7277	0.8200	0.3200	0.3742	0.2195	1.2644
II	0.3645	0.7800	0.3400	1.7435	0.2821	6.3474
III	0.4514	0.8000	0.3400	1.2153	0.2500	3.874
Староласпа						
I	0.6143	0.6900	0.4200	0.6279	0.4493	2.4634
II	0.3084	0.8900	0.2900	2.2425	0.1236	8.4613
III	0.3971	0.7900	0.3500	1.5182	0.2658	5.2047
Девнинское						
I	0.8028	0.6100	0.4900	0.2456	0.6393	1.9458
II	0.4974	0.7500	0.3800	1.4546	0.3333	5.1476
III	0.5052	0.7100	0.4100	0.9794	0.4084	3.4816
Георгиевка						
I	0.9600	0.6100	0.4300	0.0417	0.6393	1.4244
II	0.4539	0.8200	0.3100	1.2031	0.2195	3.7022
III	0.6548	0.7100	0.3700	0.5272	0.4085	2.0103

Таблица 5 (продолжение)

Популяции	**Pb**	**Ps**	**If**	**Imc**	**Ime**	
Пастхуф	0.9171	0.6500	0.2500	0.0904	0.5385	1.0565
Хуф	0.8929	0.6500	0.3800	0.1199	0.5385	1.3164
Мургаб	0.8931	0.4100	0.3500	0.1197	1.4390	2.5287
Березовка*	0.9200			0.4600	0.0900	1.3800
Себян-Кюель*	0.9500			0.2600	0.0600	0.5600
Андрюшкино*	0.9300			0.2700	0.0800	0.6400

Примечание:
Pb – доля эмбрионов, доживших до момента рождения;
Ps – доля потомков, доживших до момента репродукции;
If - индекс дифференциальной плодовитости;
Imc – индекс эмбриональной смертности;
Ime – смертность от момента рождения до репродукции;
* - эвены Якутии (Посух О.Л., Вибе В.П.,и др., 1990);
В анализ включены также беременности, завершившиеся абортом;
I – ранняя возрастная когорта (завершившие репродукцию к 1960 г.);
II – поздняя -«- (женщины, завершившие репродукцию в 80-е годы);
III – показатели по популяции в целом.

Индексы потенциального отбора и его составляющие с учетом эмбриональных потерь и дорепродуктивной смертности в популяциях Приазовья сопоставлены с данными по высокогорным популяциям Памира и литературными данными по этническим группам Сибири. Как видно, доля эмбрионов, доживших до момента рождения (P_b), в греческих и албанских популяциях существенно ниже в сравнении с рушанцами и киргизами Памира, и эвенами Якутии; тем не менее, в старшей (I) возрастной группе его значение в два раза выше, чем в поздней (II) группе, а в суммарной выборке колеблется от 0.40 в пос. Староласпе до 0.65 в пос. Георгиевке. Эта ситуация объясняется тем, что в группе II число беременностей, завершившихся искусственным прерыванием, намного выше, чем в группе I.

В популяциях Памира отличающихся естественным характером воспроизводства с соблюдением традиций нерегулируемой рождаемости, доля P_b, колеблется от 0.89 до 0.91 и по абсолютной величине близка по значению к таковым у эвенов Якутии. Напротив, доля потомков, доживших до репродуктивного возраста, значительно выше в группах Приазовья. В них также больше величина смертности от момента рождения до репродуктивного возраста, особенно в когорте I, за исключением женщин из пос. Красная Поляна. Максимум данной характеристики отмечается у киргизов Мургаба (I_{me} = 1.43). Однако доля вклада в структуру коэффициента () компоненты пренатальной смертности намного выше, чем вклад постнатальной и дорепродуктивной смертности вместе взятых. Несколько иную картину имеют лишь старшая возрастная когорта в пос. Георгиевка, а также популяции Памира. Величины индекса потенциального отборав несколько раз выше в возрастной группе II популяций Приазовья, что, в свою очередь, увеличивает среднее значение индекса по популяции в целом, достигая от 2.01 в пос. Георгиевка до 5.20 в пос. Староласпа.

Применение метода в данном случае оправдано, как иллюстрация одного из возможных критериев оценки в сравнительном аспекте с возможностями других способов учета действия потенциально возможного отбора.

Динамика демографических процессов в Приазовье показывает, что популяции поддерживают свою численность не за счет естественного прироста, а благодаря притоку мигрантов из других групп. В наибольшей степени выражена картина в поселках Староласпа и Девнинское, где наблюдаются тенденция снижения рождаемости, в среднем на одну брачную пару приходится менее двух детей (в поселке Красная Поляна 2.1, Георгиевке 2.3). Отмечается очень малая дисперсия, что свидетельствует о стабильности данных величин. В исследованных популяциях действует система планирования размеров семьи и осуществляется искусственный контроль рождаемости - тип репродуктивного поведения характерный для больших городских популяций и городских агломераций, где рождаемость находится в большой зависимости от прессинга социальных факторов. Согласно проведенному нами опросу, в популяциях Приазовья среди социальных факторов наиболее значимыми является пережитая оккупация и последующие репрессии, осознание себя этническим меньшинством в иноэтничном окружении и ощущение нестабильности.

Заключение

Получены следующие выводы:

1. В высокогорных популяциях памирцев и киргизов Памира наблюдается естественный характер репродукции с нерегулируемой рождаемостью. Тип воспроизводства расширенный, со снижением фертильности, связанным с высотой над уровнем моря. Экологические условия выступают в качестве основного фактора естественного отбора, действующего на высокогорье, наряду с влиянием этноконфессиональных установок и культурных традиций народов.
2. В популяциях этнических греков и албанцев Приазовья произошел демографический переход к системе планирования размеров семьи и жесткого искусственного контроля рождаемости, к урбанизированному характеру воспроизводства в популяциях, находящихся в окружении других этносов. Выявлен эффект резкого «постарения» с малой пропорцией дорепродуктивных возрастов и значительным объемом пострепродуктивных возрастных когорт. Воспроизводство суженного типа, численность поддерживается благодаря притоку мигрантов из других групп.
3. Репродукция является универсальным индикатором состояния популяций, чутко реагирующим на изменения окружающей среды и колебания биологического и социального характера.

Научная литература

Бодрошева Н.Г. Балинова Н.В. Спицына Н.Х. Сравнительный антропогенетический анализ процессов воспроизводства популяции Горно-Алтайска // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. 2018 №3. С. 118-128

Всероссийская перепись населения 2010 (Электронный ресурс) — http://www.perepis- 2010.ru. Дата обращения 27.02.2020.

Грачева А.С. Победоносцева Е.Ю. Удина И.Г. и др. Территориальная подразделенность популяции мегаполиса по этническому признаку в связи с проблемой создания генетических баз данных. Санкт-Петербург // Генетика. 2019. Т. 55. № 12. С. 1442–1450.

Григулевич Н.И. Спицына Н.Х. Спицын В.А. Особенности естественного движения населения Российской Федерации (биодемографический анализ) // Пермский медицинский журнал. 2012. Т. XXIX. № 2. С.134–141.

Клегг Дж. Плодовитость и ранний рост // Биология жителей высокогорья. Москва: Мир, 1981. С. 78–135.

Курбатова О.Л. Демографическая генетика городского населения. Автореф. Дис. докт. биол. наук. Москва: ИОГен РАН, 2014.

Курбатова О.Л., Победоносцева Е.Ю. Урбанизированные популяции // Динамика популяционных генофондов при антропогенных воздействиях. Гл. 5.2. / Ред. Ю.П. Алтухов. Москва: Наука, 2004. С. 433–516.

Кучер А.Н. Курбатова О.Л. Популяционно-генетическое исследование дифференциальной плодовитости в городском населении // Генетика. 1986. Т. 22. № 2. С. 304–311.

Миррахимов М.М. Биологические и физиологические особенности коренных жителей высокогорья Тянь-Шаня и Памира // Биология жителей высокогорья. Москва: Мир, 1981. С. 329–349.

Посух О.Л. Вибе В.П. Сукерник Р.И. Генетическое и экологическое изучение коренных жителей северо-востока Сибири. Сообщение 3. Демографическая структура трех современных популяций эвенов Якутии // Генетика. 1990. Т. 26. № 9. С. 1628–1636.

Спицын В.А. Бец Л.В. Аникеева А.В. Спицына Н.Х. Влияние средовых и генетических факторов на уровни тестостерона, эстрадиола и соматотропного гормонов у горцев Памира // Вестник РАМН. 1997. № 7. С. 46–50.

Спицын В.А. Новорадовский А.Г. Спицына Н.Х. Парик Ю.Я. Полиморфизм α1–антитрипсина в популяциях Памира. Репродуктивная компенсация – возможный механизм поддержания генетического разнообразия популяций по генам PI // Генетика. 1989. Т. XXV. № 12. С. 2218–2224.

Спицына Н.Х. Антропогенетическое изучение греческих и албанских популяций Приазовья // Греки России и Украины. Санкт-Петербург: Алетейя, 2004. С. 542–549.

Спицына Н.Х. Демографический переход в России. Антропогенетический анализ. Москва: Наука, 2006.

Спицына Н.Х. Репродукция - уникальный индикатор биологического и социального здоровья общества. Москва: В мире науки, 2009. № 8. С. 34–40.

Спицына Н.Х. Проблемы исторической генетики. Москва: Издательство ИЭА РАН, 1993.

Crow J.F. Some possibilities for measuring selection intensities in man // Human Biology. 1958. V. 30. P. 1–13.

Jonston F.E. Kesinger K.M. Fertility and mortality differentials and their implications for microevolutionary change among the Cashinahua // Human Biology. 1971. Vol. 43. No. 3. P. 356–364.

Muller H.J. Manner of Dependence of "Permissible Dose" of Radiation on Amount of Genetic Damage // Acta Radiologica. 1954. Vol. 41. P. 5–20.

Write S. Size of population and breeding structure in relation to evolution // Sciece. 1938. Vol. 87. P. 430–431.

References

Bodrosheva, N.G. Balinova, N.V. Spitsyna, N.Kh. 2018. Sravnitel'nyi antropogeneticheskii analiz protsessov vosproizvodstva populiatsii Gorno-Altaiska [Comparative anthropogenetic analysis of the processes of reproduction of the population of Gorno-Altaysk]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriia XXIII. Antropologiia* 3: 118–128.

Crow, J.F. 1958. Some possibilities for measuring selection intensities in man. *Human Biology* 30: 1–13.

Gracheva, A.S. Pobedonostseva, E.Iu. Udina, I.G. i dr. 2019. Territorial'naia podrazdelennost' populiatsii megapolisa po etnicheskomu priznaku v sviazi s problemoi sozdaniia geneticheskikh baz dannykh. Sankt-Peterburg [The territorial subdivision of the population of the megalopolis by ethnicity in connection with the problem of creating genetic databases. St. Petersburg]. *Russian Journal of Genetics*. 55 (12): 1442–1450.

Grigulevich, N.I. Spitsyna, N.Kh. Spitsyn, V.A. 2012. Osobennosti estestvennogo dvizheniia naseleniia Rossiiskoi Federatsii (biodemograficheskii analiz) [Features of the natural movement of the population of the Russian Federation (biodemographic analysis)]. *Permskii meditsinskii zhurnal* XXIX (2): 134–141.

Jonston, F.E. Kesinger, K.M. 1971. Fertility and mortality differentials and their implications for microevolutionary change among the Cashinahua. *Human Biology* 43 (3): 56–364.

Klegg, Dzh. 1981. Plodovitost' i rannii rost [Fertility and early growth]. *Biologiia zhitelei vysokogor'ia.* Moscow: Mir: 78–135.

Kucher, A.N. Kurbatova, O.L. 1986. Populiatsionno-geneticheskoe issledovanie differentsial'noi plodovitosti v gorodskom naselenii [Population genetic study of differential fertility in t he urban population]. *Russian Journal of Genetics* 22 (2): 304–311.

Kurbatova, O.L. 2014. *Demograficheskaia genetika gorodskogo naseleniia* [Demographic genetics of the urban population]. PhD diss. abstrac. Vavilov Institute of General Genetics RAS.

Kurbatova, O.L., Pobedonostseva, E.Iu. 2004. Urbanizirovannye populiatsii. *Dinamika populiatsionnykh genofondov pri antropogennykh vozdeistviiakh* [Dynamics of population gene pools under anthropogenic impact]. Pt. 5.2. / Red. Iu.P. Altukhov. Moscow: Nauka: 433–516.

Mirrakhimov, M.M. 1981. Biologicheskie i fiziologicheskie osobennosti korennykh zhitelei vysokogor'ia Tian'-Shania i Pamira [Biological and physiological characteristics of the indigenous inhabitants of the highlands of the Tien Shan and Pamirs]. *Biologiia zhitelei vysokogor'ia.* Moscow: Mir, 329–349.

Muller, H.J. 1954. Manner of Dependence of "Permissible Dose" of Radiation on Amount of Genetic Damage. *Acta Radiologica* 41: 5–20.

Posukh, O.L. Vibe, V.P. Sukernik, R.I. 1990. Geneticheskoe i ekologicheskoe izuchenie korennykh zhitelei severo-vostoka Sibiri. Soobshchenie 3. Demograficheskaia struktura trekh sovremennykh populiatsii evenov Iakutii [Genetic and ecological study of the indigenous people of the North-East of Siberia. Communication 3. Demographic structure of three modern populations of Evens in Yakutia.]. *Russian Journal of Genetics* 26 (9): 1628–1636.

Spitsyn, V.A. Bets, L.V. Anikeeva, A.V. Spitsyna, N.Kh. 1997. Vliianie sredovykh i geneticheskikh faktorov na urovni testosterona. estradiola i somatotropnogo gormonov u gortsev Pamira. [The influence of environmental and genetic factors on testosterone levels. estradiol and somatotropic hormones in the Pamir highlanders]. *Vestnik RAMN* 7: 46–50.

Spitsyn, V.A. Novoradovskii, A.G. Spitsyna, N.Kh. Parik ,Iu.Ia. 1989. Polimorfizm α1–antitripsina v populiatsiiakh Pamira. Reproduktivnaia kompensatsiia – vozmozhnyi mekhanizm podderzhaniia geneticheskogo raznoobraziia populiatsii po genam PI [Polymorphism of α1 - antitrypsin in Pamir populations. Reproductive compensation is a possible mechanism for maintaining the genetic diversity of a population for PI genes.]. *Russian Journal of Genetics* XXV (12): 2218–2224.

Spitsyna, N.Kh. 2006. *Demograficheskii perekhod v Rossii. Antropogeneticheskii analiz* [Demographic transition in Russia. Anthropogenetic analysis.]. Moscow: Nauka. 212 p.

Spitsyna, N.Kh. 1993. *Problemy istoricheskoi genetiki* [Problems of Historical Genetics]. Moscow: Izdatel'stvo IEA RAN.

Spitsyna, N.Kh. 2004. Antropogeneticheskoe izuchenie grecheskikh i albanskikh populiatsii Priazov'ia. *Greki Rossii i Ukrainy* [Greeks of Russia and Ukraine]. St-Petersburg: Aleteiia. 542-549.

Spitsyna, N.Kh. 2009. *Reproduktsiia - unikal'nyi indikator biologicheskogo i sotsial'nogo zdorov'ia obshchestva* [Reproduction is a unique indicator of the biological and social health of society]. Moscow: V mire nauki, 8: 34-40.

Vserossiiskaia perepis' naseleniia 2010 (Elektronnyi resurs) [All-Russian Population Census 2010 (Electronic resource)]. http://www.perepis-2010.ru. Data obrashcheniia 27.02.2020

Write, S. 1938. Size of population and breeding structure in relation to evolution. *Sciece* 87: 430–431.

Spitsyna Nailya H. , Balinova Natalya V.

A Modern Family. Anthropogenetic View of Reproductive Processes in Small and Medium-size Populations

The report presents a comparative analysis of anthropogenetic parameters in the populations of ethnic Greeks and Albanians of the Azov region, which contrast with the Pamirs and Kyrgyzs of the Pamir Mountains. In the highland Pamir populations of the Pastuf and Khuf (Rushan district of Gorno-Badakhshan Administrative Division (GBAD) of Tajikistan) and the Kyrgyzs of Murghab (Murghab district of GBAD), the main factors of microevolutionary changes are environmental conditions along with the influence of ethnic and confessional attitudes and cultural traditions. The pattern of reproduction is natural with unregulated fertility. A decrease in fertility is associated with the height of populations' habitats above sea level. The populations of Azov – Krasnaya Polyana (ethnic Greeks speaking Rumeika), Starolaspe (Tatar-speaking Greeks), and compactly populated Albanians of Devninskoye and Georgievka settlements underwent a demographic transition to the family planning system and strict artificial birth control. Populations surrounded by other ethnic groups have an urbanized pattern of reproduction not typical for groups of small and medium size. This population suffers from the effect of abrupt "aging", with a small proportion of pre-reproductive age and a significant number of post-reproductive cohorts. Reproductive rates are low and the number is supported by migrations from other groups. The anthropogenetic analysis demonstrated that reproduction processes in populations depend on a set of biological and social factors, geographical conditions and environment.

Keywords: *population, reproductive structure, reproduction, differential fertility, differential mortality, embryonic losses, selection*

УДК 572
DOI

© С.Ю. Фризен, Х.М. Мамаев, Р.Х. Мамаев

КРАНИОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ СКЛЕПОВ ЦОЙ-ПЕДЕ (ГОРНАЯ ЧЕЧНЯ)*

В статье рассматриваются краниологические материалы из склепового могильника Цой-Педе в горной Чечне, датирующегося эпохой позднего средневековья (XIII–XVIII вв.). Население, хоронившее в склепах Цой-Педе, видимо, формировалось на основе различавшихся в антропологическом плане групп, проживавших здесь совместно на протяжении достаточно длительного времени, и которые, вероятно, были предками современных вайнахских народов.

Ключевые слова: *краниология, Северный Кавказ, позднесредневековые склепы, Чечня, внутригрупповой анализ, межгрупповой анализ*

Введение

Целью статьи является введение в научный оборот краниологических материалов из могильника Цой-Педе (рис. 1), расположенного в Малхистинской котловине, у места впадения в р. Чанты-Аргун левого притока р. Меши-хи на мысовидном выступе отрога хребта Кори-Лам (Итум-Калинский район ЧР). Местоположение могильника в центре одного из основных исторических обществ горной Чечни – Малвхисты (о последнем см.: *Ахмадов* 2009: 120–121)[1].

Один из крупнейших склеповых некрополей Северного Кавказа привлек внимание исследователей еще в 20–30-х гг. XX века, но его реальное изучение началось в конце 50-х гг. прошлого столетия с работ Аргунского (Горного) отряда Северо-Кавказской археологической экспедиции ИА РАН АН СССР, возглавляемого В.И .Мар-

Фризен Сергей Юрьевич – к.и.н., научный сотрудник Центра физической антропологии ИЭА РАН (Москва, Ленинский пр. 32-а). Эл. почта: frizents@iea.ras.ru. **Frizen Sergey Y.** Institute of Ethnology and Anthropology, RAS (Moscow, Leninsky Pr. 32-a). E-mail: frizents@iea.ras.ru

Мамаев Хамид Магомедович – к.и.н,, заместитель директора Института Гуманитарных Исследований Академии наук Чеченской Республики (г. Грозный, ул. Р. Люксембург д.17). Эл. почта: mamaev.07@list.ru. **Mamayev Hamid M. –** Deputy Director of the Institute for Humanitarian Research of the Academy of Sciences of the Chechen Republic, Ph.D., (Grozny, st. R. Luxembourg 17). E-mail: mamaev.07@list.ru

Мамаев Рашид Хамидович – заведующий археологической лабораторией Исторического факультета Чеченского государственного университета (г. Грозный, ул. Р. Люксембург д.17). Эл. почта: borz85@list.ru. **Mamaev Rashid H. –** Head of the Archaeological Laboratory of the History Department of Chechen State University. (Grozny, st. R. Luxembourg 17). E-mail: borz85@list.ru

* Работа выполнена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН 11 Социально-гуманитарные аспекты устойчивого развития и обеспечения стратегического прорыва России, 25 «Памятники материальной и духовной культуры в современной информационной среде», раздел программы «1. Методология анализа и интерпретации археологического наследия, разработка вопросов его сохранения и презентации; создание баз данных по археологическим данным и биоархеологическим материалам», проект «Этногенез народов Кавказа и Крыма по данным физической антропологии».

[1] Указаное в данном случае расположение общества в верховья р. Шаро-Аргун является опечаткой.

Рис. 1. Склеповый могильник Цой-Педе. Вид с севера (фото автора, 2019).

ковиным, в которых принимали участие и специалисты из Чечено-Ингушского НИИ истории, языка и литературы – А.А. Исламов, С.Ц. Умаров (*Марковин* 1963: 243–244, 256–270, *Исламов* 1963: 141–152, *Умаров* 1968: 232–236)[1], однако при этом антропологическая составляющая памятника до последнего времени внимания не привлекла[2],

Некрополь состоит из наземных, полуподземных и подземных склепы, в целом датируемые эпохой позднего средневековья (XIII–XVIII вв.). К сожалению, погребальные сооружения могильника (на его территории известны также и культовые объекты) с давних пор подвергались негативному антропогенному воздействию, резко усилившемуся в середине 1990-х – начале 2000 г., когда эта горная часть Чечни превратилась в зону военных действий (см., например: *Городинский* 2019: 267–268)[3], нанесших еще больший урон легко доступному археологическому содержимому практически всех склепов, особенно наземных. В результате основная масса костных останков оказалась на дневной поверхности камер в уже переотложенном (зачастую неоднократно) состоянии. Представленный далее материал был собран археологами АН ЧР с дневной поверхности в нескольких могильных сооружениях разных групп склепов, в свое время условно выделенных В.И. Марковиным на территории могильника (*Марковин* 1963: 260–267) (рис. 2). В связи с этим необходимо иметь в виду, что исследуемая выборка, не являясь исчерпывающей, не дает полной возможности судить о количестве и половозрастном составе погребенных в этих склепах. Поэтому данная работа во многом носит предварительный характер –

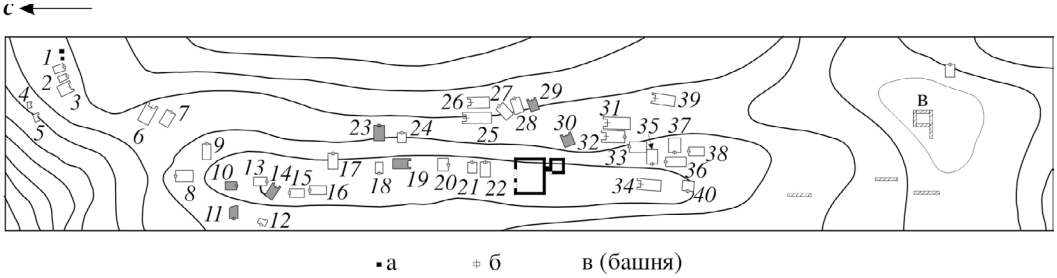

Рис. 2. Общий план северной части города мертвых Цой-Педе (по Марковину В.И.) : а - столпообразные сооружения; б - вход в склеп; в – башня, серым зветом обозначены склепы из которых отбирался краниологический материал (компьютерная обработка Фризен О.И.).

[1] Кратко об истории изучения могильника см.: *Даутова, Исаев*, 2014.

[2] Об истории антропологических исследований в Чечне см.: *Мамаев и др.* 2015.

[3] В ходе недавних (2019 г.) охранных исследований у сел. Тусхарой в том же Итум-Калинском районе ЧР нам удалось получить ответ и на вопрос о происхождении т.н. тусхоройских доспехов, в свое время вызвавших немалое внимание в местных средствах массовой информации – как оказалось, в действительности комплекс защитного вооружения (уже публиковавшийся – см., например, *Кулешов* 2008; *Кулешов* 2009) был найден в одном из склепов (подземных?) Цой-Педе при сооружении здесь оборонительных позиций федеральными частями в конце 1999 г. (*Городинский* 2019: 262—271).

ее основной задачей являлись публикация первичных краниологических данных и их анализ для общего представления о физических особенностях средневекового населении этой части горной Чечни.

В общей сложности было исследовано 43 мужских и 8 женских черепов из 7 наземных склепов, номера которых приведены в таблицах 1 и 2[1].

Таблица 1

Индивидуальные данные мужских черепов из склепов Цой-Педе

	Склеп 10										
№	**10/1***	**10/2**	**10/3**	**10/4**	**10/5**	**10/7**	**10/8**	**10/9**	**n**	**x**	**s**
1	172,0	180,0	179,0	168,0	177,0	172,0	171,0	179,0	8	174,8	4,5
8	151,0	141,0	148,0	137,0	148,0	142,0	149,0	139,0	8	144,4	5,2
17	133,0	132,0	130,0	124,0	138,0	133,0	136,0	129,0	8	131,9	4,3
5	103,0	103,0	99,0	99,0	98,0	92,0	96,0	94,0	8	98,0	3,9
10	138,0	123,0	130,0	119,0	124,0	117,0	128,0	122,0	8	125,1	6,7
9	102,0	98,0	103,0	96,5	95,0	96,0	92,0	101,0	8	97,9	3,8
40	94,0	99,0		94,0	94,0	93,0	98,0	94,0	7	95,1	2,3
11	121,0	119,0	123,0	117,0	126,0	118,0	120,0	111,0	8	119,4	4,4
12	105,0	113,0	113,0	107,0	118,0	114,0	116,0	105,0	8	111,4	5,0
20	115,1	115,6	114,5	108,2	116,0	118,0	118,7	112,0	8	114,8	3,4
48	73,0	70,0		69,0	73,0	62,0	68,0	70,0	7	69,3	3,7
45	141,0	130,0	141,0	130,0	137,0	125,0	130,0	128,0	8	132,8	6,1
46	107,0	103,0	110,0	107,0	102,0	103,0	103,0	106,0	8	105,1	2,8
43	100,0	98,0	96,0	97,0	94,0		93,0	98,0	7	96,6	2,4
54	35,5	26,0	28,0	24,0	26,0	21,5	22,5	23,5	8	25,9	4,4
55	53,0	52,0	49,5	49,5	56,5	47,0	47,0	50,0	8	50,6	3,2
51	42,0	43,0	43,0	44,5	42,0	42,5	42,5	43,5	8	42,9	0,8
51a	40,5	40,0	39,0	42,5	40,0	39,0	41,0	39,5	8	40,2	1,2
52	36,5	35,0	34,0	35,5	36,0	33,5	32,0	34,5	8	34,6	1,5
SC	11,5	13,5	15,5	12,5	6,5	11,5	10,0	7,0	8	11,0	3,1
SS	5,5	6,5	6,0	4,5	5,0	6,0	4,5	2,0	8	5,0	1,4
DC	28,0	22,0	27,5	23,5		21,5	20,5	23,5	7	23,8	2,9
DS	12,5	14,5	15,5	13,0		14,0	11,5	10,5	7	13,1	1,7
MC	23,0	19,5	22,0	18,5	15,0	19,5	17,0	20,5	8	19,4	2,6
MS	8,5	11,5	9,5	7,5	8,0	9,5	7,0	7,5	8	8,6	1,5
77	141,0	132,0	141,0	138,0	142,0	135,0	139,0	142,0	8	138,8	3,6
Zm	124,0	127,0	129,0	132,0	120,0		123,0	124,0	7	125,6	4,0
32	81,0	73,0	81,0	74,0	79,0	78,0	76,0	79,0	8	77,6	3,0
32a	85,0	75,0	79,0	79,0	85,0	85,0	82,0	86,0	8	82,0	4,0

[1] После изучения материалы были возвращены в соответствующие погребальные сооружения.

Таблица 1 (Склеп 10, продолжение)

	Склеп 10										
№	**10/1***	**10/2**	**10/3**	**10/4**	**10/5**	**10/7**	**10/8**	**10/9**	**n**	**x**	**s**
72	88,0	85,0	89,0	81,0	84,0	84,0	81,0	83,0	8	84,4	2,9
73	88,0	90,0	91,0	85,0	87,0	87,0	85,0	87,0	8	87,5	2,1
74	88,0	77,0	86,0	74,0	76,0	76,0	76,0	82,0	8	79,4	5,3
75	61,0	45,0	53,0	57,0	54,0		50,0	57,0	7	53,9	5,2
75(1)	27,0	40,0	36,0	24,0	30,0		31,0	26,0	7	30,6	5,7
ВИЛ	25,5	23,0	23,5	23,5	25,5	26,0	24,5	27,5	8	24,9	1,5
ВИЗ	24,0	32,0	32,0	27,0	29,0	24,5	26,0	30,5	8	28,1	3,2
8:1	87,8	78,3	82,7	81,5	83,6	82,6	87,1	77,7	8	82,7	3,6
48:45	51,8	53,8		53,1	53,3	49,6	52,3	54,7	7	52,7	1,7
48:17	54,9	53,0		55,6	52,9	46,6	50,0	54,3	7	52,5	3,2
40:5	91,3	96,1		94,9	95,9	101,1	102,1	100,0	7	97,3	3,9
54:55	67,0	50,0	56,6	48,5	46,0	45,7	47,9	47,0	8	51,1	7,3
52:51	86,9	81,4	79,1	79,8	85,7	78,8	75,3	79,3	8	80,8	3,8
SS:SC	47,8	48,1	38,7	36,0	76,9	52,2	45,0	28,6	8	46,7	14,4
DS:DC	44,6	65,9	56,4	55,3		65,1	56,1	44,7	7	55,4	8,5

* - Здесь и далее первая цифра – номер склепа, вторая – номер черепа

	Склеп 11							
№	**11/1**	**11/2**	**11/3**	**11/4**	**11/5**	**n**	**x**	**s**
1	173,0	189,0	174,0	170,0	171,0	5	175,4	7,8
8	148,0	149,0	146,0	133,0	144,0	5	144,0	6,4
17	133,0	145,0	134,0	119,0	133,0	5	132,8	9,2
5	96,0	113,0	104,0	94,0	103,0	5	102,0	7,5
10	122,0	135,0	122,0	116,0	128,0	5	124,6	7,2
9	98,0	104,0	92,0	96,0	103,0	5	98,6	5,0
40	94,0	106,0		90,0	97,0	4	96,8	6,8
11	121,0	124,0	123,0	111,0	118,0	5	119,4	5,2
12	116,0	115,0	117,0	105,0	111,0	5	112,8	4,9
20	131,0	124,4	115,7	111,9	115,8	5	117,8	7,8
48	71,0	78,0		58,0	66,0	4	68,3	8,4
45	132,0	144,0	126,0	124,0	136,0	5	132,4	8,0
46	105,0	111,0	99,0	105,0	109,0	5	105,8	4,6
43	99,0	101,0	87,0	90,0	97,0	5	94,8	6,0
54	26,5	25,5	23,0	24,5	25,5	5	25,0	1,3
55	51,5	58,0	54,5	45,0	50,5	5	51,9	4,8
51	40,0	45,5	44,5	40,5	42,0	5	42,5	2,4
51a	36,0	41,0	39,5		38,5	4	38,8	2,1

Таблица 1 (Склеп 11, продолжение)

	Склеп 11							
№	**11/1**	**11/2**	**11/3**	**11/4**	**11/5**	**n**	**x**	**s**
52	32,0	36,0	34,0	30,0	32,0	5	32,8	2,3
SC	12,0	9,0	8,5	9,5	14,5	5	10,7	2,5
SS	5,0	5,5	4,5	2,5	6,0	5	4,7	1,4
DC	25,5	21,0	18,5		25,0	4	22,5	3,3
DS	13,5	12,5	11,0		13,5	4	12,6	1,2
MC	20,0	16,5	15,5	19,5	19,5	5	18,2	2,0
MS	7,5	9,0	9,5	5,5	7,5	5	7,8	1,6
77	136,0	135,0	138,0	141,0	141,0	5	138,2	2,8
Zm	123,0	115,0	115,0	136,0	134,0	5	124,6	10,1
32	71,0	70,0	75,0	76,0	78,0	5	74,0	3,4
32a	77,0	78,0	81,0	84,0	86,0	5	81,2	3,8
72	85,0	86,0	91,0	84,0	86,0	5	86,4	2,7
73	88,0	89,0	96,0	91,0	91,0	5	91,0	3,1
74	77,0	81,0	81,0	66,0	98,0	5	80,6	11,5
75	58,0	57,0	65,0	61,0	55,0	5	59,2	3,9
75(1)	27,0	29,0	26,0	23,0	31,0	5	27,2	3,0
ВИЛ	22,0	25,0	27,0	22,0	28,0	5	24,8	2,8
ВИЗ	27,0	29,0	30,0	30,0	29,0	5	29,0	1,2
8:1	85,5	78,8	83,9	78,2	84,2	5	82,1	3,4
48:45	53,8	54,2		46,8	48,5	4	50,8	3,7
48:17	53,4	53,8		48,7	49,6	4	51,4	2,6
40:5	97,9	93,8		95,7	94,2	4	95,4	1,9
54:55	51,5	44,0	42,2	54,4	50,5	5	48,5	5,2
52:51	80,0	79,1	76,4	74,1	76,2	5	77,2	2,4
SS:SC	41,7	61,1	52,9	26,3	41,4	5	44,7	13,2
DS:DC	52,9	59,5	59,5		54,0	4	56,5	3,5

Таблица 1. Продолжение

	Склеп 14										
№	**14/1**	**14/2**	**14/5**	**14/6**	**14/7**	**14/8**	**14/9**	**14/10**	**n**	**x**	**s**
1	182,0	179,0	178,0	181,0	177,0	174,0	172,0	166,0	8	176,1	5,3
8	148,0	135,0	144,0	149,0		134,0	137,0	145,0	7	141,7	6,3
17	136,0	135,0	138,0	138,0	138,0	131,0	131,0	130,0	8	134,6	3,5
5	103,0	104,0	104,0	104,0	106,0	101,0	100,0	94,0	8	102,0	3,7
10	118,0	110,0	123,0	127,0		111,0	118,0	127,0	7	119,1	7,0
9	94,5	89,0	98,5	102,5		92,0	95,0	104,0	7	96,5	5,5
40	97,0	105,0	101,0	98,0	101,0	102,0	99,0	87,0	8	98,8	5,4

Таблица 1 (Склеп 14, продолжение)

	Склеп 14										
№	**14/1**	**14/2**	**14/5**	**14/6**	**14/7**	**14/8**	**14/9**	**14/10**	**n**	**x**	**s**
11	121,5	114,0	121,5	123,0	121,0	111,0	114,5	112,0	8	117,3	4,9
12	117,0	111,0	113,0	112,5	109,0	107,0	106,5	105,0	8	110,1	4,0
20	111,5	113,5	118,4	119,1	111,7	106,4	113,4	115,1	8	113,6	4,1
48	67,0	76,0	75,0	71,0	78,0	71,0	66,0	67,0	8	71,4	4,6
45	134,0		137,5	144,0	138,0	125,5	130,0	129,5	7	134,1	6,3
46	104,0	102,0	108,0	110,5	106,5	99,0	99,0	109,0	8	104,8	4,5
43	96,0	102,0	98,0	105,5	103,0	98,0	98,0	99,0	8	99,9	3,2
54	22,5	24,5	23,5	28,5		23,0	23,5	26,0	7	24,5	2,1
55	52,0	57,5	55,0	50,5	55,0	51,5	47,5	48,5	8	52,2	3,4
51	42,5	42,5	45,0	44,0	42,5	41,5	39,0	45,0	8	42,8	2,0
51a	40,0	39,0	41,5	39,5	39,0	36,5	35,5	38,5	8	38,7	1,9
52	31,0	31,5	33,5	35,5	35,0	31,5	33,0	36,0	8	33,4	2,0
SC	7,0	11,5	10,0	12,5	10,0	8,5	9,0	10,0	8	9,8	1,7
SS	7,5	7,5	6,0	5,5	5,5	5,5	4,0	4,5	8	5,8	1,3
DC	21,0	21,5	22,0	26,0	22,5	17,5	20,5	27,5	8	22,3	3,2
DS	13,5	11,5	12,0	13,5	13,5	11,5	11,0	10,5	8	12,1	1,2
MC	18,5	20,0	17,5	23,5	18,5	15,5	17,5	21,5	8	19,1	2,5
MS	9,5	8,5	8,5	9,5	9,5	10,0	7,5	6,5	8	8,7	1,2
77	149,0	139,0	146,0	132,0	138,0	135,0	137,0	135,0	8	138,9	5,8
Zm	132,0	120,0	130,0	129,0	121,0	120,0	124,0	128,0	8	125,5	4,8
32	78,0	72,0	77,0	81,0	73,0	77,0	81,0	89,0	8	78,5	5,3
32a	71,0	65,0	67,0	75,0	66,0	71,0	78,0	85,0	8	72,3	6,8
72	85,0	80,0	80,0	83,0	81,0	78,0	83,0	89,0	8	82,4	3,5
73	88,0	83,0	82,0	85,0	82,0	80,0	85,0	89,0	8	84,3	3,1
74		73,0	75,0	75,0	77,0	69,0	80,0	89,0	7	76,9	6,3
75	41,0	51,0	46,0	48,0	36,0	37,0	52,0	52,0	8	45,4	6,6
75(1)	44,0	29,0	34,0	35,0	45,0	41,0	31,0	37,0	8	37,0	5,9
ВИЛ	22,0	19,0	24,0	27,0	22,5	22,5	24,0	26,5	8	23,4	2,6
ВИЗ	31,0	26,0	23,0	28,0	27,0	26,0	23,5	26,5	8	26,4	2,5
8:1	81,3	75,4	80,9	82,3		77,0	79,7	87,3	7	80,6	3,9
48:45	50,0		54,5	49,3	56,5	56,6	50,8	51,7	7	52,8	3,1
48:17	49,3	56,3	54,3	51,4	56,5	54,2	50,4	51,5	8	53,0	2,7
40:5	94,2	101,0	97,1	94,2	95,3	101,0	99,0	92,6	8	96,8	3,2
54:55	43,3	42,6	42,7	56,4		44,7	49,5	53,6	7	47,5	5,7
52:51	72,9	74,1	74,4	80,7	82,4	75,9	84,6	80,0	8	78,1	4,3
SS:SC	107,1	65,2	60,0	44,0	55,0	64,7	44,4	45,0	8	60,7	20,8
DS:DC	64,3	53,5	54,5	51,9	60,0	65,7	53,7	38,2	8	55,2	8,6

Таблица 1. Продолжение.

	Склеп 19							
№	**19/1**	**19/2**	**19/3**	**19/4**	**19/5**	**n**	**x**	**s**
1	184,0	189,0	166,0	188,0	169,0	5	179,2	10,9
8	150,0	145,0	143,0	147,0	145,0	5	146,0	2,6
17	138,0	128,0	126,0	137,0	130,0	5	131,8	5,4
5	108,0	96,0	96,0	100,0	105,0	5	101,0	5,4
10	126,0	121,0	129,0	127,0	129,0	5	126,4	3,3
9	101,0	98,0	104,0	100,0	107,0	5	102,0	3,5
40	98,0	93,0	94,0	98,0		4	95,8	2,6
11	127,5	118,5	117,0	121,0	121,0	5	121,0	4,0
12	121,0	124,0	102,0	111,0	109,0	5	113,4	9,0
20	117,9	113,5	109,3	126,3	120,7	5	117,5	6,5
48	73,0	73,0	66,5	66,0		4	69,6	3,9
45	141,0	137,5	132,0	140,0	139,0	5	137,9	3,5
46	106,0	106,5	109,0	108,0	110,0	5	107,9	1,7
43	95,0	97,0	94,0	102,0	95,0	5	96,6	3,2
54	22,5	27,5	26,5	25,5	25,0	5	25,4	1,9
55	50,0	51,5	48,5	47,5	57,0	5	50,9	3,7
51	45,0	43,0	43,0	44,5	44,0	5	43,9	0,9
51a	40,5	37,0	38,0	40,0	39,0	5	38,9	1,4
52	33,0	32,0	32,5	34,5	34,0	5	33,2	1,0
SC	10,5	9,5	10,0	9,0	11,5	5	10,1	1,0
SS	7,5	3,5	3,5	3,5	6,5	5	4,9	1,9
DC	24,5	27,5	27,5	23,0	26,5	5	25,8	2,0
DS	17,5	15,5	12,5	11,0	12,5	5	13,8	2,6
MC	19,0	20,5	23,5	17,0	19,5	5	19,9	2,4
MS	12,0	7,5	6,5	5,5	7,5	5	7,8	2,5
77	129,0	141,0	141,0	149,0	139,0	5	139,8	7,2
Zm	121,0	131,0	124,0	134,0	118,0	5	125,6	6,7
32	74,0	77,0	83,0	84,0	89,0	5	81,4	5,9
32a	71,0	70,0	78,0	75,0	85,0	5	75,8	6,1
72	91,0	86,0	84,0	85,0		4	86,5	3,1
73	91,0	88,0	87,0	88,0	92,0	5	89,2	2,2
74	84,0	87,0	75,0	78,0		4	81,0	5,5
75	57,0	57,0	55,0		56,0	4	56,3	1,0
75(1)	34,0	29,0	29,0			3	30,7	2,9
ВИЛ	21,5	21,5	24,5	25,5	28,0	5	24,2	2,8
ВИЗ	31,5	25,5	24,0	30,0	23,0	5	26,8	3,8
8:1	81,5	76,7	86,1	78,2	85,8	5	81,7	4,3
48:45	51,8	53,1	50,4	47,1		4	50,6	2,6
48:17	52,9	57,0	52,8	48,2		4	52,7	3,6
40:5	90,7	96,9	97,9	98,0		4	95,9	3,5
54:55	45,0	53,4	54,6	53,7	43,9	5	50,1	5,2
52:51	73,3	74,4	75,6	77,5	77,3	5	75,6	1,8
SS:SC	71,4	36,8	35,0	38,9	56,5	5	47,7	15,8
DS:DC	71,4	56,4	45,5	47,8	47,2	5	53,6	10,8

Таблица 1. Продолжение

	Склеп 23						
№	**23/1**	**23/3**	**23/4**	**23/5**	**n**	**x**	**s**
1	176,0	180,0	185,0	183,0	4	181,0	3,9
8	146,0	138,0	148,0	146,0	4	144,5	4,4
17	123,0	131,5	124,0	132,0	4	127,6	4,8
5	99,0	105,0	108,0	99,0	4	102,8	4,5
10	127,0	114,0	119,0	123,0	4	120,8	5,6
9	106,0	98,0	99,5	95,5	4	99,8	4,5
40	96,0	98,0	108,0	94,0	4	99,0	6,2
11	125,0	120,0	125,0	119,0	4	122,3	3,2
12	116,0	102,0	119,0	121,0	4	114,5	8,6
20	114,0	111,9	114,0	113,3	4	113,3	1,0
48	82,0	72,0	74,0	68,0	4	74,0	5,9
45	137,0	140,0	138,0	139,0	4	138,5	1,3
46	114,0	108,0	110,5	107,5	4	110,0	3,0
43	98,0	100,0	97,0	102,0	4	99,3	2,2
54	25,0	25,5	29,5	26,0	4	26,5	2,0
55	53,5	50,5	52,5	50,0	4	51,6	1,7
51	46,0	44,5	45,0	44,0	4	44,9	0,9
51a	41,5	41,5	40,0	41,0	4	41,0	0,7
52	35,0	35,5	35,5	36,0	4	35,5	0,4
SC	10,5	7,5	11,5	12,5	4	10,5	2,2
SS	4,5	5,5	4,5	5,5	4	5,0	0,6
DC	24,5	21,5	26,5	22,0	4	23,6	2,3
DS	11,5	12,5	12,5	12,0	4	12,1	0,5
MC	21,5	17,5	22,5	19,5	4	20,3	2,2
MS	9,5	7,0	8,5	8,5	4	8,4	1,0
77	134,0	135,0	134,0	131,0	4	133,5	1,7
Zm	130,0	129,0	130,0	131,0	4	130,0	0,8
32	75,0	91,0	77,0	84,0	4	81,8	7,3
32a	71,0	72,0	72,0	79,0	4	73,5	3,7
72	89,0	87,0	85,0	85,0	4	86,5	1,9
73	89,0	90,0	90,0	88,0	4	89,3	1,0
74	89,0	82,0	86,0	77,0	4	83,5	5,2
75	54,0	52,0	55,0	60,0	4	55,3	3,4
75(1)	35,0	35,0	30,0	25,0	4	31,3	4,8
ВИЛ	21,5	24,5	25,0	28,0	4	24,8	2,7
ВИЗ	31,0	24,5	31,0	36,0	4	30,6	4,7
8:1	83,0	76,7	80,0	79,8	4	79,9	2,6
48:45	59,9	51,4	53,6	48,9	4	53,5	4,7
48:17	66,7	54,8	59,7	51,5	4	58,2	6,6
40:5	97,0	93,3	100,0	94,9	4	96,3	2,9
54:55	46,7	50,5	56,2	52,0	4	51,4	3,9
52:51	76,1	79,8	78,9	81,8	4	79,1	2,4
SS:SC	42,9	73,3	39,1	44,0	4	49,8	15,8
DS:DC	46,9	58,1	47,2	54,5	4	51,7	5,6

Таблица 1. Продолжение

	Склеп 29									
№	**29/1**	**29/2**	**29/3**	**29/4**	**29/5**	**29/7**	**29/8**	**n**	**x**	**s**
1	175,0	186,0	175,0	167,0	166,0	179,0	187,0	7	176,4	8,3
8	142,0	144,0	145,0	150,0	141,0	144,0	143,0	7	144,1	2,9
17	130,0	129,0	136,0	133,0	129,0	136,0	140,0	7	133,3	4,2
5	102,0	104,0	101,0	99,0	98,0	102,0	105,0	7	101,6	2,5
10	118,0	124,0	129,0	136,0	124,0	124,0	116,0	7	124,4	6,7
9	97,5	108,0	95,0	107,5	98,0	101,0	100,5	7	101,1	5,0
40	98,0	97,0	83,0	98,5	97,0	97,0	92,0	7	94,6	5,6
11	120,0	121,0	119,0	119,5	124,5	125,0	121,5	7	121,5	2,4
12	112,0	113,0	110,0	116,0	111,0	112,0	124,0	7	114,0	4,8
20	115,3	112,8	118,9	122,2	107,2	117,4	117,2	7	115,9	4,8
48	77,0	72,0	69,0	70,0	73,0	75,0	68,0	7	72,0	3,3
45	139,0		129,0	138,5	136,5	143,5	140,5	6	137,8	4,9
46	110,0	115,0	99,5	114,0	105,5	111,0	109,0	7	109,1	5,3
43	100,0	100,0	92,0	100,0	96,0	112,0	95,5	7	99,4	6,3
54	26,0	26,0	25,0	28,0	25,5	26,5	25,5	7	26,1	1,0
55	58,5	58,5	54,0	51,0	52,0	53,5	52,5	7	54,3	3,0
51	46,0	44,5	43,0	45,0	43,0	45,0	44,5	7	44,4	1,1
51a	43,0	42,5	39,0	41,0	39,5	33,5	41,5	7	40,0	3,2
52	37,5	34,5	31,5	35,0	34,0	35,0	34,0	7	34,5	1,8
SC	12,5	11,5	11,5	11,5	9,5	9,0	9,0	7	10,6	1,4
SS	6,0	4,5	6,0	5,5	5,5	4,0	5,5	7	5,3	0,8
DC	23,5	25,5	22,5	21,0	23,5	26,5	20,5	7	23,3	2,2
DS	14,0	10,5	12,0	11,0	13,5	12,0	11,5	7	12,1	1,3
MC	20,0	20,5	18,5	20,5	20,0	20,5	19,0	7	19,9	0,8
MS	9,5	7,5	9,5	8,5	9,5	5,5	8,5	7	8,4	1,5
77	139,0	142,0	137,0	137,0	137,0	146,0	133,0	7	138,7	4,2
Zm	128,0	135,0	128,0	137,0	122,0	134,0	130,0	7	130,6	5,2
32	73,0	85,0	87,0	88,0	79,0	80,0	77,0	7	81,3	5,6
32a	66,0	78,0	83,0	83,0	75,0	75,0	71,0	7	75,9	6,2
72	85,0	87,0	98,0	86,0	78,0	86,0	89,0	7	87,0	5,9
73	88,0	90,0	99,0	90,0	82,0	89,0	92,0	7	90,0	5,1
74	80,0	81,0	96,0	84,0	72,0	83,0	89,0	7	83,6	7,5
75	58,0	59,0	61,0	54,0	48,0	54,0	53,0	7	55,3	4,4
75(1)	27,0	28,0	37,0	32,0	30,0	32,0	36,0	7	31,7	3,8
ВИЛ	21,0	29,5	29,5	28,0	22,5	23,0	22,0	7	25,1	3,8
ВИЗ	27,0	24,5	26,5	27,5	23,5	27,0	25,5	7	25,9	1,5
8:1	81,1	77,4	82,9	89,8	84,9	80,4	76,5	7	81,9	4,6
48:45	55,4		53,5	50,5	53,5	52,3	48,4	6	52,3	2,5
48:17	59,2		50,7	52,6	56,6	55,1	48,6	6	53,8	3,9
40:5	96,1	93,3	82,2	99,5	99,0	95,1	87,6	7	93,2	6,3
54:55	44,4	44,4	46,3	54,9	49,0	49,5	48,6	7	48,2	3,6
52:51	81,5	77,5	73,3	77,8	79,1	77,8	76,4	7	77,6	2,5
SS:SC	48,0	39,1	52,2	47,8	57,9	44,4	61,1	7	50,1	7,6
DS:DC	59,6	41,2	53,3	52,4	57,4	45,3	56,1	7	52,2	6,7

Таблица 1. Продолжение

	Склеп 32									Общая серия				
№	32/1	32/2	32/3	32/6	32/7	32/9	n	x	s	n	x	min	max	s
1	172,0	186,0	184,0	171,0	172,0	170,0	6	175,8	7,2	43	176,6	166,0	189,0	6,8
8	152,0	147,0	153,0	143,0	143,0	143,0	6	146,8	4,7	42	144,4	133,0	153,0	4,8
17	142,0	141,0	137,0	123,0	133,0	133,0	6	134,8	6,9	43	132,7	119,0	145,0	5,5
5	102,0	106,0	105,0	92,0	97,0	98,0	6	100,0	5,3	43	100,9	92,0	113,0	4,6
10	136,0	132,0	129,0	126,0	110,0	124,0	6	126,2	9,0	42	123,8	110,0	138,0	6,8
9	103,0	107,5	100,0	95,5	96,0	96,5	6	99,8	4,8	42	99,2	89,0	108,0	4,6
40	99,0	92,0	96,0	90,0	93,0	91,0	6	93,5	3,4	40	96,1	83,0	108,0	4,8
11	121,0	124,0	125,0	124,0	114,0	119,0	6	121,2	4,2	43	120,0	111,0	127,5	4,2
12	113,0	124,0	115,0	106,0	110,0	113,0	6	113,5	6,0	43	112,6	102,0	124,0	5,7
20	124,0	116,5	117,4	109,7	111,2	117,8	6	116,1	5,1	43	115,7	106,4	131,0	5,0
48	69,0	76,0	76,0	71,0	72,5	65,0	6	71,6	4,2	40	70,9	58,0	82,0	4,7
45	138,0	143,0		137,0	131,5	131,5	5	136,2	4,9	40	135,4	124,0	144,0	5,7
46	107,0	113,5	107,5	105,5	103,5	103,0	6	106,7	3,8	43	106,8	99,0	115,0	4,1
43	101,0	98,0	91,5	99,0	98,0	93,0	6	96,8	3,7	42	97,8	87,0	112,0	4,3
54	24,5	25,5	24,5	27,0	24,0	24,0	6	24,9	1,2	42	25,4	21,5	35,5	2,4
55	49,5	53,0	52,5	52,5	48,0	47,0	6	50,4	2,6	43	51,7	45,0	58,5	3,4
51	44,5	44,5	47,5	43,5	43,5	44,0	6	44,6	1,5	43	43,6	39,0	47,5	1,6
51a	39,5	41,0		39,5	37,5	38,5	5	39,2	1,3	41	39,5	33,5	43,0	1,9
52	33,5	35,5	35,5	35,5	36,5	33,5	6	35,0	1,2	43	34,1	30,0	37,5	1,7
SC	13,5	13,0	7,5	9,0	11,0	10,5	6	10,8	2,3	43	10,5	6,5	15,5	2,0
SS	4,0	7,0	4,5	2,5	2,5	4,5	6	4,2	1,7	43	5,0	2,0	7,5	1,3
DC	21,5	24,5		23,5	23,5	21,5	5	22,9	1,3	40	23,4	17,5	28,0	2,6
DS	11,0	13,5		13,0	10,5	10,5	5	11,7	1,4	40	12,5	10,5	17,5	1,6
MC	19,5	22,5	16,0	19,0	20,0	19,5	6	19,4	2,1	43	19,4	15,0	23,5	2,1
MS	8,5	10,0	9,5	5,0	5,5	8,5	6	7,8	2,1	43	8,3	5,0	12,0	1,6
77	145,0	133,0	135,0	150,0	137,0	140,0	6	140,0	6,4	43	138,5	129,0	150,0	4,9

Таблица 1 (Склеп 32, продолжение)

	Склеп 32									Общая серия				
№	32/1	32/2	32/3	32/6	32/7									
Zm	134,0	130,0	121,0	131,0	130,0	128,0	6	129,0	4,4	42	127,2	115,0	137,0	5,7
32	94,0	82,0	82,0	81,0	78,0	85,0	6	83,7	5,5	43	79,6	70,0	94,0	5,6
32a	85,0	76,0	75,0	75,0	73,0	79,0	6	77,2	4,3	43	76,9	65,0	86,0	6,1
72	85,0	87,0	88,0	86,0	85,0	86,0	6	86,2	1,2	42	85,3	78,0	98,0	3,7
73	88,0	92,0	100,0	85,0	84,0	97,0	6	91,0	6,5	43	88,6	80,0	100,0	4,3
74	74,0	78,0	85,0	83,0	83,0	80,0	6	80,5	4,0	41	80,5	66,0	98,0	6,6
75		56,0	52,0	56,0	53,0	52,0	5	53,8	2,0	40	53,5	36,0	65,0	6,1
75(1)		31,0	36,0	30,0	32,0	34,0	5	32,6	2,4	39	32,0	23,0	45,0	5,2
ВИЛ	27,5	27,5	29,5	26,5	27,5		5	27,7	1,1	42	24,9	19,0	29,5	2,7
ВИЗ	29,5	32,5	38,5	30,0	28,5		5	31,8	4,0	42	28,0	23,0	38,5	3,4
8:1	88,4	79,0	83,2	83,6	83,1	84,1	6	83,6	3,0	42	81,9	75,4	89,8	3,6
48:45	50,0	53,1		51,8	55,1	49,4	5	51,9	2,3	37	52,2	46,8	59,9	2,8
48:17	48,6	53,9		57,7	54,5	48,9	5	52,7	3,9	38	53,3	46,6	66,7	3,9
40:5	97,1	86,8	91,4	97,8	95,9	92,9	6	93,6	4,2	40	95,5	82,2	102,1	4,1
54:55	49,5	48,1	46,7	51,4	50,0	51,1	6	49,5	1,8	42	49,4	42,2	67,0	4,9
52:51	75,3	79,8	74,7	81,6	83,9	76,1	6	78,6	3,8	43	78,3	72,9	86,9	3,4
SS:SC	29,6	53,8	60,0	27,8	22,7	42,9	6	39,5	15,2	43	49,0	22,7	107,1	15,6
DS:DC	51,2	55,1		55,3	44,7	48,8	5	51,0	4,5	40	53,8	38,2	71,4	7,2

Таблица 2

Индивидуальные данные женских черепов из склепов Цой-Педе.

№	10/6*	14/3	14/4	23/2	29/6	29/9	32/5	32/8	n	x	min	max	s
1	171,0	174,0	164,0	174,0	170,0	159,0	166,0	165,0	8	167,9	159,0	174,0	5,3
8	138,0	144,0	139,0	141,0	137,0	137,0	148,0	142,0	8	140,8	137,0	148,0	3,8
17	127,0	132,0	131,0	133,0	129,0	124,0	129,0	121,0	8	128,3	121,0	133,0	4,1

Таблица 2 (продолжение)

№	10/6*	14/3	14/4	23/2	29/6	29/9	32/5	32/8	n	x	min	max	s
5	93,0	101,0	91,0	99,0	97,0	89,0	92,0	91,0	8	94,1	89,0	101,0	4,3
10	116,0	123,0	124,0	123,0	116,0	124,0	124,0	126,0	8	122,0	116,0	126,0	3,8
9	94,0	103,0	94,0	96,0	93,5	98,0	96,5	97,5	8	96,6	93,5	103,0	3,1
40	91,0	96,0	87,0	95,0	92,0	93,0	95,5	84,0	8	91,7	84,0	96,0	4,3
11	118,0	118,0	116,5	118,5	116,5	113,0	114,5	116,5	8	116,4	113,0	118,5	1,9
12	113,0	114,0	106,0	108,0	121,0	112,0	117,5	104,0	8	111,9	104,0	121,0	5,8
20	109,1	113,6	109,5	112,3	114,0		117,8	111,7	7	112,6	109,1	117,8	3,0
48	72,0	71,0	63,0	68,0	71,0	64,0	65,5	68,5	8	67,9	63,0	72,0	3,4
45	126,0	133,0		126,5	125,5	127,5	126,0	125,5	7	127,1	125,5	133,0	2,7
46	101,0	107,0	100,5	101,5	100,5	104,0	102,5	102,5	8	102,4	100,5	107,0	2,2
43	95,0	99,0	93,0	95,0	94,0	89,0	98,0	88,5	8	93,9	88,5	99,0	3,8
54	23,0	22,5	24,0	24,5	22,5	23,5	26,5	20,5	8	23,4	20,5	26,5	1,7
55	42,0	48,0	48,5	49,5	54,0	47,0	50,5	49,0	8	48,6	42,0	54,0	3,4
51	41,5	42,5	42,0	42,5	39,5	42,5	39,5	42,0	8	41,5	39,5	42,5	1,3
51a	40,0	38,0	37,0	37,5		39,0		39,5	6	38,5	37,0	40,0	1,2
52	36,0	34,0	32,5	32,0	36,5	33,5	31,5	34,5	8	33,8	31,5	36,5	1,8
SC	6,5	10,5	7,5	9,5	12,0	9,0	8,5	10,0	8	9,2	6,5	12,0	1,7
SS	1,0	4,0	2,5	5,5	4,5	2,5	3,5	6,0	8	3,7	1,0	6,0	1,7
DC	23,5	24,0	23,5	9,5		21,0		21,0	6	20,4	9,5	24,0	5,5
DS	9,5	13,5	11,5	12,5		10,5		14,5	6	12,0	9,5	14,5	1,9
MC	18,5	21,5	19,0	16,0	21,0	17,5	18,5	16,5	8	18,6	16,0	21,5	2,0
MS	4,5	11,0	6,5	8,0	7,5	5,5	7,5	8,5	8	7,4	4,5	11,0	2,0
77	144,0	132,0	142,0	144,0	135,0	151,0	141,0	136,0	8	140,6	132,0	151,0	6,1
Zm	131,0	120,0	122,0	122,0	119,0	131,0	122,0	127,0	8	124,3	119,0	131,0	4,8
32	77,0	89,0	87,0	84,0	84,0	93,0	91,0	82,0	8	85,9	77,0	93,0	5,2
32a	85,0	82,0	82,0	80,0	82,0	92,0	88,0	80,0	8	83,9	80,0	92,0	4,2
72	86,0	87,0	82,0	84,0	87,0	80,0	83,0	90,0	8	84,9	80,0	90,0	3,2

Таблица 2 (продолжение)

№	10/6*	14/3	14/4	23/2	29/6	29/9	32/5	32/8	n	x	min	max	s
73	86,0	91,0	84,0	86,0	89,0	81,0	88,0	94,0	8	87,4	81,0	94,0	4,1
74	84,0	80,0	71,0	77,0	79,0	71,0	70,0	81,0	8	76,6	70,0	84,0	5,3
75		65,0	50,0	53,0	59,0	43,0	59,0	56,0	7	55,0	43,0	65,0	7,1
75(1)		22,0	32,0	31,0	28,0	37,0	24,0	34,0	7	29,7	22,0	37,0	5,4
ВИЛ	27,0	30,0	28,0	26,0	24,5	30,5	24,0	28,5	8	27,3	24,0	30,5	2,4
ВИЗ	26,5	28,0	27,5	26,5	27,5	24,0	29,0	26,5	8	26,9	24,0	29,0	1,5
8:1	80,7	82,8	84,8	81,0	80,6	86,2	89,2	86,1	8	83,9	80,6	89,2	3,1
48:45	57,1	53,4		53,8	56,6	50,2	52,0	54,6	7	53,9	50,2	57,1	2,4
48:17	56,7	53,8	48,1	51,1	55,0	51,6	50,8	56,6	8	53,0	48,1	56,7	3,1
40:5	77,4	70,3	69,2	68,7	73,2	71,9	71,2	75,3	8	72,2	68,7	77,4	3,0
54:55	54,8	46,9	49,5	49,5	41,7	50,0	52,5	41,8	8	48,3	41,7	54,8	4,7
52:51	86,7	80,0	77,4	75,3	92,4	78,8	79,7	82,1	8	81,6	75,3	92,4	5,5
SS:SC	15,4	38,1	33,3	57,9	37,5	27,8	41,2	60,0	8	38,9	15,4	60,0	14,7
DS:DC	40,4	56,3	48,9			50,0		69,0	5	52,9	40,4	69,0	10,6

* - Здесь и далее первая цифра – номер склепа, вторая – номер черепа

Визуально серия неоднородна, поэтому сначала был проведен анализ среднеквадратических уклонений отдельно по каждому склепу, а затем суммарно - всей серии (индивидуальные данные представлены в таблицах 1 и 2). Следует напомнить, что значения среднеквадратических уклонений, попадающие в категории больших величин, говорят о повышенной изменчивости признаков, т.е. неоднородности серии. Анализ среднеквадратических уклонений серий из отдельных склепов показал разноречивость величин квадратических уклонений. Так, выборку из склепа 10 характеризует однородность по большинству признаков, кроме наибольшей ширины лба (Здесь и далее в скобках №№ признаков по Мартину-10), ширины затылка (12), скулового диаметра (45), высоты (55) и ширины (54) носа и, соответственно, носового указателя (54:55), симотическим (SC и SS) и дакриальным (DC и DS) размерам, черепному (8:1) и симотическому (SS:SC) указателям и углу выступания носа (75(1)). Т.е. признаков с высокой разграничительной возможностью. Материал из склепа 11, напротив, демонстрирует завышенное значение среднеквадратических уклонений по большинству признаков, кроме ширины носа (54), дакриальной высоты (DS), назомолярного угла (77), углов вертикальной профилировки (32, 32а, 72, 73 и 75(1) и ряда указателей (8:1, 40:5, 52:51, DS: DC). Причиной этого является череп 11/2, который по абсолютным размерам крупнее всех остальных.

Черепа из склепа 14 также достаточно неоднородны (однородность здесь демонстрируют 1, 17, 5, 11, 12, 20, 46, 43, 52, SC, DS размеры, 73 и 74 углы и 8:1, 40:5, 52:51, DS: DC указатели). В материале из склепа 19 неоднородность демонстрируют ряд признаков (1, 17, 5, 12, 20, 55, DS), углы горизонтальной (77, Zm) и вертикальной (32 и 32а) профилировок и указатели (8:1, 54:55, SS:SC, DS: DC). Выборка из склепа 23 состоит всего из 4 черепов, в связи с этим значение среднеквадратического уклонения может быть недостоверным. Выборка из склепа 29 неоднородна по следующим параметрам 1, 10, 9, 40, 12, 20, 51а, 32, 32а, 72, 73, 8:1, 40:5. В материале из склепа 32 сигма завышена по следующим признакам: 1, 17, 5, 10, 9, 12, 20, SC, SS, 77, 32, 73, SS: SC.

Рассмотренные выборки из отдельных склепов Цой-Педе нельзя назвать однородными, поскольку мужская серия в целом из всего набора признаков демонстрирует средние или ниже среднего значения среднеквадратического уклонения только по поперечному диаметру (8), наименьшей ширине лба (9), длине (40) и ширине (11) основания черепа, верхней ширине лица (46), ширине (51) и высоте (52) орбиты, дакриальной высоте (DS), зиго-максиллярному углу (Zm), верхнелицевому (48:45),в орбитному (52:51) и дакриальному (DS:DC) указателям. Сборную серию можно охарактеризовать как мезоморфную, большинство признаков в пределах средних величин.

Как уже отмечалось, женская серия состоит всего из 8 черепов, в связи с чем анализировать можно только выборку в целом. По значениям среднеквадратического уклонения она несколько более однородна, чем мужская - выше среднего величины только следующих признаков 12, 55, SS, DC, DS, 77, 32, 72, 73 75(1), 54:55, 52:51, SS:SC, DS: DC.

Таким образом, анализ среднеквадратических уклонений собранного материала демонстрирует неоднородность как по отдельным склепам, так и мужской и женской серий в целом.

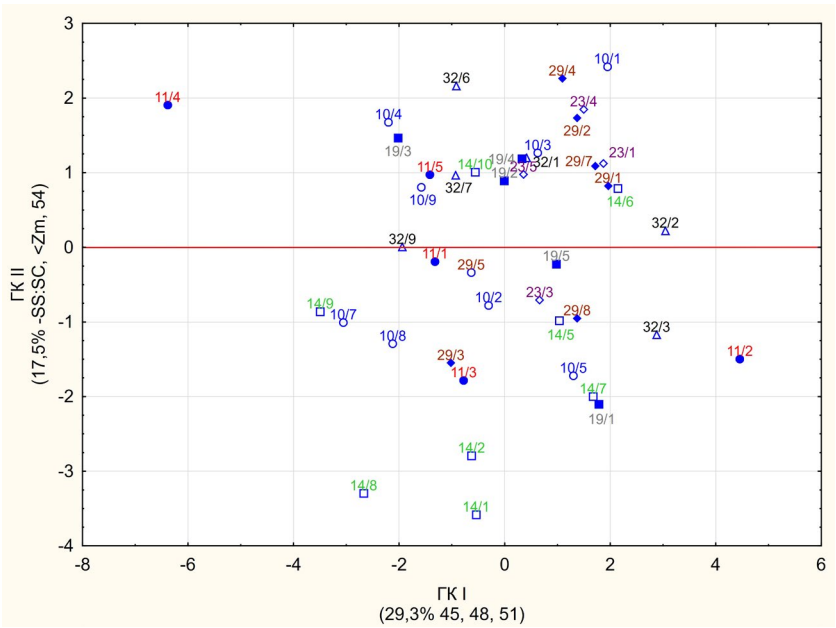

Рис. 3. Мужские черепа из склепов Цой-Педе в пространстве I и II Главных компонент (подписи соответствуют номерам в таблице 1).

Нами также был проведен внутригрупповой анализ с использованием метода Главных Компонент (программа РССОМР Б.А. Козинцева). Для исследования были использованы следующие признаки: продольный (1), поперечный (8), высотный (17) и скуловой (45) диаметры, наименьшая ширина лба (9), верхняя высота лица (48) высота и ширина носа (54 и 55) и орбиты (51 и 52), назомалярный (77) и зиго-максиллярный (Zm) углы, симотический указатель (SS:SC) и угол выступания носа (75(1). I и II ГК описывают более 46% внутригрупповой изменчивости. Наиболее значимыми по первой компоненте являются скуловой диаметр (45), верхняя высота лица (45) и ширина орбиты (51), по второй – симотический указатель (SS:SC) с отрицательным значением, зиго-максиллярный угол (Zm) и ширина носа (54). На полученном графике (рис. 3) сложно выделить какие- либо осмысленные скопления, большинство черепов группируются вокруг центра.

Подобную ситуацию можно объяснить изначальным присутствием на рассматриваемой территории нескольких антропологически различавшихся групп населения, которые на протяжении ряда поколений проживая совместно, смешивались друг с другом, но окончательной нивелировки исходных различий не произошло.

Очевидно, это во многом может быть объяснено расположением памятника на одном из важных транспортных путей, издревле соединявших оба склона Кавказского хребта и способствовавших перемещению разнородных (антропологически различимых) групп населения прежде всего окружающей высокогорной зоны и их инкорпорации в среду местного социума. В связи с рассматриваемым материалом необходимо также отметить, что, по мнению ряда исследователей, склепы представляют собой коллективные усыпальницы, принадлежавшие кровнородственным группам разного уровня (*Натаев* 2013: 65–66) функционировавшие достаточно долго (особенно наземные), но тема эта очевидно требует дальнейшего изучения.

Для межгруппового анализа (программа CANON Б.А. Козинцева) были использованы те же признаки, что и для внутригруппового. Для сравнения были привлечены результаты исследования краниологических материалов из сборов на нескольких средневековых могильниках горной Чечни (Харачоевского 3, Тусхоройского, Гучум-Калинского, Ведучинского и др. (*Мамаев* и др, неопубл), а также Ушкалоевского (*Мамаев и др*. 2015); сборная серия из позднесредневековых склепов горной Ингушетии (*Фризен, Гадиев* 2019), а также данные, опубликованные В.П. Алексеевым (черепа населения близкого к современности из различных ущелий Северного Кавказа на территории Северной и Южной Осетии (дигорцев, иронцев, туальцев)с, а также чеченцев, ингушей, и средневековые серии из могильников Чегем, Дуба-Юрт (IX–X вв.), Моздоа (XII–XIV вв.), Верхнего Джулата (XIV–XVII вв.) (*Алексеев* 1974).

На первом этапе исследования цой-пединских материалов анализировались средние данные по отдельным склепам. Первый и второй Канонические вектора описывают более 71% изменчивости, наиболее значимыми по первому являются продольный (1) с отрицательным значением и поперечный (8) диаметры и ширина орбиты (51), по второму – верхняя высота лица (48) и высота орбиты (52) с отрицательными значениями высотный диаметр (17). На графике (рис. 4) выборки из склепов Цой-Педе находятся очень близко друг к другу (исключение составляет выборка из склепа 23, расположенная на некотором отдалении), в одном скоплении с ними располагаются сборные серии чеченцев, ингушей и осетин - туальцев, а также серия из склепов горной Ингушетии, на некотором отдалении - сборная серия из упомянутых выше средневековых

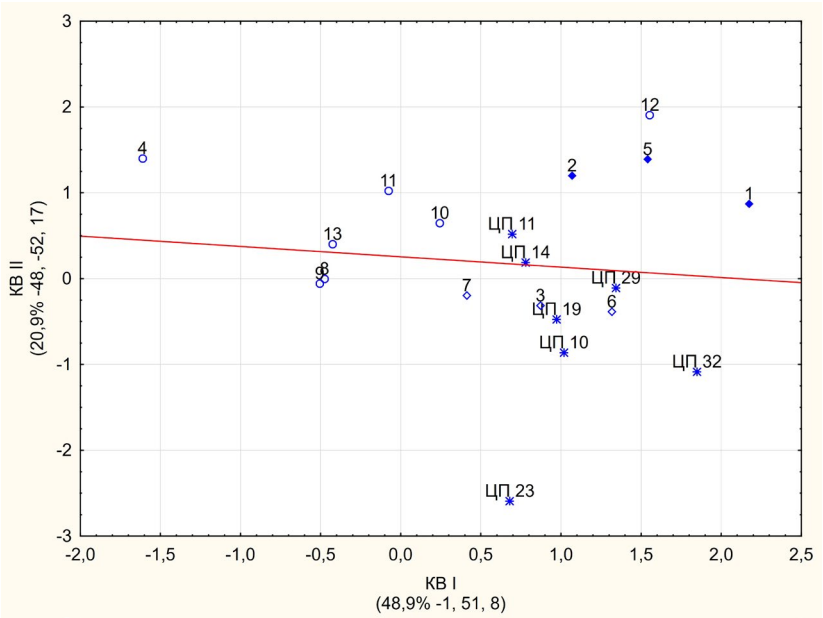

Рис. 4. Мужские серии в пространстве I и II Канонических векторов. ЦП 10 – Цой-Педе, склеп 10, ЦП 11 – Цой-Педе, склеп 11, ЦП 14 – Цой-Педе, склеп 14, ЦП 19 – Цой-Педе, склеп 19, ЦП 23 – Цой-Педе, склеп 23, ЦП 29 – Цой-Педе, склеп 29, ЦП 32 – Цой-Педе, склеп 32, 1 – Харачоевский могильник, 2 – Ушкалой, 3 – Средневековые могильники Чечни, 4 – Дуба-Юрт (IX–X вв.), 5 – Чеченцы, 6 – Склепы горной Ингушетии, 7 – Ингуши, 8 – Дигорцы, 9 – Иронцы, 10 – Туальцы, 11 – Чегем (позднее средневековье), 12 – Моздок (XII–XIV вв.), 13 – Верхний Джулат (XIV–XVII).

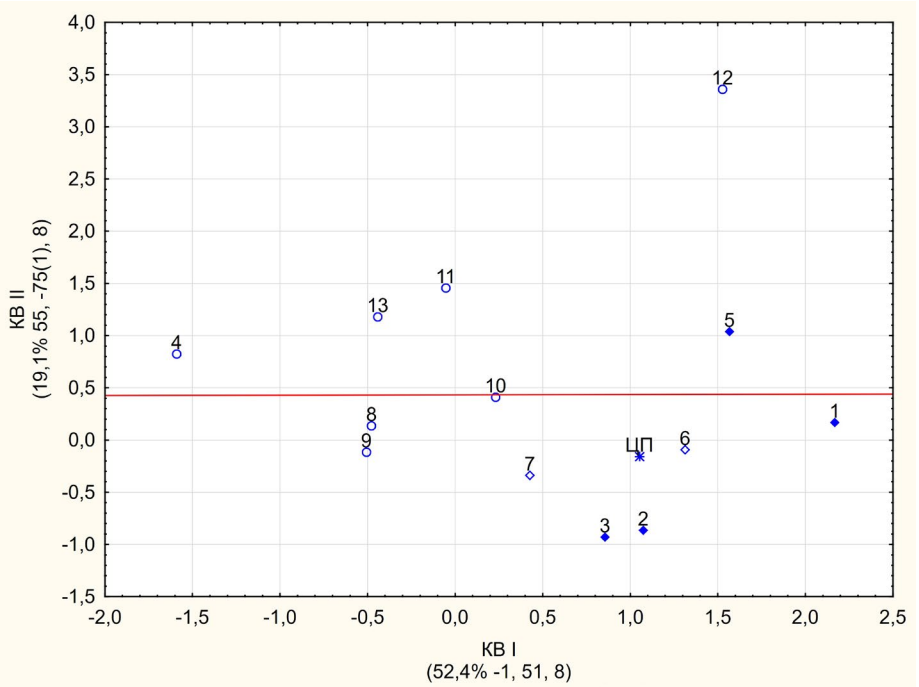

Рис. 5. Мужские серии в пространстве I и II Канонических векторов. ЦП – Цой-Педе, остальные номера те же, что на рис. 4.

могильников Чечни и могильников Харачой и Ушкалой. Такое расположение, на наш взгляд, является вполне закономерным – население, оставившее склепы в горах Чечни и Ингушетии, является родственным, а близость к современным сериям чеченцев и ингушей демонстрирует процесс формирования современного населения на основе более древних групп, проживавших на данной территории.

На втором этапе межгруппового сопоставления в анализ была включена объединенная серия из склепов Цой-Педе. Первый и второй Канонические вектора описывают более 71% изменчивости, значимыми по первому вектору оказываются те же признаки, что и в предыдущем анализе, по второму: высота носа (55), угол выступания носа (75(1)) с отрицательным значением и поперечный диаметр (8). На графике (рис. 5) наиболее близкой является выборка из склепов горной Ингушетии и сборные современные серии чеченцев с одной стороны и ингушей - с другой.

Межгрупповой анализ женской выборки проводился с привлечением тех же серий (за исключением серий из могильников Харачой, Ушкалой и Моздок). Первый и второй Канонические вектора описывают более 76% изменчивости, значимыми по первому вектору являются те же признаки, что и в мужской выборке, второму: назомалярный угол (77), высота орбиты (51) и наименьшая ширина лба (9) с отрицательным значением. На графике (рис. 6) мы видим ситуацию абсолютно аналогичную: наиболее близкими к рассматриваемой выборке из склепов Цой-Педе также являются серия из склепов горной Ингушетии и, соответственно, серии современных чеченцев и ингушей.

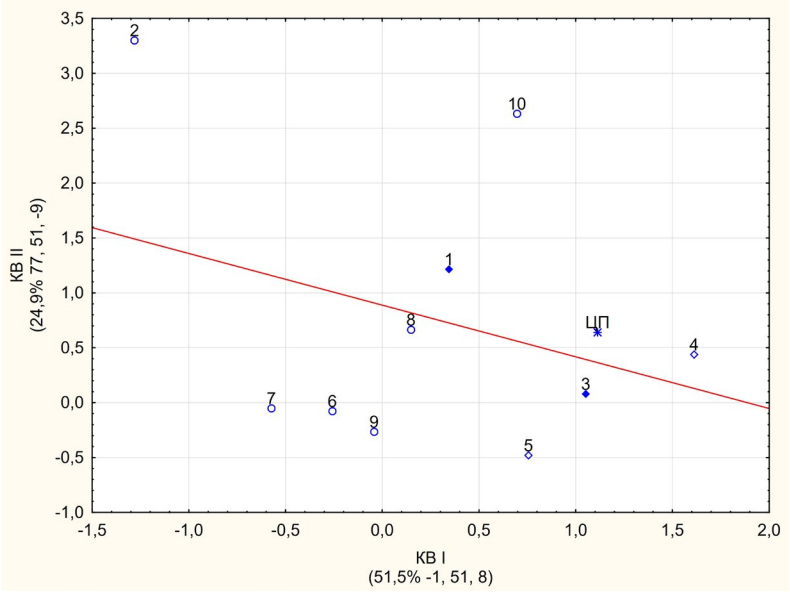

Рис. 6. Женские серии в пространстве I и II Канонических векторов.
ЦП – Цой-Педе, 1 – Средневековые могильники Чечни, 2 – Дуба-Юрт (IX–X вв.), 3 – Чеченцы, 4 – Склепы горной Ингушетии, 5 – Ингуши, 6 – Дигорцы, 7 – Иронцы, 8 – Туальцы, 9 – Чегем (позднее средневековье), 10 – Верхний Джулат (XIV–XVII).

Исходя из изложенных выше результатов исследования краниологических материалов из склепов Цой-Педе можно сделать следующие выводы:

- население, хоронившее в склепах Цой-Педе, видимо, формировалось на основе различавшихся в антропологическом плане групп, проживавших совместно на протяжении достаточно длительного времени, но выделить изначальные морфологические варианты на имеющемся материале пока не представляется возможным;
- наиболее близкой к выборке из Цой-Педе является серия из склепов горной Ингушетии, что, на наш взгляд, свидетельствует о родственности (антропологической близости) данных групп;
- захороненные в средневековых склепах горной Чечни являются предками современного коренного населения края (чеченцев и, возможно, отчасти ингушей);
- склеповый могильник Цой-Педе безусловно нуждается в дальнейшем планомерном и полноценном изучении как один из важнейших источников сведений об оставившем его горском населении.

Научная литература

Алексеев В.П. Происхождение народов Кавказа. М.: Наука. 1974.

Ахмадов Я.З. Очерк исторической географии и этнополитического развития Чечни в XVI – XVIII веках. М.: Благотворительный фонд поддержки чеченской литературы, 2009.

Городинский В.И. Кавказский излом. Пограничники в операциях в Чечне. М.: Вече, 2019.

Даутова Р.А., Исаев С.Х. История изучения «города мертвых» Цой-Пхеде (Итум-Калинский район Чеченской Республики) // Дагестан в кавказском историко-культурном пространстве. Материалы Международной научной конференции, посвященной 90-летию Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук. Махачкала, 21-22 октября 2014 г. Махачкала: ДНЦ РАН. 2014. С. 102-103.

Исламов А.А. К вопросу о средневековых погребальных сооружениях в верховьях реки Чанти-Аргун// Известия ЧИНИИ.Т.III. Вып.1. Грозный, 1963. С. 128-152.

Кулешов Ю.А. Новая находка боевой маски на территории Российской Федерации // Acta Miltaria Mediaevalia V. Krakow – Sanok, 2009. С. 165-173.

Кулешов Ю.А. О позднем защитном вооружении народов Северного Кавказа // Военная археология. Выпуск 1. Сборник материалов семинара при Государственном Историческом музее. М.: Квадрига, 2008. С. 94-105.

Мамаев Х.М., Фризен С.Ю., Фризен О.И. Новые краниологические материалы из Чечни // Вестник Академии наук Чеченской Республики. № 2 (27). Грозный: АН ЧР. 2015. С. 48-55.

Марковин В.И. Чеченские средневековые памятники в верховьях р.Чанты –Аргун // Древности Чечено-Ингушетии. М.: АН СССР, 1963. С.243- 278.

Натаев С.А. Чеченские тайпы. Махачкала. Aleph. 2013.

Умаров С.Ц. Новые археологические памятники эпохи позднего средневековья в нагорной Чечено-Ингушетии // Археолого-этнографический сборник. Т.II. Грозный, 1968. С. 223–251.

Фризен С.Ю., Гадиев У.Б. Краниологические материалы из склепов горной Ингушетии. (Предварительные итоги исследования) // Вестник антропологии. № 4 (48). 2019. С. 210–234.

References

Akhmadov, Ia.Z. 2009. *Ocherk istoricheskoi geografii i etnopoliticheskogo razvitiia Chechni v XVI – XVIII vekakh* [Essay on the historical geography and ethnopolitical development of Chechnya in the 16th - 18th centuries]. Moscow: Blagotvoritel'nyi fond podderzhki chechenskoi literatury.

Alekseev, V.P. 1974. *Proiskhozhdenie narodov Kavkaza* [Origin of the peoples of the Caucasus]. Moscow: Nauka.

Dautova, R.A., Isaev S.Kh.. 2014. *Istoriia izucheniia "goroda mertvykh' Tsoi-Pkhede (Itum-Kalinskii raion Chechenskoi Respubliki)* [History of the study of the "city of the dead" Tsoi-

Pkhede (Itum-Kalinsky district of the Chechen Republic)]. // Dagestan v kavkazskom istoriko-kul'turnom prostranstve. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 90-letiiu Instituta istorii, arkheologii i etnografii Dagestanskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk. Makhachkala, 21-22 oktiabria 2014 g. Makhachkala: DSC RAS. P. 102-103.

Frizen, S.Iu., Gadiev U.B. 2019. Kraniologicheskie materialy iz sklepov gornoi Ingushetii. (Predvaritel'nye itogi issledovaniia) [Craniological materials from crypts of mountainous Ingushetia. (Preliminary results of the study)]. // *Vestnik antropologii*. Moscow: IEA RAS. 4 (48): 210-234.

Gorodinskii, V.I. 2019 *Kavkazskii izlom. Pogranichniki v operatsiiakh v Chechne* [Caucasian break. Border guards in operations in Chechnya]. Moscow: Veche.

Islamov, A.A. 1963. K voprosu o srednevekovykh pogrebal'nykh sooruzheniiakh v verkhov'iakh reki Chanti-Argun [On the question of medieval burial structures in the upper reaches of the Chanti-Argun river]. // *Izvestiia ChINII.* Groznyi. T.III. Vol.1: 128-152.

Kuleshov, Iu.A. 2008. O pozdnem zashchitnom vooruzhenii narodov Severnogo Kavkaza [On the late defensive armament of the peoples of the North Caucasus]. // *Voennaia arkheologiia. Vypusk 1. Sbornik materialov seminara pri Gosudarstvennom Istoricheskom muzee*. Moscow: Kvadriga: 94-105.

Kuleshov, Iu.A. 2009. Novaia nakhodka boevoi maski na territorii Rossiiskoi Federatsii [New find of a combat mask on the territory of the Russian Federation]. // *Acta Miltaria Mediaevalia* V. Krakow – Sanok: 165-173.

Mamaev, Kh.M., Frizen S.Iu., Frizen O.I. 2015. Novye kraniologicheskie materialy iz Chechni [New craniological materials from Chechnya]. // *Vestnik Akademii nauk Chechenskoi Respubliki*. № Groznyi: AS ChR. 2 (27): 48-55.

Markovin, V.I. 1963 Chechenskie srednevekovye pamiatniki v verkhov'iakh r. Chanty –Argun [Chechen medieval monuments in the upper river Chanty – Argun]. // *Drevnosti Checheno-Ingushetii*. Moscow: AN SSSR:243- 278.

Nataev, S.A. 2013. *Chechenskie taipy* [Chechen taips]. Makhachkala: Aleph.

Umarov, S.Ts. 1968. Novye arkheologicheskie pamiatniki epokhi pozdnego srednevekov'ia v nagornoi Checheno-Ingushetii [New archaeological sites of the late Middle Ages in the mountainous Chechen-Ingushetia]. // *Arkheologo-etnograficheskii sbornik*.. Groznyi. Vol. II: 223-251.

Sergey Y. Frizen, Hamid M. Mamayev, Rashid H. Mamaev.

Craniological materials from the Tsoi-Pede crypts (mountainous Chechnya.)

The article discusses craniological materials from the crypt burial site Tsoi-Pede dating back to the late Middle Ages (XIII - XVIII centuries). The population that used the tombs of Tsoi-Pede apparently originated from anthropologically different groups who had been living together for quite a long time, and are probably the ancestors of modern Vainakh peoples.

Keywords: *Craniology, the Caucasus, crypts, Chechnya, intragroup analysis, intergroup analysis*

УДК 572
DOI

© А.П. Пестряков, О.М. Григорьева, Ю.В. Пеленицына

КРАНИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ГЕНЕЗИСА НАСЕЛЕНИЯ ТРОПИЧЕСКОЙ ТРАНССАХАРСКОЙ АФРИКИ*

Настоящая работа продолжает краниологическое исследование по типологии ростовых процессов мозгового черепа. Изучалось современное население тропической транссахарской Африки. Анализировались краниосерии территории Габона и бассейна реки Конго – западная часть изучаемого региона, а также серии восточноафриканских земледельцев и капоидов (бушменов и готтентотов) – восточная часть изучаемого региона. Отдельно рассматривались мужские и женские краниосерии. Некоторые краниосерии удалось разбить на фракции, различающиеся по типу ростовых процессов черепа. Сравнительный анализ показал, что краниосерии (и их фракции) западной части изучаемого региона, как целое, серьёзно отличаются от таковых восточной части по форме черепной коробки. Это отчётливо видно на мужских сериях, но менее очевидно при сравнении женских серий. По общему размеру черепной коробки в западной части изучаемого региона наблюдается значительно большая дисперсия, чем на его востоке. Это является следствием того, что в экваториальных дождевых лесах в негрских популяциях налицо примесь пигмеев, для которых характерна малая величина черепной коробки. Такого отличия между земледельцами Восточной Африки и краниологически похожими на них капоидами (бушмены и готтентоты) не наблюдается. Отсюда следует два основных вывода. Во-первых, население западной (гумидной) части экваториальной Африки сложилось в результате смешения более крупноголовых носителей негрских земледельческих культур с пигмеями, имевших заметно меньшую величину черепной коробки. Среди собственно негрских краниосерий здесь выделяются ростовые фракции не отличающиеся от пигмеев. Во-вторых, земледельческое население восточной (более аридной)

Пестряков Александр Петрович – к.и.н., старший научный сотрудник Центра физической антропологии Института этнологии и антропологии РАН (Москва, Ленинский пр. 32-а). Эл. почта: labrecon@yandex.ru. **Pestriakov, Aleksandr P. –** PhD in hist., Institute of Ethnology and Anthropology, RAS (Moscow, Leninsky Pr. 32-a). E-mail: labrecon@yandex.ru

Григорьева Ольга Михайловна – к.и.н., старший научный сотрудник Центра физической антропологии Института этнологии и антропологии РАН (Москва, Ленинский пр. 32-а) Эл. почта: labrecon@yandex.ru. **Grigorieva, Olga M. –** PhD in hist., Institute of Ethnology and Anthropology, RAS (Moscow, Leninsky Pr. 32-a). E-mail: labrecon@yandex.ru

Пеленицына Юлия Вадимовна – студентка 4 курса Российского Государственного Гуманитарного Университета. (Москва, Миусская площадь, 6). Эл. почта: j.pelenitsyna@gmail. **Pelenitsyna, Yulia V. –** student, Russian state Humanitarian University (Moscow, Miusskaya sq. 6). E-mail: j.pelenitsyna@gmail

* Исследование выполнено в рамках темы НИР «Эволюционный континуум рода Homo». Подтема «Антропология древних и современных популяций»

части изучаемой территории в краниологическом отношении практически не отличается от капоидов (бушмены и готтентоты) Южной Африки, при этом резко отличается от скотоводческих популяций этой территории.

Ключевые слова*: краниология, краниотип, тропиды, пигмеи, транссахарская Африка*

Введение

Настоящая работа является продолжением и развитием темы более ранней нашей статьи «Краниотипы Африканского континента» (*Пестряков, Григорьева* 2013). Основные выводы этой предшествующей статьи здесь изложены ниже.

1. Наиболее древнее население тропической транссахарской Африки, видимо, было, согласно нашим выводам, представлено двумя основными различными краниотипами.
2. На западе континента в зоне тропических дождевых лесов первичное население сохранилось в виде малочисленных пигмейских популяций, для которых типичны следующие краниологические особенности: малая общая черепной коробки (параметр ОРВ), укороченная по величине продольного диаметра, сравнительно с фоном ближайших негрских популяций, по форме средневысокая и среднеширокая. Подобные серии мы назвали ***пигмеоидами***, выделяя их среди краниотипа западных тропидов.
3. На востоке тропической Африки, где доминируют саванны, древним антропологическим субстратом современного населения видимо были капоиды, классическими представителями которых в настоящее время являются бушмены. Для них наиболее характерными краниологическими чертами, кроме относительно малой абсолютной величины черепной коробки (единственно, в чём наблюдается их сходство с пигмеями), является выраженная её удлинённость по форме (параметр УД), и не менее выраженная низкосводность черепа (параметр УГ). Последняя особенность выделяет этот краниотип из всего населения тропиков нашей планеты, для которого обычна как раз высокосводность черепа. Это позволяет выделять подобные серии черепов в специфический локальный краниотип ***капоидов***.

У этого, гипотетически первичного, населения транссахарской Африки абсолютно доминировал присваивающих тип хозяйства, который ныне сохранился лишь в популяциях пигмеев в гумидной зоне тропиков (в Центральной Африке), и в популяциях бушменов в аридной зоне (на нагорьях Восточной и Южной Африки).

Дальнейшая судьба этих древнейших краниологических типов населения транссахарской Африки существенно различается. После возникновения древнейшего ближневосточного очага производящего хозяйства (так называемой неолитической революции) началось распространение земледелия и скотоводства в Африке южнее Сахары.

В гумидных тропиках стало господствовать земледельческое население, этносы которого теснили (и при смешении, видимо, ассимилировали) автохтонные пигмейские популяции, у которых господствовал присваивающий тип хозяйства. Малочисленные племена последних в настоящее время сохранились лишь в виде небольших вкраплений в собственно негрский массив на обширной территории от Камеруна и Габона на западе до Руанды на востоке.

Настоящая статья может рассматриваться, сравнительно с предыдущей нашей работой по африканской краниологии, и как более расширенная, и как более суженная.

С одной стороны, в этой работе мы привлекаем данные по женским краниосериям изучаемой территории, которые ранее не учитывались. Далее, если в литературе найдены индивидуальные метрические краниологические данные конкретных серий, то мы выделяли их отдельные фракции, отличающимся друг от друга по типу ростового процесса. Принципы выделения отдельных типов роста черепной коробки мы обосновали и применили в одной из более ранних наших статей (*Пестряков, Григорьева* 2017).

С другой стороны, здесь мы сузили территориальное пространство изучаемых краниосерий. В Западной части тропической Африки: рассматривалась лишь краниосерии территории Габона и бассейна реки Конго. В статье будем называть для краткости эту территорию Центральной Африкой. Полностью исключалось рассмотрение краниосерий территории Верхней Гвинеи (кроме сравниваемой серии из Камеруна), так как в предыдущей статье показано их существенное краниологическое отличие от таковых территорий Нижней Гвинеи и бассейна Конго.

Другое ограничение касалось анализа краниосерий Восточной части транссахарсой Африки. Здесь мы исключили из рассмотрения все кочевые популяции этой территории, так как, согласно выводом нашей предшествующей статьи (*Пестряков, Григорьева* 2013), они в краниологическом отношении резко отличающиеся как от земледельцев этой территории, так и от бушменов, охотников и собирателей аридной зоны, сохранившихся в основном в Южной Африке. Это избавляет нас от повторов некоторых выводов, уже изложенных в предыдущей нашей работе по африканской краниологии.

В данной статье наше внимание полностью сосредоточено на краниологических отличиях населения Западной тропической Африки бассейна Конго и прилегающих территорий (Габон), т.е. Центральной Африки, с одной стороны, и нагорий Восточной Африки, с другой стороны.

Физико-географическая граница между этими частями Африки отчётливо выражена. Для смешения населения равнинной и среднегорной территорией Габона и огромной котловиной реки Конго и её притоков нет серьёзных географических, в том числе и климатических препятствий. Это зона господства тропических дождевых лесов. Она отделена от восточноафриканских аридных нагорий серьёзными физико-географическими препятствиями. Восточнее бассейна реки Конго расположены меридионально направленные хребты гор Митумба, высотой от 2500 до 3000 метров от уровня моря. Северным, также меридиональным их продолжением, является высокогорный массив Рувензори, с пиком Маргерита высотой в 5120 м, а также вулканически активная высокогорная система Вирунга. К востоку от этих горных систем находится великая африканская тектоническая рифтовая зона, тянущаяся также в меридианальном направлении, от Эфиопских гор на севере до реки Замбези на юге. В грабенах этой зоны расположены многочисленные глубоководные озёра. Цепочка наиболее крупных из них: озёра Альберта, Эдуарда, Киву, Танганьика, Ньяса. Далее к востоку и югу от этих озёр находится обширное плоскогорье с преобладающими высотами 1500-2500 м, над которым возвышаются самые высокие горы Африки - потухшие вулканы Кения и Килиманджаро. Климат здесь с выраженным засушливым сезоном, вместо дождевых лесов господствуют саванны. Итак, между изучаемыми нами Западной и Восточной

частями тропической экваториальной Африки находятся серьёзные орографические и климатические географические преграды, серьёзно препятствующие свободным миграционным потокам автохтонного населения.

Следует отметить, что распространение с севера в южном направлении производящего хозяйства на территории Западной и Центральной Африки затруднено. «Нельзя забывать, что на большей части континента экваториальный лес представляет собой барьер для продвижения скота и злаков, служивших главными составляющими производящей экономики к северу от экватора…. Восточный сектор был единственной частью суданской Африки, из которой скот и злаки могли быть легко переданы на юг» (*Оливер, Фэган* 1986: 85). Поэтому восточнее, в более аридной зоне восточноафриканского плоскогорья, кроме земледельцев сформировалось значительное число кочевых скотоводческих этносов – банту-язычных и нилото-язычных популяций коровопасов.

Материалы и методы

В настоящей работе использовались данные, взятые из соответствующих литературных источников. Среднегрупповые величины метрических признаков серий территории Габона и Заира (племенная группа тетела в низовьях р. Конго) взяты из статьи Шамла (*Chamla* 1954) и работы Алексеева (*Alexejev* 1973). Индивидуальные краниологические данные этих серий взяты из работы Бенингтона и Пирсона (*Benington, Pearson* 1912). Данные по серии басуку из юго-восточного Заира и одной серии пигмеев представлены в работе Рибота (*Ribot* 2003). Данные по трём мужским черепам пигмеев даны в сводке Хауэлса (*Howells*, интернет сайт). С.В. Васильев также предоставил данные измеренных им четырёх мужских черепов пигмеев. К этим группам добавлена одна сборная серия Дронтшилова из Камеруна (*Drontschilow* 1913) – территории лежащей на границе Верхней и Нижней Гвинеи.

Краниосерии Восточной Африки представлены серией тейта из Кении, сборной серией территории Танганьики из статьи Элизабет Китсон (*Kitson* 1931), сборной серией из Уганды в статье Горни (*Gorny* 1957) и серией хуту из статьи Рибота (*Ribot* 2002).

Кроме трёх основных диаметров черепной коробки (признаки №1, №8, №17 по списку Р. Мартина) и их индексов (8:1 и 17:8) здесь, как в других наших краниометрических работах приводятся нестандартные обобщённые параметры. 1) Общая ростовая величина черепной коробки (ОРВ), вычисляемая векторным сложением её трёх взаимноперпендикулярных диаметров. 2) Указатели долихоидности (УД), брахиоидности (УБ) и гипсиоидности (УГ), вычисляемые как средняя геометрическая отношений соответствующего диаметра черепа к двум другим, умноженная на 100. 3) Степень сферичности указывает на близость формы черепной коробки к сфере. Вычисляется по формуле СС = (200 -УД +УБ+УГ)/3.

Кроме среднегрупповых величин метрических признаков изучаемых серий, мы выделили в тех, где даны индивидуальные их величины, отдельные фракции, имеющие различные типы ростовых процессов. Обоснование и сам метод выделения подобных фракций изложены в более ранней нашей работе (*Пестряков, Григорьева* 2017).

Согласно выводам нашей предшествующей работы по африканской тематике капоиды (бушмены и готтентоты) жители Южной Африки, в краниологическом отношении значительно ближе к земледельцам Восточной Африки, чем к другим

хозяйственным, территориальным и лингвистическим объединениям населения африканского континента. Поэтому данные по мужским и женским краниосериям капоидов мы также включили в анализ. Из работы Шрубсалла (*Shrubsall* 1922) взяты данные по сериям прибрежных бушменов, бушменов Капского полуострова, бушменов Калахари. Ещё две серии бушменов взяты из работ Алеша Хрдлички (*Hrdlicka*, 1928) и Хауэллса (*Howells*, Internet-site). Данные по сериям средневековых палеобушменов (Рит-Ривер и Абрахамстаун) взяты из работы Хеннеберга и Стейна (*Henneberg, Steyn* 1993). Данные по сериям готтентотов взяты из работ Райтмайра (*Rightmire* 1970) и В.П. Алексеева (*Alexeyev* 1973).

Обсуждение результатов

В нижеприведённых таблицах даны среднегрупповые данные краниосерий и их типологически различных ростовых фракций (если таковые выделяются) по 10 признакам: четырём, касающимся абсолютных размеров черепной коробки и шести – её формы.

Ниже дана таблица 1 среднегрупповых значений десяти отобранных нами краниологических параметров в изучаемых краниологических сериях и их отдельных ростовых фракций, выделенных по согласованности изменчивости параметров формы черепной коробки (УД, УБ, УГ).

Таблица 1

Среднегрупповые величины параметров изученных серий и их ростовых фракций (мужчины).

	N	1	8	17	ОРВ	8:1	17:8	УД	УБ	УГ	СС
Кения, серия тейта	33	184,0	129,8	129,1	259,6	70,6	99,5	142,2	84,3	83,6	75,2
Тейта, 1 фракция	9	185,1	133,6	124,7	260,1	72,2	93,3	143,5	88,0	79,3	74,6
Тейта, 2 фракция	8	183,3	125,9	132,9	259,0	68,7	105,6	141,7	80,7	87,5	75,5
Тейта, 3 фракция	15	184,5	129,7	129,7	260,2	70,3	100,0	142,2	83,9	83,8	75,2
Уганда, сборная серия	82	183,5	133,4	127,7	260,3	72,7	95,9	140,6	87,2	81,7	76,1
Уганда, 1 фракция	25	183,5	131,2	131,6	261,1	71,5	100,4	139,6	84,4	84,9	76,6
Уганда, 2 фоакция	27	179,7	134,7	128,1	258,6	75,0	95,2	136,8	88,8	82,4	78,1
Уганда, 3 фракция	30	186,9	134,0	124,1	261,3	71,7	92,7	144,8	88,1	78,6	74,0
Танганьика, сборная серия	37	180,8	130,4	129,4	257,8	72,1	99,2	139,2	85,3	84,3	76,8

Таблица 1 (продолжение)

	N	1	8	17	ОРВ	8:1	17:8	УД	УБ	УГ	СС
Хуту	41	184,7	134,8	126,4	261,3	73,0	93,7	141,5	88,3	80,1	75,6
Бушмены, Рит Ривер	27	182,0	135,0	128,0	260,3	74,2	94,8	138,5	88,4	81,7	77,2
Бушмены, Абрахамстаун	8	185,0	136,0	127,0	262,4	73,5	93,4	140,8	88,7	80,1	76,0
Бушмены Howells	41	178,4	133,6	122,5	254,4	75,0	91,8	139,6	90,5	79,4	76,8
Бушмены Hrdlicka	15	182,6	135,7	127,5	260,8	74,3	94,1	138,9	88,9	81,0	77,0
Бушмены береговые	45	180,9	138,0	123,6	258,9	76,3	89,6	138,5	92,2	78,2	77,3
Бушмены Капские	62	179,4	134,4	124,9	256,6	74,9	92,9	138,5	89,8	80,4	77,2
Бушмены Калахари	19	180,7	134,1	126,0	257,9	74,2	94,0	139,0	88,9	80,9	80,3
Готтентоты, Rightmire	16	182,9	135,8	129,3	261,9	74,3	95,2	138,0	88,3	82,0	77,4
Готтентоты, Алексеев	34	185,3	133,4	130,4	262,9	72,0	97,8	140,5	85,8	82,9	76,1
Габон, сборная серия	66	180,1	136,5	135,5	263,5	75,8	99,3	132,5	87,4	86,4	80,5
Габон, 1 фракция	24	178,0	137,8	132,8	261,4	77,4	96,5	131,7	89,7	84,8	81,0
Габон, 2 фракция	29	182,6	135,5	135,6	264,8	74,2	100,1	134,8	86,2	86,2	79,2
Габон, 3 фракция	13	177,8	134,6	139,4	263,1	75,7	103,6	129,9	85,5	90,1	81,9
Камерун, сборная	84	180,1	138,8	135,0	264,4	77,1	97,3	131,6	89,0	85,4	80,9
Конго, батете-ла, сборная	48	178,0	138,6	134,0	262,5	77,9	96,8	130,7	89,8	85,4	81,5
Конго, 1 фракция	28	182,6	140,8	135,4	267,5	77,1	96,3	132,3	89,6	84,5	80,6
Конго, 2 фракция	18	170,9	135,2	131,8	254,7	79,1	97,6	128,1	90,1	86,7	82,9
Басуку	53	178,2	128,7	130,9	255,8	72,2	101,7	137,3	84,3	86,4	77,8
Пигмеи, Васильев	4	175,5	129,5	131,0	254,4	78,3	101,2	134,7	85,4	86,9	79,2
Пигмеи, Ribot	9	175,4	134,8	130,0	256,6	76,9	96,4	132,5	89,3	84,5	80,5
Пигмеи, Howells	3	177,0	130,3	135,7	258,3	73,6	104,1	133,1	84,1	89,3	80,1

По данным этой таблицы, включая серии, из которых не выделены ростовые фракции, и ростовые фракции разделённых серий, но исключая сами эти серии, построена дендрограмма, учитывающая межгрупповую изменчивость параметров размера и формы черепной коробки (рис.1).

Согласно этой дендрограмме все серии и фракции серий чётко, как по заказу, разделились на два кластера: в одном из них все краниосерии, взятые в Восточной (восточноафриканские земледельцы) и Южной (бушмены и готтентоты) Африки, в другом оказались все серии и фракции серий Камеруна, Габона и Конго вместе с пигмеями (Центральная Африка). При этом краниосерии и их фракции земледельцев и западной (Центральная Африка) и восточной частей изучаемой территории на дендрограмме расположены вперемешку с группами охотников и собирателей (с бушменами на востоке, с пигмеями на западе). Это свидетельствует или о значительной метисации между группами земледельцев с соседними группами охотников и собирателей, и о том, что земледельческие этносы формировались на соответствующем этно-антропологическом субстрате охотников и собирателей.

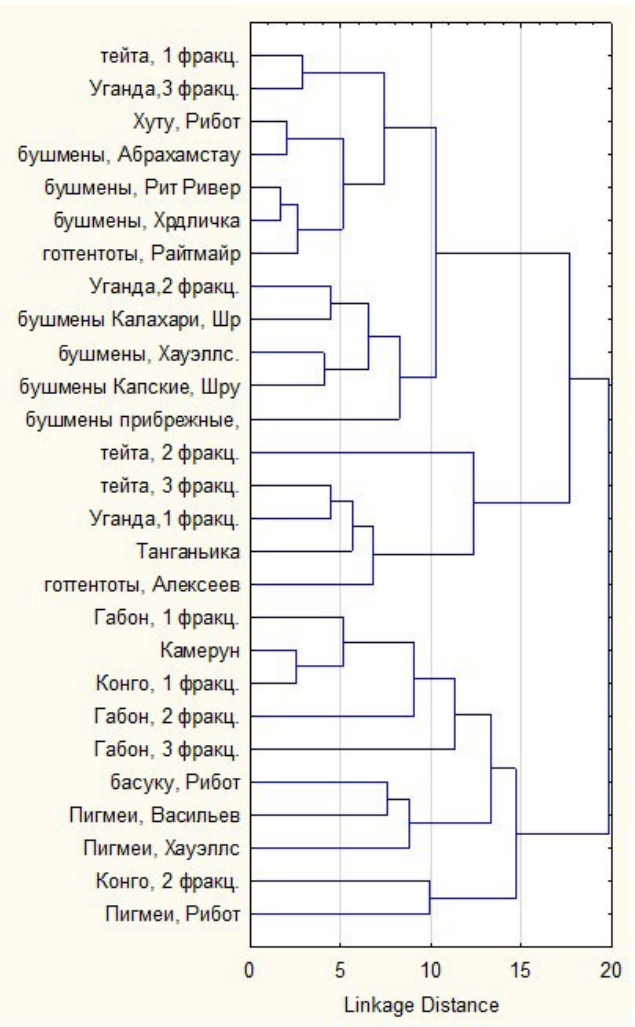

Рис.1. Дендрограмма взаиморасположения изученных краниосерий, а также ростовых фракций, выделенных по согласованности изменчивости параметров формы черепа – УД, УБ, УГ (мужчины).

Чем же отличаются краниологические характеристики популяций этих двух территорий Африканского континента?

Рассмотрим краниологические характеристики серий и фракций серий Восточной и Южной Африки, и отдельно от них, серии и фракции серий Центральной Африки: таблицы 2 и 3, соответственно. Число нераздельных серий и фракций этих двух территориальных подразделений у нас оказалось неодинаково: в восточной части -18, а в западной (центральноафриканской – 10).

Таблица 2

Среднегрупповые величины параметров изученных серий и ростовых фракций восточной части изучаемого региона (мужчины)

	N	1	8	17	ОРВ	8:1	17:8	УД	УБ	УГ	СС
Тейта, 1 фракц	9	185,1	133,6	124,7	260,1	72,2	93,3	143,5	88,0	79,3	74,6
Тейта, 2 фракц	8	183,3	125,9	132,9	259,0	68,7	105,6	141,7	80,7	87,5	75,5
Тейта, 3 фракц	15	184,5	129,7	129,7	260,2	70,3	100,0	142,2	83,9	83,8	75,2
Уганда, 1 фракц	25	183,5	131,2	131,6	261,1	71,5	100,4	139,6	84,4	84,9	76,6
Уганда, 2 фракц	27	179,7	134,7	128,1	258,6	75,0	95,2	136,8	88,8	82,4	78,1
Уганда, 3 фракц	30	186,9	134,0	124,1	261,3	71,7	92,7	144,8	88,1	78,6	74,0
Танганьика	37	180,8	130,4	129,4	257,8	72,1	99,2	139,2	85,3	84,3	76,8
Хуту	41	184,7	134,8	126,4	261,3	73,0	93,7	141,5	88,3	80,1	75,6
Бушмены, Рит Ривер	27	182,0	135,0	128,0	260,3	74,2	94,8	138,5	88,4	81,7	77,2
Бушмены, Абрахамстаун	8	185,0	136,0	127,0	262,4	73,5	93,4	140,8	88,7	80,1	76,0
Бушмены, Howells	41	178,4	133,6	122,5	254,4	75,0	91,8	139,6	90,5	79,4	76,8
Бушмены,Hrdlicka	15	182,6	135,7	127,5	260,8	74,3	94,1	138,9	88,9	81,0	77,0
Бушмены прибрежные	45	180,9	138,0	123,6	258,9	76,3	89,6	138,5	92,2	78,2	77,3
Бушмены Капа	62	179,4	134,4	124,9	256,6	74,9	92,9	138,5	89,8	80,4	77,2
Бушмены Калахари	19	180,7	134,1	126,0	257,9	74,2	94,0	139,0	88,9	80,9	80,3
Бушмены, Rightmire	20	180,6	134,8	123,3	256,9	74,6	91,5	140,1	90,3	79,0	76,4
Готтентоты, Rightmire	16	182,9	135,8	129,3	261,9	74,3	95,2	138,0	88,3	82,0	77,4
Готтентоты, Алексеев	34	185,3	133,4	130,4	262,9	72,0	97,8	140,5	85,8	82,9	76,1
Число серий и фракций		18	18	18	18	18	18	18	18	18	18
Средняя межгрупповая		182,57	133,61	127,18	259,57	73,21	95,28	140,10	87,74	81,47	76,55
Межгрупповая сигма		2,40	2,79	3,00	2,25	1,91	3,92	2,04	2,76	2,48	1,42
Коэф. Вариации		1,31	2,09	2,36	0,87	2,61	4,11	1,46	3,14	3.04	1,85

Таблица 3

Среднегрупповые величины краниологических параметров изученных серий и ростовых фракций западной части изучаемого региона (мужчины)

	N	1	8	17	ОРВ	8:1	17:8	УД	УБ	УГ	СС
Габон, 1 фракция	24	178,0	137,8	132,8	261,4	77,4	96,5	131,7	89,7	84,8	81,0
Габон, 2 фракция	29	182,6	135,5	135,6	264,8	74,2	100,1	134,8	86,02	86,2	79,2
Габон, 3 фракция	13	177,8	134,6	139,4	263,1	75,7	103,6	129,9	85,5	90,1	81,9
Камерун	84	180,1	138,8	135,0	264,4	77,1	97,3	131,6	89,0	85,4	80,9
Конго, 1 фракция	30	181,5	139,2	134,3	265,3	76,7	96,7	132,8	89,2	84,6	80,3
Конго, 2 фракция	16	171,5	137,6	133,4	257,2	80,2	97,0	126,6	91,0	86,9	83,7
Басуку	53	178,2	128,7	130,9	255,8	72,2	101,7	137,3	84,3	86,4	77,8
пигмеи Васильев	4	175,5	129,5	131,0	254,4	78,3	101,2	134,7	85,4	86,9	79,2
пигмеи Ribot	9	175,4	134,8	130,0	256,6	76,9	96,4	132,5	89,3	84,5	80,5
пигмеи Howells	3	177,0	130,3	135,7	258,3	73,6	104,1	133,1	84,1	89,3	80,1
Число серий и фракций		10	10	10	10	10	10	10	10	10	10
Средняя межгрупповая		177,81	134,67	133,83	260,15	76,22	99,48	132,51	87,34	86,52	80,45
Межгрупповая сигма		3,29	3,90	2,83	4,16	2,38	3,05	2,93	2,52	1,91	1,64
Коэф. вариации		1,85	2,90	2,11	1,60	3,13	3,06	2,21	2,89	2,20	2,03

Таблица 4

Краниологическое различие суммарных объединений серий и их ростовых фракций западной и восточной частей изучаемой территории (мужчины)

	N	1	8	17	ОРВ	8:1	17:8	УД	УБ	УГ	СС
Восточная территория	18										
Средняя межгрупповая		182,57	133,61	127,18	259,57	73,21	95,28	140,10	87,74	81,47	76,56
Межгрупповая сигма		2,40	2,79	3,00	2,25	1,91	3,92	2,10	2,76	2,48	1,42
Западная территория	10										
Средняя межгрупповая		177,81	134,67	133,83	260,15	76,22	99,48	132,51	87,34	86,52	80,46
Межгрупповая сигма		3,29	3,90	2,83	4,16	2,38	3,05	2,93	2,52	1,91	1,64
Разность средних		4,76	1,06	6,65	0,58	3,01	4,20	7,60	0,40	5,05	3,90
Достоверность различия		**	нет	***	нет	**	**	***	нет	***	***

Примечание. *Достоверность различия по t-критерию Стьюдента: * – 95%, ** – 99%, *** – 99,95.*

Таблица 5

Сравнение краниологических характеристик земледельцев Восточной Африки с бушменами и готтентотами Южной Африки (мужчины)

	1	8	17	ОРВ	8:1	17:8	УД	УБ	УГ	СС
Земледельцы (n)	8	8	8	8	8	8	8	8	8	8
Средняя	183,55	131,78	128,36	259,91	71,82	97,51	141,18	85,94	82,60	75,79
Сигма	2,34	3,10	3,15	1,33	1,84	4,53	2,56	2,86	3,10	1,33
Ошибка	0,83	1,10	1,12	0,47	0,65	1,60	0,90	1,01	1,10	0,47
Бушмены (n)	10	10	10	10	10	10	10	10	10	10

Таблица 5 (продолжение)

	1	8	17	ОРВ	8:1	17:8	УД	УБ	УГ	СС
Средняя	182,12	134,80	125,81	259,19	74,03	93,38	139,91	89,07	80,30	76,82
Сигма	2,31	1,68	3,42	2,96	1,38	2,42	2,59	1,64	1,91	1,81
Ошибка	0,53	0,53	1,08	0,93	0,43	0,77	0,82	0,52	0,60	0,57
Различие	1,43	3,02	2,55	0,73	2,21	4,13	1,27	3,12	2,30	1,03
Достоверность	нет	*	нет	нет	*	*	нет	*	нет	нет

Таблица 6

Различия между кластерами в Западной части исследуемой территории

	1	8	17	ОРВ	ЧУ	ВПУ	УД	УБ	УГ	СС
1 кластер – (n)	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5
Средняя	180,10	136,74	135,46	263,86	76,20	98,86	132,19	87,87	86,07	80,51
Сигма	2,56	2,09	2,80	1,62	1,36	3,04	1,89	1,94	2,36	1,04
Ошибка	1,14	0,93	1,25	0,72	0,61	1,36	0,84	0,87	1,05	0,47
2 кластер – (n)	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5
Средняя	175,52	132,18	132,20	256,45	76,24	100,09	132,84	86,81	86,81	80,26
Сигма	2,53	3,83	2,32	1,47	3,31	3,26	3,94	3,13	1,70	2,20
Ошибка	1,13	1,71	1,04	0,66	1,48	1,46	1,76	1,40	0,76	0,98
разность	4,58	4,56	3,26	7,40	0,04	1,23	0,66	1,07	0,74	0,25
делитель	1,61	1,95	1,63	0,98	1,60	2,00	1,95	1,65	1,30	1,09
частное	2,85	2,34	2,00	7,59	0,02	0,62	0,34	0,65	0,57	0,23
достоверность	*	*	нет	***	нет	нет	нет	нет	нет	нет

Таблица 7

Среднегрупповые величины параметров изученных серий и их ростовых фракций (женщины)

Серия, исследователь	n	1	8	17	ОРВ	8:1	17:8	УД	УБ	УГ	СС
Тейта (Кения), Хауэллс	50	174,7	126,5	125,1	249,4	72,4	99,0	139,0	85,6	84,2	76,9
Тейта, 1 фракция	16	176,8	123,5	124,9	249,2	69,8	101,3	142,4	83,0	84,6	75,1
Тейта, 2 фракция	13	171,9	128,5	125,9	248,9	74,8	98,0	135,1	87,4	84,7	79,0
Тейта, 3 фракция	17	175,0	127,2	125,4	250,0	72,7	98,6	138,6	85,9	84,0	77,1
Сборная (Уганда), Горни	61	175,1	127,7	122,0	248,8	73,0	95,5	140,4	87,5	81,6	76,2
Уганда, 1 фракция	7	169,4	132,4	124,3	248,5	78,2	94,0	132,2	91,3	83,1	80,7
Уганда, 2 фракция	24	175,5	127,1	125,6	250,5	72,4	98,8	139,0	85,7	84,1	76,9
Уганда, 3 фракция	27	175,6	127,5	119,3	247,6	72,6	93,6	142,4	88,1	79,7	75,2
Сборная, Танганьика, Китсон	19	173,2	127,1	123,3	247,7	73,4	97,0	138,4	87,0	83,1	77,2
Хуту (Руанда), Рибот	46	178,5	130,2	123,1	253,0	73,0	94,5	141,0	87,9	80,7	75,9
Сборная бушмены, Хауэллс	49	171,7	128,6	119,5	245,6	74,9	93,0	138,6	89,8	80,5	77,2
1 фракция	9	170,9	130,7	114,4	243,7	76,5	87,6	139,8	93,5	76,6	76,8
2 фракция	13	167,6	130,9	120,8	244,6	78,1	92,9	133,4	92,0	81,5	80,1
3 фракция	27	174,0	126,8	120,6	246,8	72,9	95,2	140,7	87,6	81,2	76,0
Бушмены, Хрдличка	5	173,8	130,7	122,8	249,7	75,2	94,0	137,6	89,4	81,4	77,7
Бушмены прибрежные, Шрубсалл	20	172,1	135,2	121,3	250,2	78,6	89,7	134,4	93,6	79,5	79,6
Бушмены капские, Шрубсалл	16	173,1	131,9	129,8	253,4	76,2	98,4	132,3	88,0	85,9	80,5
Бушмены Калахари, Шрубсалл	17	172,1	129,8	121,5	247,4	75,4	93,6	137,0	89,8	81,3	78,0
Готтентоты, Шрубсалл	10	175,8	132,6	123,7	252,6	75,4	93,3	137,3	89,9	81,0	77,9
Габон	61	171,6	130,7	130,4	252,2	76,3	99,9	131,5	87,5	87,1	81,0
Габон, 1 фракция	20	167,0	131,9	131,9	250,4	79,0	100,1	126,7	88,9	88,9	83,7

Таблица 7 (продолжение)

Серия, исследователь	n	1	8	17	ОРВ	8:1	17:8	УД	УБ	УГ	СС
Габон, 2 фракция	19	175,9	128,3	133,3	255,3	73,0	104,0	134,6	83,8	88,8	79,4
Габон, 3 фракция	22	171,8	131,8	126,1	250,6	76,7	95,7	133,3	89,6	83,8	80,0
Конго (тетела)	27	171,9	130,5	127,5	249,8	76,3	97,9	132,4	88,4	85,6	80,5
Конго, 1 фракция	13	169,4	126,2	127,1	246,6	74,5	100,7	133,8	86,0	86,9	79,7
Конго, 2 фракция	9	174,2	135,3	127,1	254,6	77,7	93,9	132,9	91,0	82,8	80,3
Конго, 3 фракция	4	166,5	132,5	129,9	249,3	79,6	98,0	126,9	90,2	87,4	83,6
Басуку, Рибот	82	170,6	125,4	124,7	245,7	73,5	99,4	136,4	86,0	85,3	78,3
Пигмеи, Рибот	12	169,6	129,3	125,5	247,4	76,2	97,1	133,2	88,6	84,7	80,1

Таблица 8

Различие величин краниологических признаков между 1 и 2 кластерами дендрограммы, а также между группами западной и восточной частями региона

	Различие между 1 и 2 кластерами									
	1	8	17	ОРВ	8:1	17:8	УД	УБ	УГ	СС
1 кластер (n=9)	170,64	129,53	128,24	249,73	75,94	99,04	132,48	87,61	86,27	80,48
2 кластер (n=15)	173,64	129,81	122,54	249,07	74,80	94,53	137,80	89,05	81,64	77,63
Разность	2,99	0,27	5,71	0,66	1,15	4,51	5,32	1,44	4,63	2,84
Достоверность различия	*	нет	***	нет	нет	**	**	нет	***	**
Западная часть (n=8)	170,63	130,09	128,20	249,99	76,28	98,61	132,23	88,01	86,08	80,64
Восточная часть (n=16)	173,46	129,51	122,91	248,99	74,70	95,03	137,60	88,76	82,02	77,73
Разность	2,83	0,58	5,29	1,00	1,58	3,58	5,37	0,75	4,06	2,91
Достоверность различия	*?	нет	***	нет	нет	**	***	нет	**	*

Примечание. ***Достоверность различия по t-критерию Стьюдента: * – 95%, **- 99%, ***- 99,95.***

По абсолютному размеру черепной коробки, по абсолютной величине её поперечного диаметра и по параметру УБ (показывающему эту величину, относительно к величинам двух других основных диаметров черепа) достоверного различия между сравниваемыми территориями Африки нами не обнаружено. Зато абсолютные величины продольного и высотного диаметров черепа, а также индексы, связанные с этими величинами, показывают резкое различие краниологических выборок этих двух территорий: на втором и даже на третьем уровне достоверности, принятых в антропометрической практике. В целом, на западе изучаемой территории (Центральная Африка) черепная коробка относительно и абсолютно короче и выше. Здесь доминирует мезокрания, на востоке – долихокрания. Степень сферичности черепной коробки (эволюционно прогрессивный признак) в западной части более выражена.

Используя данные таблицы 2, разделим наши восточноафриканские краниологические группировки на две части: земледельцы Восточной Африки и бушмены и готтентоты. А затем, сравним эти группировки между собой (таблица 5).

Бросается в глаза, что абсолютная величина черепной коробки (параметр ОРВ) в западной части исследуемой территории варьирует значительно больше, чем в восточной части – коэффициент межгрупповой вариации этого признака здесь равен 4,16 против 2,25. Точно так же величины других анализируемым признаков (за исключением высотного диаметра черепа) в западной части территории варьируют больше (иногда значительно больше), чем в восточной. Причина, видимо в том, что черепа пигмейских краниосерий более существенно отличаются от соседних негрских, даже тех, в которых явно прослеживается их примесь. На территории же восточноафриканского плоскогорья земледельческие популяции меньше отличаются от собственно капоидов (бушменов). Последние (бушмены) видимо являются антропологическим субстратом первых.

В таблице 4 представлены сравнения по t-критерию Стъюдента различиий изучаемых признаков между нашими основными территориальными объединениями (восточным и западным).

Среди диаметров черепной коробки в межгрупповом отношении здесь более всего варьирует высота (признак 17), менее всего продольный диаметр (признак 1). Черепной указатель в среднем долихокранный (73,21), варьирует от ультрадолихокрании (68,7) до мезокрании (76,3). Высотно-поперечный указатель в среднем равен 95,28 (поперечный диаметр обычно превосходит по величине высотный). Но в двух фракциях серии тейта (Кения) и одной фракции серии Уганды средняя величина высотного диаметра превышает таковую поперечного.

В таблице 3 приведены аналогичные данные по западной части изучаемой территории.

Сравнение краниосерий (и их фракций) земледельцев Восточной Африки и бушменов, как целого показало, что краниологически они мало различаются друг от друга. Именно, у бушменов черепа более широкие и более низкие по абсолютным размерам и по указателям. Общая величина черепной коробки (признак ОРВ) у этих двух объединений практически одинакова, хотя межгрупповая дисперсия этого признака у земледельцев в два раза меньше (σ=1,33 против σ=2,96).

Рассмотрим краниологическую изменчивость западной части изучаемого региона (территория Габона и Конго) – данные таблицы 3. Согласно дендрограмме (рис.1) краниосерии и выделенные фракции краниосерий западной части изучаемого региона

(Центральная Африка) в числе 10 разделяются поровну на два субкластера. В один из них вошла сборная серия Камеруна, все три фракции Габона и одна фракция территории Конго. Во второй субкластер – вторая фракция Конго, серия басуку и все три серии пигмеев. Используя данные таблицы 3 рассмотрим различия между этими субкластерами.

Согласно таблице, достоверные различия между кластерами наблюдаются по длине и ширине черепной коробки (на первом уровне достоверности) и ее общей величине (на третьем уровне достоверности). Из этого следует, что в центральном районе тропической Африки (котловина бассейна р. Конго) негрские племена имеют значительную примесь пигмеев, которые, как известно, отличаются малой величиной не только длины тела, но и черепной коробки. По форме черепной коробки между этими кластерами различия недостоверны. Представляет значительный интерес процесс формирования пигмеоидной краниологической формы в населении Центральной Африки.

Наша конголезская серия тетела территориально близка к низовьям Конго. То есть тому месту, где в средние века сформировалось государство Конго, которое тесно связано с этногенезом и расселением бантуязычных народов экваториальной Африки. Выходцы из Катанги расселялись по саванне к западу, следуя по многочисленным притокам р. Конго. В XVI веке это государство пережило серьезную катастрофу, связанную с нашествием народа **яга**. «Придя с глубин Экваториальной Африки, этот народ жил в постоянном движении…. Сложен был и его этнический состав. Женщины, подобно мужчинам, участвовали в сражениях, им запрещалось иметь детей: каждого новорожденного убивали. Чтобы восполнить неизбежный урон, яга охотно включали в свой состав мальчиков и девочек- подростков тех племён и народов, на территории которых они вторгались и чьё взрослое население истребляли в подавляющей массе или поголовно» (*Орлова, Львова* 1978: 70). В этногенезе басуку, видимо, серьезную роль сыграло движение яга. К сожалению, у нас нет краниологических данных по составу яга, но очень вероятно, что значительную их часть составляли пигмеи.

Аналогично с вышеописанным анализом по мужским сериям, проводилось рассмотрение женских краниосерий и выделяемых из них ростовых фракций. В нижеследующей таблице 7 даны соответствующие величины изучаемых краниологических признаков у женщин этой территории.

По данным этой таблицы построена дендрограмма расстояний между изучаемыми краниологическими группами (рис.2). Как и в случае мужских краниосерий здесь мы исключаем те сборные серии, по которым выделены фракции с различным типом ростовых процессов. Оставшийся материал собран в 24 группы – 15 фракций и 9 серий нерасчленённых на ростовые фракции.

В отличие от аналогичной дендрограммы, построенной по мужским краниологическим материалам, здесь не получилось чёткой разбивки на восточную и западную части изучаемой территории. В верхнем кластере из девяти групп две этнически близки восточноафриканским популяциям: капские бушмены крайнего юга африканского континента и одна фракция тейта (Кения), т.е. с наиболее северной части изучаемого нами региона. Остальные семь групп из Габона и Конго. Второй (нижний) кластер объединяет все 14 остальных краниологических групп восточной части изучаемого региона и только одну (вторую фракцию тетела) из Центральной Африки.

В следующей таблице 8 мы представляем средние межгрупповые величины наших краниологических параметров в женских группах этих двух кластеров дендро-

граммы (рис.2) и достоверность этих различий. Но также, чтобы не множить число таблиц в нашей статье, рассчитаем различие между группами западного региона и восточного региона исследуемой территории.

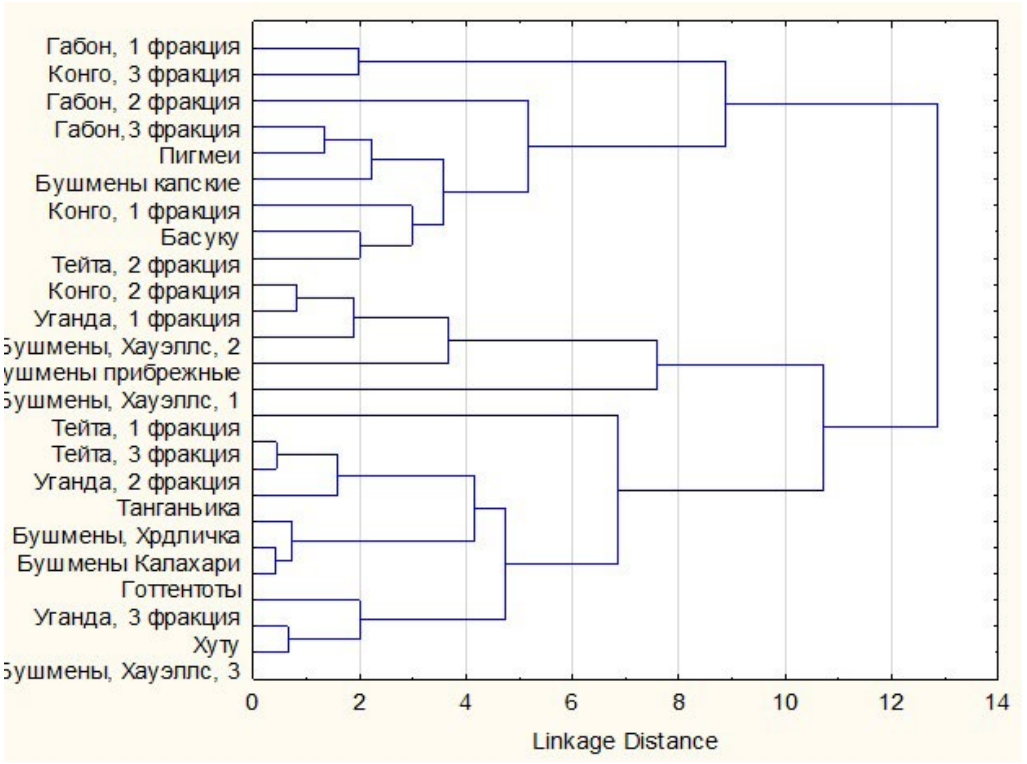

Рис.2. Дендрограмма взаимных расстояний между сериями и выделенными фракциями женщин изучаемой территории Африки.

Из этой таблицы ясно, что различия между кластерами дендрограммы расстояний среди женских групп (краниосерий и фракций краниосерий) показывают практически ту же картину, что и при разделении их на западный и восточный части исследуемого региона.

Ниже представлены основные выводы настоящего исследования.

Основные выводы

1. Исследование как мужских, так и женских краниологических серий, и их фракций, различающихся по типу ростовых процессов, указывает на существенное краниологическое отличие автохтонного населения гумидной западной зоны тропической Африки (Камерун, Габон, Конго) от такового более аридной восточной зоны Африки (восточноафриканские земледельцы и капоиды-бушмены). В первом случае исходным этно-антропологическим субстратом более позднего негрского земледельческого населения были пигмейские популяции (охотники и собиратели тропических дождевых лесов). Во втором случае таковым субстратом для восточноафриканских земледельцев были бушменские популяции.

2. По абсолютной величине черепной коробки между средними межгрупповыми величинами западной части и восточной частями изучаемого региона достоверного различия нет, как у мужчин, так и у женщин.
3. Однако по форме черепной коробки отличия очевидны. Для всех западных краниосерий и ростовых фракций этих серий характерна относительно и абсолютно более короткая и более высокая форма черепа в сравнении с черепами восточной части изучаемого региона. Это также справедливо как для мужчин, так и для женщин. Степень сферичности черепной коробки в западных краниосериях достоверно выше, чем в восточных.
4. При сравнении серий восточноафриканских земледельцев с сериями их вероятного субстрата – с бушменами наблюдается относительно небольшое отличие: черепа бушменов лишь слегка более низкие и широкие при такой же абсолютной величине.

В западной части изучаемой нами территории наблюдается существенно иная картина.

Здесь, как сказано выше, этно-антропологическим субстратом для земледельцев гумидной зоны были пигмейские популяции (охотники и собиратели). Но пигмеи, войдя в состав негрских земледельцев этого региона, выявляются в их краниосериях малой абсолютной величиной черепной коробки. Такая малая величина черепной коробки фиксируется не только в собственно пигмейских сериях, но также в краниосерии басуку. Дисперсия этого признака среди мужских групп на западе изучаемой территории больше, чем на востоке у мужчин почти в два раза, у женщин также намного больше.

Опираясь на эти факты, на уровне гипотезы можно предположить, что переход к земледелию, сопровождавшийся постепенной ассимиляцией протобушменских популяций в Восточной Африке начался намного раньше, чем в западной части изучаемой нами территории. В сложении современного негрского населения бассейна р. Конго значительную роль сыграло движение варварских орд яго, которые инкорпорировали в свои популяции антропологический субстрат современных им пигмеев. Из этого следует, что сложение земледельческих этносов территории бассейна Конго произошло сравнительно недавно и не смогло гомогенизировать это население в краниологическом отношении.

Научная литература

Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964.

Бунак В.В. Основные морфологические черты черепа человека и их эволюция. // Рус. антропол. журн., 1922. Т.12. Кн. 1/1, С. 4 – 54.

Оливер Р., Фэган Б. Рождение бантуязычной Африки. //Из истории африканского средневековья. Статьи британских учёных. М.:Наука, Главная редакция восточной литературы, 1986. С.77-147.

Орлова А.С., Львова Э.С. Страницы истории великой саванны. М.:Наука, Главная редакция восточной литературы, 1978.

Пестряков А.П. Расы человека в краниологической классификации населения тропического пояса. // Современная антропология и генетика и проблема рас у человека. М., 1995. С.43- 90.

*Пестряков А.П., Григорьева О.*М. Краниологическая дифференциация современного насе-

ления. // Расы и народы. Ежегодник, №30. М.:Наука, 2004. С.86-131.

Пестряков А.П., Григорьева О.М. Краниотипы африканского континента. Вестник антропологии. №3 (25), М.,2013. С. 22-36.

Пестряков А.П., Григорьева О.М. К типологии ростовых процессов черепной коробки человека. // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. М., 2017. № 1. С. 89-102**.**

Рогинский Я.Я., Левин М.Г. Антропология. М., «Высшая школа», 1978.

Alexejev V.P. // Craniological material from new Guinea, Indonesia and the Malayan peninsula. Anthropologie, XI/3. Brno, 1973. P. 201-248.

Benington R.C., Pearson K. A study of the Negro Skulls with special reference to the Congo and Gaboon Crania. Biometrica, vol.8, N ¾ (Jan. 1912). P. 292-339.

Drontschilow K. "Metrische Studien an 93 Schadeln aus Kamerun // A.f.A. ., Bd. XL/ 1913. P. 161-183.

Gorny S. Crania Africana. Uganda. Wroclaw, 1957.

Henneberg M. and Steyn M. Depart. of human Biology, University of the Witwatersrand, Parktown 2193, and depfrt. of Anatomy , University Trends in Cranial Capacity and Cranial Index in Subsaharan Africa during the Holocene American Journal of Human Biology, 1993. Vol. 5. P. 473-479.

Howells W.W. http://www- personal.une.edu.au/~pbrown3/resource.html

Hrdlicka A.: Catalogue of human crania in the United States national museum collectilns. Procceedings of the of the United States national museum, vol. 71, Washington, 1928.

Kitson Elisabeth. A Study of the Negro Skull with Special Reference to the Crania from Kenya Colony. //Biometrika, vol.23, No. 3/4 (Dec. 1931) P. 271-314

Ribot I. Craniometrical analysis of Central and East Africansin relation to history. A case study based on unique collectionsof known ethnic affiliation // Anthropologica et Preahistorica. 2003. V/114. P. 25-50.

Righmire G.P. Bushman, Hottentot and South African Negro crania studied by distance and discrimination// American Journal of Physical Anthropology, 1970b, V.33. P. 169-196.

Shrubsall F. C. A Note on Bushman Craniology. // Man, Vol. 22 (Dec. 1922). P. 185-187.

References

Alekseev, V.P., Debets G.F. 1964. *Kraniometriia. Metodika antropologicheskikh issledovanii.* [Craniometry. Methods of anthropological research]. Moscow: Nauka.

Alexejev, V.P. 1973. // Craniological material from new Guinea, Indonesia and the Malayan peninsula. *Anthropologie*, XI/3, Brno: 201-248.

Benington, R.C., Pearson K. 1912. A study of the Negro Skulls with special reference to the Congo and Gaboon. *Crania. Biometrica.*8, N ¾ (Jan, 1912): 292-339.

Bunak, V.V. 1922. *Osnovnye morfologicheskie cherty cherepa cheloveka i ikh evoliutsiia* [Basic morphological features of the human skull and their evolution]. Russkii antropologicheskii zhurnal. 12 (1–2): 24–52.

Drontschilow, K. 1913. *Metrische Studien an 93 Schadeln aus Kamerun* // A.f.A. ., Bd. XL/: 161-183.

Gorny, S. 1957. *Crania Africana. Uganda.* Wroclaw.

Henneberg, M. and Steyn M. 1993. Depart. of human Biology, University of the Witwatersrand, Parktown 2193, and depfrt. of Anatomy , University Trends in Cranial Capacity and Cranial Index in Subsaharan Africa during the Holocene.// *American Journal of Human Biology*, 5:473-479.

Howells, W.W. http://www- personal.une.edu.au/~pbrown3/resource.html

Hrdlicka, 1928. A. *Catalogue of human crania in the United States national museum collectilns*. Procceedings of the of the United States national museum, 71, Washington.

Kitson Elisabeth. 1931. A Study of the Negro Skull with Special Reference to the Crania from Kenya Colony. //*Biometrika*, 23 (¾): 271-314.

Oliver, R., Fegan B. 1986. *Rozhdeniye bantuyazychnoy Afriki* [The birth of Bantu-speaking Africa]. Iz istorii afrikanskogo srednevekovia. Stati britanskikh uchenykh. Moscow: Nauka. Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury: 77-147.

Orlova, A.S., Lvova E.S. 1978. *Stranitsy istorii velikoy savanny* [Pages of the history of the great Savanna]. Moscow: Nauka. Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury.

Pestriakov, A.P. 1995. Rasy cheloveka v kraniologicheskoi klassifikatsii naseleniia tropicheskogo poiasa [Human races in the craniological classification of the tropical population]. In: *Sovremennaia antropologiia i genetika i problema ras u cheloveka* [Current anthropology and genetics and the issue of races and man]. Moscow: 43–90.

Pestriakov, A.P., Grigor'eva O.M. 2004. Kraniologicheskaia differentsiatsiia sovremennogo naseleniia [The craniological differentiation of the contemporary population]. In: *Rasy i narody.* Ezhegodnik № 30 [Races and peoples: an annual edition no. 30]. Moscow: Nauka: 86–131.

Pestryakov, A.P., Grigoryeva O.M. 2013. Kraniotipy afrikanskogo kontinenta [Craniotypes of the African continent]. *Vestnik antropologii.* Moscow: 3 (25): 22-36.

Pestryakov, A.P., Grigoryeva O.M. 2017. K tipologii rostovykh protsessov cherepnoy korobki cheloveka [On the typology of growth processes in the human cranium]. *Vestnik Moskovskogo universiteta.* Moscow: XXIII. Antropologiya. 1: 89-102.

Ribot, I. 2003. Craniometrical analysis of Central and East Africansin relation to history. A case study based on unique collectionsof known ethnic affiliation // *Anthropologica et Preahistorica*. V/114: 25-50.

Righmire, G.P. 1970b. Bushman, Hottentot and South African Negro crania studied by distance and discrimination// *American Journal of Physical Anthropology*. 33: 169-196.

Roginskii, Ia.Ia., Levin M.G. 1973. *Antropologiia* [Anthropology]. Moscow: MGU.

Shrubsall, F. C. 1922. A Note on Bushman Craniology. // *Man*. 22: 185-187.

Pestriyakov, Aleksandr P., Grigorieva, Olga M., Pelenitsina, Yulia V.

Tropical Trans-Saharan African Population Genesis: Craniological Aspect.

This article continues a study of cranial growth on the example of the population of tropical Trans-Saharan Africa. The cranial samples of Gabon, basin of the Congo River (the Western part), and East African farmers and Capoids – Bushmen and Hottentots (the Eastern part) were analyzed. Male and female cranial samples were studied separately. Crania of some samples clustered according to the type of growth processes in the crania. Comparative analysis showed that the cranial samples (and clusters inside them) from the West of the studied region, as a whole, differ significantly from those from the East in the shape of the skull. This is clearly seen in the male sample, but less obvious in the female one. The overall size of the cranium in the West is significantly more variable than in the East. This is because of a Pygmy admixture in the population of equatorial rainforest, which are associated with a small size of the cranium. There is no such difference between East African farmers and the craniologically similar Capoids (Bushmen and Hottentots). This leads to two main conclusions. First, the population of the Western (humid) part of Equatorial Africa formed as a mixture of larger-headed agricultural groups with Pygmies, who had smaller crania. Second, the agricultural population of the Eastern (more arid) part of the studied territory is almost identical in craniological terms to the Capoids (Bushmen and Hottentots) of South Africa, while differs significantly from the pastoralist population of this territory.

Keywords*: craniology, craniotype, tropids, pygmies, trans-Saharan Africa*

ИСТОРИОГРАФИЯ, ШКОЛЫ, КОНЦЕПЦИИ

УДК
DOI

© Б.Е. Винер

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ СОВЕТСКОЙ И ПОСТСОВЕТСКОЙ ЭТНОЛОГИИ: КРАТКИЙ ОБЗОР

Статья описывает институциональный контекст, в котором развивалась и продолжает развиваться этнология в бывших советских республиках вне пределов Российской Федерации. Теоретическим отправным пунктом автора является положение социологии знания П. Бергера и Т. Лукмана, которое подчеркивает взаимосвязь социального контекста и возникающего в нем знания. Рассмотрено изменение ситуации в трех секторах: научно-исследовательских институтах, университетских подразделениях и этнографических музеях. Публикация предваряет запланированную для дальнейшего исследования эмпирическую проверку данной схемы с использованием статистики тематических предпочтений этнологов в СССР и постсоветских странах в разные временные периоды.

Ключевые слова*: история российской социологии, социология этнологии, социология знания*

Данная работа подготовлена в рамках масштабного исследования и продолжает его первую часть, посвященную институциональной истории этнологии на территориях, входящих в настоящее время в состав РФ. В предыдущей статье была предпринята попытка обосновать периодизацию истории этнологии в России и СССР со времени создания РАН до современности (*Винер 2020*). В качестве подлежащей статистической проверке гипотезы мною предложено выделять в истории российской этнологии три этапа, каждый из которых состоит из нескольких периодов[1] (*Винер 2020*). Рассматривая развитие этнологии в бывших советских республиках вне Российской Федерации и в постсоветских странах, я придерживаюсь той же периодизации, обосновав ее в ранее обозначенном исследовании. При этом в теоретическом плане я опираюсь на положение социологии знания П. Бергера и Т. Лукмана, подчеркивающих взаимосвязь социального контекста и возникающего в нем знания (*Бер-*

Винер Борис Ефимович – к.социолог.н, старший научный сотрудник, Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН (190005 Санкт-Петербург, 7-ая Красноармейская, 25/14, оф. 524). Эл. почта: wienerras@yandex.ru. **Wiener, Boris E.** – Sociological Institute of FCTAS RAS (St. Petersburg, Russia). E-mail: wienerras@yandex.ru

1 Обычно типологизация (в данном случае – это разбиение на исторические периоды) проводится на основании критерия различения, признаки которого присутствуют во всех выделенных типах. Однако возможны отступления от этого принципа. Например, в экономическом районировании районы выделяются по разному набору атрибутов (*Смирнягин* 1989: 30). Поэтому в данной работе я не придерживаюсь какого-то одного критерия для разбиения на этапы и периоды.

гер, Лукман 1995: 14). Названия этнография, этнология, антропология выступают в данной статье как синонимы.

* * *

На протяжении **имперского этапа (1724–1917 гг.)** в Российской империи[1] этнология институционально развивалась преимущественно на территории, которая сегодня входит в состав РФ. Крупные экспедиции с заметной этнографической составляющей в первый период этого этапа организовывала РАН. После образования в 1845 г. РГО начинается второй период имперского этапа, и лидирующая роль в этнографических исследованиях переходит к этому обществу, точнее к его этнографическому отделению, также имевшему свой головной офис в Санкт-Петербурге (*Токарев* 1966). Работа РГО существенно дополнялась рядом других обществ, из которых наиболее заметными были учрежденное в 1863 г. Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии (до 1871 г. Общество любителей естествознания) (Общество любителей б.г.; *Керимова* 2007) и образованное в 1877 г. Казанское общество археологии, истории и этнографии (Казанское общество б.г.; *Астафьев* 2011). По-видимому, наиболее крупным подразделением РГО вне столицы был его Юго-Западный отдел, начавший свою работу в Киеве в 1873 г. (*Любченко* 2012). Но в 1876 по Эмскому указу Александра II отдел был закрыт (*Федорова* 2010: 70). Относительно долго в этот период существовали Кавказское (с 1850 г.) и Туркестанское (с 1897 г.) отделения РГО (*Токарев* 1966: 231, 386), однако вопрос об их прямой преемственности с учреждениями, образованными там в последующие периоды, требует дополнительного изучения. Кафедры, готовившие этнографов, были открыты в Московском, Петербургском и Казанском университетах (*Бусыгин, Зорин* 2002: 43; *Козьмин* 2004: 318; *Соловей* 2004: 119). Можно согласиться с этнологом из МГУ Т.Д. Соловей, которая полагает, что несмотря на существование до революции перечисленных этнологических подразделений этнология все же тогда оставалась неинституционализированой дисциплиной (*Соловей* 1998: 28).

Советский этап в истории этнологии (1918–1991 гг.) включает в себя четыре периода. Рассматривая каждый из них я постараюсь, хотя и не очень строго, придерживаться следующей схемы изложения материала: 1) научно-исследовательские институты, 2) университетские подразделения (прежде всего кафедры) и 3) этнографические музеи. Внутри этих подразделов данные будут располагаться по республикам. Поэтому информация об одной и той же республике за один и тот же период может оказаться в разных местах текста в зависимости от типа учреждениям, о котором идет речь.

Первый период – **добровольной «марксизации» этнологии** длился с 1918 г. по 1929/1932 гг. Хронологически первым событием в этом время вслед за Т.Д. Соловей будем считать образование Постоянной комиссии по изучению племенного состава населения (КИПС) в апреле 1917 г. (*Соловей* 1998: 38–40).

В эти годы помимо РФ очень интенсивно шел процесс развития этнологии в Грузии. Здесь были созданы этнографические отделы в Государственном музее Грузии им. С.Н. Джанашиа АН ГССР и в Институте истории, языка и материальной культу-

[1] Этнология в Царстве Польском и Великом княжестве Финляндском в статье не рассматриваются.

ры Грузинского филиала АН СССР в 1921 г., а также кафедра биологии, антропологии и этнологии в ТГУ (*Робакидзе* 1983: 12–13).

Происходила институционализация этнологии и на Украине, особенностью которой было то, что этнология здесь развивалась главным образом в системе созданной в 1918 г. самостоятельной АН, тогда как музейные учреждения фактически находились лишь в начальной стадии формирования, а университетских кафедр, готовящих этнографов, вообще не было. По-видимому, отсутствие здесь этнографических кафедр в значительной степени объясняется тем, что в 1920 г. решением украинского Наркомата образования все украинские университеты (Киевский, Харьковский и Одесский) были ликвидированы, а из их факультетов образованы педагогические, медицинские и др. институты. В 1933 г. университеты восстановлены (Історія б.г.; 210 років освіти б.г.; Історія університету б.г.). Проведение научных исследований в таких институтах, особенно педагогического профиля, по мнению киевского историка О.В. Юрковой, считалось нецелесообразным (*Юркова* 2015: 5). Последнее утверждение кажется в целом верным, но несколько преувеличенным, поскольку научные исследования в учреждениях украинского Народного комиссариата образования всё же не прекратились полностью. К важнейшим в 1920-е – первой половине 1930-х гг. этнографическим учреждениям директор ИИФЭ А.А. Скрыпник относит Кабинет первобытной культуры и народного творчества (известен также как Этнологический отдел), Этнографическую комиссию, Музей (впоследствии Кабинет) антропологии и этнологии им. Хв. Вовка в Киеве, а также краеведческую секцию кафедры истории украинской культуры в Харькове (*Скрипник* 2017: 6–7). Кафедра занималась исследованиями и работой с аспирантами (*Богдашина, Юркова* 2010).

Наиболее влиятельной фигурой, в значительной степени определявшей деятельность киевских историков и этнологов, в это время был М.С. Грушевский, который в теоретическом плане ориентировал эти учреждения на достижения французской социологической школы, концепции Л. Леви-Брюля и Э. Дюркгейма (*Скрипник* 2011: 3–4), в отличие от ленинградских этнологов, прежде всего Л.Я. Штернберга и В.Г. Богораза, ориентировавшихся на подход американского антрополога Ф. Боаса. Искоренение методологического плюрализма, существовавшего у этнологов в СССР до совещаний 1929 и 1932 гг.[1], лишний раз свидетельствуют о том колоссальном ущербе, к которому приводит идеолого-бюрократическое управление наукой. В соответствии с резолюциями совещаний 1929 и 1932 гг., этнография рассматривалась как историческая дисциплина, которая отличается от других исторических дисциплин применением метода непосредственного наблюдения. В силу этого подхода в последующие годы этнография в стране развивалась в тандеме с историей и в учебных заведениях кафедры соответствующего профиля чаще всего создавались на исторических факультетах.

Второй период второго этапа – **период искоренения методологического плюрализма** – следует отсчитывать от этнографических совещаний до 1953 г., когда умер И.В. Сталин и началось ослабление политики тоталитаризма. Тем не менее, именно в это сложное для страны время создаются этнологические подразделения во многих республиканских институтах АН. В 1936 г. появляется секция этнографии в Институте языка, истории и материальной культуры им. Н.Я. Марра Грузинского филиала АН СССР, впоследствии это подразделение перешло в созданный в 1946 г.

[1] См. материалы совещаний: От классиков 2014; Хроника 1929, Резолюция 1932.

Институт истории им. И.А. Джавахишвили АН ГССР (с 1964 г. Институт истории, археологии и этнографии им. И.А. Джавахишвили АН ГССР) (*Рухадзе* 2004: 586).

Согласно мнению А.А. Скрипник, в УССР с рубежа 1920-х – 1930-х гг. происходило сворачивание политики украинизации, что привело к массовым репрессиям среди научной интеллигенции еще и по обвинению в национализме, а также к многочисленным реорганизациям научных учреждений и ликвидации части из них. Все же в 1936 г. в системе АН УССР удалось создать Институт украинского фольклора. В 1940 г. вставал вопрос об открытии в нем отдела этнографии. Но из-за войны этот замысел удалось осуществить лишь в 1944 г., когда на базе института был создан ИМФЭ (*Скрипник* 2007: 5–6). Однако в начале 1950-х гг. в отделе числились всего четыре научных работника и художник (*Зінич* 2005: 17).

В 1941 г. основан Институт этнологии АН ЛССР (*Паукштіте-Шакнене* 2011: 15). В 1944 г. он был ликвидирован, и этнологи из него перешли в Институт истории АН ЛССР (*Шакнис* 2011: 323), который включал отделения фольклора и этнографии.

В 1918 г. Совет народных комиссаров РСФСР отменил ученые степени и звания (*Алеврас, Гришина* 2014: 88. Прим. 63; *Козлова* 2001: 149). Для университетского преподавания предполагалось вырастить собственные кадры преимущественно из членов партии. С этой целью создавались новые учреждения: в 1918 г. в Москве открыта Социалистическая академия общественных наук (позже переименованная в Коммунистическую академию) (Коммунистическая академия б.г.) [1], а в 1921 г. – Институт красной профессуры. Но результаты их деятельности были ниже ожидаемых: «Количество слушателей, поступивших в ИКП с 1921 по 1930 гг., составило более 3,5 тысяч человек, но в процессе обучения отсев был около 90%» (Институт красной профессуры б.г.).

Иная ситуация в области присвоения ученых степеней до 1934 г. существовала на Украине. Со ссылкой на архивные материалы челябинские историки сообщают, что «в Украинской ССР уже в 1922 г. был принят Кодекс по народному просвещению, в п. 619 которого говорилось, что “для лиц высшей учёной квалификации устанавливается высшая учёная степень доктора”» (*Алеврас, Гришина* 2014: 89). К сожалению, в литературе этот сюжет отражен очень скудно. Можно предположить, что в УССР не был налажен централизованный учет информации об обладателях ученых степеней. Это видно из истории с вынужденной защитой диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук В.П. Петровым в 1966 г., хотя еще в 1930 г. ему была присвоена степень «доктора истории литературы» (*Андрєєв* 2012: 81; 248–251).

В 1934 СНК СССР принял постановление о введении всесоюзной системы ученых степеней и званий (Совет Народных Комиссаров 1934). Научные степени наряду с учеными других специальностей начали присуждаться и этнографам. Возрождение системы научных степеней стимулировало подготовку кадров высшей квалификации для союзных республик. В созданном в 1945 г. в Казахстане академическом Институте истории, археологии и этнографии (Об институте б.г.) еще не было достаточного потенциала для подготовки собственных научных работников.

В 1950 г. в аспирантуру ИИАЭ были приняты В.В. Востров, Р.Д. Ходжаева.

Руководство Института приняло правильное решение – послать своих аспи-

[1] В ряде случаев из-за отсутствия других источников информации или сложности доступа к ним нам приходится ссылаться на Википедию, несмотря на частую критику этого электронного ресурса за разного рода ошибки. Полагаем, что в качестве справочного источника Википедия дает вполне удовлетворительные результаты для целей моего исследования.

> рантов в Ленинградское отделение Института этнографии АН СССР [....] Руководителем аспирантов был видный советский этнограф, доктор исторических наук Л.П. Потапов.
>
> В начале 1950-х гг. под руководством доктора исторических наук Т.А. Жданко защитила диссертацию аспирант Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова И.В. Захарова [....] Шла к завершению также аспирантура Г.Н. Валиханова в ИЭ АН СССР» (Из истории академической б.г.).

В украинской этнологии упор делался на подготовку кадров исключительно на республиканской основе. В моих данных за 1934-2016 гг. мы имеем лишь два случая, когда диссертации украинских исследователей готовились в Москве (В.Ф. Горленко и В.И. Наулко) и один спорный случай (И.А. Снежкова, которая окончила МГУ, работала несколько лет в Киеве, затем переехала в Москву, подготовила на украинском материале диссертацию и защитила ее в 1984 г. в ИЭА РАН, где ныне работает), тогда как 313 диссертаций украинских авторов подготавливались в украинских учреждениях.

Вузовская подготовка этнологов в РФ в рассматриваемый период, несмотря на административные пертурбации, более или менее регулярно проходила в Московском и Ленинградском университетах. На историческом факультете Тбилисского университета в 1929 г. создана кафедра археологии и этнологии, переименованная в 1930 г. в кафедру археологии и этнографии. Однако в 1932 г. ее ликвидировали «в связи с реорганизацией Университета», после чего воссоздали в 1934 г. А «в декабре 1939 г. решением Союзного комитета высшей школы была создана кафедра этнографии – вторая в СССР после кафедры этнографии МГУ[1]» (*Рухадзе* 2004: 585). В УССР в описываемый период существовала лишь кафедра этнологии во Львовском университете, образованная на основе кафедры этнографии и фольклора созданной еще в 1924 г. Она прекратила свое существование в 1947 г. (*Тарнавський* 2016).

В литературе имеются сведения о том, что кафедра этнологического профиля существовала в 1945-1947 гг. в Вильнюсе. Это подразделение сменило целый ряд названий: кафедра музееведения (1947-1949 гг.), кафедра археологии и этнографии (1949-1966 гг.), кафедра истории ЛССР (до 1991) и, наконец, кафедра теории и истории культуры (с 1991 г.) (*Паукштіте-Шакнене* 2011: 16). Однако в статье другого литовского автора говорится о том, что в Вильнюсском университете существовала (до 1962 г.) не кафедра археологии и этнографии, а кафедра этнологии и археологии, которая была возвращена к жизни в 1990 г. (*Васіляускене* 2011: 20).

Третий период второго этапа **(толстовский период)** продолжался с 1954 до 1966 гг. Хотя С.П. Толстов возглавил ИЭ еще в конце 1942 г., наиболее последовательно собственную научную политику, по моему мнению, он смог проводить лишь после смерти И.В. Сталина. Организатор и руководитель одной из самых крупных научных экспедиций советского времени – Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, директорскую должность С.П. Толстов занимал до января 1966 г. Главным направлением его научной программы были монографические описания народов и сопутствующие им этногенетические исследования. Работа головного института АН СССР, несомненно, оказывала влияние на развитие этнологической науки в стране в целом.

[1] По-видимому, Д.А. Рухадзе в работе над своей статьей не имела доступа к документам и работам, описывавшим довоенную ситуации с преподаванием этнологии в Ленинграде.

Продолжалось создание специализированных этнологических подразделений и учреждений в системе республиканских АН, например, в Армении:

> В целях усиления научно-исследовательской работы в 1953 г. в Институте истории Академии наук Армянской СССР на базе этнографического отдела Государственного исторического музея Армении была образована группа этнографии, а в июне 1959 г. был создан Институт археологии и этнографии АН Арм. ССР. Ныне в секторе этнографии Института археологии и этнографии АН Арм. ССР работают четыре старших научных сотрудника, кандидата исторических наук, два младших научных сотрудника, лаборант и аспирант» (*Вардумян* 1962: С. 113).

Подготовка аспирантов из союзных республик, как и в предшествующий период, кроме ИЭ осуществляется в ряде республиканских институтов. Многолетний сотрудник ИЭА С.А. Арутюнов отмечает, что в 1950-1960-е гг. в Москве и Ленинграде над диссертациями работало достаточно много аспирантов из Армении, но из Грузии ему запомнился лишь один аспирант, что объяснялось малым количеством этнологов с докторской степенью в Армении, которые могли бы руководить аспирантами (Этнография Кавказа... 2010. С. 216–217). По-видимому, здесь сказалось то, что в Грузии этнологам удалось достаточно далеко продвинуться в организационном плане еще в 1920-е гг.

Право республиканских институтов проводить собственные защиты диссертаций ограничивалось какими-то вышестоящими инстанциями союзного уровня, скорее всего Высшей аттестационной комиссией, логика действий которой мне не понятна. В 1947 г. ученый совет ИИФЭ получил разрешение проводить защиту кандидатских диссертаций с присуждением научных степеней кандидатов исторических наук по специальности «Этнография Украины», однако до 1952 г. таких защит не было (*Гілевич* 2013: 267–268). По-видимому, через некоторое время ИИФЭ утратил право на присвоение этой степени, либо требовалось продлить такое разрешение. Во всяком случае в издаваемом институтом журнале появляется следующее сообщение: «В ноябре прошлого года на Ученом совете ИИФЭ, которой возобновили право приема к защите кандидатских диссертаций по специальности «Украинская этнография», успешно защитил диссертацию на ученую степень кандидата исторических наук младший научный сотрудник отдела В.Т. Зинич» (*А.П.* 1961: 155–156). Обращает на себя внимание, что в качестве научной специальности указана не просто «Этнография», а «Этнография Украины». Больше в литературе мне подобные особенности применительно к диссертациям не встречались.

В этот период не самым лучшим образом складывались дела в университетской этнологии: число кафедр этнографии, которых в начале 1950-х гг. было больше десятка, к началу 1960-х гг. сократилось до двух (московской и тбилисской) (*Итс* 1982: 50). Причины этого явления, если уйти от частных сюжетов, связанных с конкретными кафедрами, пока не понятны. Ленинградская кафедра фактически исчезла в начале 1950-х гг. (*Козьмин* 2004). Удалось также выяснить, что с 1944 по 1960 г. вильнюсская кафедра выпустила 50 этнографов, большинство из которых впоследствии работали в научных учреждениях и музеях Литвы (*Вишняускайте* 1960: 135). Кафедра, как уже говорилось выше, просуществовала до 1966 г. (*Паукштите-Шакнене* 2011: 16).

Четвертый **(бромлеевский) период** второго этапа начался в 1967 и продлился до 1991 гг., хотя Ю.В. Бромлей был директором ИЭ до 1989 г. Советская этнография прошла этот отрезок времени под знаменем теории этноса, ассоциируемой с Ю.В. Бромлеем и рядом его коллег. Вслед за головным институтом тематика, связанная с теорией этноса, этносоциологией, этногеографией, этнодемографией и другими сюжетами, которые подробно обсуждались в работах Ю.В. Бромлея, начала занимать видное место в работах сотрудников других академических институтов и университетских кафедр. Укреплению позиций этнографии содействовало и занятие Ю.В. Бромлеем ряда важных административных постов вне ИЭ (Академик Ю.В. Бромлей 1993: 11; Отделение историко-филологических б.г.). Казалось бы, это должно было способствовать расширению возможностей не только головного института, но и республиканских этнологических учреждений. На деле же процесс укрепления позиций дисциплины проходил нелинейно. Это видно, например, из ситуации с правом диссертационных советов институтов присваивать ученые звания по этнографии.

Рассмотрим эту проблему подробнее на примере ИИФЭ. В предыдущем параграфе отмечалось, что впервые защита кандидатской диссертации по этнографии в этом институте прошла в 1952 г., и в последующие годы право на такие защиты возобновлялось, а в какой-то момент институт получил право проводить также защиту докторских диссертаций по этнографии. Сведения этом можно обнаружить в сообщениях об итогах работы института за 1968 и 1971 гг. (*Тихонович* 1969: 107; *Пилипчук* 1972: 111). Согласно собранным мною данным, докторская по этнографии здесь была защищена только одна, в 1969 г., а последняя кандидатская по этнографии за 1970-1980-е гг. защищена в 1971 г.[1] Затем следует перерыв до 1992 г., во время которого выполненные в украинских учреждениях работы по этнологии защищались вне Украины. Из выполненных в ИИФЭ 49 диссертаций 41 защищена в Минске, одна в МГУ, шесть в ИЭ в Москве (из них две докторские) и еще одна в ЛЧ ИЭ. Во Львовском отделении ИИФЭ за эти же годы было подготовлено 15 кандидатских диссертаций, которые защищались только в Минске.

Думаю, что с точки зрения внутренней логики самой дисциплины лучше было не привязывать защиты к одному учреждению. Тем более, что все выполненные в Минске в ИИЭФ в эти же годы 25 кандидатских и одна докторская по диссертации по этнологии были защищены здесь же в Минске. Возможно, был смысл сосредоточить защиту докторских в Москве в ИЭ (хотя я в этом не уверен), но два десятка лет не позволять защищать диссертации по этнографии на Украине – это безусловно триумф бюрократизма в сфере науки.

Можно было бы предположить, что этот запрет каким-то образом связан с борь-

[1] А.А. Скрыпник так характеризует влияние политической ситуации того времени на украинскую этнологию: «Констатируя постепенное возрождение украиноведческого направления в системе Украинской академии наук, все-таки следует отметить, что на содержании работ 1960-1980-х годов ощутимо отразились последствия перманентной борьбы против так называемого буржуазного национализма в гуманитарных наукх. Преследование и надзор за этнографами, которые осуществлялись под этими лозунгами и особенно усилились в период «маланчукизма» (1970-е гг.), привели к распылению кадрового потенциала, повлияли на сужение и деформацию тематики исследования проблем украинской национальной культуры, на укрепление предвзятых подходов и оценок в отношении наследия вещущих украинских исследователей прошлых эпох» (Скрипник 2011: 7). «Маланчукизмом» на Украине называют период с 1972 по 1979 гг., когда секретарем ЦК КПУ по идеологии был В.Е. Маланчук, «прославившийся» борьбой против того, что он считал проявлениями украинского национализма.

бой властей против украинских диссидентов, которые теоретически могли использовать этнографию в своих целях. Однако такой вывод будет преждевременным. В указанный период в ИИФЭ проходили многочисленные защиты диссертаций по филологии, искусствоведению и ряду других дисциплин. Приведу несколько примеров: из ЛЧ ИЭ в 1975 г. в Киеве защищал докторскую диссертацию по филологии Н.В. Новиков (*О.Ф.* 1976: 105), из Ленинградского института театра, музыки и кинематографии И.И. Земцовский по искусствоведению в 1981 г. (*О.К.* 1982: 90), из этнографического музея во Львове Р.Т. Кирчив (Кирчів) по филологии в 1980 г. (*О.Ф.* 1981: 106), из Московской государственной консерватории М.А. Смирнов и из ИИЭФ в Минске Г.Г. Кулешова по искусствоведению в 1982 г. (*Кулик* 1983: 85). Разумеется филологию и искусствоведение можно было использовать в диссидентских целях не менее эффективно, чем этнологию.

В это время происходит открытие нескольких новых кафедр, готовящих этнографов в РФ (Ленинград, Омск, Казань, Уфа). На Украине, как помним, единственная кафедра была ликвидирована в 1947 г. Вопрос о возобновлении этнологического образования в республике поднимался специалистами. Затронул эту тему, например, заведующий отделом этнографии ИИФЭ В.Ф. Горленко:

> Выполнение задач, начертанных XXV съездом КПСС перед советской наукой, требует еще большей мобилизации усилий этнографов в десятой пятилетке, в частности в деле разработки и внедрения новой обрядности, строительстве музеев под открытым небом и др. Это в свою очередь связано с подготовкой научных кадров, которых не хватает. Для этого необходимо, по нашему мнению, активизировать этнографическую работу в вузах республики, открыть кафедру этнографии в столичном университете, ввести в вузах ряд спецкурсов по этнографии, издать учебники и учебные пособия, вести подготовку этнографов среднего звена посредством академической аспирантуры, обратить внимание на подготовку докторских диссертаций и т.д. (*Горленко* 1977: 9).

До окончания советского этапа истории этнологии на Украине появилась лишь одна кафедра, где в названии фигурирует слово этнография – это была вновь образованная в 1988 г. во Львове на основе кафедры истории УССР кафедра истории и этнографии Украины (Кафедра етнології б.г.).

В ряде союзных республик были открыты новые объединенные кафедры, в задачи которых входила, в том числе и подготовка этнографов. В 1968 г. в Ереванском государственном университете кафедра археологии, источниковедения и этнографии образована в 1968 г. В 1975 г. она переименована в кафедру археологии и этнографии, которую в 1989 г. разделили на самостоятельные кафедру археологии и кафедру этнографии. Но в 2004 эти две кафедры вновь объединились (Faculty of History б.г.). В 1971 г. организована кафедра археологии и этнографии в Казахском государственном университете (Кафедра археологии, этнологии и музеологии б.г.). В Бакинском государственном университете кафедра с аналогичным названием возникла в 1976 г. (Кафедра археологии и этнографии б.г.). В Киргизском государственном университете (в настоящее время Кыргызский национальный университет имени Жусула Баласагына) кафедра археологии и этнологии создана в 1978 г. (Кафедра археологии, этнологии, источниковедения б.г.).

Постсоветский этап начался в 1992 г. Доступные материалы оказались довольно скудными и крайне неравномерно представленными по республикам. Здесь сказыва-

ются как сложности с поступлением авторефератов из них в российские библиотеки, так и проблемы перевода поступивших сюда авторефератов с неславянских языков. В предыдущей статье на основе в основном российского материала, – а именно изменений в журнальной публикационной политике, появления новых университетских подразделений, в теоретическом плане ориентированных на англоязычную социокультурную антропологию, – я предложил выделять в этом этапе два периода: 1992-2004 гг. и с 2005 г. (*Винер 2020*)

В других республиках деление этапа на периоды может быть иным или вовсе отсутствовать. По большинству постсоветских стран удалось собрать лишь ограниченный объем данных. Поэтому до проведения статистического анализа тематик диссертаций я рассматриваю ситуацию не подразделяя данный этап на периоды.

Начну с Украины. В Украинском этнологическом центре ИИФЭ[1] трудятся 20 сотрудников (*Таран* 2018). В 1992 г. в институте начал работать докторский диссертационный совет по этнологии (*Сюта* 1993: 93). Во Львове с 1992 г. существует еще один этнологический институт – ИН, образованный на базе бывшего Львовского отдела ИИФЭ, в свою очередь созданного в 1982 г. на основе Украинского государственного музея этнографии и художественного промысла АН УССР; а сам Музей входит теперь в состав ИН. В институте работают 197 человек, в том числе 111 научных работников, среди которых 7 докторов и 61 кандидат наук (Інститут народознавства б.г.). В институте действует докторский диссовет, который образован совместно с Институтом украиноведения имени И. Крипякевича, тоже расположенным во Львове. Разительное расхождение в числе научных сотрудников между киевским и львовским институтами заметно сгладится, если учесть во Львове только сотрудников, имеющих прямое отношение к этнологии: в отделах исторической этнологии (Відділ історичної б.г.), этнографии современности (Відділ етнології б.г.) и социальной антропологии (Відділ соціальної б.г.) трудоустроены по 12 человек в каждом. Кроме того в Музее значатся 38 сотрудников (Музей етнографії б.г.).

В 2004 г. правительство Украины приняло решение передать в подчинение НАНУ Музей народной архитектуры и быта Украины (Кабінет міністрів України 2004), который находится под Киевом. В научном плане музей стал подчиняться ИИФЭ (*Скрипник* 2005). Таким образом, в ведении НАНУ имеется сразу два этнографических музея, один из которых является музеем под открытым небом, а статус комплекса ИИФЭ–Национальный музей народной архитектуры и быта стал напоминать тот статус, который имел МАЭ в составе РАН до реформы последней в 2014 г., когда РАН потеряла научные институты, перешедшие в другое ведомство.

После 1991 г. на Украине начинается настоящий бум создания этнологических подразделений в университетах. Правда, почти все они являются объединенными со смежными дисциплинами в рамках одной кафедры. В 1993 г. в Одесском государственном (с 2000 г. национальном) университете образована кафедра археологии и этнографии (Кафедра археології та етнології б.г). В 1994 г. появилась кафедра археологии и народоведения в Чернигове[2]. В 1998 г. в связи со сменой номенклатуры специальностей на Украине она переименована в кафедру археологии и этнологии,

[1] Так теперь называется бывший отдел этнографии этого института.

[2] Вуз, которому принадлежит эта кафедра, сменил несколько названий, последнее из которых Национальный университет «Черниговский коллегиум» имени Т.Г. Шевченко (Національний університет б.г.).

а в 1999 г. реформирована в кафедру этнологии, затем В 2003 г. превратилась в кафедру этнологии и краеведческо-туристической работы, и, наконец, с 2015 г. носит название кафедры археологии, этнологии и краеведческо-туристической работы (Кафедра етнології та краєзнавчо. б.г.).

В 1995 г. образованы сразу два подразделения – кафедра этнологии и краеведения в Киевском национальном университете (Історія кафедри б.г.) и единственная на Украине чисто этнологическая кафедра этнологии Львовского национального университета (Кафедра етнології б.г.). В Черновцах в 1998 г. кафедру истории древнего мира и средних веков переименовали в кафедру этнологии, античной и средневековой истории, а в 2015 г. ее решением Ученого совета превратили в кафедру истории древнего мира, средних веков и музееведения (Кафедра етнології, античної б.г.). В Ивано-Франковске в Прикарпатском национальном университете кафедра этнологии и археологии создана в 2006 г. (Кафедра етнології і археології б.г.). Последним по времени стало образование кафедры археологии, этнологии и культурологии в Ужгородском национальном университете в 2019 г. (*Керецман* 2019).

Сравнивая развитие этнологического образования на Украине и в России можно отметить, что, хотя на Украине оно пока по своему качеству, по-видимому, несколько хуже российского, но в количественном плане пропорционально к численности населения и числу университетов приблизительно совпадает с российскими показателями, значительно превосходя Россию по темпам роста количества кафедр.

Некоторое представление о состоянии этнологии в Белоруссии дает следующая цитата: «В ИИЭФ им. К. Крапивы в настоящее время работают 6 этнологов – докторов наук (из них – 2 члена-корреспондента), 6 этнологов-кандидатов наук, обучаются 9 аспирантов, работают над диссертациями 2 докторанта. Это свидетельствует о высоком потенциале белорусской этнологической науки и определяет перспективность ее дальнейшего развития» (*Гурко* б.г.). Конечно, в сравнении с Россией и Украиной белорусский институт проигрывает количественно, но следует принимать во внимание размеры страны и численность ее населения.

По сравнению с Украиной, белорусские этнологи запоздали с созданием этнологических подразделений в вузах. Я обнаружил в интернете информацию о трех кафедрах. Первая создана в 2001 г. в Белорусском государственном университете и называется кафедрой этнологии, музеологии и истории искусств. Помимо этнологов готовит и представителей других специальностей (Кафедра этнологии, музеологии б.г.).

В Белорусском государственном университете культуры и искусств с 2003 г. работает кафедра этнологии и фольклора (Кафедра этналогіі і фальклору б.г.). Анализ информации на сайте о сотрудниках кафедры показывает, что специалистов по этнологии на ней нет, хотя несколько курсов по этнографии преподается. Подготовка здесь сосредоточена на фольклористике. С 2002 по 2013 гг. существовала кафедра археологии и этнологии в Гродненском государственном университете (История кафедры б.г.).

В остальных республиках продолжают работать кафедры, созданные еще в советское время, о которых говорилось выше. С тех пор у каких-то из них «этнология» в названии сменила «этнографию», какие-то прошли через реорганизацию и соединились в одном подразделении с другими дисциплинами или субдисциплинами, некоторые наоборот смогли организационно отделиться от смежных дисциплин. Пожалуй, единственным, причем, нерадостным исключением является Литва. Здесь

кафедра этнологии и фольклористики в 1993 г. появилась в Каунасе в университете Витовта Великого (*Паукштіте-Шакнене* 2011: 17). В настоящее время на странице кафедры исследований культуры (kultūrų studijų katedra) указанного университета сообщается, что она основана в 1990 г. как кафедра этнологии и фольклористики. Позже сменила название, поскольку были дополнительно запущены новые программы: культуры Балтийского региона, восточноазиатская культура и язык, скандинавская культура и язык (Kultūrų б.г.). Иных подразделений осуществляющих подготовку этнологов/антропологов в литовских университетах я не обнаружил.

* * *

К сожалению, лакуны в собранном материале ограничивают возможность получить равное представление о состоянии этнологии в каждой из бывших республик. Однако для целей последующего статистического анализа собранной информации и реконструированной на ее основе общей картины состояния этнологии рассматриваемых территориях сведений вполне достаточно. Последующие статьи представят результаты статистической проверки гипотезы о правильности предложенной периодизации этнологической дисциплины в рассмотренных странах, а также результаты сравнения крупнейших этнологических центров по предпочтениям в выборе исследовательской тематики.

Список сокращений

АН – Академия наук
ГССР – Грузинская Советская Социалистическая Республика
ИЭ – Институт этнографии АН СССР
ИЭА – Институт этнологии и антропологии РАН
ИИФЭ – Институт искусствоведения, фольклора и этнографии Академии наук УССР, позже Институт искусствоведения, фольклористики и этнологии Национальной академии наук Украины
ИИЭФ – Институт искусствоведения, этнографии и фольклора Академии наук Белорусской Советской Социологической Республики
ИН – Институт народоведения НАН Украины
ЛГУ – Ленинградский государственный университет
ЛЧ ИЭ – Ленинградская часть Института этнографии АН СССР
ЛССР – Литовская Советская Социалистическая Республика
МАЭ – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
МГУ – Московский государственный университет
НАНУ – Национальная академия наук Украины
РАН – Российская академия наук
РГО – Русское географическое общество
РФ – Российская Федерация
ТГУ – Тбилисский государственный университет

Источники и материалы

210 років освіти б.г. – 210 років освіти, науки, просвіцництва // Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна http://210years.karazin.ua/page/history/index.html (дата обращения 23.11.2019).

А.П. 1961 – *А.П.* Робота відділу етнографії Інституту МФЕ АН УРСР у 1960 р. // Народна творчість та етнографія. 1961. № 2. С. 155–156.

Богдашина, Юркова 2010 – *Богдашина О.М., Юркова О.В.* Науково-дослідний інститут історіЇ української культури імені академика Д. Багалія [Електронний ресурс] // Енциклопедія історії України: Т. 7: Мл–О / Редкол.: В. А. Смолій (голова) та ін. НАН України. Інститут історії України. Київ: В-во «Наукова думка», 2010. Режим доступу: http://www.history.org.ua/?termin=Naukovo_Bahaliia (дата обращения 23.11.2019).

Бріцина, Кутельмах 1991 – *Бріцина О., Кутельмах К.* Інститут ім. Максима Рильського АН УРСР в 1990 році // Народна творчість та етнографія, 1991. № 3. С. 80-89.

Відділ етнології б.г. – Відділ етнології сучасності // Інститут Народознавства НАН України. http://ethnology.lviv.ua/ua/89/viddil_etnologi%D1%97_suchasnosti.html (доступ 20.12.2019).

Відділ історичної б.г. – Відділ історичної етнології // Інститут Народознавства НАН України http://ethnology.lviv.ua/ua/87/viddil_istorychno%D1%97_etnologi%D1%97.html (дата обращения 20.12.2019).

Відділ соціальної б.г. – Відділ соціальної антропології // Інститут Народознавства НАН України. http://ethnology.lviv.ua/ua/114/viddil_sotsialno%D1%97_antropologi%D1%97.html (дата обращения 20.12.2019).

Гурко б.г. – Гурко А.В. Белорусская этнология в XXI веке: проблемы и перспективы // Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной Академии наук Беларуси. http://www.imef.basnet.by/narodist.html (дата обращения 13.11.2019).

Из истории академической б.г. – Из истории академической этнографии в Казахстане // Институт истории и этнологии имени Ч.Ч. Валиханова. http://iie.kz/?page_id=251&lang=ru (доступ 13.11.2019).

Институт красной профессуры б.г. – Институт красной профессуры – 95 лет // РАНХиГС. Научная библиотека https://lib.ranepa.ru/ru/virtualnye-vystavki/31-institut-krasnoj-professury-95-let (дата обращения 16.02.2020).

История кафедры б.г. – История кафедры // Факультет истории, коммуникации и туризма. https://fh.grsu.by/index.php/istoriya-kafedry (дата обращения 20.12.2019).

Інститут народознавства б.г. – Інститут народознавства (ІН) НАН України http://ethnology.lviv.ua/ua/102/istoriya_instytutu.html (дата обращения 18.11.2019).

Історія б.г. – Історія // Київський національний університет імені Тараса Шевченка. http://www.knu.ua/ua/geninf/history/#2-2 (дата обращения 23.11.2019).

Історія кафедри б.г. – Історія кафедри // Кафедра етнології та краєзнавства. http://ethnic-studies.knu.ua/blok-pro-kafedru.html (дата обращения 19.12.2019).

Історія університету б.г. – Історія університету // Одеський національний університета імені І.І. Мечникова. http://onu.edu.ua/uk/geninfo/history (дата обращения 23.11.2019).

Кабінет міністрів України 2004 – Кабінет міністрів України. Розпорядження від 5 липня 2004 р. N 417-р «Про передачу Державного музею народної архітектури та побуту України у відання Національної академії наук». https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/417-2004-р (дата обращения 18.12.2019).

Казанское общество б.г. – Казанское общество археологии, истории и этнографии // Справочник Научных Обществ России http://www.snor.ru/?m=articles&an=sc_130 (дата обращения 15.02.2020)

Кафедра археологии и этнографии б.г. – Кафедра археологии и этнографии // Tarix fakültəsi. http://history.bsu.edu.az/ru/content/kafedra_arxeoloqii_i_etnoqrafii_343 (дата обращения 23.11.2019).

Кафедра археологии, этнологии и музеологии б.г. – Кафедра археологии, этнологии и музеологии // Казахский национальный университет имени Аль-Фараби. https://www.kaznu.kz/ru/1611/page/ (дата обращения 23.11.2019).

Кафедра археологии, этнологии, источниковедения б.г. – Кафедра археологии, этнологии, источниковедения и историографии // Кыргызский национальный университет имени Жусула Баласагына https://www.knu.kg/ru/index.php?option=com_content&view=article&id=198:2010-03-12-14-49-31&catid=90:2010-03-01-06-38-46&Itemid=547 (дата обращения 24.11.2019).

Кафедра археології та етнології б.г. – Кафедра археології та етнології України // Офіційний сайт Одеського національного університету імені І. І. Мечникова https://web.archive.org/web/20130420070453/http://onu.edu.ua/uk/structure/faculty/history/arhch/ (дата обращения 19.12.2019).

Кафедра етнології б.г. – Кафедра етнології // Історичний факультет. http://clio.lnu.edu.ua/department/etnolohiji (дата обращения 21.11.2019).

Кафедра етнології, античної – Кафедра етнології, античної і середньовічної історії // Чернівецький національний університет. http://www.ethnos.chnu.edu.ua/index.php?page=ua (дата обращения 21.11.2019).

Кафедра етнології і археології б.г. – Кафедра етнології і археології // Прикарпатський національний університет імені. https://kea.pnu.edu.ua/2018/03/27/kafedra-etnolohiyi-i-arkheolohiyi/ (дата обращения 21.11.2019).

Кафедра етнології та краєзнавчо б.г. – Кафедра етнології та краєзнавчо-туристичної роботи // Національний університет «Чернігівський колегіум» імені Т.Г.Шевченка. https://inst-hist.nethouse.ua/etnology (дата обращения 21.11.2019).

Кафедра этналогіі і фальклору б.г. – Кафедра этналогіі і фальклору // Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт культуры і мастацтваў. https://www.buk.by/process/fakultet%202/Folklore/ (дата обращения 20.12.2019).

Кафедра этнологии, музеологии б.г. – Кафедра этнологии, музеологии и истории искусств // Белорусский государственный университет. https://www.bsu.by/ru/main.aspx?guid=5771 (доступ 27.12.2019).

Керецман 2019 – *Керецман Н.П*. Кафедра археологі, етнологі та культурологі // Ужгородський національний університет. 2019. https://www.uzhnu.edu.ua/uk/cat/fhistory_relati-uahistory (дата обращения 27.12.2019).

Коммунистическая академия б.г. – Коммунистическая академия // Википедия https://ru.wikipedia.org/wiki/Коммунистическая_академия (дата обращения 16.02.2020)

Кулик 1983 – Кулик О.О. Інститут ім. М.Т. Рильського АН УРСР в 1982 році // Народна творчість та етнографія. 1983. № 2. С. 82–86.

Любченко 2012 – *Любченко В.Б*. РОСІЙСЬКОГО ГЕОГРАФІЧНОГО ТОВАРИСТВА ПІВДЕННО-ЗАХІДНИЙ ВІДДІЛ // Енциклопедія історії України. Т. 9: Прил–С. 2012 [Електронний ресурс]. http://www.history.org.ua/?termin=Rosijskoho_heo_viddilennia (дата обращения 15.02.2020).

Музей етнографії б.г. – Музей етнографії та художнього промислу // Інститут Народознавства НАН України. http://ethnology.lviv.ua/ua/57/muzey_etnografi%D1%97_ta_hudojnogo_promyslu.html (дата обращения 20.12.2019).

Національний університет «Чернігівський колегіум» імені Т. Г. Шевченка // Википедія. https://uk.wikipedia.org/wiki/Національний_університет_«Чернігівський_колегіум»_імені_Т._Г._Шевченка#Назви (дата обращения 19.12.2019).

О.К. 1982 – О.К. Інститут ім. М.Т. Рильського АН УРСР в 1981 році // Народна творчість та етнографія, 1982. № 3. С. 88-91.

О.Ф. 1976 – О.Ф. Інститут ім. М.Т. Рильського у 1975 році // Народна творчість та етнографія, 1976. № 2. С. 102-105.

О.Ф. 1981 – О.Ф. Інститут ім. М.Т. Рильського АН УРСР у 1980 році // Народна творчість та етнографія, 1981. № 3. С. 102-106.

Об институте б.г. – Об институте // Институт истории и этнологии имени Ч.Ч. Валиханова. http://iie.kz/?page_id=69&lang=ru (дата обращения 13.11.2019).

Общество любителей б.г. – Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете // Справочник Научных Обществ России http://www.snor.ru/?an=sc_294 (дата обращения 15.02.2020).

От классиков 2014 – От классиков к марксизму: совещание этнографов Москвы и Ленинграда (5–11 апреля 1929 г.) / под ред. Д. В. Арзютова, С. С. Алымова, Д. Дж. Андерсона. Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 2014.

Отделение историко-филологических б.г. – Отделение историко-филологических наук РАН. *[Электронный ресурс]:* https://ru.wikipedia.org/wiki/Отделение_историко-филологических_наук_РАН (доступ 17.12.2019).

Пилипчук 1972 – Пилипчук Р. Інститут ім. М.Т. Рильського в 1971 році // Народна творчість та етнографія. 1972, № 2. С. 105–111

Резолюция Всероссийского археолого-этнографического совещания 7–11 мая 1932 года // Советская этнография, 1932. № 3. С. 4–14.

Скрипник 2005 – Скрипник Г.А. Інститут мистецтвознавства, фольклористики та етнології ім. М.Т.Рильського НАН України. 2005. http://www.etnolog.org.ua/index.php?option=com_content&task=view&id=29&Itemid=44&limit=1&limitstart=1 (дата обращения 13.11.2019).

Совет Народных Комиссаров 1934 – Совет Народных Комиссаров СССР. Постановление от 13 января 1934 года № 79. Об ученых степенях и званиях // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Союза Советских Социалистических Республик, 1934. № 3. https://ru.wikisource.org/wiki/Постановление_СНК_СССР_от_13.01.1934_г._№_79_» Об_ученых_степенях_и_званиях» (дата обращения 24.11.2019).

Сюта 1993 – *Сюта Б.* Інститут ім. М. Т. Рильського АН УРСР в 1992 році // Народна творчість та етнографія, 1993, № 3. С. 89-93.

Таран 2018 – *Таран О*. Український етнологічний центр // 2018. http://www.etnolog.org.ua/index.php?option=com_content&task=view&id=23&Itemid=87 (доступ 20.12.2019).

Тихонович 1969 – *Тихонович З*. Інститут імені М.Т. Рильського в 1968 році // Народна творчість та етнографія, 1969, № 2. С. 104–108.

Хроника 1929 – Хроника совещания этнографов Ленинграда и Москвы (5/IV–11/IV 1929 г.) // Этнография, 1929. № 2. С. 110–114.

Faculty of History б.г. – Faculty of History // Yerevan State University. http://www.ysu.am/faculties/en/History/section/structure/amb/36. (доступ 23.11.2019).

Kultūrų б.г. – Kultūrų studijų katedra // Humanitarinių mokslų fakultetas. http://hmf.vdu.lt/katedros/kulturu-studiju-katedra/ (доступ 23.11.2019).

Научная литература

Алеврас Н., Гришина Н. Диссертации историков и законодательные нормы (1860–1920-е гг.) // Российская история. 2014. № 2. С. 77–90.

Андрєєв В.М. Віктор Петров. Нариси інтелектуальної біографії вченого. Дніпропетровськ: Герда, 2012.

Астафьев В.В. Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете и его уникальный опыт интерпретации исторических памятников // Вопросы музеологии. 2011. № 1 (3). С. 81–85.

Бергер А., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.

Бусыгин Е.П., Зорин Н.В. Этнография в Казанском университете. Казань: Издательство Казанского университета, 2002.

Вардумян Д.С. Армянская этнография за годы Советской власти // Советская этнография. 1962. № 5. С. 111–116.

Васіляускене А. Пране Дундулене: увічнення пам’яти // Народна творчість та етнографія, 2011. № 3. С. 19–24.

Винер Б.Е. Институциолизация российской этнологии: краткий обзор // Этнографическое обозрение. 2020. № 4 (в печати).

Вишняускайте А.И. Этнографические исследования в Литве в 1940–1960 годах // Советская этнография. 1960. № 3. С. 134–138.

Гілевич І. Життєвий науковий шлях етнолога, історика та мовознавця Василя Пастущина (1889–1958) // Вісник Львівського університету. Серія історична. 2013. Випуск 49. С. 245–272.

Горленко В.Ф. Українська радянська етнографія в десятій п'ятирічці (Основні напрямки розвитку) // Народна творчість та етнографія. 1977. № 3. С. 3–9.

Зінич В. Максим Рильский як науковий наставник повоннєго покоління народознавців України // Народна творчість та етнографія. 2005. № 2. С. 16–20.

Итс Р.Ф. Место этнографии в системе университетского образования // Вестник Академии наук СССР. 1982. № 3. С. 48–54.

Керимова М.М. Императорское общество любителей естествознания, антропологии и этнографии и судьба его архива // Этнографическое обозрение. 2007. № 1. С. 137–141.

Козлов С.Я. (отв.ред.) Академик Ю. В. Бромлей и отечественная этнология. 1960–1990-е годы. М.: Наука, 2003.

Козлова Л.А. «Без защиты диссертации...»: статусная организация общественных наук в СССР, 1933-1935 годы // Социологический журнал. 2001. № 2. С. 145–159.

Козьмин В.А. Кафедра этнографии и антропологии // Исторический факультет Санкт-Петербургского университета 1934–2004. Очерк истории / Отв. ред. А.Ю. Дворниченко. Санкт-Петербург: Издательство С.-Петербургского университета, 2004. С. 317–341.

Паукштіте-Шакнене Р. Періодика литовської етнології в перспективі розвитку науки // Народна творість та етнографія. 2011. № 3. С. 14-18.

Робакидзе А.И. Пути развития грузинской советской этнографии (1922–1982 гг.). Тбилиси: Мицниерба, 1983.

Рухадзе Д.А. Георгий Спиридонович Читая и Вера Варденовна Беравелидзе: корифеи грузинской этнографии // Выдающиеся отечественные этнографы и антропологи XX века / отв. ред. В.А. Тишков, Д.Д. Тумаркин. М.: Наука, 2004. С. 577-607.

Скрипник Г. Інституту мистецтвознавства, фольклористики та етнології ім. М.Т. Рильського НАН України – 85 років // Матеріали до української етнології. Київ: НАНУ ІМФЕ ім. М. Т. Рильського, 2007. Вип. 6(9). С. 3–11.

Скрипник Г. Українська етнологія крізь призму часу: втрати і здобутки // Матеріали до української етнології. Київ: НАНУ ІМФЕ ім. М. Т. Рильського, 2011. Вип. 10(13). С. 9–10.

Скрипник Г. Провідний етнологічний осередок Украньскої академі наук 20-х років XX століття // Матеріали до української етнології: збірник наукових праць. Київ: НАНУ ІМФЕ ім. М. Т. Рильського, 2017. Вип. 16(19). С. 6–74.

Смирнягин Л.В. Районы США: портрет современной Америки. М.: Мысль. 1989.

Соловей Т.Д. От «буржуазной» этнологии к «советской» этнографии: История отечественной этнологии первой трети XX века. М.: Координационно-методический центр прикладной этнографии ИЭА РАН, 1998.

Соловей Т.Д. Власть и наука в России. Очерки университетской этнографии в дисциплинарном контексте (XIX – начало XXI вв.). М.: Прометей, 2004.

Тарнавський Р. Кафедра етнології Львівського університету. Класичний період (1910-1947 рр.). Львів: ЛНУ імені Івана Франка, 2016.

Токарев С.А. История русской этнографии (Дооктябрьский период). М.: Наука, 1966.

Федорова Л.Д. Біля витоків національного музейництва в Україні: музей південно-західного відділу Імператорського російського географічного товариства // Український історичний журнал. 2010. № 6. С. 44–72.

Шакнис Ж. Малая наука с большими проблемами институционализации. Размышляя об истории литовской этнологии // Матеріали до української етнології: щорічник. Збірник наукових праць. Вип. 16 (19). Київ: НАНУ, ІМФЕ ім. М. Т. Рильського, 2017. С. 321–326.

Этнография Кавказа и ее социальная организация. Сергей Арутюнов в беседе с Александром Формозовым // Laboratorium. 2010. № 1. С. 205–222.

Юркова О. Діячі науки в полі зору диктатури // Суспільство і влада в радянській Україні років непу (1921–1928). Т. 2 / Відп. ред. С.Кульчицький. Київ: Інститут історії України НАН України, 2015. С. 5–56.

References

Alevras, N., and N. Grishina. 2014. Dissertatsii istorikov i zakonodatel'nye normy (1860–1920-e gg.). [Dissertations of historians and legislative norms (1860–1920s)]. *Rossiiskaia istoriia* 2: 77–90.

Andrieiev V.M. 2012. *Viktor Petrov. Narysy intelektual'noï biografiï vchenoho* [Viktor Petrov. Essays on the intellectual biography of the scientist]. Dnipropetrovs'k: Gerda.

Astafiev, V.V. 2011. Obshchestvo arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete i ego unikal'nyi opyt interpretatsii istoricheskikh pamiatnikov. *Voprosy muzeologii* 1 (3): 81–85.

Berger, A, Luckmann, T. 1995. Social'noje konstruirovani'e real'nosti. Traktat po sociologii znanija. [The Social Construction of Reality. A Treatise on Sociology of Knowledge]. Moscow: Medium, 1995.

Busygin, E.P., and N.V. Zorin. 2002. *Etnografiia v Kazanskom universitete*. [Ethnography in Kazan University]. Kazan': Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta.

Fedorova, L.D. 2010. Bilia vytokiv natsional'noho muzeinytstva v Ukraïni: muzei pivdenno-zakhidnoho viddilu Imperators'koho rosiis'koho geografichnoho tovarystva [At the origins of national museology in Ukraine: Museum of the South-Western Branch of the Imperial Russian geographical society]. *Ukraïns'kyi istorychnyi zhurnal* 6: 44–72.

Hilevich, I. 2013. Zhyttievyi naukovyi shliakh etnoloha, istoryka ta movoznavtsia Vasylia Pastushchyna (1889–1958) [Wordly academic path of ethnologist, historian and linguist Vasyl' Pastushchyn]. *Visnik L'vivs'koho universytetu. Seriia istorychna* 49: 245–272.

Horlenko, V.F. 1977. Ukraïns'ka radians'ka etnohrafiia v desiatii p'iatyrichtsi (Osnovni napriamky rozvytku) [Ukrainian Soviet ethnology in the period of the Tenth five-year plan (The main direction of development]. *Narodna tvorchyst' ta etnohrafiia* 3: 3–9.

Its, R.F. 1982. Mesto etnografii v sisteme universitetskogo obrazovaniia [The place of ethnography in the university education system]. *Vestnik Akademii nauk USSR* 3: 48–54.

Kerimova, M.M. 2007. Imperatorskoe obshchestvo liubitelei estestvoznaniia, antropologii i etnografii i sud'ba ego arkhiva [The imperial society of science, anthropology and ethnology fans and the fate of its archive]. *Etnograficheskoe obozrenie* 1: 137–141.

Kozlov, S.Ya., ed. 2003. *Akademik Yu. V. Bromley i otechestvennaia etnologiia. 1960-1990-e gody* [Academician Yu. V. Bromley and Russian ethnology. 1960–1990s]. Moscow: Nauka.

Kozlova, L.A. 2001. "Bez zashchity dissertatsii...": statusnaia organizatsiia obshchestvennykh nauk v SSSR, 1933–1935 gody ["Without defending a dissertation ...": the status organization of the social sciences in the USSR, 1933–1935]. *Sotsiologicheskii zhurnal* 2: 145–159.

Koz'min, V.A. 2004. Kafedra etnografii i antropologii [Department of ethnology and anthropology]. In *Istoricheskii fakul'tet Sankt-Peterburgskogo universiteta 1934–2004. Ocherk istorii* [Historical Faculty of St. Petersburg University 1934-2004. Historical Outline], edited by A.Yu. Dvornichenko, 371–341. St Petersburg: Izdatel'stvo S.-Peterburgskogo universiteta.

Paukshtite-Shaknene, R. 2011. Periodyka lytovs'koï etnolohiï v perspektyvi rozvytku nauky [Periodicals of Lithuanian ethnology in the perspective of the development of science]. *Narodna tvorist' ta etnohrafiia* 3: 14–18.

Robakidze, A.I. 1983. *Puti razvitiia gruzinskoi sovetskoi etnografii (1922–1982 gg.)* [Ways of development of Georgian Soviet ethnology (1922–1982)]. Tbilisi: Mitsnierba.

Rukhadze, D.A. 2004. Georgii Spiridonovich Chitaia i Vera Vardenovna Beravelidze: korifei gruzinskoi etnografii [Georgii Spiridonovich Chitaia and Vera Vardenovna Beravelidze: luminaries

of Georgian ethnology]. In *Vydaiushchiesia otechestvennye etnografy i antropologi XX veka* [Prominent Russian Ethnologists and Anthropologists of the Twentieth Century], edited by V.A. Tishkov and D.D. Tumarkin, 577–607. Moscow: Nauka.

Shaknis, Zh. 2017. Malaia nauka s bol'shimi problemami institutsionalizatsii. Razmyshliaia ob istorii litovskoi etnologii [Small science with big problems of institutionalization. Reflections on the history of Lithuanian Ethnology]. In *Materialy do ukraïns'koï etnolohiï: shchorichnyk. Zbirnik naukovykh prats'*, edited by H. Skrypnyk, 321–216. *Vol. 16(19)*. Kiev:NANU, IMFE im. M.T. Ryl's'kogo.

Skrypnyk, H. 2007. Instytutu mystetstvoznavstva, fol'klorystyky ta etnolohiï im. M.T. Ryl's'koho NAN Ukraïny – 85 rokiv [Institute of Art Studies, Folklore and Ethnology named after M.T. Rylsky NAS of Ukraine – 85 years]. In *Materialy do ukraïns'koï etnolohiï: shchorichnyk. Zbirnik naukovykh prats'* / edited by H. Skrypnyk, Vol. 6 (9): 3–11. Kiev: NANU, IMFE im. M.T. Ryl's'kogo.

Skrypnyk, H. 2011. Ukraïns'ka etnologiia kriz' pryzmu chasu: vtraty i zdobutky [Ukrainian ethnology through the prism of time: losses and gains] // In *Materialy do ukraïns'koï etnolohiï: shchorichnyk. Zbirnik naukovykh prats'* / edited by H. Skrypnyk, Vol. 10(13): 9–10. Kyiv: NANU, IMFE im. M.T. Ryl's'kogo.

Skrypnyk, H. 2017. Providnyi etnolohichnyi oseredok Ukraïns'koï akademiï nauk 20-kh rokiv XX stolittia [Leading ethnological center of the Ukranian Academy of Sciences in the 1920s]. In *Materialy do ukraïns'koï etnolohiï: shchorichnyk. Zbirnik naukovykh prats'* / edited by H. Skrypnyk, 6-74. *Vol. 16(19)*. Kyiv: NANU, IMFE im. M.T. Ryl's'kogo.

Smirniagin, L.V. 1989. *Raiony SShA: portret sovremennoi Ameriki* [Regions of the USA: a portrait of modern America]. Moscow: Mysl'.

Solovei, T.D. 1998. *Ot "burzhuaznoi' etnologii k "sovetskoi' etnografii: Istoriia otechestvennoi etnologii pervoi treti XX veka* [From "bourgeois" ethnology to "Soviet" ethnography: History of Russian ethnology in the first third of the twentieth century]. Moscow: Koordinatsionno-metodicheskii tsentr prikladnoi etnografii Instituta etnologii i antropologii RAN.

Solovei, T.D. 2004. *Vlast' i nauka v Rossii. Ocherki universitetskoi etnografii v distsiplinarnom kontekste (XIX – nachalo XXI vv.)* [Power and science in Russia. Essays on university ethnology in a disciplinary context (XIX – early XXI centuries)]. Moscow: Prometei.

Tarnavs'kyi, R. 2016. *Department of Ethnology, Lviv University. The classic period (1910-1947)*. [Kafedra etnolohiï Lvivs'koho universytetu. Klasychnyi period (1910-1947 rr.)]. Lviv: LNU imeni Ivana Franka.

Tokarev, S.A. 1966. *Istoriia russkoi etnografii (Dooktiabr'skii period)* [History of Russian ethnology (pre-October Period)]. Moscow: Nauka.

Vardumian, D.S. 1962. Armianskaia etnografiia za gody Sovetskoi vlasti [Armenian ethnography in the years of the Soviet power]. *Sovetskaia etnografiia* 5: 111–116.

Vasiliauskienė, A. 2011. Pranė Dundulienė: uvichnennia pam'iaty [Prane Dundulene: the perpetuation of the memory]. *Narodna tvorchyst' ta etnohrafiia* 3: 19–24.

Vishniauskaite, A.I. 1960. Etnograficheskie issledovaniia v Litve v 1940–1960 godakh [Ethnological studies in Lithuania in 1940–1960]. *Sovetskaia etnografiia* 3: 134–138.

Wiener, B.E. 2020. Instituciollizacija rossijskoj etnologii: kratkij obzor [A Brief Overview for the Institutional History of Russian Ethnology]. *Etnograficheskoe obozrenie* 4.

Yurkova, O. 2015. Diiachy nauky v poli zoru dyktatury [Scholars in the field of view of the dictatorship]. *Suspil'stvo i vlada v radians'kii Ukraïni rokiv nepu (1921–1928)* [Society and Power in the Soviet Ukraine in years of the New Economic Policy (1921–1928)] / ed. by S. Kul'chyts'kyi, Vol. 2: 5–56. Kiev: Instytut istoriï Ukraïny NAN Ukraïny.

Zinych, V. 2005. Maksym Ryl's'kyi iak naukovyi nastavnyk povoennoho pokolinnia narodoznavtsiv Ukraïny [Maksym Ryl's'kyi as an academic mentor of the second generation of Ukrainian ethnologists]. *Narodna tvorchyst' ta etnohrafiia* 2: 16–20.

Wiener, Boris E.

A Brief Overview for the Institutional History of Soviet and Post-Soviet Ethnology

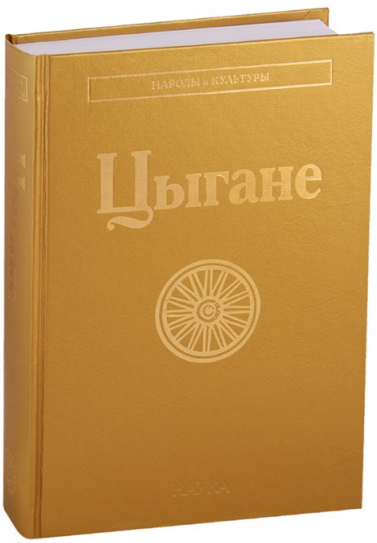
The article describes the institutional context in which ethnology has developed in the former Soviet Republics outside of the Russian Federation. The author's theoretical starting point is Berger and Lukman's sociology of knowledge, which emphasizes the relation between the social context and the knowledge that arises in it. Changes in three sectors are considered: research institutes, University departments, and ethnographic museums. Further publications will employ statistical data on the thematic preferences of ethnologists in the USSR and post-Soviet countries during different time periods for empirical verification of this scheme.

Keywords: *history of Russian sociology, sociology of ethnology, sociology of knowledge*

РЕЦЕНЗИИ

УДК
DOI

© И. Думиника

РЕЦ. НА *ЦЫГАНЕ* / ОТВ. РЕД. Н.Г. ДЕМЕТЕР, А.В. ЧЕРНЫХ; ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ ИМ. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ РАН. М.: НАУКА, 2018. 614 С.

В 2018 г. издательство «Наука» опубликовало 32-й том академической серии «Народы и культуры», посвященный социально-гуманитарным исследованиям цыган России. Истории, культуре и традициям этого народа отведено 614 страниц текста, над которым плодотворно трудился научный коллектив из 18 авторов: российских и зарубежных ведущих специалистов по цыгановедению. Монография «Цыгане» состоит из 14 глав, в которых освещаются следующие темы: Цыгановедческие исследования в Российской империи, СССР и России в XVIII–XXI вв.; Основные этапы этнической истории; Динамика численности и расселение цыган России; Цыганский язык и его диалекты; Занятия и ремесла; Семья и семейный быт; Социальная структура и общественный быт; Календарные праздники и обряды; Религиозно-мифологические представления; Народная культура; Профессиональная культура; Цыгане во время второй мировой войны; Современные этнокультурные процессы.

Внезапное появление цыган в Европе и довольно быстрое их распространение в течение XIV–XVI вв. поставило перед исследователями того времени целый ряд проблем, касающихся в первую очередь происхождения этого «таинственного народа». Загадочным и непонятным для средневековых европейцев был цыганский образ жизни, язык и духовная культура. Попытки найти ответы на эти вопросы привели к тому, что во второй половине XVI в. начинает зарождаться новая социально-гуманитарная наука – цыгановедение. На начальном этапе цыгановедение развивалось преимущественно как лингвистическое направление. Ключом к разгадке происхождения цыган явилось знакомство европейцев с санскритом и появление сравнительно-исторического языкознания, что позволило нескольким

Думиника Ион – д. полит. н., ведущий научный сотрудник, Институт культурного наследия Министерства образования, культуры и исследований Республики Молдова. (Республика Молдова, Кишинев, Штефан чел Маре, 1). Эл. почта: glsam2015moldova@gmail.com.

Duminica, Ion – Dr., Institute for Cultural Heritage (Moldova, Chisinau). E-mail: glsam2015moldova@gmail.com ORCID: 0000-0001-5896-6850.

исследователям (Г.-М. Грелльманн, Й. Рюдигер, Дж. Брайен, Ф.К. Альтер) во второй половине XVIII в., на основании собранных их предшественниками (Й. Скалигер, А. Борд, И. ван Эвсум, К. Гананде, В.Ф. Зуев и др.) материалов по цыганскому языку, найти его родственные связи с санскритом. Позднее эта предварительная гипотеза получила научное обоснование в работах А.Ф. Потта (1802–1887), Ф.К. Миклошича (1813–1891) и Г.И. Асколи (1829–1907) (Мануш 1978).

Цыгановедческие исследования на территории Российской империи зарождаются во второй половине XIX в., когда публицистический шаблонный стиль отражения «подозрительной цыганской экзотики» (О цыганах 1811: 224)[1] постепенно сменяется научным текстом. Одним из первых ученых, заинтересовавшихся в фундаментальных исследованиях цыган в Российской империи, следует назвать профессора Санкт-Петербургского университета К.П. Патканова, который имел к концу XIX в. репутацию лучшего знатока этнографии цыган (*Кирей* 2010: 7). Относительно научного подхода к углубленному исследованию цыган в среде их обитания следует отметить высказывание русского этнографа А.С. Афанасьева-Чужбинского: «... Во время поездок внутрь Бессарабии я видел и оседлых, и кочующих цыган, но все это мимоходом.., поэтому я и не имел возможности обратить на них должного внимания; а говорить о том, чего не довелось исследовать, говорить с чужих слов в надежде, что меня некому будет проверить – было бы крайне недобросовестно» (*Афанасьев-Чужбинский* 1893: 101).

Качественно новый этап в развитии цыгановедческой науки наступает во второй половине XX столетия. В этот период в положении советских цыган наблюдаются серьезные социально-политические перемены. Советская власть добилась того, чего не могло достигнуть ни одно правительство, – «цыганский вопрос» в Советском Союзе был радикально разрешен. В невероятно короткий срок большинство цыган в СССР перешли к трудовой оседлой жизни, перед каждым была открыта возможность полезной деятельности в любой отрасли труда. За это время произошла серьезная перестройка быта цыган, создалась новая цыганская семья, появилась новая молодежь. Советская власть обеспечила цыган бесплатным и качественным доступом к образованию, системе здравоохранения, жилью и к другим жизненно важным социально-материальным услугам и благам. Огромные успехи были достигнуты в области культуры; была издана цыганская литература, открыт прекрасный цыганский театр в Москве; часть цыганской интеллигенции успешно внедрилась в область исследований в русле цыгановедения и его популяризации (*Корбе* 1953: 206). Исследование цыган в СССР велось в 6-ти основных направлениях, таких как лингвистика, литературоведение, этнография, фольклористика, история и искусствоведение. В развитие советского цыгановедения внесли свой ценный вклад И.М. Андроникова, П.А. Аристэ, А.П. Баранников, А.Д. Белугин (Лекса Мануш), Т.В. Вентцель, А.В. Герман, А.Н. Гесслер, Р.С. Деметер, П.С. Деметер, Е.А. Друц, Г.В. Кантя, Т.Ф. Киселева, Х.Х. Назаров, Н.А. Панков, И.И. Ром-Лебедев, В.И. Санаров, Н.Г. Саткевич, Н.А. Сличенко, Л.Н. Черенков, Т.А. Щербакова и др.

[1] «…В черных и быстрых глазах цыган виден их ум, из которого можно бы сделать полезное употребление, но который весьма часто они обращают на постыдные изобретения. Упрямая склонность их бродить по разным сторонам и непреклонная страсть к лени подают весьма невыгодные об них мысли и оправдывают всякое подозрение…». (О цыганах 1811: 224).

Начиная с 1990-х гг. цыгановедение, как составная часть социально-гуманитарных научных исследований, развивается в макросфере взаимосвязанных дисциплин в области истории, этнографии, лингвистики, литературоведения, фольклористики, социальной, культурной и визуальной антропологии. Особенно среди цыгановедческих работ современного периода выделяются социодемографические исследования и правозащитные мониторинги, которые объясняются усилением внимания к проблемам, связанным с современным положением цыган (отсутствие качественного доступа к образованию, рабочим местам, социальному жилью и сфере здравоохранения) (*Makso* 2018: 71-83), сохранением и продвижением их многообразного культурного наследия в сферу инклюзивного образования (*Zaçellari* 2018: 195–211), а также современного латентного растворения традиционно-устойчивой цыганской идентичности в две лимитрофные полукочевые/полуоседлые составные части: лоскутно-фрагментарная и уклончиво-ассимилятивная (*Duminica* 2018: 102). Особую страницу в современную историю развития цыгановедческих исследований в России вписали О.А. Абраменко, Н.В. Бессонов, Н.Ф. Бугай, Н.Г. Деметер, О.С. Деметер-Чарская, В.И. Иващенко, А.М. Ильинский, Н.И. Кирей, К.А. Кожанов, Д.А. Махотин, И.Ю. Махотина, М.В. Ослон, А.Ю. Русаков, М.В. Смирнова-Сеславинская, О.А. Петрович, В.Г. Торопов, Д.М. Фалеев, Г.Н. Цветков, А.В. Черных, В.В. Шаповал и др.

Богатейший материал, накопленный за четыре столетия цыгановедческих исследований, и бурное развитие этой науки в наши дни обусловили потребность в фундаментальных работах. Во второй половине XX в. выходят в свет несколько научных работ, рассматривающих историческое развитие и этнокультурную трансформацию цыган на определенных территориях. Значительным событием в истории восточных цыгановедческих исследований является публикация следующих работ: *Horvathova E.* Cigáni na Slovensku: historickoethnografcký náčrt. Bratislava, 1964; Etnografia polska. T. 22. Z. 2. Wroclaw, 1978 (инициаторами издания очередного тома «Польской этнографии», полностью посвященного цыганской проблематике, стали Л. Мруз и А. Бартош) (*Мануш* 1979: 161–165); *Вукановић Т.* Роми (цигани) у Југославији. Врање, 1983; *Марушиакова Е., Попов В.* Циганите в България. София, 1993; *Achim V.* Ţiganii în istoria României. Bucureşti, 1998; *Деметер Н., Бессонов Н., Кутенков В*. История цыган – новый взгляд. Воронеж, 2000.

Остротой поставленной проблемы и четкостью историографического анализа выгодно отличаются также западные цыгановеды, посвятившие свои исследования изучению истории цыган России: *Crowe D.* A History of the Gypsies of Eastern Europe and Russia. New York, 1996; *Lemon A.* Between Two Fires: Gypsy Performance and Romani Memory from Pushkin to Postsocialism. Durham, 1999; *O'Keeffe B.* New Soviet Gypsies: Nationality, Performance, and Selfhood in the Early Soviet Union. Toronto; Buffalo; London, 2013.

Коллективный труд «Цыгане» подвел итог развития цыгановедческих исследований в России за последние два столетия, но, к сожалению, не упоминает многие из вышеуказанных историографических источников, без которых картина остается неполной. Он дает представление, главным образом, о современных научных проблемах и подходах к решению сложных вопросов ранней этнической истории цыган, формирования цыганских сообществ в России, особенностей традиционных этнокультурных комплексов народа. В книгу вошли результаты новейших исследований вопросов, которые только начинают разрабатываться в российской этнологии, в том числе

основанные на новом полевом и архивном материале. То новое, что внесли авторы в изучение цыган, – масштабно и значимо, причем не только по объему новых материалов и фактов, не публиковавшихся ранее, но и по совершенно новому подходу к этим данным, что позволяет считать работу серьезным вкладом в историческую науку.

В то же время работа над томом выявила и существенные лакуны в изучении истории и этнографии цыган России, заполнить которые только предстоит в будущем. Этническая история цыган России исследована во многом фрагментарно, отсутствуют серьезные региональные исследования; слабо изучены особенности миграций (внутренние, региональные и зарубежные), становления и развития в России отдельных этнических групп.

Наконец, следует, по-видимому, изложить несколько замечаний и указать на некоторые неточности, допущенные в этом интересном фундаментальном цыгановедческим исследовании.

Авторы искаженно перевели название первого научного общества по изучению цыган (Gypsy Lore Society) учрежденного 1888 г. в Великобритании (*Мануш* 1978: 172), выбрав неудачное, на наш взгляд, определение «Открытое цыгановедческое общество» (с. 11); также, на той же странице, используется другое название этого научного общества – «Международное цыгановедческое общество». Согласно логике автора, в этих двух представленных названиях одного и того же научного общества по изучению цыган, слова «открытое» и «международное» являются синонимами?..

В научных работах ученые должны избегать высокопарного стиля своих суждений и двусмысленных метафор: «*…локомотивом* процесса оформления цыгановедения как самостоятельной области научных исследований стали I Международная научная конференция „Цыганский язык и культура”, симпозиум по цыганским диалектам в Сараево (1986) и IV Всемирный конгресс цыган в Варшаве (1990)» (с. 11). Исходя из этого высказывания, до 1986–1990 гг. цыгановедение находилось в «железнодорожном тупике»?

Следует отметить упоминание авторами (с. 43) о самом раннем историческом документе, свидетельствующем о пребывании цыган на территории Российского государства, – купчей записи 1699 г., составленной украинской скорописью, которая содержит сведения о продаже мерина воеводскому слуге цыганом Тимишем, жителем города Змиева. Однако почитателям российского цыгановедения было бы крайне интересно ознакомиться с полным текстом этого важного исторического документа, а не только довольствоваться упоминанием о нем: «Я, житель змиевский Тимиш продал змиевскому человеку русскому воеводскому челяднику Наимке, Иванову сыну, мерина, шерстью каур<ого>, грива налево. Он же <мерин> с отметиной небольшой, семи лет на восьмой <год>. А взята пошлина в таможне сполна <в размере> пяти чехов у змиевского жителя Тимоша цыгана. Сию запись писал змиевский дьячок таможний Гарасим Васильев сын Сколник. В <7>207 году <1699>, месяце феврале, 21 дня» (*Смирнова-Сеславинская* 2016: 24–55).

Подобное формальное, поверхностное упоминание наблюдается и на стр. 80: «Сейчас известно около 100 общностей цыган и „цыганообразных” групп со своими самоназваниями, причем исследователи периодически обнаруживают неизвестные ранее этносоциумы». К сожалению, авторы не составили дополнительное инновационное приложение с этими *100 общностями цыган и «цыганообразных» групп* (включая цыган России); также не указали первоисточник и исследователей, которые выявили эти «100 общностей цыган и „цыганообразных” групп». Отсутствие науч-

ных источников для таких важных утверждений, к сожалению, приводит читателей к упрощенным рассуждениям: «Мне цыгане рассказали, что сейчас известно около 100 общностей цыган и „цыганообразных" групп»… Кроме того данное утверждение говорит о недопонимании самой сущности цыганской группы: как можно точно подсчитать количество групп, когда известно что между ними постоянно происходят процессы сегментации и консолидации, то есть их число постоянно меняется (*Marushiakova, Popov* 2004: 145–191)?

По результатам переписи 2010 г. в России проживало 205 007 цыган. Эти данные представляются заниженными: по экспертным оценкам, сообщество цыган России насчитывает от 450 000 до 1 200 000 человек, что сопоставимо с числом цыган в других восточноевропейских странах. В Российской Федерации особенность цыганского сообщества проявляется в уникальном многообразии этнических групп. В разные исторические периоды миграционные волны привели на территорию России различные группы цыган, часть из которых «акклиматизировались» и сформировали свои характерные особенности в условиях российского социума.

В разделе «Этнические группы цыган России» (с. 84–98) представлены своеобразные характеристики 7 групп: *русские цыгане*, *сэрвы*, *влахи*, *крымские цыгане*, *кишиневцы*, *кэлдэрары, ловари*. Однако авторам следовало бы также упомянуть современные опубликованные выборочные сведения о компактном расселении на территории Российской Федерации вышеупомянутых 7 этнических групп цыган (*Бессонов* 2017: 111–142), а также составить сводный библиографический список известных цыгановедов, которые внесли свой научный вклад в исследование этих групп.

Опираясь на существующие данные (или их отсутствие), можно прийти к заключению, что на актуальном этапе «цыгане-сэрвы» остаются наименее изученной этнической группой на территории Российской Федерации, вероятно из-за свойственной им «уклончиво-ассимилятивной идентичности» (данный используемый термин, введен нами в научное обращение на примере молдавских цыган-лингурарей) (*Duminica* 2018: 102).

Более чем скромно выглядит «Библиографический указатель», который следовало обстоятельно расширить (с. 568–593). В этом разделе были неосмотрительно упущены несколько важных работ для современного развития цыгановедческих исследований в России (*Бескровный* 1971: 14–20; *Бессонов* 2021; *Блюменау* 1927; *Велехова* 1972; *Деметер, Черенков* 1967; *Фалеев* 2013).

По-видимому, нет особой нужды отмечать, что желательно, чтобы подавляющее большинство иллюстративного материала было сфокусировано на популяризации освещения цыган русскими художниками, в число которых следовало включить работы К.Е. Маковского («Цыганский табор у костра»), А.А. Пластова («Цыганка»), Н.А. Русакова («Тамара – лучшая колхозница цыганского колхоза»), Ф.Г. Солнцева («Цыганская пляска»), Б.Ф. Шаляпина («Танцующий медведь»), а также привлечь ведущих искусствоведов России для выявления нового, неоспоримо ценного «неизвестного изобразительного материала цыган России».

Тем не менее, в целом коллективная монография «Цыгане» заслуживает самой высокой оценки. Широкий охват исследованных проблем, свидетельствует о том, что данная работа становится первой научной публикацией, посвященной многостороннему изучению цыган в России. Хочется пожелать авторам цыгановедам дальнейших успехов в этой благородной задаче – содействовать культурному и об-

щественному развитию цыган, представляющих собой одно из интереснейших социально-этнических явлений в современной истории человечества.

Источники и материалы

Афанасьев-Чужбинский 1893 – Афанасьев-Чужбинский А. Поездка в южную Россию. Очерки Днестра. (Собрание сочинений. Том VIII). СПб.: Книгоизд-во Герман Гоппе, 1893. - 421 с.

Корбе 1953 – Корбе О. Защита диссертаций в Институте этнографии // Советская Этнография. 1953. № 2. С. 206.

О цыганах 1811 - О цыганах // Вестник Европы. 1811. Том 56 (№ 7). С.223-227.

Фалеев 2013 – Фалеев Д. М. Бахтале-зурале! Цыгане, которых мы не знаем. М.: издательство «Альпина нон-фикшн», 2013. – 290 с.

Научная литература

Бескровный В.М. О вторичной префиксации глагола в индоарийском языке (на материале цыганского языка) // Восточная филология. Характерологические исследования. М., 1971. С. 14–20.

Бессонов Н.В. Цыганское цирковое искусство // Revista de etnologie şi culturologie. 2012. Vol. XI–XII. С. 140–152.

Бессонов Н. Этнонимы и прозвища цыган в СССР и на постсоветском пространстве // Das amen godi pala Lev Čerenkov. Romani historija, čhib taj kultura / Eds. K. Kozhanov, M. Oslon, D. W. Halwachs. Graz, 2017. С. 111–142.

Блюменау Р. Цыгане на эстраде. М.: Кинопечать, 1927. – 31 с.

Велехова Н. Тайны цыганской песни // Театр. 1972. № 4. С. 84–95.

Деметер Р.С., Черенков Л.Н. Восточнороманское влияние на цыганский язык (кэлдэрарский диалект) // Лимба ши литература молдовеняскэ. 1967. № 2. С. 48–58.

Кирей Н. Цыгане Краснодарского края. Краснодар: Южный региональный ресурсный центр, 2010. – 40 с.

Мануш Л. [РЕЦ.] H.E. Wedeck. With the assistance of W. Baskin. Dictionary of Gypsy life and lore // Советская этнография. 1978. № 1. С. 171–176.

Мануш Л. Ценный вклад польских ученых в исследование цыган // Советская этнография. 1979. № 5. С. 161–165.

Смирнова-Сеславинская М.В. Формирование «старожильческого» цыганского населения и его интеграция в сословную систему России в XVII–XVIII вв. // Roma: past, present, future / Eds. H. Kyuchukov, E. Marushiakova, V. Popov. Munich, 2016. С. 24–55.

Duminica I. Each ethnographic group of Roms in the Republic of Moldova has its own professional, linguistic, and cultural characteristics // Baltic Worlds. 2018. Vol. XI (2–3). P. 101–102.

Macso K. The ‘Roma Question’ in Slovakia // Acta Univiersitatis Sapientiae, European and Regional Studies. 2018. No. 14. P. 71–83.

Marushiakova, E., Popov V. Segmentation vs Consolidation: The example of four Gypsy Groups in CIS // Romani Studies. 2004. Vol. 14, No. 2. P. 145–191.

Zaçellari (Lumani) M., et all. Inclusive education for Roma children in Albania and Belarus // Polish Journal of Educational Studies. 2018. Vol. I (LXXI). P. 195–211.

References

Beskrovnyy, V.M. 1971. O vtorichnoy prefiksatsii glagola v indoariyskom yazyke (na materiale tsyganskogo yazyka) [On the secondary prefix of the verb in the Indo-Aryan language (based on the material of the Romani language)]. In *Vostochnaya filologiya. Kharakterologicheskiye issledovaniya*. [Oriental philology. Characterological research], 14–20. Moscow.

Bessonov, N. 2017. Etnonimy i prozvishcha tsygan v SSSR i na postsovetskom prostranstve [Ethnonyms and nicknames of Gypsies in the USSR and in the post-Soviet space]. In *Das amen godi pala Lev Čerenkov. Romani historija, čhib taj kultura* [Roma history, language and culture], edited by K. Kozhanov, M. Oslon, D.W. Halwachs, 111–142. Graz.

Bessonov, N.V. 2012.Tsyganskoye tsirkovoye iskusstvo [Gypsy circus art]. *Revista de etnologie şi culturologie* 11–12: 140–152.

Blyumenau, R. 1927. *Tsygane na estrade* [Gypsies on the stage.]. Moscow: Kinopechat.

Demeter, R.S. and L.N. Cherenkov. 1967. Vostochnoromanskoye vliyaniye na tsyganskiy yazyk (kelderarskiy dialekt) [Eastroman influence on Romani language (Kelderari dialect)]. *Limba shi literatura moldovenyaske* [Moldovan language and literature] 2: 48–58.

Duminica, I. 2018. Each ethnographic group of Roms in the Republic of Moldova has its own professional, linguistic, and cultural characteristics. *Baltic Worlds* XI (2–3): 101–102.

Kirey, N. 2010. *Tsygane Krasnodarskogo kraya* [Gypsies of the Krasnodar region]. Krasnodar: Yuzhnyy regionalnyy resursnyy tsentr.

Macso, K. 2018. The “Roma Question” in Slovakia. *Acta Univiersitatis Sapientiae, European and Regional Studies* 14: 71–83.

Manush, L. 1979. Tsennyy vklad polskikh uchenykh v issledovaniye tsygan [Valuable contribution of Polish scientists to the study of Gypsies]. *Sovetskaya Etnografiya* 5: 161–165.

Manush, L. H., and E. Wedeck. 1978. With the assistance of W. Baskin. Dictionary of Gypsy life and lore. *Sovetskaya Etnografiya* 1: 171–176.

Marushiakova, E. and V. Popov. 2004. Segmentation vs Consolidation: The example of four Gypsy Groups in CIS. *Romani Studies* 14 (2): 145–191.

Smirnova-Seslavinskaya, M.V. 2016. Formirovaniye «starozhilcheskogo» tsyganskogo naseleniya i ego integratsiya v soslovnuyu sistemu Rossii v XVII–XVIII vv. [Formation of the “old-time” Gypsy population and its integration into the estate system of Russia in the XVII–XVIII centuries]. In *Roma: past, present, future,* edited by H. Kyuchukov, E. Marushiakova, V. Popov, 24–55. Munich.

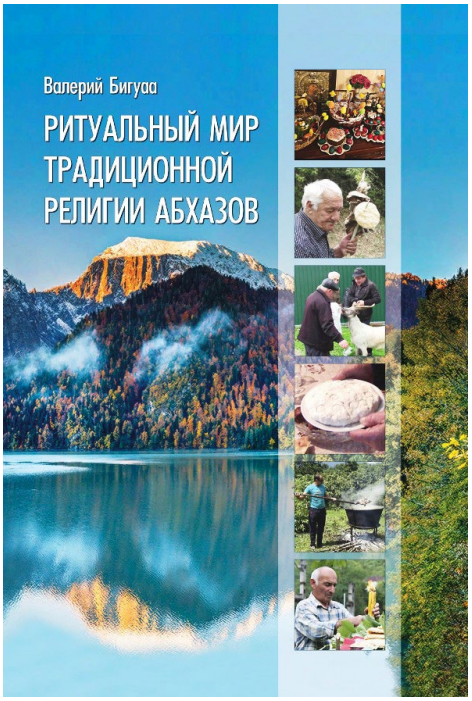
Velekhova, N. 1972. Tayny tsyganskoy pesni [Secrets of the Gypsy song]. *Teatr* 4: 84–95.

Zaçellari (Lumani), M., et all. 2018. Inclusive education for Roma children in Albania and Belarus. *Polish Journal of Educational Studies* I (LXXI): 195–211.

УДК
DOI

© *А.Г. Бермус*

РЕЦ. НА: *БИГУАА В.Л.* РИТУАЛЬНЫЙ МИР ТРАДИЦИОННОЙ РЕЛИГИИ АБХАЗОВ / МОНОГРАФИЯ. М.: МАКС-ПРЕСС, 2018. – 336 с., илл.

Монография Валерия Левардовича Бигуаа представляет собой результат огромного многолетнего труда по систематизации и структурированию традиционных религиозных представлений абхазов и сопряженных с ними обрядовых действий. По сути, мы имеем дело с крайне сложным и амбициозным замыслом: реконструкция всей теогонической системы абхазской традиционной религии вместе с соответствующими ритуальными практиками, с опорой на разнообразные исследования предшественников по отдельным направлениям и темам. Сам автор указывает, что его задачей является «восстановление целостности абхазской традиционной религии как системы путем реконструкции ее первозданного остова, на котором она зиждется и интерпретация элементов обрядовых действий и выявления их исторических корней» (С. 12).

Исторический аспект проблемы особенно важен. Территория современной Абхазии, равно как и культовые практики абхазов на протяжении столетий были полем взаимодействия разнородных религиозных и этнических традиций, восточного христианства и суннитского ислама и др., поэтому смыслы и значения тех или иных обрядовых действий требуют специального исследования.

В своей работе В.Л. Бигуаа опирается на корпус текстов культурной антропологии и структурной лингвистики XX в., рассматривая онтологические представления (пантеон богов) и практики (обряды и ритуалы) в качестве синхронической и диахронической репрезентации религиозно-практической системы. В этой связи, монография делится на две взаимосвязанные, хотя и разноструктурные части (раздела): опыт структурирования системы («пантеона») абхазских богов и описание обрядовых практик. Это приводит к трем естественным противоречиям.

Так, при отсутствии единого объемлющего текста («теогонии») и неизбежной опоре на разнородные элементы устной традиции, сам пантеон реконструируется

Бермус Александр Григорьевич – д. пед. н., профессор, зав. кафедрой образования и педагогических наук, ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (344006 Ростов-на-Дону, Б. Садовая ул., 105/42). Эл. почта: bermous@yandex.ru. **Bermous Alexander G.** – Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia). E-mail: bermous@yandex.ru

неоднозначно. Существует отчетливые различия в том, как представлены божества в логике структурного описания и в логике описания ритуальных практик (особенно, это проявляется в отношении «второстепенных» божеств, не обладающих единственно определенным статусом и местом в религиозных верованиях). Взаимосвязи между традиционными праздниками и их коррелятами в контексте христианской традиции неоднозначны, и требуют дополнительного исследования.

Важным достижением автора является краткая, и, в то же время, исчерпывающая модель описания ритуальных практик, в рамках которой можно получить представление и о ритуально-мировоззренческом значении тех или иных действий, и о порядке отправления самого культа, при этом, однако, дескриптивные стратегии остаются на всех этапах преобладающими. Стоит отметить, что автор сопоставляет результаты реконструкции абхазского пантеона с результатами реконструкции теологических систем в близких этносах (в частности, абазинском).

Естественно, что при таком множестве одновременно решаемых задач, монография не свободна от некоторых проблем, которые являются не столько недостатками, сколько – актуальными направлениями дальнейших исследований.

Во-первых, в силу синкретизма абхазской теологической системы, необходимо выявление связей как с параллельными теологическими системами этносов, принадлежащих к абхазо-адыгской языковой семье, но также – и с религиозными системами и практиками монотеистических религий: иудаизма, христианства и ислама.

Особый интерес представляет, на наш взгляд, сопоставительный анализ религиозных практик абхазов как с Библейской (книжной) традицией, так и с тем, что в раввинистическом иудаизме называется «Устной Торой», то есть системой межпоколенческой трансляции и практико-ориентированной реконструкции религиозного закона, а также каббалистических религиозно-мистических представлений. Опять-таки, трудно не обратить внимания на параллелизм конструкции семь братьев + одна сестра в абхазском пантеоне и моделью семи нижних Сфирот и Шхины в еврейской каббалистической традиции (а через нее – и сказочного сюжета «Белоснежки и семи гномов» в европейской культуре). Не менее интересен факт, что абхазский верховный Бог Анцва (Анцәа) – восходит к двум словам: «небо» и «бык», что проливает некоторый свет на понимание расхождения религиозных доктрин семитов и хаттов (известный сюжет поклонения «золотому тельцу» в Библии). В то же время, другие аспекты религиозных традиций явно восходят к одному источнику: так, трудно не заметить явной параллели с обращением к Анцва – верховному Богу абхазского пантеона как *адунеи* и еврейского *Адонай* - обращением к Всевышнему в еврейской религиозной традиции. Весьма интересным было бы рассмотрение сюжета грехопадения Адама с действием Амат – богини змей.

Через реконструкцию основных параллелизмов, противопоставлений и лакун, можно было бы осмыслить и различия в национально-культурных традициях и ценностных основаниях абхазского народа и других культур. Особенно значимым было бы систематическое сопоставление параллельных обрядовых практик (например, порядок жертвоприношений и службы жрецов/коэнов; обряды возлияния вина и воды на жертвенник и т.д.) в абхазской, древнеиудейской (эпохи Первого и Второго Храма) и христианской традициях: с одной стороны, наличие непрерывной письменной традиции примерно с начала II тысячелетия до н.э. позволило бы более точно и аргументировано осмыслить различия и расхождения между радикальным монотеизмом иудеев,

супремотеизмом абхазов (в определении В.Л. Бигуаа) и триединством теологических представлений христиан, а также – осмыслить конкретные формы тех или иных разрешительных или запретительных заповедей в библейских традициях.

Еще одним направлением исследований могла бы стать реконструкция исторических трансформаций традиционных мифологических представлений в соотнесении с документированными событиями абхазской национальной и политической истории. Несомненно, что актуализация тех или иных представлений связана с конкретными историческими обстоятельствами, по сути дела, являясь инструментом их проработки и адаптации традиционным сознанием, в части возникновения новых сюжетов или качественной трансформации прежних, заключается возможность исторической реконструкции изменений традиционного сознания. Важно при этом исследовать отличия в версиях одних и тех же обрядов и ритуалов, укорененных в различных абхазских общинах, имеющих более или менее активные отношения с соседями и по-разному проживавшими те или иные события абхазской истории.

Наконец, еще одним, наиболее актуальным, на наш взгляд, полем междисциплинарных исследований и проектов могло бы стать современное понимание Апсуара (неписанного нравственно-этического кодекса абхазов), как результата религиозно-философской рефлексии обрядовых и ритуальных практик в современных условиях, по сути, становлении этнокультурного образа Просвещения. Наиболее значимыми аспектами здесь могли бы быть следующие:

1. Текстуализация основных феноменов традиционной устной культуры, создание кросс-культурных комментариев и формирование/исследование корпуса текстов как целостности (с одновременным созданием электронной базы текстов и комментариев к ним).
2. Разработка теории и методики изучения абхазского традиционного наследия в системе общего образования: несмотря на то, что до сих пор именно семья и территориальное сообщество рассматриваются в качестве основных носителей и хранителей традиционной культуры, очевидно, с течением времени и ростом социальной мобильности абхазов, роль этих институтов может снизиться. В этой связи, возникает проблема создания историко-культурного и этнорелигиозного компонента общего образования, который бы позволял абхазской молодежи сохранять язык и культуру предков.
3. Разработка моделей адаптации и стратегий трансформации традиционных ритуальных практик в условиях изменяющегося мира. Действительно, здесь находится один из ключевых вопросов выживания и развития абхазского социума в контексте XXI века: как, сохраняя этнокультурную идентичность, обеспечить мирное и эффективное развитие абхазского общества и культуры в современных условиях. Это потребует междисциплинарных исследований истории становления, проблем и трансформации всех традиционных хозяйственных и политических практик, включая политическое представительство и власть в абхазском обществе; межкультурное и межэтническое взаимодействие в рамках всего черноморского и транскавказского региона; организация отдыха, туризма и паломничества на территории Абхазии, сельскохозяйственное и промышленное производство и т.д.

Эта работа может быть выполнена пространства диалога различных смыслов, этнических, культурных и религиозных традиций. Нам видится необходимой интенсификация межконфессионального и международного диалога об истоках и смыслах развития Абхазии в XXI веке, в том числе, создание постоянно действующей площадки обсуждения этих проблем («Международного абхазского форума»), и эта книга может сыграть важную роль интеллектуального основания будущих дискуссий.

В заключение хотелось бы отметить качество самого издания – текст хорошо отредактирован, есть богатый иллюстративный материал, представлены как аутентичные версии основных ритуальных текстов, так и их переводы на русский язык. Наличие предисловия и заключения придают монографии законченность и внутреннее единство.